

к/х
LE · MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

137

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 137

TRIMESTRIEL

III - 1982

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1983 год

180 Фр. или 40,— \$

250 Фр. или 60,— \$

30 Фр. или 15,— \$

LE MESSENGER

Пожалуйста, сделать денежный
почтовый счет:
11-57 U Paris

4001499

~~СПРАВОЧНИКИ~~

РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

des Etudiants Russes,
France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

137

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001499

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 137

TRIMESTRIEL

III - 1982

БЕССМЕРТНАЯ НАДЕЖДА

Арест Зои Крахмальниковой, в силу чисто-духовного аспекта ее деятельности, несет символический характер: 65 лет после революции советская власть очеривается на всякое проявление независимой духовной жизни, на всякий проблеск христианской надежды. Так недавно было с о. Дмитрием Дудко, явившим образ независимого проповедника. Власть не потерпела свободное христианское слово, вселившее надежду на раскрепощение духовенства, накинута на проповедника и сломила его. В случае З. Крахмальниковой она вероятно будет придирается к той издательской марке ("Посев"), под которой, по чистой случайности, издавались редактируемые ею сборники религиозного чтения: но всем ясно, что за этим предлогом настоящий объект репрессий именно опять христианское слово.

Легко на Западе некоторым недавним эмигрантам иронизировать над призрачностью религиозного возрождения в России. Какое, действительно, может быть религиозное возрождение, адекватное этому слову, когда малейшие его побегии тут же втаптываются обратно в землю. Уместно ли смеяться над тем, что религиозное брожение не разгорается ярким пожаром, когда антихристианская по сущности и по действиям система только и занята тем, что тушит все очаги духовной жизни. Достойно удивления, даже восхищения — обратное: несмотря на чудовищные условия, созданные с самых первых дней революции, духовная жизнь не заглохла, а то и дело, там и тут, иногда стихийно (как в 1941 г. или в 1955 г.), иногда в одиночку, вспыхивает заново.

Ведь до чего обкрадено религиозное сознание русских людей! Оно не имеет свободного доступа ни к Книге жизни, ни к основоположным творениям святых отцов, ни к могучей русской религиозной философии XX века.¹ В этом году исполнилось в России сто лет со дня рождения крупнейшего ученого, мыслителя и богослова о. Павла Флоренского, а также его друга, философа В. Эрн: о них русские люди не услышат ни по радио, ни по телевидению, книг их прочесть не смогут...² На Западе чествуют умбрийского бедняка Франсиска Ассизского (род. в 1182),³ великую испанскую святую Терезу Авильскую (ум. в 1582),⁴ английского бытописателя церковной и политической жизни Антони Троллопа (ум. в 1882).⁵ На протяжении

восьми веков, в пределах небольшой Европы, какой расцвеченный сноп подлинных просветителей! А Россия о них не узнает, ни их сочинений, ни книг о них не прочтет...

3. Крахмальникова чутко озаглавила издаваемые ею сборники — "Надежда". Вот уже десятилетия именно надежду, эту одну из трех основных христианских добродетелей, старательно вытравливают. Еще в начале века французский христианский поэт Шарль Пеги (погибший в первые дни войны 14-го года)⁶ предчувствовал, что надежда станет самой первой и самой трудной из добродетелей. Вопреки апостолу Павлу, он ставил ее выше любви и веры, и писал, вкладывая свои мысли в уста Богу:

...Вера меня не удивляет, говорит Бог, она не удивительна,
Я так величественен в своем творении.
А вот надежда меня удивляет, в себя не могу притти.
Такая маленькая, неприглядная эта девочка надежда.
Бессмертная.
Она, малютка, за собой все и тянет...
Вера видит только то, что есть.
А она видит то, что будет.
Любовь любит то, что есть.
А она любит то, что будет...

Никита Струве

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Случайное исключение или первая ласточка — издание в Советской России "Философии общего дела" Н. Федорова, почти полностью, с добавлением неизданных писем и рукописей, и, пожалуй впервые, с большой буквой для имени Бога? Но увы, даже изданные в Советской России книги русским читателям остаются недоступными.
2. О Флоренском см.: "Вестник РХД" № 135, стр. 39–70, а также "Журнал Московской Патриархии", № 4, 1982, стр. 12–19. Юбилей В. Эрн будет отмечен в следующем выпуске "Вестника РХД".
3. См. в "Вестнике РХД" №№ 116, 117, 118, 119 полный перевод великолепной книги Г. Честертона о Франциске. Самая полная и ценная книга о нем датского писателя Юргенсена никогда не была переведена на русский язык.
4. См. о ней статью Э. Симоно. Заметки о Картеле. "Вестник РХД" № 129, 1979, стр. 57–79.
5. В ближайшем номере "Вестника" мы намерены дать несколько переводов из Троллопа, столь ценимого Львом Толстым.
6. См. о нем статью Льва Зандера. К 50-летию со дня смерти Шарля Пегги. "Вестник РСХД", №№ 72–73, стр. 54–61.

Богословие, Философия

М. Н. СКАБАЛЛАНОВИЧ

МОЛЕБНЫЙ АКАФИСТ СЯТОМУ ДУХУ*

Гл. 6-й. Подобен "Рукописанного Образа".

Кондак 1

Царь Небесный,
Утешитель Божественный,
Дух Истины,
Везде находящийся,
Все наполняющий,
Прииди, Святый,
Вселись в нас,
Очисти нас
От всякия скверны
И спаси, Благий,
Души наши.

Икос 1

Как мне, грешнейшему из людей, воспеть, как постичь Тебя, первая Святыня бытия, Которого самое имя — Святость, Который весь соткан, весь состоит из святости и сияет святостью в самой Пресвятой Троице. Не взыщи, Дух Истины, если я погрешу в Истине, так представляя Твое отношение ко всему существу:

* М. Н. Скабалланович — профессор Киевской Духовной Академии, известный литургист. В 1910 году защитил докторскую диссертацию на тему "Толковый Типикон".

Опора бытия,
 вселись в нас.
Сцепление сущаго,
 вселись в нас.
Непоколебимость вселенной,
 вселись в нас.
Управляющий тяготением,
 вселись в нас.
Источник энергии,
 вселись в нас.
Причина неизменности,
 вселись в нас.
Кристаллизующий минералы,
 вселись в нас.
Уплотняющий металлы,
 вселись в нас.
От Кого ценность золота,
 вселись в нас.
И сияние серебра,
 вселись в нас.
Кем сверкает алмаз,
 вселись в нас.
И переливается сапфир,
 вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси,
Благий, души наши.

Кондак 2

Но не лучше ли, Дух Святой, чтобы млела в полном безмолвии,
благоговении пред Тобою мысль.

Не лучше ли заменить всякое философствование о Тебе тою
песнью, в которую веками вложено столько вздохов, слез и радости,
именно песнью — АЛЛИЛУИА.

Икос 2

Есть один безопасный путь прославления Тебя: это твердо дер-
жаться в речи о Тебе того, что Ты Сам открыл о Себе избранникам

Своим, и что заключил Ты в святые писмена. Посему буду взывать
к Тебе:

Дыхание Вседержителя,
 вселись в нас.
Паривший над хаосом,
 вселись в нас.
Наседкой высидевший мир,*
 вселись в нас.
Кем бурлит жизнь,
 вселись в нас.
Формователь семени,
 вселись в нас.
Прозябатель растений,
 вселись в нас.
Питатель злаков,
 вселись в нас.
Кем трава зеленеет,
 вселись в нас.
От Кого цветок распускается,
 вселись в нас.
Кем роза красива,
 вселись в нас.
Кем лилия наряжается,
 вселись в нас.
И ландыш благоухает,
 вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси,
Благий, души наши.

Кондак 3

Когда Слово рекло Отцу: "Сотворим человека по образу Нашему
и по подобию Нашему",** при этом "Дух соприисутствовал Содетель",
как сказал один св. певец.*** Приими же от Твоих созданий хвалебную
АЛЛИЛУИА.

* Бытие 1, 2. О носившемся над первозданными водами Духе Святом
употреблен еврейский глагол рахаф, означающий "высидывать цыплят".

** Бытие 1, 26.

*** Октоих, канон 2-го гласа, седален по 3-й песни; творение Митрофана
еп. Смирнского, X век.

Икос 3

Дышавший некогда над первозданной бездной, Ты, когда Слово Божие упорядочило ее, отняло у нее первобытную бесформенность и ужасающую пустоту, Ты тогда мог разлиться по материи и одушевить значительную ее часть.

Кем дышит животное,
вселись в нас.

От Кого его поразительный инстинкт,
вселись в нас.

От Кого живучесть рыб,
вселись в нас.

И парение птиц,
вселись в нас.

О Ком щебечут они,
вселись в нас.

Царственность льва,
вселись в нас.

Неустршимость тигра,
вселись в нас.

Стройность газели,
вселись в нас.

От Кого грация коня,
вселись в нас.

И безобидчивость агнца,
вселись в нас.

Кротость голубицы,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси, Благий, души наши.

Кондак 4

Если от Тебя дыхание животного, если не другому Кому, как Тебе, источнику всякого блага, нужно приписать всю ту бездну хорошего, что проявляют животные в душе своей, то от Кого, как не от Тебя, — все то доброе, что имеет человек, и прежде всего способность петь Тебе: АЛЛИЛУИА.

Икос 4

Не Ты ли был то дыхание жизни, которое Бог вдохнул в созданное из земной пыли тело человека. Если так, то прими такие хвалы:

Жизнь человека,
вселись в нас.

Творцом вдохнутая,
вселись в нас.

Кем дышим мы,
вселись в нас.

Сущий и в ноздрях,
вселись в нас.

Кем кровь вращается,
вселись в нас.

Податель жизни,
вселись в нас.

Претворитель ее в силы,
вселись в нас.

Разрушитель глетворного,
вселись в нас.

Хранитель здоровья,
вселись в нас.

Кем врач лечит,
вселись в нас.

И чудодействует исцелитель,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси, Благий, души наши.

Кондак 5

Недолго сохранилось чистым, светлым и достойным Тебя то обиталище, которое Ты уготовал Себе на земле в лице человека. Через 3 000 лет, которые для Тебя, как Бога, все равно, что три дня, Бог вынужден был сказать людям: "Не может Дух Мой обитать в этих людях, ибо они плоть",* но мы, исполненные чрез Тебя Духом Христовым, смело зовем Тебе: АЛЛИЛУИА.

* Бытие 6, 3.

Икос 5

"Свет во тьме светит",* — сказал Ты о прославляемом и споклоняемом Тебе Христе. Так и Ты не переставал проявлять Себя в людях, по крайней мере, в лучших между ними, и после того, как они стали плотью. Особенно, когда эта плоть была утончена в водах потопа. Ты стал для людей, чем имел быть по предназначениям Творца.

Корень ума,
вселись в нас.
Гений творцов,
вселись в нас.
Поющий в певцах,
вселись в нас.
Вещающий музыкою,
вселись в нас.
Восхищающий поэтами,
вселись в нас.
Говорящий в ораторах,
вселись в нас.
Оживитель мрамора,
вселись в нас.
Водящий кистью,
вселись в нас.
Талант зодчего,
вселись в нас.
Душа красоты,
вселись в нас.
Тайна изящества,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси, Благий, души наши.

Кондак 6

Несомненно, не без самого близкого участия Твоего произошло и то совместное великое действие Троицы, в котором, как и при сотворении человека, Слово выступило опять с Своим предложением Отцу: "пойдем, сольем языки их".** Что это так, доказывает Твой

* Ин. 1, 5.

** Бытие 11, 7.

дар языков в Пятидесятницу. Видя в этом даре залог будущего возвращения к первобытному единству языков, взываем Тебе благодарными устами: АЛЛИЛУИА.

Икос 6

Источник всякого блага, одушевляющий всякого человека, от Кого, как не от Тебя, Дух Святой, все то великое и доброе, что делал и делает каждый в отдельности человек и все народы. Посему взываем Тебе:

Двигатель истории,
вселись в нас.
Посекатель зла,
вселись в нас.
Величие народов,
вселись в нас.
Мститель войнами,
вселись в нас.
Кем грозна была Ассирия,
вселись в нас.
Чем неодолима была Халдея,
вселись в нас.
Просвещение египтян,
вселись в нас.
От Кого грандиозность пирамид,
вселись в нас.
Умудривший финикийн,
вселись в нас.
Споспешествовавший персам,
вселись в нас.
Воздвигший Кира,
вселись в нас.
Возвеличивший Александра,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и спаси, Благий, души наши.

Кондак 7

Весь святость и чистота, где Тебе было удобнее обитать, кого полнее Ты мог наполнять, как не лучшую часть человечества, един-

ственно и знавшую и называвшую Тебя даже по имени, избранный еврейский народ, во главе с его родоначальником, научивший нас и бессмертной, как Ты, песни: АЛЛИЛУИА.

Икос 7

Среди этого некогда, поистине, народа праведников были люди особенно достойные Твоей Святости, способные вместить всю силу вдохновения Твоего, имя коих невольно просится на уста с Твоим Святым Именем.

О, если бы и нам хотя частицу, хотя десятую часть того, что Ты дал им. Видишь, как скромна просьба: не то, что просил один из тех носителей Тебя: чтобы Ты был на нем вдвойне, чем на его величайшем предшественнике. Посему просим и молим Тебя:

Оправдавший Авраама,
вселись в нас.
Сделавший его Богодругом,
вселись в нас.
Размноживший его племя,
вселись в нас.
Благословивший в нем народы,
вселись в нас.
Воспитатель Израиля,
вселись в нас.
Выхоливший евреев,
вселись в нас.
Действовавший Моисеем,
вселись в нас.
Руководивший Навином,
вселись в нас.
Кем судьи спасали,
вселись в нас.
Помазавший Саула,
вселись в нас.
Воцаривший Давида,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой гадости и оздорови, Благий, души наши.

Кондак 8

Обильно излился Ты от Самуила через царственное помазание на Саула, впрочем, скоро удалился от него, оказавшегося более подходящим для Твоего истинного противника. Но для Тебя был готов уже другой сосуд, лучший из доселешних земных носителей Твоих, записавший для нас и песнь: АЛЛИЛУИА.

Икос 8

Как величествен этот ряд святых носителей Тебя. Вот когда обнаружилась вся мощь и все богатство Твое, богатство торжества в Тебе. Когда Ты зачат был во чреве пророков и рожден на земле (как) Дух спасения.*

Глаголавший пророками,
вселись в нас.
Огнедышавший в Или,
вселись в нас.
Чудотворивший Елисеем,
вселись в нас.
Благовестивший Исаею,
вселись в нас.
Открывший ему свою семичастность,
вселись в нас.
Показавший ему Еммануила,
вселись в нас.
Поставивший его у креста,
вселись в нас.
Носившийся в буре перед Иезекиилем,
вселись в нас.
Рыдавший в Иеремии,
вселись в нас.
Двигавший царствами через Даниила,
вселись в нас.
Воздвигший Предтечу,
вселись в нас.
Вдохновитель двенадцати,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны, оздорови, Благий, души наши.

* Канон Пятидесятницы 1, ирм. 4.

Кондак 9

После всех необозримых и неисследимых потоков вдохновения, которые пролил Ты на древних избранников Своих, великих пророков Израиля, Ты на целые веки сокрыл от земли лик Свой. То была пора духовного измельчания человечества и в частности избранного народа Божия, когда без одушевления звучала у него и священная песнь: АЛЛИЛУИА.

Икос 9

Что это было за совершенно непонятное отношение, в какое Ты стал к Божественному Сородичу Твоему по Его воплощению. Он ли зависел от Тебя в Своем смиренно-уничужденном виде так, что только по сошествии Твоем на Него при крещении Он получил всю силу и власть Свою.

Или же Он Тебя подавал и обещал, кому хотел, и Ты был в Его власти. Вернее же всего, между Вами было то трогательное единство действия, чрез которое Вы Оба имели наполнить Собою все человечество, чтобы оно восторженно восклицало:

От Кого воплотился Христос,
вселись в нас.
Сошедший на Него на Иордане,
вселись в нас.
Исполнявший Христа,
вселись в нас.
Кем и Он чудотворил,
вселись в нас.
К Кому и Он подготавливал людей,
вселись в нас.
Обещанный им в предсмертный час,
вселись в нас.
Давножданный Утешитель,
вселись в нас.
Первоучитель Истины,
вселись в нас.
Преемник Христа,
вселись в нас.
Охвативший Апостолов,
вселись в нас.
Вещавый ими всеязычно,
вселись в нас.

Перевернувший мир ими,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой гадости и оздорови,
Благий, души наши.

Кондак 10

Какие потоки горения, любви и богословия разлил Ты, когда огненной рекой изошел из Сионской горницы на первобытную апостольскую церковь, когда заговорила ангельскими языками в устах людей. Вот откуда пошла среди людей христиан иноязычная для них песнь: АЛЛИЛУИА.

Икос 10

Тогда же все не только знали, но и чувствовали, едва не глазами видели, едва не руками осязали Твою Божественную красоту, теплоту и чистоту.

Но верим, Ты и нам приподнимешь хотя край покрывала над Твоим ослепительным сиянием, если мы с томительной надеждой будем умолять Тебя:

Основатель Церкви,
вселись в нас.
Проникающий Ее всю,
вселись в нас.
Преисполняющий Ее благодатью,
вселись в нас.
Река даров духовных,
вселись в нас.
Кем говорили Апостолы,
вселись в нас.
Кем превозмогли мученики,
вселись в нас.
Выносливость постников,
вселись в нас.
Кем священники священнодействуют,
вселись в нас.
Кем действуют таинства,
вселись в нас.
Данный нам во святом мире,
вселись в нас.

Пресуществляющий в Евхаристии,
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой гадости и оздорови,
Благий, души наши.

Кондак 11

А какое Твое отношение к ангелам, этим чистейшим духам, которыми, верим, наполнено все около нас, которые, по неложному обещанию Твоему, иногда и ноги наши переставляют, чтобы они не оступились. И все волосы наши имсют на учете. Не слиты ли они все одною мыслью и одною любовью к Тебе так тесно, что тайнозритель мог наименовать Тебя семью духами Божьими. А с ними они сливаются в одной песни к Тебе: АЛЛИЛУИА.

Икос 11

Обращаясь от действий Твоих в мире, Дух Святой, к святым свойствам Твоим, мы боимся потерять зрение духовное, если станем пристально всматриваться в Тебя. Посему предпочитаем просто лепетать Тебе те хвалы, которые сложили древние певцы, более нас достойные хвалить тебя:

Который был всегда,
вселись в нас.

И есть, и будет,
вселись в нас.

Не начинающийся и не оканчивающийся,
вселись в нас.

Живущий и животворящий,
вселись в нас.

Свет и света податель,
вселись в нас.

Самая благодать,
вселись в нас.

И источник благодати,
вселись в нас.

Которым Отец называется,
вселись в нас.

И Сын прославляется,
вселись в нас.

И всеми узнается,*
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и оздорови,
Благий, души наши.

Кондак 12

К этим святым хвалам, которыми оглашает наш слух ежегодно святая Церковь в великий всепраздничный день Пятидесятницы, этот поспраздественный день Святой Пасхи, что прибавить нам, как не песнь, в древности певшуюся только на Пасху: АЛЛИЛУИА.

Икос 12

Но продолжим и заключим наши хвалы Духу Святому вдохновенными Им же глаголами святой Церкви, как и начали мы их такими же словами, ибо в них ошутительнее всего веет дух великого дня Пятидесятницы, дух Духа Святого:

Свет и жизнь,
вселись в нас.

Родник ума,
вселись в нас.

Дух премудрости,
вселись в нас.

Дух познания,
вселись в нас.

Правый и умственный,
вселись в нас.

Бог и боготворящий,
вселись в нас.

Огонь и огненаходный,
вселись в нас.

Говорящий и действующий,
вселись в нас.

Распределяющий дарования,
вселись в нас.

* Стихира хвалитная 2-ая на Пятидесятницу.

О Ком странно услышать,
вселись в нас.

Кого странно было бы видеть,*
вселись в нас.

Приди, вселись в нас, очисти нас от всякой скверны и оздорови,
Благий, души наши.

Кондак 13**

Приди, Святый Дух,
И пошли с небес
Света Твоего луч.

Приди, Отец бедных,
Приди, податель даров,
Приди, свет сердец,

Утешитель предобрый,
Сладкий голос странной души,
Сладкая прохлада.

В труде отдых и покой,
В смятении и смущении успокоение,
В плаче утешение.

О, Свет блаженнейший,
Исполни душ сокровенное
Твоих верных.

Смой, что есть нечистого,
Ороси, что есть сухого,
Исцели, что есть раненого.

Перегни, что есть жестокого,
Согрей, что есть холодного,
Выправь, что есть кривого.

Дай верным Твоим,
На Тебя надеющимся,
Святую седмирицу даров.

Дай добродетели заслугу:
Без Твоей воли ведь
Ничего не бывает в человеке.

* Стихира хвалитная 3-я на Пятидесятницу.

** Секвенция (песнь перед евфолокиєю) — поется на римской литургии в Пятидесятницу. Появилась в XI веке. Автор неизвестен.

ДВЕ БЕСЕДЫ ФЕОДОТА ЕПИСКОПА АНКИРСКОГО

Предисловие и перевод с греческого архим. Амвросия Погодина¹

Предисловие

Святитель Феодот, епископ Анкирский (нынешняя Анкара) был отмечен одним западным историком, как "церковный деятель, пользовавшийся некоторой степенью известности в V веке".² Для нас, православных, он, конечно, гораздо больше, чем это. Он принадлежит к тем героям веры, святым отцам вселенских соборов, которые своей чуткостью в отношении Православия и пламенной борьбой с ересью, — часто в обстоятельствах, далеко не благоприятных для церкви, часто идя против государственных властей, либо не понимавших существа ереси, либо покровительствовавших ей, — отчеканили для нас великое Православие, "веру, ни в чем не имущую недостатка", по выражению одного великого исповедника.³

По мнению одного известного историка церкви, святитель Феодот родился около 381 года и, возможно, был ровесником Нестория.⁴ О его жизни не имеется никаких сведений и имя его появляется в истории церкви в связи с борьбой св. Кирилла Александрийского против ереси Нестория на Третьем Вселенском Соборе (в Ефесе, 431 г.), осудившем эту опасную ересь.

Ересь эта выражалась в том, что Несторий, архиепископ Константинопольский, и его единомышленники отрицали полноту божественной личности Господа нашего Иисуса Христа. Гефеле так суммирует эту ересь: "Несторий вместо признания во Христе человеческой природы с божественной личностью постоянно предполагает связь человеческой личности с Божеством; приковавши свое внимание к целому конкретному представлению о человеке, он не может возвыситься до абстракции — мыслить человеческую природу без личности и соединять просто человеческую природу с божественной личностью. Несторий склонен усвоить Христу личность грешного человечества и только внешне связывает божественную природу с человеческою. Божество не родилось от Девы, а как бы прошло чрез Нее".⁵ Поэтому термин "Богородица" был совершенно неприемлем для Нестория и его последователей. "Нельзя сказать, — говорил Несторий, — "превечный Младенец", или "Бог питался материнским молоком". По Несторию, имя Богородицы неточно потому, что оно порождает мысль, будто само Божество Христово получило начало от Девы

Марии".⁶ С позволения Нестория некоторые его единомышленники доходили в этом отношении до крайностей. Так, один из них в своей проповеди в патриаршем соборе в Константинополе заявил: "Пусть никто не называет Марию Богородицею, ибо Мария была человек, а от человека Богу родиться невозможно".⁷ Один же из епископов Нестория воскликнул с амвона этого же храма: "Если кто скажет, что Мария есть Богородица, да будет анафема!"⁸

Трудами св. Кирилла, архиепископа Александрийского, в Ефесе был созван собор православных епископов в храме во имя Божьей Матери, первом в истории церкви засвидетельствованном храме в честь Божьей Матери,⁹ где, по преданию, некоторое время Божья Мать проживала у св. Иоанна Богослова.¹⁰ Папа Келестин оказал мощную моральную поддержку стороне православных своим посланием на имя св. Кирилла Александрийского, переданном через его легатов. Борьба за Православие на Третьем Вселенском Соборе была трудной и напряженной не только по причине борьбы с еретиком, пользовавшимся покровительством государственных властей, но и по причине крупного внутреннего раскола между самими православными, расколовшимися на "кирилловцев" и т.н. "восточных".

Конечный результат Третьего Вселенского Собора выразился не только в отвержении ереси Нестория, но и в соборном вероопределении, гласящем: "Мы исповедуем, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий Единородный, есть совершенный Бог и совершенный человек с разумной душой и телом, рожденный по Божеству от Отца прежде веков, в последние же дни Он же Самый рожден по человечеству от Марии Девы, нас ради и нашего ради спасения. Единосущный Отцу по Божеству и Он же Самый единосущный нам по человечеству. Ибо произошло единение двух природ. Посему мы исповедуем Единого Христа, Единого Сына, Единого Господа. Сообразно с этой мыслью о неслиянном единении (природ) мы исповедуем Святую Деву — Богородицею, и это потому, что воплотился и вочеловечился Бог-Слово".¹¹

И хотя, таким образом, Третий Вселенский Собор занимался христологическим вопросом и вопрос наименования Пресвятой Девы Марии Богородицей был только косвенным в этом отношении — потому что вопрос шел не о Божьей Матери, а о лице Богочеловека, — однако, торжественно утвердив за Пресвятой Девой Марией Ее прекрасное наименование "Богородицы", этот собор положил начало всемирному прославлению Божьей Матери как "истинной Богородицы". Четвертому Вселенскому Собору принадлежит поразительное по силе определение о двух природах в Богочеловеке, которое, ко-

нечно, выше и, если можно сказать, утонченнее подобного же определения, которое было вынесено на Третьем Вселенском Соборе. Но именно Третьему Вселенскому Собору принадлежит честь утвердить за Пресвятой Девой Марией наименование Богородицы. Профессор А.В. Карташев пишет: "Самой драгоценной, иконной чертой достижения Третьего Вселенского Собора является освящение имени и осознанного культа Богородицы, как воплощенной вершины догмата об обожении человека. Под этим знаком Собора Пресвятой Богородицы Ефесский собор и вошел в сознание церковных масс. Памятником этого, например, является древняя римская Санта Мариа Маджоре, перестройка которой Ксисом III, как гласит посвятельная надпись, произведена для увековечивания триумфа богородичного догмата в Ефесе".¹²

И вот, в этой славной борьбе за Православие на Третьем Вселенском Соборе видное место занимает святитель Феодот Анкирский. Как замечает Барденгеве, святитель Феодот, некогда бывший личным другом Нестория, после впадения того в ересь стал его решительным противником на Ефесском соборе.¹³ Он был пламенным защитником наименования Пресвятой Девы Богородицей, как это отмечают мнр. М. Жюжи¹⁴ и М. Обино.¹⁵ Вместе с еще одним епископом Феодот Анкирский старался в частной беседе с Несторием убедить его отказаться от своей ереси, но это был напрасный труд. Тогда он выступил перед отцами собора с обличением Нестория. Затем в делегации из 8 епископов св. Кирилл направил его к царской власти в качестве представителя большинства православно-мыслящих на Третьем Вселенском Соборе. Здесь ему удалось дипломатическим тактом сгладить допущенную св. Кириллом в отношении властей некоторую резкость, которая могла бы повредить православной стороне. Галанд особенно ценит то, что Феодот Анкирский был первым, кто приветствовал легатов Папы Римского: "Известно, что Феодот много и часто выступал с речами перед отцами Ефесского собора; но особенно следует заметить то, что, когда в Ефес прибыли легаты Папы Римского, он был первый, кто произнес речь в похвалу Папы Келестина".¹⁶ После возникшего среди православных иерархов раскола, Феодот Анкирский всецело стал на сторону св. Кирилла и велел своей пастве не принимать в храмы отколовшихся от великого Александрийского архиепископа. Как ближайший сторонник св. Кирилла, он был отлучен от церкви "восточными" на их соборе в Тарсе. Об этом читатель найдет сведения у Барденгевера,¹⁷ у Абрамовского¹⁸ и особенно у Брайта.¹⁹

Св. Кирилл ценил святителя Феодота. В одном из писем он называет его своим "сподобником". В письме к святителю Феодоту он

пишет: "Не следует скрывать твоей святости". И в Апологии на имя императора Феодосия он же рекомендует ему святителей Феодота Анкирского и Акакия Мелитинского, как "святых епископов, засвидетельствованных во всех добродетелях, и совершеннейших знатоков Св. Писания".²⁰ Св. Софроний, патриарх Иерусалимский, вспоминает святителя Феодота, как святого.²¹ Последний раз о нем слышно в 438 г., что вытекает из письма св. Кирилла, числящегося под № 68.²² Умер он между 438 и 446 гг., поставив после себя в епископа чело- века, испытанного в Православии.

Прот. Г. Флоровский так отзываясь о св. Кирилле Александрийском: "Жизнь св. Кирилла, насколько мы ее знаем, почти до конца растворяется в истории его времени. Мы знаем о нем почти только как о борце с несторианством, и на это действительно ушли его главные силы".²³ Это же в еще большей степени можно сказать относительно Феодота Анкирского, о жизни которого мы совершенно ничего не знаем ни до, ни после Ефесского Собора. Галанд пишет, что святитель Феодот "просиял благочестием и особенно учением между гг. 430—440".²⁴ Справедливо замечает Барди, что после Третьего Вселенского Собора "Феодот возвращается в тень, из которой на мгновенье его привело выйти дело Нестория".²⁵

Как велик, однако, был авторитет святителя Феодота Анкирского, видно из факта, что его труды были известны отцам Седьмого Вселенского Собора. Когда иконоборцы сослались на то, что Феодот Анкирский писал, что "лики святых выражены в их добродетелях, а не в их изображениях", то православная сторона привела все известные ей письменные труды святителя Феодота, в которых эта фраза не могла быть найдена;²⁶ так сбылось то, что святитель некогда писал: "Никогда ложь не войдет пред лице Божие".²⁷

Из творений святителя Феодота многие его омилии и писания полностью утеряны.²⁸ Еще во времена Седьмого Вселенского Собора (787 г.) существовали его "Шесть книг против Нестория" и ряд омилий, ныне утерянных.²⁹ Еще раньше было утеряно сочинение Феодота Анкирского "Три книги о Святом Духе", в которых были приведены свидетельства из Св. Писания, говорящие о равенстве Духа Святого в отношении Божественной природы с Отцом и Сыном.³⁰

До нас дошли следующие творения святителя Феодота: "Толкование Никейского Символа Веры"³¹ и 7 омилий (бесед): три — полемического содержания, произнесенные еще во время Третьего Вселенского Собора (омилии 1—3), омилия о Богородице и о Симеоне (4-я омилия), омилия на Рождество Господа нашего Иисуса Христа

(5-я омилия), омилия о Святой Марии Богородице и о Рождестве Христовом (6-я омилия) и омилия на Крещение Господне. Омилии 1—3 являются неоспорно творением святителя Феодота. Омилии 4—6 не всеми признаются за подлинное творение Анкирского святителя. Омилия 7-я, также приписываемая святителю Феодоту, была издана в самое последнее время. Омилии 1—4 находятся у Миня: греческий текст и латинский перевод.³² Омилии 5-я и 6-я до недавнего прошлого были известны только в латинском переводе. В 1926 г. греческий текст 6-й омилии был издан мнср. Жюжи в "Patrologia Orientalis" т. 19 стр. 318—335; Bardy,³³ Camelot³⁴ и Aubineau³⁵ подвергают сомнению подлинность этой омилии как сочинения Феодота Анкирского; в то время как мнср. Жюжи считает подлинность ее неоспорной и высоко отзываясь о ней.³⁶ В 1960 г. греческий текст 5-й омилии был издан М. Aubineau в "Orientalia Christiana Periodica" т. 26 (1960).³⁷ Издатель полагает, что из всех 4 омилий, приписываемых Феодоту Анкирскому, но все же вызывающих сомнения относительно его авторства, эта омилия скорее всего может считаться подлинной.³⁸ 7-я омилия была издана в греческом оригинале в сопровождении французского перевода тем же М. Aubineau в 1974 г. в "Recherches Patristiques", стр. 100—111.

Ниже, в нашем переводе греческого текста на русский язык, читатель найдет две беседы, приписываемые Феодоту, епископу Анкирскому, числимые за №№ 5 и 6.⁴⁰

Говорить об учении Феодота, епископа Анкирского, — достаточно трудно, поскольку его главные сочинения утеряны. Но на основании того, что сохранилось, можно вывести некоторые заключения об учении этого выдающегося деятеля Третьего Вселенского Собора. Во-первых, святитель Феодот был поборником догмата о божественном достоинстве Святого Духа, как равного по божественной природе и по достоинству Отцу и Сыну, и в этом он наиболее близок со св. Григорием Богословом.

Далее, святитель Феодот горячо настаивал на утверждении за Пресвятой Девой Марией наименования Богородицы. Его учение в этом смысле совершенно тождественно с учением св. Кирилла Александрийского.

В одном из своих сочинений святитель Феодот пишет: "(Ты спрашиваешь:) неужели Мария родила Бога? — Да, Бога — но в той форме снисхождения, которую Он воспринял ради нашего спасения. Ты отвергаешь эту благодать; но этим самым ты теряешь свое спасение: потому что в этом-то и тайна спасения, что Бог явился во плоти".⁴¹ Или вот, например, еще одна выписка: "Ты говоришь, что Богу достойно обитать на небесах, а человека считаешь недостойной

обителю для Его обитания. Но суди вещи по истинному положению вещей, а не по пристрастию и по предположению. Скажи же мне, что — возвышеннее: небо или человек? — Не ссылайся мне на блеск стихий, и внешнюю красоту не предпочти истинному положению вещей; не изумляйся яркому сиянию солнца; и пусть тебя не смущает то, что я — как говорит праведный Иов — одет в кожу и плоть; но прими во внимание благородство разумной души; посмотри, как человек устроен, и подивись жизненному в нем началу. Он обладает умом, могущим держать в повиновении все живые существа и владychествовать над ними; он приял руки, служащие мудрости души, которыми, как инструментом, производятся всевозможные искусства. Он единственный из всех созданий был создан свободным от всякого принуждения; единственно только человека Бог сотворил господином своей воли. Разве ты не видишь, что солнце пробегает положенное ему течение? не замечаешь ли, что это вращение его всегда одно и то же? Почему же это так? — Да потому, что оно не является господином своей воли. А ты двигаешься свободно; делаешь, что хочешь; не имеешь необходимости, которая бы тебя принуждала насильно делать то или другое; потому что душою ты — свободен. Солнце является рабом необходимости; человек же обладает свободой воли. Так что же лучше — скажи мне — раб или свободный? Находящийся ли под игом необходимости, или свободный от какой-либо необходимости? — Поэтому нет ничего удивительного, ничего невероятного, если Бог возобитал в человеке, которого, создав по Своему подобию, сразу возлюбил”.⁴²

Галанд пишет, что некоторые утверждали, что Феодот Анкирский учил об единой, а не о двух природах в Спасителе; но он доказывает, что это — не так: святитель Феодот говорил об одном лице Господа нашего Иисуса Христа, сущего в двух естествах.⁴³ Абрамовский так говорит об учении святителя Феодота: “Он стоял на точке зрения учения о двух природах в лице Господа нашего Иисуса Христа — божественной и человеческой — как об исходном пункте Его деятельности (Aktivitätzentrum). Он уклонялся от исследования вида соединения этих двух природ в лице Господа Иисуса Христа, относя это “к делу, превышающему ум” и “к чуду”. В этом смысле он толковал и чудо девического материнства Божьей Матери, относя это к выраженной в этом чуде аналогии соединения двух природ во Христе”.⁴⁴

Относительно же стиля писаний Феодота Анкирского можно сказать, что в них отражается глубокая богословская образованность и несомненный дар речи; но полемический дух и многократные

повторения одного и того же — несомненная дань времени — иногда нарушают красоту и возвышенность его речи. Вот эта смесь двух стилистических элементов и послужила тому, что его сочинения оцениваются читателями либо с похвалой, либо с порицанием.⁴⁵ Так, старинный издатель церковных сочинений Е. Dupin говорит о стиле святителя Феодота: “Стиль его краткий и сдержанный; он полон тонких мыслей. В нем больше чувствуется логик и диспутант, чем оратор или проповедник. В его писаниях положительно нет ничего замечательного, но в них можно заметить много искусства и тонкости”.⁴⁶ С другой же стороны, известный литературовед Cave хвалит легкость и богатство стиля святителя Феодота.⁴⁷ Mnsr. Jugie дает высокую оценку издаваемому им греческому тексту 6-й омилии Феодота Анкирского: “Она действительно заслуживает того, чтобы увидеть свет в греческом оригинале. И с точки зрения литературной, как и по глубине учения, она идет рука об руку с лучшими произведениями греческого церковного красноречия”.⁴⁸ Наш обзор стиля святителя Феодота закончим словами Галанда: “Vide tu ipse, lector, et judica”.⁴⁹

В заключение мне хотелось бы помянуть о той поддержке со стороны простого православного народа, которая была оказана св. Кириллу Александрийскому и его сподвижникам в их борьбе с ересью Нестория. Вряд ли большинство народа понимало тонкость христологического спора и порочность мудрования Нестория и его единомышленников в отношении догмата о двух природах в лице Господа нашего Иисуса Христа. Но народ сразу перенес это в плоскость оскорбления Божьей Матери и ополчился против Ее оскорбителей, защищая тем самым Православие. В этом-то и сила Православия: с одной стороны — святые отцы, иерархи-богословы, пастыри вселенские; а с другой — поддержка их со стороны редкостной, так сказать, компасной чуткости православного народа, уклоняющегося от ереси и встающего на защиту православной церкви. В римской церкви догматы диктуются свыше послушному народу; в православной же церкви догматы созидаются единением православной мысли у иерархов-богословов и православного чутья простого православного народа. Сила Православия и состоит в соборности, которой руководит Святой Дух.

Когда Несторий, архиепископ Константинопольский, с амвона своего собора стал проповедовать против наименования Божьей Матери Богородицей, то, по свидетельству историков, весь народ заволновался. Выступления его единомышленников вызывали большое смущение в народе, вызывали споры и раздоры.⁵⁰ Когда, по

наущению Нестория, его сподвижник, епископ Дорофей, в его присутствии дерзнул громкогласно в соборной церкви Константинополя возгласить: "Если кто скажет, что Мария есть Богородица, да будет анафема!" — то при этих словах весь народ выбежал с воплями из церкви, убегая от лица и гласа нечестивых пастырей.⁵¹ Известно, что перед самым открытием Ефесского собора, матросы, привезшие на кораблях св. Кирилла Александрийского и верных ему православных архиереев, заводили ссоры с "людьми Нестория". Толпа была всецело на стороне св. Кирилла.⁵² Когда Несторий потребовал от Ефесского епископа Мемнона предоставить ему один из храмов города для собрания, то опять же весь народ ефесский не допустил сего и своей кровью защитил храм от вторжения еретиков.⁵³ Но вот наступило 1-е заседание Ефесского собора. Заседание продолжалось с утра до поздней ночи. Народ, в неописуемом волнении толпясь вокруг церкви, в которой происходило заседание собора, ожидал окончания собора и, узнав его решение, бросился к ногам епископов, целуя их и как бы благодаря за прославление Пресвятой Девы Богородицы. Народ проводил епископов с факелами, среди благовонных курений, и весь город был освещен в эту ночь лампами.⁵⁴

Наконец, после завершения Ефесского собора и после примирения между св. Кириллом и "восточными", когда в Александрию прибыл представитель "восточных" Павел, епископ Эмесский, и в присутствии св. Кирилла говорил проповедь в строгом духе Православия, выраженного на Ефесском соборе, то народ громко одобрял его. Сохранился документ, содержащий проповедь и реакцию на нее народа. "Павел Эмесский говорит: "О, чудо! Дева рождает, и пребывает оставаться девой; становится Матерью, но не испытывает всего того, что — присуще матерям. Да, Дева родила по закону, присущему женщинам, однако пребывает оставаться девой, как этого не знает закон, присущий родительницам. Издревле предвидя это чудо, пророк Исаия воскликнул: Се Дева во чреве приемет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил. Поясняя это, евангелист привел и перевод сего слова, т. е. — с нами Бог. Следовательно, БОГОРОДИЦА МАРИЯ рождает Еммануила!" Народ закричал: "Вот это есть правая вера! Это — дар Божий, о, православный епископе; это мы искали услышать. Кто не говорит так, да будет анафема!" И далее, в продолжение этой речи, народ прерывает его словами: "Добро пожаловать к нам, православный иерарше, достойный — к достойному (св. Кириллу)".⁵⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эту мою работу я имею честь посвятить памяти А. Пимоненко, первого русского богослова, который оценил значение святителя Феодота, епископа Анкирского, и сделал перевод его творений. Об его рукописи-диссертации упоминается в "Трудах Киевской Духовной Академии" за 1897 г. Эта рукопись, содержащая также и перевод творений святителя Феодота, так и не была издана, и сохранилась ли она вообще в архивах Киевской Духовной Академии, сохранились ли и самые архивы Академии — неизвестно. См.: Архимандрит Киприан Керн: Les traductions russes des textes patristiques. Chevetogne, 1957, p. 50.
2. Nuova Enciclopedia Italiana. Torino, 1887, vol. XXI, p. 1158.
3. Послание св. Марка Ефесского к настоятелю Ватопедского монастыря, II. См.: архим. Амвросий. Св. Марк Ефесский и Флорентийская Уния. 1963, стр. 354.
4. L. Abramowski. Lexicon für Theologie und Kirche. 1965, vol. X, p. 51.
5. М. Поснов. История Христианской Церкви. 1964, стр. 301, 302.
6. А. В. Карташев. Вселенские Соборы. 1963, стр. 301, 302.
7. М. Поснов, ук. соч., стр. 382.
8. А. Норов. Путешествие к Семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. 1847, стр. 265.
9. А. В. Карташев, ук. соч., стр. 330.
10. Синодальное Послание Ефесского Собора. См.: А. Норов, ук. соч., стр. 246, 247.
11. А. В. Карташев, ук. соч., стр. 345, 346.
12. Там же, стр. 352, 353.
13. Bardenhewer. Geschichte der Altkirchlichen Literatur. 1962, т. 4, p. 197.
14. Mnsr. Martin Jugie. Patrologia Orientalis. т. XIX (1925), p. 289.
15. Michel Aubineau. Recherches patristiques. 1974, p. 63.
16. Galland. Notitia. Veterum Patrum Bibliotheca, т. IX, prol. p. XVII. Apud: Migne. P. G. t. 77, col. 1309.
17. Bardenhewer, op. et loc. cit.
18. Lexicon für Theologie und Kirche. т. X, p. 51.
19. W. Bright. The Age of the Fathers. 1970, vol. II, p. 313—354.
20. Galland. P. G. 77, col. 1309—1310.
21. Ibid., col. 1309 A.
22. L. Abramowski, op. et loc. cit.
23. Г. Флоровский. Византийские Отцы V—VIII вв. Париж, 1933, стр. 49, 50.
24. P. G. 77, col. 1309 A.
25. G. Bady. Dictionnaire de Theologie Catholique. т. 15/1, p. 328.
26. Gervais/Dumeige. Histoire des Conciles Oecumeniques. Paris, 1978, т. IV, p. 86.
27. Homilia VI c. 8. P. G. 77, col. 1421C.
28. Nuova Enciclopedia Italiana, loc. cit.
29. По свидетельству диакона Епифания на Седьмом Вселенском Соборе. См.: Mansi. Sac. conciliorum nova et amplissima collectio. Том VIII: Conc. Nic. II.
30. Expositio Symboli Nicaeni. Cap. 24. P. G. 77, col. 1348.
31. P. G. 77, col. 1313—1348.
32. Ibid., col. 1349—1412.

33. Bardy, op. cit., p. 329.
34. P. T. Camelot. *New Catholic Encyclopedia*. 1966, т. XIV, p. 27–28.
35. Aubineau, op. cit., p. 96.
36. *Patrologia Orientalis*. т. XIX, p. 291.
37. Потом была издана в его труде *Recherches Patristiques*, 1974.
38. Aubineau, op. cit., p. 97.
39. P. G. 77, col. 1431–1432.
40. Греческий текст обеих омилий был издан в вышеупомянутых трудах Обино и мнср. Жюжи. Латинский их перевод был издан в переводе Комбефиса в *Bibliotheca concionatoria* в 1662 г. и переиздан у Миня, P. G. 77, col. 1411–32.
41. *Expositio Symboli Nicaeni*. P. G. 77, col. 1320.
42. *Homilia II in die Nativitatis Domini*, cap. 9. P. G. 77, col. 1380.
43. Galland apud Migne. P. G. 77, col. 1311–1312.
44. Abramowski, op. et loc. cit.
45. Galland apud Migne. P. G. 77, col. 1314.
46. E. Dupin. *Nouvelle Bibliotheque des Auteurs ecclesiastiques*. Paris, 1702, т. III/ partie II, p. 164.
47. Cave. *Histor. litt. s. a.* 430. Cit. in: *Nuova Enciclopedia Italiana*. loc. cit.
48. Mnsr. Jugie, in: *Patrologia Orientalis* XIX, p. 291.
49. "Посмотри сам ты, читатель, и суди". P. G. 77, col. 1314.
50. М. Поснов, ук. соч., стр. 382.
51. А. Норов, ук. соч., 264–265.
52. Карташев, ук. соч., стр. 328.
53. А. Норов, ук. соч., стр. 267.
54. Там же, стр. 268.
55. Pauli Emeseni episcopi, *homilia I*. Migne. P. G. 77, col. 1436 BC.

БЕСЕДА НА РОЖДЕСТВО ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА¹

I. Сегодняшний праздник является матерью всех праздников. Потому что сегодняшний день является исходной точкой всего круга праздников. Потому что если мы празднуем память мучеников,² то сегодня родился Тот, о Котором они свидетельствуют, полагающий начало сим празднествам; если мы торжественно творим память Страстей Христовых, в силу которых мы приняли исцеление, то сегодня пришел в наш мир Претерпевший их, став человеком, дабы сострадать людям. Ибо и прежде рождения (во плоти), конечно, Он был Бог и был у нас, но не был зрим нами. Был с нами, но мы Его не видели. Потому что говорится: "В мире бе, но мир Его не позна".³ Итак, Он был у нас, и не был видим нами; а после рождения во плоти Он присутствует с нами, как и всегда присутствовал, и мы Его зрим. Поэтому мы и называем это пришествие Его — явлением. Поэтому (говорится, что) тогда Он пришел к нам, поскольку мы возмogli Его видеть; тогда Он пришел и к незнавшим Его, поскольку теперь они

могли познать Его. О, конечно, Он раньше был с нами в присущем Ему (божественном) естестве, но для меня не было явным Его присутствие, так чтобы я мог Его видеть. Ныне же Он стал видим для нас, и пришел к нам Тот, Кто в действительности и раньше был с нами. Поскольку же мы не ведаем того, кто явно не явлен нам, и поскольку мы не таковы, чтобы возмogli видеть Его, то Тот, Кто в Своем божественном существе остался невидимым для нас, как человек — стал видим. И Сущий всегда рождается здесь, дабы Ты познал Его как Существующего, а не для того, чтобы с рождением вступить в бытие. Итак, если мы празднуем память мучеников, то сегодняшний день есть мать их празднеств; если мы торжественно совершаем память Страстей Пострадавшего нас ради, то Претерпевший их сегодня вступил в нашу жизнь и делает нынешний праздник, так сказать, старшим, чем памятование Его Страстей; если мы торжественно совершаем памятование Его животворящей смерти, то ныне пришел Тот, Кто ради нас имеет отдать Себя смерти; если совершаем великий праздник Воскресения Его, которое Он нам даровал, дав Себя в начаток имеющим в будущем воскреснуть — потому что в Нем воскресло все естество в подтверждение обетованного общего всех воскресения, — то сегодняшний праздник и оногo праздника является старшим. Вот, поистине, Спаситель восстал тридневен от гроба, разверзши не только Свой гроб, но раскрыв и многие гробы святых.⁴ Потому что вместе со Своим гробом Он отверз и гробы святых, дав Свое Воскресение в ручательство общего воскресения; но — о, как это чудесно! — когда Он воскрес от гроба, Он разверз гробы, а родившись из чрева, не разверз ложесна. Так, восстая от смерти и из недр земли, Он разверзает могилы; рождаясь же от Девы, Он не разверз ложесна, но и рождается, и вместе с тем оставляет недра Девы заключенными. Но почему это? — хочу знать (говоришь ты). Потому что я вижу, что и ты хотел бы это знать. Какую причину мы указываем тому, что гробы были отверсты, а девические ложесна не были отверсты? Ту причину, что Его Воскресение явилось причиной всеобщего воскресения; а чудо Его Рождества произошло только в отношении Его единого, и ни для кого из рождающихся не свет не является уделом. Потому что Он — Присносущий и Вездесущий — единственный, кто так родился; а мы только с рождением приходим в эту жизнь. И для нас действительно началом бытия является рождение; а для Него — Рождество было началом не бытия, а — явления миру. Итак, поскольку Его Воскресение стало общим воскресением, Рождество же Его было исключительным делом, то для всех отверзаются могилы, ложесна же Его Матери не разверзаются, сохраняя только

для Христа это чудесное рождение: Она стала Матерью, родивши Младенца-Отроча; пребыла же Девой, как родившая Слово, ставшее плотью. Итак, Дева явила Рожденного от Нее как Человека и как Слово; став Матерью, Она явила Человека; пребыв же Девой, Она представила Его и как Слово, Чем Он и был прежде: потому что и то Он не оставил, и это восприял. Так и Дева пребыла девой, чем и была, и стала Матерью, чем Она не была прежде; потому что Она имела родить Того, Кто оставался быть Богом и вместе с тем стал Человеком.

2. Итак, не сплетай рассудочных изысканий относительно Божиих чудес и не вноси сомнений относительно превосходящего ум домостроительства (Воплощения Сына Божьего), каковым сомнениям в делах веры следуя, ты потерпел кораблекрушение. Потому что, отдав себя рассудочным мыслям и, как корабль, оставив незыблемую веру и желая своими изысканиями вплавь переплыть пучину Божьих чудесных знамений — оставив безопасность корабля и в то же время не довлея для того, чтобы переплыть море — ты, в силу необходимости, обрекаешь себя на то, чтобы утонуть. Ты спрашиваешь меня: как Родившийся остался быть Богом? В свою очередь и я спрашиваю тебя: как Дева пребыла девой, как и было до сего, и при этом стала Матерью? Это ты видишь, а в то — веруй. Потому что видимое служит показателем того, что — невидимо. Однако, обратим наши мысли к евангельскому слову, оттуда черпая для вас повествование.⁵

3. "Иисус Христово рождество, — говорит евангелист, — сие бе".⁶ Так говорит евангелист Матфей, ведая Христа предвечным Богом, а ныне повествуя об Его рождении. Знай это, говорит он: Его я описываю словами, Кто — Присносущный, а ныне — Родившийся. Я повествую, говорит он, о Рождестве Присносущного, рожденного от Присносущного Отца. Говорю "Рождество" не в понятии Его первобытного существования, а в понятии того, Кем Он стал в последнее время. Рождество, стало быть, повествую тебе, которое Он изволил приять ради меня и по моему образу. Повествую тебе, таким образом, рождение, свойственное мне, которое мой Творец с любовью приял. "Обрученной бо бывши Матери Его Марии Иосифови, прежде даже не снитися има, обретесе имущи во чреве от Духа Свята". Но почему Иисус имел родиться от Девы не незамужней, а именно от замужней рождается? Это — достойно изучить, потому что многие предлагают нам этот вопрос, желая узнать, какая польза заключалась в этом замысле? почему Он не родился от незамужней девы, ведь тогда Дева, имевшая послужить Господу в Его рождении, осталась бы выше подозрений? Нет, случилось бы противоположное сему: потому что именно тогда Дева бы подпала под подозрение

народа, если бы не имела защитника в лице Своего Обручника Иосифа. Но Обручником Своим Она имела праведника, дабы он был хранителем Ее девства и вместе с тем свидетелем Ее рождества. Вследствие чего, как Хранитель Ее, действительно сначала заподозрив Ее и посчитав, что он не хорошо оберегал уневещенную ему Деву, он "восхоте тай пустити ю". Но Свидетелем (непорочности) Девы становится Сам Устроитель чуда. Ибо во сне Он говорит Иосифу: "Не убойся прияти Мариам жены твоея: рождшее бо ся в Ней от Духа есть Свята". Ты не поруган, говорит он, храня Деву: потому что рождение Ее является тайной от Духа Святого. Сбывшееся не есть нарушение твоего брака, а наоборот — устранение всякого подозрения в нарушении святости брака (могущее возникнуть у других людей):⁷ Дева есть дева; Слово Божие есть То, что Она чревоносит, Которое, и родившись — потому что Он стал плотью, — не нарушит девственности Обрученной тебе. Итак, Иосиф был хранителем Марии и достоверным свидетелем Ее девства. Вот — по этой причине Господь рождается от обрученной Девы, принимая Ее обручника в свидетеля Ее девства.

4. Если же должно быть так, чтобы тайна совершалась в тайне, то следовало, чтобы и чудо домостроительства (Воплощения Сына Божьего) совершилось чудесным образом. Следовало, чтобы благодать совершилась явно для людей, которые спасаются в ней; но для диавола, который непрестанно злоумышляет против того, что — благо людям, она оставалась скрытой. И, поистине, девство Марии было явно для людей, желающих следовать истине; брак же Ее — как связанный с плотским сожитием — ввел в заблуждение диавола, заключившего, что еще не пришло время для Еммануила родиться, потому что он знал слова пророчества об Еммануиле, о Котором пророк Исаия возвестил как о имеющем родиться от Девы, говоря в одном месте: "Се Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил: еже есть сказуемо, с нами Бог".⁸ Поэтому диавол, услышав, что общая благодать имеет произойти от Девы, всячески преследовал девство, отнюдь не допуская, чтобы целомудрие имело права на существование. Так что у иудеев никаких девственниц не было; ни у еллинов девство не пользовалось уважением, поскольку демон упорствовал, чтобы погасить в людях эту добродетель. Итак, поскольку девство преследовалось со стороны демона, ненавидящего добродетель и в то же время боящегося пришествия в мир спасительной для людей благодати, то поэтому Иосиф принимает Мариам в обручницу и бывает видимость брака, дабы незаметно от диавола Дева пребыла девой, сохраняя Свое девство по божествен-

ному промыслу; и таким образом Дева становится храмом рожденного от Нее Владыки, скрываясь под видом брака и избегая злого умысла со стороны демона. Вот поэтому Иосиф взял Ее в обручицу себе.⁹

5. Но вот Ангел говорит Иосифу: "Не бойся прияти Мариам жены твоея: Рождшее бо ся в Ней от Духа есть Свята". Из этих слов явствует божественное достоинство Святого Духа и явно обнаруживает себя творческая сила Его. Потому что, по словам Ангела, Святой Дух возвещается как Творец Божественного Зародыша во утробе Девы, и от Ангела указывается, что от Него — Святого Духа — происходит Божественный Младенец Христос. Почему и для чего? Потому что Христос стал второй Адам при исправлении Богом преступления первого Адама [потому что Христос именуется "последний Адам", поскольку таким образом Его именует апостол: "Бысть первый Адам, — говорит он, — в душу живу; последний Адам в дух животворящ".¹⁰ И не говорит апостол "второй Адам", хотя и умеет второго Адама противопоставить первому, — но называет Его "последним Адамом", для того, чтобы ты не ожидал какого третьего или четвертого Адама].¹¹ Итак, Господь стал последним Адамом; и поскольку первый Адам был создан Отцом, а последний — создается Святым Духом, то из этого должно познать, что как у Отца, так и у Духа Святого — равная сила. Поистине, первый Адам не был создан без содействия со стороны Духа или Единородного, и был приведен в бытие не только со стороны Отца: потому что в ся Святая Троица сотворила человека; почему Отец и сказал: "Сотворим человека по образу нашему и по подобию",¹² пользуясь Своим Единородным Сыном и Духом Святым, как сотрудником и как советником; то есть Сам Он обращается к Своей Премудрости и к освящающей Силе. Ибо поистине "Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость",¹³ Дух же Святой есть освящающая Сила Творца. Итак, в этих словах — "сотворим" и т.д. — заключается не совет одного к другому, а происходит совещание между лицами Святой Троицы, и Отец принимает в советника и сотрудника Свою Премудрость, и в дело творения человека принимает освящающую Силу, в Которой сохраняется и освящается тварь.

6. "Иисус Христово Рождество сие бе: обрученей бо бывши Матери Его Марии Иосифови, прежде даже не снитися има, обретесе имущи во чреве от Духа Свята". И не сказал евангелист: "Прияла во чреве", — потому что зачатое было не от семени мужского, — но: "обретесе имущи во чреве". Потому что, поистине, Тот, Кто произошел от Нее, является **Обретенем**, спасительным для

всей вселенной. Ибо говорит Евангелие: "Обретесе имущи во чреве от Духа Свята". Он был обретен верою приявшими превосходящее разум чудо домостроительства. Был обретен спасающимися Им; уверовавшими, а не соблазняющимися внешней видимостью. Был обретен — не от человека приявший начало, — но от Духа Святого чудесно родившийся. Первый Адам был сотворен из девственной и необработанной земли; последний же Адам создается из девственного чрева, дабы и в этом Господь стал для верных этим Адамом, исправляя его прегрешения.

7. "Иосиф же муж Ея праведен сый, и не хотя Ея обличити, восхоте тай пустити ю". Эта превосходящая ум Тайна чуть не расторгла обручение. Потому что Иосиф не постигал величия чуда; естественно, что он не мог представить себе то, что было выше и природы, и разума; он даже заподозрил Деву, предполагая, что Ее девство было ограблено. Видя в Ее чреве чудесный Зародыш, Он посчитал, что Ее девственность была нарушена. Чудесное Домостроительство Воплощения Божия он принял за то, что брак Ее был оскраден. Иосиф не понял чуда, и посему желал тайным образом оставить Деву, повинуюсь древнему закону (в отношении брака). Но Ангел устраняет подозрение, простив заблуждающемуся. Оказывает снисхождение подозрению его, потому что Тайна была недоступна для человеческих помыслов. Поэтому он не упрекает Иосифа, как клеветника, но научает его истине, прощая его неведение. Поэтому он говорит ему: "Иосифе, сыне Давидов". Исцеляя его подозрение, он с уважением упоминает его благородное происхождение. Иосиф же, познав Тайну и немедленно поверив Ангелу, и догадываясь, что от Девы имеет родиться Еммануил, и познав, что чрез Деву имеет придти Законодавец, закон о расторжении брака оставил невыполненным, брачные узы не расторг, сам желая стать служителем сей Тайны. Итак, он принимает Деву, и уже не как жену, а как Ковчег — Ковчег, содержащий в себе не скрижали Закона, а — Самого Законодавца. И таким образом Иосиф был при Деве как служитель Тайны и как хранитель Ее девства. Он ведал то, что пророки раньше возвестили. Он знал слова пророков: потому что он был праведник и усердно изучал их слова".¹⁴

8. Но исследуем это пророчество: при каких обстоятельствах оно возвестило это чудесное Рождество. Приведем в среду пророка, объявляющего о Божьем рождении, которое дарует людям спасение. Итак, преимущественно толкуя вам это пророчество, начнем пророческое слово немного выше. Так, пророк Исаия говорит: "Рече Господь Ахазу, глаголя: Проси себе знамения от Господа Бога твоего во

глубину, или в высоту".¹⁵ Проси у Бога, говорит он, чуда или знамения, могущего показать тебе, что Он — Создатель всего. Ищи чуда, дабы ты познал силу Чудотворца. Проси того, что превышает твоё ожидание (*παράδοξον*), что научило бы тебя истине о Боге и сделало бы тебя верным рабом Божиим. Как же поступил верный Богу Ахаз? "Довлеет мне вера", — говорит он. Чтобы иметь ее, я не нуждаюсь в вещественных доказательствах. Я — чадо Авраама, оправдавшегося верою и не искавшего чудес. Авраам, для того чтобы знать Бога, не нуждался в доказательствах путем чудес. Он не имел нужды в чудесных знамениях, которые бы ему возвестили Творца всего. Итак, мне довлеет, говорит он, отеческое наследие. Я желаю быть верным чадом верного Богу Авраама. Я принимаю веру моего предка, и не испытываю любопытства. "Не имам просити, — говорит он, — ниже искушу Господа". — "Я не беру на себя испытывать Божию силу. Вера научает меня тому, что может Бог сделать". Так сказал царь Ахаз. Поскольку же родня Давида, переселившаяся к иудеям, ежедневно требовала от Бога знамений и чудес, примет и показания чудес для познания Бога, то пророк Исаия передаёт Дому Давидову те слова, которые сказал царь Ахаз. "Слышите, вот, — говорит он, — Доме Давидов, что говорит Ахаз: он не требует знамений для того, чтобы верить в Бога; вы же труды представляете Богу, требуя от Него показа чудес и как бы на ристалище и состязания принуждаете Бога, требуя от Него дел, являющих Его силу, и не веруя, если только не увидите чудеса. Это же самое и Господь говорит относительно иудеев: "Аще знамений и чудес не видите, не имате веровати".¹⁶ Это и Исаия явил, порицая родственников Давида. Потому что он говорит им: "Слышите убо Доме Давидов: еда мало вам есть труд даяти человеком, и како даете Господеву труд?" Он порицает упорство иудеев и неразумие требующих чудес, дабы уверовали в Истину. Но поскольку вы, говорит он, представляете Богу арену и состязания, ежедневно домогаясь чудес, то — "Сам Господь даст вам знамение", и, сказав это, он прибавляет, говоря: "Се Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил". Это знамение Он даст, которому поверит весь мир, и единственно только иудеи откажутся верить; которое примут язычники, отвергнет же народ Иисуса Христа.¹⁷ Даст знамение, поистине спасительное для язычников, для неверных же иудеев оно станет причиной их рассеяния. Даст знамение, которое для погибающих является предметом испытания, а для спасающихся принимается верою. Это вот и великий Павел говорит в отношении Креста Господня: "Слово крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божья есть".¹⁸ Это самое и мы говорим, толкуя

чудесное Рождество. Мы возвещаем девственное рождение, для иудеев — соблазн, а для верных — спасение. Итак, Господь даст вам таковое знамение, говорит пророк, которое язычникам, поистине, принесет жизнь, а для иудеев будет соблазн. Видишь, что это Рождество было показанием знамения? Познай из этих пророческих слов обличение иудеев, которые извращают (*τῶν παραχαρᾶτῶν*) это пророчество. Посмотри на творимое ими искажение истинного пророчества. Потому что после того, как Тайна о Христе стала явной (потому что это пророчество указало на Тайну Воплощения Христова, ибо оно предсказало девственное рождение, приводящее к нам Бога;¹⁹ ибо Чревоносимый и Родившийся есть Еммануил, что в переводе с еврейского означает "с нами — Бог"), иудеи, похищая у пророчества этот смысл и лишая слово предсказания о пришествии Христовом, не хотят слышать: "Се Дева во чреве примет", но говорят: "Вот, юная девица (*ἡ δαμαλις*) зачнет", поддельвая пророчество, дабы этим ослабить (лат. пер. — затмить) свидетельство о Христе. Итак, одни из них говорят: "Вот юная девица — *ἡ δαμαλις* — зачнет"; а другие: "Вот, молодая женщина — *ἡ νεάνις* — зачнет"; но никак не употребляют слово Дева — *ἡ παρθένος*, — желая Рождество Христово отделить от пророчества.²⁰ Но пророк говорит так: "Се Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил: еже есть сказуемо, с нами Бог". Ты же обрати внимание и на эту часть пророчества: "Вот" ("се"), — говорит пророк, при этом возвещая нечто, имеющее быть в будущем. "Вот", говорит, как бы видя нечто сбывающееся теперь, что в действительности имеет быть впоследствии. Потому что таково — око пророчества: оно видит будущее, как бы сбывающееся в настоящее время. Таким образом это видя, таким образом он говорит: "Вот" ("се") — вместо того, чтобы сказать: я вижу своими глазами то, что вы слышите от меня сегодня. "Се Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил". Не Иосиф так наречет Его, ни Матерь Его, не нарекут Его так считающиеся Его братьями — потому что даже и те соблазнились о Нем, — но нарекут Его так, конечно, языческие народы, опередившие в вере иудеев. Нарекут Его так те, которые некогда были весьма далеко, а ныне подошли близко к благодати; обращаясь к которым и апостол Павел говорит: "Вы, бывшии иногда далече, близ бысте кровию Христовою".²¹ Итак, эти раньше иудеев нарекут Младенца "Еммануилом", и Родившегося познают, как — "с нами Бог".

9. Так вот говорил пророк о Рождестве Христовом, а Павел — не так; но говорит иначе: "Посла Бог Сына Своего (Единородного), раждаемого от жены".²² Говорит не "от Девы", но — "от жены",

несмотря на то, что пророк в древности возвестил, что Рождение Христа произойдет от Девы. Между тем, всеумудрый Павел говорит, что Сын Божий имел родиться от женщины. Ибо он говорит: "Посла Бог Сына Своего, раждаемого от жены". Что говоришь ты, о, Павле?! Пророк говорит: от Девы; а ты возвещаешь, что Рождение Христово должно произойти от жены? — Да, отвечает он, я делаю обобщение, желая, чтобы благословение это коснулось всего женского рода. Я не говорю "от Девы" для того, чтобы не ограничивать благословение только на одних дев. "От жены", говорю, обозначая, что эта благодать проистекает от всего женского рода, для того, чтобы весь род женщин собрал, как плод, это благословение; а от них чтобы эта благодать передалась и мужчинам, чтобы от того рода, от которого проистекло преступление (заповеди Божией в раю), от него же пришла и благодать, дарующая человеческому роду Царство Небесное, которое да будет всем нам получить, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым вместе со Отцом и Святым Духом слава, держава во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. M. Aubineau, Recherches Patristiques, 1974, p. 224–232.
2. В греческом слове *μάρτυς* содержатся значения "свидетель" и "мученик".
3. Ин. 1, 10.
4. Мф. 27, 52.
5. Ориг.: "Оттуда угощая вас повествованиями".
6. Мф. 1, 18–23.
7. Здесь мы несколько смягчили резкость оригинала.
8. Ис. 7, 14.
9. Святитель Феодот следует мысли, выраженной еще древними богословами, что диавол не знал о девственном Рождестве Христовом; это было скрыто от него. M. Aubineau приводит слова св. Игнатия Богоносца и Оригена. Так, св. Игнатий пишет в послании к Ефессянам, гл. 19, 1: "Князь мира сего не знал о девстве Марии и Ее рождении Сына, как не знал и о последствиях смерти Господней: эти три Тайны были совершены в молчании Божиим". Ориген в 6-й омилии на Евангелие от Луки пишет следующее: "Девственность Марии была скрыта от князя мира сего; скрыто было и относительно Иосифа; скрыто было и относительно Ее брака; скрыто было — потому что он думал, что Она имеет мужа". Эту же мысль находим далее у св. Василия Великого и св. Андрея Критского.
10. I Кор. 15, 45.
11. Скобки здесь принадлежат латин. переводу Комбефиса.
12. Быт. 1, 26.

13. I Кор. 1, 24.
14. Aubineau приводит и иное толкование относительно желания Иосифа тайно отпустить Святую Деву Марию. Св. Василий Великий объясняет это тем, что если Иосиф желал отделиться от Марии, то это было по смирению, из страха быть причастным к такой великой тайне. См.: P. G. t. 33, col. 1464.
15. Ис. 7, 10–14.
16. Ин. 4, 48.
17. В лат. пер.: "род израильский".
18. I Кор. 1, 18.
19. Лат. пер. здесь ошибочно дает — "приводящее нас к Богу".
20. Ориг.: "Удаляя слово от пришествия Христова". Aubineau делает следующее примечание: "Известно уже от Юстина, Ириней и Оригена, что Аквила, Симмах и Феодотион переводили *Αἰμα* как *νεῖμς* (т.е. молодая женщина), а не как *παρθένος* (Дева). Феодот цитирует этот вариант, дорогой для антихристианской еврейской экзегезы, и обозначает даже второй вариант: "*ἡ δάμας*" — очень редко засвидетельствованный (напр., у Епифания. Пинарион, Ереси 30, 30). Aubineau, op. cit., p. 244.
21. Ефес. 2, 13.
22. Гал. 4, 4.

БЕСЕДА В ЧЕСТЬ СЯТОЙ МАРИИ-БОГОРОДИЦЫ¹ И НА СЯТОЕ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО²

1. Только что воссиявшее на востоке солнце услаждает и радует наш взор, и своими лучами целуя со-служебную тварь, должным образом побуждает ее вознести хваление общему Творцу, и вместе с тем оно ласкает своими лучами и умащает лицо земли, делая ее плодородной,³ приняв ее уже умащенной дождем или росой. Так и священным праздникам свойственно воссиявать для нас. Потому что они свыше озаряют души благочестивых духовным светом, побуждают их к славословию Бога и росой апостольских и евангельских слов приводят их к плодоношению добродетели. Но когда дело обстоит таким образом, и закон Моисеев запрещает являться пред лице Господа с пустыми руками,⁴ то что приходится сказать или сделать нам, которые, далеко отступая от должного, ничего не имеем достойного, чтобы принести как плод священному предмету сегодняшнего праздника? Долженствует же, чтобы оскудевающие прибегли к Господу, призывающему их по самоизвольному изобилию благости; как говорит Он: "Расшири уста твою, и исполню я (их)",⁵ и отсюда питомцы церкви почерпнули питьевую и животворящую струю. Так мы и поступим, поскольку и праздник этот мы совершаем в честь Его и наше слово посвящено Ему.

2. Итак, вспомним бывшие от начала чудесные дела Божии и предадим себя размышлению о них, как это и заповедует апостольское предписание, в одном случае говорящее: "Возвестите добродетели (совершенства) из тьмы вас Призвавшего в чудный свет";⁶ а в другом свидетельствуя: "В неже достигохом, то же да мудрствуем";⁷ и не станем опрометчиво устремляться на то, что не приняли (в предании церкви), потому что Истина, чрез своих учеников, ничего не скрыла от нас из того, что служит нам на пользу. Потому что мы достигли в то, что "мнози пророцы и праведницы вожделеша видети";⁸ и что говорим "праведные люди"? мы достигли в то, "в няже желают самые Ангелы проникнути".⁹ Но что же это — такое? Это: примирение людей с Богом, всемирное обращение к Творцу, исповедание всеми одной веры, стечение в единое богослужение, единение в благочестии (в христианской вере), отвержение нечестия; все это соделало спасительное явление Бога во плоти, как научил боговдохновенный Павел, говоря: "Явися благодать Божия спасительная всем человеком: наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце";¹⁰ о ней* в кратком слове — насколько это возможно — мы и будем рассуждать, предварительно восхвалив, согласно обещанию, чудесные дела Божии, от начала совершенные в отношении нас. Потому что в обычае церкви так поступать в этот святой праздник, т. е. (сначала) изложить слушателям историю мироздания, чтобы затем показать, до какой степени было снисхождение к нам Владыки, явленное Им в результате переселения Адама из Едема — в смерть. Потому что когда в древности Бог Вседержитель, чрез Живущего и Единосущного и Ипостасного и Единосильного и Совечного и Неразделимого от Его Божественной природы Сына Своего и Слова, по общему Их совету, прекрасно и вместе с тем соразмерно устроил вместе с небесными высотами также и земную разновидность тварей, и освятил это Всесвятым и Единосущным Его Духом, тогда, при конце творения, Он явно предпочел (всему) желанного и достойного удивления человека, как главу земной твари; человека, который только что приял от Него бытие, будучи создан владычными и пречистыми руками из земли, божественным же дуновением оживотворенный и просвещенный — согласно боговдохновенному повествованию великого Моисея — дабы он владычествовал над подчиненными ему, сущими под небом тварями и управлял миром в преподобии (святости) и правде.

* Т. е. о благодати спасительного явления Божьего во плоти.

Итак, Прекраснейший Создатель, устроив в Едеме и отделив от сущей под небом твари достойный такого великого творения дворец, — дворец, объемлемый самыми истоками света, исполненный безграничного богатства и имеющий в себе насладительный рай, насажденный при исходищах вод, благоухающий цветами окружающих его лугов, и из сущего внутри его изобилия представляющий плодоносные реки в наслаждение для находящихся вне его границ, — особо благодетельствуя творению Собственных рук (человеку),¹¹ украшенному отвечающим ему величием, здесь, как бы в тронном зале, возвел его на престол, — одаренного свободой воли и имеющего под своими стопами все сущее в мире.

Поскольку же в намерение прекрасного начала входило, чтобы при правителе был некий советник и руководитель, а вместе с тем и хранитель его скипетра (державной власти) — дабы по неведению он не сделал ошибки, — то, по мудрому решению, Бог дал ему и его супруге сохраняющую их заповедь, как надежного спутника для них, как промыслителя им благ и путевождя к наивысшим благам; одним словом — дал им заповедь, содержащую в себе весь круг¹² добродетелей, заботящуюся о держащихся ее и сохраняющую соблюдающих ее; делающую внимательными неискушенных; к тому же научающую тех, которые превосходили сущих ниже их, повинению превосходящему всех Владыке, Который почтил их такой великой честью;¹³ наставляющую к смирению тех, которые имели ангельский ум (*τοὺς ἀγγελοφρονας*); пекущуюся же о том, чтобы в царском дворце отсутствовала гордыня;¹⁴ и, как награду за их подвиг, уделяющую им благоволение к ним со стороны Создателя.

3. И вот, когда так обстояло дело, и небесные Силы, составив лики (хоры) вокруг земного царства, восхваляли Трисвятое Могущество, славословили Трисвятое Величие, воспевали Трисвятое Владычество, благословляли Трисвятое Царство, поклонялись Единому Божеству; а земные твари со всей чинностью и единодушием выражали свою покорность и с готовностью несли, как бы рукоположения, соответствующие служению вокруг поставленного им от Бога сего царя и владыки и повелителя; и — одним словом — когда все благоденствовало в прекрасном порядке; тогда т о т, к т о, в результате своей непомерной гордыни в отношении Господа Вседержителя, был извержен из небесных светлостей в хаос, наподобие отброса от закоптившегося фитиля, — не снес того, чтобы без зависти и без злобы взирать на всемирную славу человека; но тотчас же усмотрел в этом нечто ужасное для себя, и, будучи возбужден к ревности и обостря в себе пожирающую его зависть, решил, что он

просто может задохнуться от внутренней ненависти, если только скорее не похитит блеск славы (которую имел человек) и не ограбит его, действуя в противовес соответствующей заповеди (данной человеку от Бога), не стащит его в равную ему пропасть; будучи же "мудрым еже творити злая", как написано,¹⁵ и по своему опыту зная отвращение Бога к надменности, он возбудил ее в человеке в отношении наивысших вещей,¹⁶ дабы тем самым погубить его. Поэтому, надев на себя личину притворного благоволения, он женщину — как более слабой — дает совет, болтая ей чепуху (*αδουρολογῶν*) противно охраняющей их заповеди и изливая на истину ложь: якобы эта заповедь в действительности пагубно удерживает их от вкушения плода, который приведет их к равенству с Богом: что ей, жертве обмана, весьма легко будет познать, если без малейшего колебания она сорвет запретный плод.¹⁷

4. И вот, таким образом сей родоначальник зла, выпалив эту жалкую и ничтожную ложь, чтобы достичь сомнительной славы,¹⁸ сманил ее — как весьма алчную и в то же время неопытную в отношении зла — на самый порог ада, поступая в том же духе, что и насмешники, которые хотели бы посмеяться над невежественными мальчишками; бросая на землю какое-нибудь лакомство и поощряя их подобрать его, они возбуждают в них острое чувство жадности, а затем, когда те нагнутся, чтобы подобрать это лакомство, они пинают их наземь. Итак, поскольку он ложью захватил женщину в плен, как удобную для обмана и по природе склонную к нашептываниям (*πρὸς τὰ ἐψιθυρισμένα*),¹⁹ — ведь это же ужасное дело, что слово, вторгнувшись в душу, как некий обольститель, оказалось в силах склонить волю к совершению запрещенного поступка! — он вооружил дерзкую руку на трепетную Божью заповедь, и запретный плод, как бы обоюдоострый меч, вонзил ей в живот; и вот, исполненная диавольского образа мыслей вместе с его волей, она направляется к мужу, снабженная петлями (для уловления его), и, следуя тому, чему она была злостно научена, и наставляя мужа поступить вопреки своему спасению, она этим предложила ему участь смертника. "Приди усердно, — говорит она ему, — жалкий червяк, имеющий благодаря мне принять сей плод, делающий богами. Вероятно Творец ревнует нашей участи, боясь чтобы мы не возымели власть;²⁰ но только напрасно Он думает, что сможет не допустить нам вкушение сего прекраснейшего плода. Давай же похитим сокровище, и пусть никого не будет, кто был бы выше нас".

И вот, в этом обольстив его, сама быв коварным образом обольщена, она — наподобие чесоточных животных, передающих свою

болезнь от одного к другому, — заразив его приключившимся ей недугом, тем самым приняла супруга спутником в несчастье. Потому что расслабить и покорить волю мужа было в ней животным инстинктом. Но да не будет того, чтобы земля породила иную Еву, убийцу своего мужа! Да не будет того, чтобы тварь опять узрела жену, мечом изгнавшую (из рая) своего мужа! Пусть само воспоминание о сем древнем и некрасивом деле исчезнет с лица земли, и недобрые поступки пусть покроет молчание!

5. Что же сей мудрый муж, Божье изображение, честная глава мира, язык твари, лира, созвучная Ангелам, украшение (или: честь) земли? Став пленником слушания слов Евы, он возгордился духом. Потому что кто из нас отверг бы надежду на славу? И, покинув истинное, он увлекся призраком (выдумкой), и, возмечтав о необоснованной славе, он попал в бесславие; и, если образно изложу начертанное в Писании: обессилив ум и как бы отпустив возжи самомнения, он надругался над божественной заповедью; а на самом деле — как вол был отведен на заклание и как олень оказался пораженным стрелой в печень. Как птица, он устремился в ловушку, совершенно забыв, по нерадению, что вопрос-то шел о самой душе (или: жизни); и, недобрим образом вкусив запрещенный плод, он горьким образом оказался ранен. Поэтому, боясь позора, он, по неразумию, устремился в бегство, и тем, что старался прикрыть преступление, тем самым только усугубил свою вину в грехе. Наподобие тому, как ввавшие в сети напрасно бьются, бросаясь во все стороны, так и Адам, прияв рану в совести, обегал оное блаженное (райское) место, как бы некий стадион для состязаний, будучи томим безвыходностью и стеснительностью своих дерзких поступков.

Но какое бегство ты вообразишь себе, о, отец и корень нашего естества? Кто убежит от Неизбежного? Кто возможет скрыться от все Содержащего? "Бог приближаясь Господь Бог наш, и не Бог издалеча".²¹ Укроется ли кто в сокровенных местах, и Он не увидит его? "Не небо ли и землю Сам Он наполняет?"²² Зачем тебе, как вору, скрываться под смоковницей, о, первый насельник рая? Зачем тебе прятаться под деревом, о, начальник мира? О, припади к благому Владыке, "исповедуя на тя грех твой";²³ милость Божья предварит твоё покаяние; спасение будет скорее твоей молитвы. Не отлагает Свою милость Многомилостивый, когда к Нему прибегают с молитвой; Господь умеет поддержать сокрушенных сердцем. О, если бы так все и произошло, а не стал бы ты выдумывать увертки в отношении грехов!

6. Как же ответила на это наблюдающая все Правда, скорейшая на милость и медлительнейшая на гнев? Призывает думавшего, что

он скрылся, Пастырь Добрый; призывает, как заблудшую овцу, и дает ему возможность чистосердечно исповедать свой промах, и не гасит тотчас же жизнь того, кто сам себе вынес смертный приговор, дабы тот не подумал, что этот смертный приговор был вынесен ему по пристрастию.²⁴ Поскольку же обольщенный²⁵ не обратился с покаянием и просьбой о прощении, а устремился к самооправданию и приводил всякие вымыслы, чтобы показать, что якобы у него не было никакой нужды скрываться, то Бог отпустил его в то состояние, которое тот избрал себе, выселив его из рая; и присуждает его на тяжкую борьбу с противником, которого он добровольно допустил к себе, дабы он уже больше не допускал проникать главе сидящего в засаде, чтобы тот подставлял ему ногу; и вместо уготованной ему в награду торжественной одежды (*στολή*), которую бы он получил после подобающей борцу борьбы, он облакает его грешную плоть мертвой кожей: вместо же более твердой пищи,²⁶ которая была уготована совершенному возрасту после упражнения чувств, он предал его многоболезненному образу жизни. И тяжело обремененный этим преступник (заповеди Божьей)²⁷ занял место жительства вне царских палат, представляя собою горестное зрелище для подчиненной ему твари: царя и воеводы, раненного в бою.

7. Выслушаем же это, любители истины, и вонмем, делатели благочестия, — какое великое зло быть уязвленным гордостью.²⁸ Будем бежать, братие, будем бежать от подражания осужденным (нашим праотцам). "Не думайте о себе более, нежели должно думать,²⁹ ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничем, тот обольщает сам себя;³⁰ облекитесь в смиренномудрие друг ко другу".³¹ Пусть, по безрассудству, не порицается учение апостола Павла; пусть никто не бахвалится в ложных учениях, усвоив себе, будто бы прежде нынешнего сотворения (человека) было некое предсуществование: потому что это все — басни еллинской мифологии и иллюзорные насмехательства со стороны диавола, который таким воззрениям учит своих последователей, относительно чего справедливо было написано: "Почто гордится земля и пепел?"³² И опять же чрез нас призывает вас ныне наш начальник хора и учитель тайн. "Не ходите, якоже языцы ходят в суете ума их, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божией, за невежество суще в них, за окаменение сердец их, иже в нечаяние вложшися, предаша себе студодеянию в делание всякия нечистоты в лихоимании".³³ Мы же относительно создания человека и потомства от него учим не так (как языческие философы), но — согласно тому, как прежде них возвестил

это Моисей. Если же кто оспаривает подлинность того, что написал Моисей, тот, этим самым, решительно отвергает Того, Кто божественно возвестил ему; именно как это и делает эта "Египетская Заноза", я имею в виду — Оригена.³⁴ О, какое великое заблуждение! О, какое неслыханное бесстыдство (так учить)! О, какой вздор! — Христос, "Сый над всеми Бог",³⁵ верный и истинный во всех Своих словах и делах, во всем самодовлеющий, являет, что слова Моисея, относящиеся к Нему Самому, являются истинным свидетельством о Нем, а болтуны надмеваются над пророком и высоко поднимают брови, будто бы тот несовершенным образом известил о сотворении человека. Но пусть никто не обижает побег, возникший от дурного корня,³⁶ уступив место бахвальству, выдумывая для себя некое имеющее быть "возвращение" (в первобытное состояние) или "восстановление" (*ἀποκατάστασις*), свойственное духам; и пусть никто среди вас не имеет в уме того, что было в уме у того тирана, который по причине великого самодовольства заявил Богу: "Буду подобен Вышнему".³⁷ Пусть никакой корень горечи не возникнет в вас",³⁸ как это произошло в Адаме; потому что это дерзость; потому что "мерзость пред Господом всякий надменный сердцем".³⁹ "Сие же паче да мудрствуется в вас, — как в христианнейших, — еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божии Сый, не восхищением непщева быти равен Богу; но Себе умалил, зрак раба приим".⁴⁰ Да, это, прошу, пусть мыслится среди вас: то, что смиренно и богоугодно. Потому что те, кто познают самих себя, те — мудры. Мудрствовавших же оные (гордые и надменные замыслы),⁴¹ в одном случае: Он низринул с небес;⁴² в другом же: удалил из Едема.⁴³ Что же касается тех, которые мудрствуют сообразно Христу,⁴⁴ он призывает их в райское отечество. "Таяжде глаголати вам, мне убо неленостно, вам же твердо (русск. пер.: писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно);⁴⁵ не высокая мудрствуйте между собою",⁴⁶ и не простирайтесь к тому, что превосходит меру; потому что "Господь гордым противится".⁴⁷ Будем следовать учению Священных Писаний, которые отовсюду взывают к нам. "Не хвалитесь, и не глаголите высокая в гордыни";⁴⁸ и да не изыдет хвастливость из уст ваших.⁴⁹ Будем стойкими в том (учении), в чем мы были возрождены Крещением и пришествием Святого и Животворящего Духа, как бы заново созданные и имеющие приять в этом вечное утверждение, как это определит Божественный Суд.

8. А то, что мы не предсуществовали прежде того, чем были созданы во плоти — как это мудрствовали (воображали) отпадшие от благочестия (т. е. православного образа мыслей), — являет вам,

благоразумным, полезная для всех беседа Божия к Иову, который явился победителем во многих подвигах; эта беседа устраняет из мыслей всякую гордость и показывает, что прежде своего земного бытия человек не существовал, как и не знает, чтобы что-либо человеческое предсуществовало. "Где был еси, — говорит Бог Иову, — егда основах землю? возвести Ми, аще веси разум?"⁵⁰ Но праведник (Иов) не возражал на этот вопрос, как это делают нечестивцы, потому что из самой формы сего вопроса он знал, что он пришел в бытие уже после того, как земля была создана. Потому что пред лицом Бога ложь не войдет. Если же прежде создания земли и сущего на ней человек был ничто,⁵¹ то, конечно, он не является современником по созданию с духами, поскольку они были сотворены Богом прежде создания материального мира. Итак, эти несчастные, а также разделявшие их взгляды, напрасно грезят и выдумывают подобные "потрясения".⁵² А то, что созданные Богом вещи не изменяются в некоем обратном движении (*παλιδρομία τιμι*), это твердо подтверждает Писание, говоря: "Повеление положи, и не мимо идет";⁵³ и в ином месте: "Еда бо всуе создал еси вся сыны человеческия?"⁵⁴ Поэтому "Спасителя ждем" — Самого, Который неизменно восприял наше естество, Который не в духов нас восстановит — как это думают эти пустомели, — но "тело смирения нашего", как говорит великий Павел, "преобразит сообразно телу славы Его, по действию еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая",⁵⁵ — дабы смерть больше не царил над ним и оно не было подвластно тлению и не было под тиранией греха, и чтобы страсти не владели им, но дабы оно содержало в себе Творца, действующего всяческая во всем. Это я говорю в отношении оных, которые займут правое место на оном неподкупном Суде. Но вернемся к нашей теме.⁵⁶

9. Итак, человеконенавистник (диавол), захватив человека, далеко ставшего от правого пути и отчуждившегося от божественного знания, вполз в самую душу побежденных им, влача вместе с собою и целую свою склоку зол; и оглушив трубою нечестия сторожевые посты сердца (человеческого),⁵⁷ аристократическую власть (в душе человека — управляющую добрыми и благородными побуждениями) привел в смятение властью черни (с ее низменными страстями и вожделениями), (так что в душе человека произошла злая и богоборческая революция); и на Господней ниве (т.е. в душе человека) сея незаконные насаждения и плевелы, он установил так, что сущее противное природе получило те же гражданские права, что и свойственно естеству, на что горько жалуется божественный Павел, говоря: "Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему

человеку: вижу же ин закон во удах моих противу воюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удах моих".⁵⁸

10. Но я не могу без боли пройти мимо бедствия прародителя. Потому что это — общее несчастье и общая печаль. Поэтому чувства сердца моего гнетут меня и набежавшая слеза нарушает ток речи. Но необходимо вкратце напомнить постигшие нас горестные обстоятельства, дабы с большим чувством и большей благодарностью — как бы после долгой болезни — мы взглянули на соделанное затем Владыкой дело нашего спасения. Итак, воспечалимся тому, что произошло в отношении Адама, дабы возрадовались тому, что приили во Христе. Восплачем о последствиях осуждения, дабы восторжествовали о результатах оправдания. Возрыдаем о возмездиях за грех, дабы возвеселились о дарах благодати. Прольем слезы о последствиях грехопадения, дабы прославились последствиями Воскресения, по слову Господню: блажени плачущии, яко тии утешатся".⁵⁹ Увы, душе моя! Потому что небо пришло в смятение и содрогнулась земля при виде полной перемены, происшедшей в состоянии нашего праотца; омрачилось солнце, увидев, как Божье создание стало предметом дьявольского надругательства; при этой неожиданной перемене опечалились расположенные к человеку ангельские силы. Как это находится в несчастье тот, кто был в блаженстве? Как это терпит бесславие тот, кто был в славе? Как оказывается в бесчестности тот, кто был в чести? Как это пребывает в немощи тот, кто был в силе? Как — в грехе тот, кто был в праведности? Как — в рабстве тот, кто был в свободе? Как — под властью тирана тот, кто был облечен в царскую власть? Как — в зле тот, кто был в состоянии, чуждом какому-либо злу? Как — в хаосе тот, кто был в благоустройстве? Как — в нищенском образе жизни тот, кто был в благоденствии? Как — под властью смерти тот, кто обладал бессмертием? Как стал пленником тления тот, кто был в нетлении? Как — в горестном состоянии тот, кто был в радости? Как — в озабоченности тот, кто был в безопасности? Как — в унижении тот, кто был в дерзновении? Как — стал терзаем на все части тот, кто пребывал в безмятежности? Как — стал ненавистным тот, кто был возлюбленным? Как — стал осужденником тот, кто был праведен? Как — пребывает в дурных мыслях тот, кто был в добрых мыслях? Как — под наказанием тот, кто пользовался всеми правами? Как — пребывает в войне тот, кто наслаждался миром? Как — стал обесславлен тот, кто был знаменитым? Как — в болезнях тот, кто был в добром здравии? Как — стал подвержен многим стенаниям тот, кто был предметом многого вос-

хищения? Как — священная скиния стала убежищем разбойников? Как — чистота и правдивость стали притоном лжецов и злодеев? Как — жилище света превратилось в мрачную пещеру? Как — дом молитвы обратился в какой-то скомороший балаган?⁶⁰ Как — сокровищница священных песнопений превратилась в логовище разбойников? Как — правый сердцем оказался двоедушным? Как — бывший под Божьим законом⁶¹ оказался предметом надругательства со стороны врагов (Божиих)? Как — созданный по образу Божьему, "приложися скотом несмысленным, и уподобися им?"⁶² Как — бывший по подобию Божьему — "суете уподобися"?⁶³ Итак, это — то малое, что я привел из случившегося с нами; что же касается того, что говорит про тив нас, то всякое слово слишком кратко, чтобы возмочь изобразить это. Так многие многое представив взору,⁶⁴ однако, другим оставляли подвиги незаконченными (чтобы те их завершили); так поступали пророки, праведники, историки. Однако, (все же я должен сказать), пусть никто не посчитает, что Бог является виновником (приключившихся нам) зол. Потому что вина лежит на том, кто свободной волей избрал грех.⁶⁵ Бог — не виновен; как написано в Писании: "Бог смерти не сотвори, не веселится о погибели живых; нечестивии же рукама и словесы призваша ю".⁶⁶ Поэтому небесные отвергнулись от земных, впадших в грех; земная же тварь покорилась суете человеческой не добровольно, как говорит божественный апостол, но по воле покорившего ее, в ожидании своего освобождения, которое представлялось в надежде.⁶⁷ Но довольно говорить о худших вещах, дабы в это радостное время нам не слишком обременять ваш слух переживанием печальных вещей. Итак, приступим теперь к нашей непосредственной теме.⁶⁸

11. Итак, поскольку над нами возобладала тирания дьявола, — держал же он в рабстве всякую душу, поскольку не было ни одного человека, который возмог бы воспротивиться греховной порче, — то всемогущей и всемудрой Державе было угодно, как прекраснейшему Врачу для оказания благовременной помощи, посетить недугующих, и Своим снисхождением, чрез ту самую природу, которая попала под власть лукавого, победить и одолеть его, сущего врага ее, — как написано: "Немощное бо закона, в немже немощствоваше плотию, Бог Сына Своего послав в подобии плоти греха, осуди грех во плоти".⁶⁹

И вот, когда наступило исполнение времени и приблизилась пора милостивления Божьего, тогда врачества были явлены со стороны Сильного, о Котором уже было предвозвещено: "Положих помощь на Сильнаго".⁷⁰ Так, вместо началозлобного змия, внесшего в мир⁷¹

скорби, приносящий радость Архангел предшествовал владычному сошествию с неба. И вместо грабежа, предпринятого (человеком) ради того, чтобы стать равным Богу, Сый существом Бог и Владыка стал Вождем и Начальником возрождения естества, которое создал. Вместо же послужившей в смерть девы Евы — богоблагодатнейшая Дева Мария принимается в служение жизни: Дева, в присущем Ей женском естестве, но сушая вне женской злосчастности (*οκαιδότητος*): Дева — невинная, непорочная, безупречная, чистая, нескверная, "святая духом и телом",⁷² "как лилия среди терний возросшая",⁷³ не знающая пороков Евы, не испорченная женскими суетами, не воспитанная на старушечьих мифах, не осквернившая слух слушанием порочных вещей, не загрязнившая язык произнесением неподобающих слов, не оскорбившая глаза недозволенным зрением, не обесчестившая Свою естественную красоту распущенными помадами, не румянившая неестественно Свои щеки, не делавшая на Своей честной голове неестественный ей пышный головной убор,⁷⁴ не украшавшая шею ожерельями из драгоценных камней, не сковывавшая руки браслетами, а ноги — золотыми цепочками, не изнежившая Себя благовониями, ни на положении невесты не одаренная со стороны людей роскошной одеждой, не начертывавшая в Своем сердце ложных кумиров. Прочь все это и подобное сему! "Кое общение свету ко тьме?"⁷⁵ Она — прежде Своего рождения посвящена Творцу; после же рождения — принесена в дар Ему, священное Дитя, священного храма Обитательница, Закона воспитанница, миропомазанная Духом Святым, облаченная, как бы в одеяние, Божией благодатью, душою богومудрая, сердцем боговенчанная,⁷⁶ очами — озаряющая святостью, слухом — исполненная священных восхвалений, речью — медоточивая, устами — каплющая соты;⁷⁷ прекрасная внешним поведением,⁷⁸ еще более прекрасная нравом; почтенная в речи, еще более почтенная в делании; прекрасная в очах людских, еще более прекрасная для взора Божьего; во чреве приявшая Бога; воистину — БОГОРОДИЦА,⁷⁹ и выразить это словами (Писания): "Вся прекрасна, как благоволение, и вся благоуханна, как связка ароматов".⁸⁰

12. Таковую нам, достойную Творца, Подательницу благ даровало Божественное Провидение: не к преслушанию Божьей заповеди увлекающую, но вводящую к послушанию Богу; не смертоносный плод протягивающую, но дарующую Животворящий Хлеб; не слабую разумом, но — крепкую духом, не расслабленную мыслями, но — мужественную душою; беседующую великим образом с Архангелом; постыдившую началозлобного; видению Благовестника (Архангела Гавриила) хотя и удивляющуюся — поскольку подобное видение

было не обычно для потомка Адама⁸¹ — однако являющую Себя благоразумно уготованной к возведенным Ей вещам, (поскольку Она опасается) дабы благоволение, скрывающее за собою ложь, как это приключилось в раю Еве, не приключилось бы снова и Ей, обитающей в храме; дабы снова не нависла дерзость оскорбителя в отношении Бога, как это произошло в Едеме; дабы Благовещение не оказалось обольщением. Но как же на это поступил Благовестник? — Из самого видения заключая о внутреннем расположении и обозрительности Святой, и, восхитившись строгостью Ее совести, он из двух крайностей — я имею в виду: радости и благословения — словно из цветов свив Ей венец, вознес Ей громкую хвалу, рукоплеща и восклицая: "Радуйся, Благодатная: Господь с Тобою";⁸² благословенна Ты еси, прекраснейшая и славнейшая из женщин! Господь — с Тобою, Почитаемая, Несравненная, Безупречная, Всесветлая, Достойная Бога, Достоблаженная! Я восхищаюсь сущей в Тебе прекрасностью, о, Прекраснейшая! Не бойся, Мариам Богоневестная, Сокровище, возлеянное в святыне! Я возвещу Тебе зачатие, не сущее в беззакониях, и рождение, не сущее в грехах, но сообщаю Тебе радость, которая утолит печаль Евы; я Тебе возвещаю не болезненное чревоношение и не муки чадородия, но предзнаменую Тебе рождение, исполненное утешения и радости. Не измеряй человеческими мерами то, что — Божественное. Потому что не тяжкие родовые муки и не мучительное чадорождение я утверждаю, как имеющее быть Тебе,⁸³ но предузнаю Зарю всемирного Света.⁸⁴ Потому что благодаря Тебе прекратилась печаль Евы; благодаря Тебе сгинуло зло; благодаря Тебе дело обмана потеряло свою силу; благодаря Тебе все скорбное ушло на задний план; благодаря Тебе дело осуждения изглажено; благодаря Тебе Ева была искушена. Потому что Родившееся от Тебя — Свято: Святой и всех святых Господь, Святой и Уделитель святости. Чудесно Родившееся от Той, Которая чудесно превзошла естество; несказанно Происшедшее от Несказанной, именно: "Сын Вышнего"⁸⁵ — Тот, Кто произошел от Вышней. Это — не результат плотского вожделения, но — явленное действие Духа Святого; дело не рук человеческих, но Этот Плод является благоволением Силы Вышнего Бога. Родившееся — не просто Человек, но — Бог Слово воплотившееся. Плод Твоего чрева — не осенний плод, но — зародыш бессмертия; не — плод жатвы, дарованный природой, но — Цвет, насажденный Богом. Потому что Ты родишь Начало, не имущее начала, Отроча — сущее выше времен, предвечное, родившееся от Девы, вечное; кормимое Матерью, но Сущее старше Своей Матери; кормимое Матерью, но питающее всю вселенную; Сущее в человеческом

образе, но Сущее Сияние Божие; видом бедное, но это — Царь, державу Которого никто не сменил. Поэтому радуйся, Благодатная Дева, Мати среди дев, и Дева среди матерей, светлый пример и того и другого и делом сущая выше и того и другого состояний!

13. Итак, после того, как завершилось время превышающего разум чревоношения и Царь славы родился во плоти, произошло совместное стечение к Нему небесных и земных. Так, Ангелы, из вышних пределов взирая в глубину, увидели Звезду, сущую от Иакова.⁸⁶ Волхвы же, подняв голову к небу, узрели звезду, сущую в Вифлееме, и, собравшись вместе в пещере, они — равночисленные трем духовным и чувственным дарам — одарили Сущего Единого из Поклоняемой (Божественной) Троицы.⁸⁷ Совместно с ними и мы давайте благовременно принесем хвалу: "Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение".⁸⁸ "Да исповедятся Господеви милости Его, и чудеса Его сыновом человеческим, яко посла Слово Свое и Сына и избави нас от растлений (могил) наших".⁸⁹ "Боящиеся Господа, восхвалите Его", потому что, не отступая от Отца, Он "приклони небеса и сниде";⁹⁰ и невместимая Полнота Божества соблаговолила вместиться во чреве Девы. "Воспойте Господеви песнь нову, яко дивна сотвори";⁹¹ ибо "сияние славы и Образ Отеческия Ипостаси"⁹² удостоил воплотиться от непорочной Девы. "Воскликните Господеви вся земля; рцйте Богу: коль страшна дела Твоя".⁹³ Потому что Сущий в образе Бога Отца удостоил неизменно стать сообразным нам в нашей нищете, и "Родившийся прежде Денницы",⁹⁴ в последние времена определил Себе в Матерь Святую Деву;⁹⁵ и воипостасная Премудрость Отчая создала Себе в честной Деве нерукотворенный храм и "вселися в ны",⁹⁶ — потому что "Вышний в нерукотворенных храмах живет", как написано было.⁹⁷ И пребывал с нами Неразлучный от Отеческих недр, Седящий на херувимском престоле и славимый со стороны Небесных Чинов, — Начало начал, Господство господств, Сила сил, Властитель властей,⁹⁸ Жизнь всех, Единый вместе со Святым Духом познающий Отца, и Познаваемый только Отцом и Духом; равнопрестольный в царстве, равный в силе, равночестный в славе, неразделимый в понятии существа, Сущий во всем и высший всего; "Царь царей и Господь господей",⁹⁹ Единый имеяй — вместе с Родителем — бессмертие, во свете живой неприступнем, Егоже никтоже видел есть — в неприкровенном Божестве — ниже видети может".¹⁰⁰ Был Он со Своими рабами, воздавая "не якоже прегрешение, тако и дар",¹⁰¹ но, вместо сего вводя благодать, изобильно преизливающуюся над множеством (соделанных нами) зол, и воздавая проклятым (каковыми мы стали вследствие

наших грехов) вожденнейшие дары, почествуя святейшими дарованиями тех, которые были отягощены тяжкими преступлениями. Потому что Сильный, соединив с Собою нашу немощь, соделал ее сильнее смерти; и, восприяв подпадшее тлению наше естество, сделал его сильным против тления; и, взяв на Себя повинный образ Адама,¹⁰² явил его высшим греха; сказать же все в сумме: Своим божественным снисхождением Он освободил повинных от всех обвинений, "да якоже царствова грех во смерть, такожде и благодать Его воцарится над нами в жизнь вечную".¹⁰³

14. Если же кто из упорных и жестоковийных иудеев пожелает оспоривать эти слова, как якобы не содержащие в себе истину, и при этом готов выслушать нас, — то пусть он послушает из слов их же недавнего толкователя Аквилы,¹⁰⁴ который, как бы вводя Иеремию в судебного защитника христиан, таким образом переводит его слова: "Господь сотворил новое в женщине, и она создана для насаждения спасения, новая, а не древняя".¹⁰⁵ Вот так переводит этот текст Аквила. Перевод же LXX (Септуагинта) гласил так: "Созда Господь спасение в насаждение ново, в немже спасении обыдут человецы". Поистине, "веля и превеля есть Тайна Истины, Яже явися во плоти",¹⁰⁶ и соделала новое спасение посреди земли,¹⁰⁷ в котором нашли себя люди, после того, как покинули обманчивый образ жизни, наследованный от отцов, и обратились к Богу живому. О, как это удивительно! О, какова сила нашей веры,¹⁰⁸ которая сама по себе может привлечь на свою сторону даже упорных противников! Вот это-то самое, как повествуется, испытал на себе оный древний Валаам, который из языческого прорицателя превратился в пророка, когда Бог изменил язык сего язычника, так чтобы он языческим народам предвозвестил истинные вещи: "Воссияет, — говорит он, — Звезда от Иакова, и восстанет Человек от Израиля, и погубит князи Моавитския, и пленит вся сыны Аммоновы".¹⁰⁹ И что говорю: Валаам? Обрати внимание, возлюбленный, когда и в Элладе, и в варварских пределах была предвозвещена истина нашей веры, в осуждение тех, которые ее отвергают. Так, рассказывается, что когда сильнейшая эпидемия поразила Элладу и опустошила землю, жители предались молениям и приношению жертв, чтобы расположить в свою пользу своих ложных богов. Поскольку же "не бе гласа, ни послушания", по выражению Писания,¹¹⁰ то они замыслили иной план, который не был ни недалновидным, ни немудрым, а именно: свои моления и жертвы перенести к Неведомому Богу, как несомненно существующему, неизвестному же для недостойных. Когда же этот план был осуществлен и последовало умилостивление к ним Бога, указавшее

им путь от гибели к жизни, что, повествуется, затем они сделали? Они взмолились к тому, которого раньше напрасно чествовали жертвами, дабы он дал им ответ о судьбе жертвенника, воздвигнутого Неведомому Богу.¹¹¹ Были же эти люди афиняне, которые были весьма охотливы сказать или послушать что-нибудь новое; о сем же жертвеннике (Неведомому Богу) поминает книга Деяний Апостольских.¹¹² Итак, они обратились с таким вопросом: "Прореки нам, пророк Титан, Феб Аполлон, — кого будет этот храм?" Он же, не допущенный со стороны неизреченной Силы, — действовавшей и в том и в другом отношении, — хранить молчание, честно изрек сие вещание, которое узнал на основании возвещенного пророками благочестия (т. е. истинной веры), — я имею в виду следующее (его изречение): "Делайте все то, что отвечает добродетели и благому поведению, делайте. Ибо я возвещаю Высшего Царя, Бога сущего в Троице единого, Егоже Слово негиблющее зачнетя в чистой Деве; и как огненная стрела Оно пройдет вселенную посреде, всех захватывая, и приводя в дар ко Отцу. Того Матери сей храм будет. Мария же имя Ее". Вот это-то, это у афинян высечено на каменных скрижалях на вечное памятование. К сказанному же прибавим и иное: слова Виргилия, римского наставника и поэта, мужа не неизвестного и не немудрого. Вот и он в книге написанных им идиллий, упомянув Сивиллу, присовокупил следующие слова: "Уже новый Род посылается с высшего неба".¹¹³

15. О, какое чудо! "Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его?"¹¹⁴ Потому что тех, которые были против нас, Он обратил нам на пользу и благоволил вооружить Истину чрез врагов ее. Да постыдится Несторий, отрицавший девственное рождение. Да усрамится и Арий, разделявший Троическое Единство. Благодарение Богу за неизреченный Его дар, "иже нас от власти темных престаи в царство Сына любви Своея".¹¹⁵ Благодарение Богу за Его неизреченный дар, призвавшему нас званием святым¹¹⁶ в стяжание славы и в жизнь! Благодарение Богу за неизреченный Его дар, "благословившему нас всяцем благословением духовным в небесных, да будем в похвалу славы благодати Его, еуже облагодати нас о возлюбленном Его Сыне".¹¹⁷ Благодарение Богу за неизреченный Его дар, что по великой Своей любви, которой возлюбил нас, Он "Сына Своего Единороднаго посла в мир, да живи будем Им".¹¹⁸ Благодарение Богу за неизреченный Его дар, что "не ведевшаго греха, по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем" (русск. пер.: ибо Незнавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом).¹¹⁹

Внидем, возлюбленные, в любовь Возлюбившего нас; с такой прием Его верой, с какой озарил Он нас Своим человеколюбием. Будем праздновать духовно. Будем радостно и крепко держаться нашего Православия и с величайшей радостью славиться исповеданием нашей веры. Будем хвалиться нашей христианской¹²⁰ Истиной. Будем духовно, радостно торжествовать. Составим хвалебный хор с подобающей святым чинностью. Воскликнем словами пророка: "Разумейте, языцы, и покоряйтесь, услышите даже до последних земли; могущи покоряйтесь; и слово, еже аще возлаголете, не пребудет в вас, яко с нами Бог".¹²¹ Ему слава во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В ориг.: "Святая Мариам".
2. Patrologia Orientalis. т. XIX (1925), р. 318–335.
3. Эта фраза, отвечающая смыслу текста, вставлена нами.
4. Исх. 23, 15.
5. Псл. 80, 11.
6. I Петр. 2, 9.
7. Фил. 3, 16. "Чего мы достигли, так и должны мыслить".
8. Мф. 13, 17.
9. I Петр. 1, 12.
10. Тит. 1, 11–12.
11. τὸ ἴδιον πλάσμα.
12. Ориг.: "Цепь добродетелей", т. е. как одно звено связано с другим, так и добродетели: одна ведет к другой, и таким образом – к полному кругу их.
13. Ориг.: "почтившему их"; мы здесь предпочли взять фразу из лат. пер., как верно отражающую мысль святителя Феодота.
14. Или: "чтобы царская власть не сочеталась с надменностью".
15. Иер. 4, 22.
16. Т. е. стать равным Богу.
17. Латинский перевод здесь вводит слова обращения диавола к Еве, чего нет в греческом оригинале.
18. Ориг.: τὸ καλὸν δοξάριον (gloriola) – "славенка".
19. Прич. страд. накл. от глагола ψιθυρίζω – "нашептывать", "сплетничать". См. Liddell and Scott, A Greek. English Lexicon. Ed. 1897, р. 1757; а также: A Patristic Greek Lexicon. Ed. Lampe. Oxford. 1961, р. 1542.
20. πρῶτοι θεοὶ, лат. пер.: "если бы мы стали богами".
21. Иер. 23, 23.
22. Иер. 23, 24, парафр.
23. Псл. 31, 5, парафр.
24. Перевод сделан согласно латинскому переводу.
25. Ο αὐληθεὶς – собственно говоря, "ограбленный".
26. По выражению апостола Павла; Евр. 5, 12–14.
27. Лат. пер.: "вероломник".
28. Ориг.: ἐπάρσει περπατήσι – "быть пронзенным гордостью".

29. Рим. 12, 3.
30. Гал. 6, 3.
31. I Петр. 5, 5.
32. Прем. Сир. 10, 9.
33. Ефес. 4, 17–19.
34. Феодот, епископ Анкирский, как и его предшественник по кафедре, Маркелл, принадлежит к противникам Оригена и его учения о предсуществовании душ, указывая на то, что это учение почерпнуто из языческой философии. Это учение, как и учение о всемирном восстановлении душ в первобытное блаженство, несомненно опирается на эллинскую философию. Это учение, как вредное и чуждое христианству, было осуждено и отвергнуто церковью, сначала устами отдельных богословов, как св. Евстафий Антиохийский, св. Мефодий Патарский, Маркелл и Феодот Анкирские, а затем и предано анафеме, по настоянию императора Юстиниана Великого, на Пятом Вселенском Соборе.
35. Рим. 9, 5.
36. Я полагаю, что здесь святитель Феодот говорит о теле человека, которое должно будет стать сообразным телу Христову, хотя теперь и находится в уничиженном состоянии. Эллинские философы говорили о восстановлении духа, но никак не тела, к которому складывалось отношение как к чему-то уничижительному для духа, как к некоей тюрьме, в которой страдает дух. Эти же взгляды присущи и Оригену. См.: Проф. В. Виндельбанд. Платон. 1909 г. стр. 14, 122 и далее. – Проф. М.Э. Поснов. История Христианской Церкви. 1964, стр. 193–194, 436 примечание.
37. Ис. 14, 14.
38. Евр. 12, 15, парафр.
39. Притч. 15, 5.
40. Фил. 2, 5–7.
41. Текст в скобках мы взяли из примечания, сделанного Мнscr. Жюжи: "illa idestalta ac superba". Р. О. т. 19, р. 325, nota E.
42. Т. е. диавола и павших с ним аггелов.
43. Т. е. первых людей.
44. Т. е. в духе смирения Христова.
45. Фил. 3, 1.
46. Рим. 12, 16, парафр.
47. Притч. 3, 34; Иак. 4, 6.
48. I Цар. 2, 3.
49. Еф. 4, 29, парафр.: "никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших".
50. Иов. 38, 4.
51. οὐδὲν ὁ ἄνθρωπος – nihil homo erat – т. е. человека даже и в помине не было.
52. Ориг.: "бури".
53. Псл. 148, 6.
54. Псл. 88, 48.
55. Фил. 3, 20–21.
56. Ориг.: "но пусть слово вернется к теме".
57. Текст в скобках вставлен нами для ясности сказанного.
58. Рим. 7, 22–23; в ориг. цитируется только 23-й стих.
59. Мф. 5, 5.

60. Ориг.: "в театр шуточных представлений", в переносном смысле — "в помешнице".
61. Ориг.: "бывший в Божественной юрисдикции".
62. Псл. 48, 13.
63. Псл. 143, 4.
64. Ориг.: "вывели на сцену".
65. Греческ. оригинал очень краток; мы сочли полезным последовать латинскому переводу, но не вполне.
66. Прем. Сол. 1, 13, 16.
67. Рим. 8, 20, парафр.
68. Ориг.: "к тому, что торонит".
69. Рим. 8, 3. Здесь в тексте описки: вместо *ἀδύνατον* стоит *δύνατον*.
70. Псл. 48, 13.
71. Ориг.: "в жизнь"; лат. пер.: "в мир".
72. I Кор. 7, 34.
73. Песнь Песней 2, 2.
74. Относительно головного убора тех времен мой перевод здесь сделан скорее по догадке.
75. 2 Кор. 6, 14.
76. Здесь лат. пер. неправильно интерпретирует слово *Θεοστεφής* как — "обрученная Богу". Здесь говорится: "Увенчанная Богом", как это слово употребляется в свято-отеческой литературе и в отношении мучеников. См.: Lampe, A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
77. Песнь Песней 4, 11.
78. Ориг.: "шагами", "походкой". Но это относится и вообще к поведению человека. "Блюдите, како опасно ходите", по выражению апостола Павла (Ефес. 5, 15).
79. Вот за это прекрасное слово так доблестно боролись св. Кирилл Александрийский и Феодот Анкирский на Третьем Вселенском Соборе.
80. Песнь Песней 4, 7, 11, парафр.
81. Здесь мы перевели согласно предложению Мнср. Жюжи; в греч. ориг. это место звучало бы так: "Как потомок Адаму не подобный".
82. Лк. 1, 28.
83. Ориг.: *κατασημαίω* — "ставлю печать".
84. Лат. пер.: "Зарю Света, просвещающего весь мир".
85. Лк. 1, 32.
86. По пророчеству Валаама. Числ. 24, 17.
87. По священному преданию, волхвов было трое, и прибыли они из разных стран Востока и вместе сошлись на пути в Вифлеем. Говорится, что они равночисленны трем дарованиям духовным, потому что по древней психологии деятельность души выражалась в трех видах.
88. Лк. 2, 14.
89. Псл. 106, 8, 20, парафр.
90. Псл. 17, 10.
91. Псл. 97, 1.
92. Евр. 1, 3.
93. Псл. 65, 1, 3.
94. Псл. 109, 3.
95. Лат. перевод здесь опускает слова: "Деву Святую".

96. Ин. 1, 14.
97. Деян. 17, 24.
98. Представляется, что здесь перечисляются ангельские чины Небесной Иерархии. См. у Дионисия Ареопагита: О небесной Иерархии. Гл. 6—9.
99. Откр. 19, 3.
100. I Тим. 6, 16; I Ин. 4, 12.
101. Рим. 5, 15.
102. В лат. переводе здесь описки: вместо *Adami*, напечатано "Adaе".
103. Рим. 5, 21.
104. Аквила был переводчиком Ветхозаветного Писания на греч. язык. Он был прозелитом; сначала был христианином, но за дурное поведение был отлучен от церкви; вместо покаяния, он перешел в иудейство и стал иудейским зилотом. Есть предположение (правда, не доказанное), что он сделал свой перевод в противовес переводу LXX, которым пользовались христиане. Жил он во II веке по Р. Х. Dictionary of the Bible. т. IV, 1902, p. 865.
105. Иер. 31, 22, согласно переводу Аквилы.
106. I Тим. 3, 16, парафр.
107. Псл. 73, 12.
108. Ориг.: "Благочестие", т.е. православная вера.
109. Числ. 24, 17.
110. 3 Цар. 18, 26.
111. Как явствует из дальнейшего текста, они обратились к Аполлону Дельфийскому, чтобы тот чрез прорицателя ответил им на их вопрос.
112. Деян. 17, 23.
113. Виргилий. Еслог. IV: "Скоро наступит час, когда с высокими почестями придет славный Потомок Богов, Божественное Дитя, великий Наследник, Сын Юпитера. Перед Ним весь мир склонит свое чело: земля, морские просторы и небесные высоты. И все живое возрадуется золотому веку, который вот-вот уже настал".
114. Псл. 105, 2.
115. Кол. 1, 13.
116. I Тим. 1, 9.
117. Ефес. 1, 3, 6.
118. I Ин. 4, 9.
119. 2 Кор. 5, 21.
120. Слово "христианской", необходимое по смыслу, мы заимствовали из лат. пер.
121. Ис. 8, 9, 10, по LXX.

КАК ЧИТАТЬ БИБЛИЮ

Отношение Библии к читателю.

Библия отличается от всех прочих книг, написанных человеком, не только тем, что она содержит слова и заповеди Бога, но и написана всецело божественным вдохновением. Поэтому можно сказать, что она является Божьей книгой, которую Бог дал человеку, чтобы ввести его в вечную жизнь.

Хотя по видимости центром диалога, истории и всех повествований Ветхого и Нового Завета является человек, на самом деле под этим скрывается повествование о Боге: Библия описывает Его, открывая Его нам через события. Вместе с тем, ни отдельная книга Библии, ни божественная история в одном поколении или в более продолжительном отрезке времени не дают полного представления о Боге. Библия с великим усилием пытается дать нам упрощенный образ Его через повествование о Его прямом взаимоотношении с человеком в течение 5 000 лет, чтобы ни один человек любого века не был лишен хоть некоторого понятия о Боге, удовлетворяющего его духовным нуждам. Удовлетворяющего настолько, что многие испытывают при чтении сильную радость и верят, что они познали Бога и поняли Его совершенно. Однако тот, кто дерзнет забыть о человеческой ограниченности и попытается в себе постигнуть совершенное представление о Боге, обречен на неуспех и потерю способности достигнуть даже малого в соответствии с его индивидуальными возможностями.

Человеку невероятно трудно постигнуть единственно Совершенного, чьи дни не имеют ни начала ни конца; и хотя правда то, что мы можем постигать Его, но совершенство бездонно. . . Это также относится к Его делам.

Таинственно открывая и являя Бога, Библия одновременно пытается разными путями приготовить человека к внутреннему принятию Его. Внешне кажется, что скорее человек прокладывает себе путь к Богу, но изумляющая и радующая истина состоит в том, что это Бог идет к человеку, как возлюбленный и как глубоко любящий Отец.

"Кто Меня любит, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим". (Иоанн. 14:23). Поэтому Господь заповедует нам готовить сердца наши к Его благо-

словенному пришествию ("готово сердце мое, Боже, готово сердце мое". — Псл. 56: 8), чтобы мы с этого момента жили с Ним в приготовлении к тому, что придет к концу времен, когда Бог будет явлен открыто и мы встретим Его лицом к лицу и будем обитать с ним во веки.

Отношение читателя к Библии.

Есть два способа чтения Библии: либо читатель подчиняет текст контролю своего разума, сводя значение прочитанного к собственным представлениям и сверяясь с представлениями других людей, либо относится к содержанию текста, как к превосходящему личное разумение, и пытается привести свой разум в подчинение содержанию текста: он ставит текст как судью над собой и считает его высшим критерием. Первый способ чтения приемлем для всякой человеческой книги: научной или художественной. Второй же способ обязателен при чтении Библии. Первый дает человеку овладение миром, что является его естественной ролью. При втором же способе чтения Бог получает господство над миром, как премудрый и всемогущий Творец.

Нельзя путать эти два способа чтения, а то обесценятся оба: если человек станет читать научную или художественную литературу так, как должно читать Евангелие, то это понизит его интеллектуальный рост, его академические способности, его достоинство среди прочей твари. Если же он станет читать Библию так, как читают научные книги, то Бог предстанет ему ничтожным, божественное покажется ограниченным, а это приведет к потере страха Божия. Человек в таком случае приобретает ложное чувство собственного превосходства над божественными вещами, а это как раз есть тот запрет, который Адам нарушил.

Духовное понимание и интеллектуальное запоминание.

Таким образом, при чтении Библии нужно ставить целью понимание ее, а не научное исследование или изучение. В связи с этим следует указать на разницу между духовным пониманием и интеллектуальным запоминанием (или памятью).

Духовное понимание сосредоточено на принятии божественной истины. Оно постоянно возрастает, восходя на горизонте разума, пока не проникнет его всецело. Если ум и его реакции приведены в добро-

вольное послушание истине, то божественная истина продолжает проникать ум еще глубже, давая ему непрестанное развитие, чтобы "уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы исполниться всею полнотою Божиею". (Еф. 3: 13).

Из вышеприведенного стиха видно, что познание Бога и вообще божественных вещей стоит на неизмеримо высшем уровне, чем всякое человеческое познание. Потому было бы бесполезно и неразумно пытаться исследовать вещи божественные, стремясь ухватить их и сделать их податливыми интеллектуальным возможностям человека. Напротив, человек сам должен подняться до божественного уровня, чтобы его ум смог открыться божественной истине. Именно тогда его можно считать готовым к принятию того, что превосходит познание. ("Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота". — Еф. 3: 18).

Интеллектуальное запоминание требует от человека перехода из состояния покорности истине — через понимание — к состоянию овладения и обладания ею. Оно требует от ума прогресса шаг за шагом, путем исследования, до тех пор, пока ум не окажется на уровне истины; затем постепенно поднимается над этим уровнем, пока не получит контроль над истиной, произвольно воскрешая ее в памяти, повторяя ее по желанию — так, как бы истина являлась достоянием и самим разумом ее обладателя.

Такое запоминание есть дело установления истины путем обобщения и предельно точного определения ее, для того чтобы ум мог вобрать ее в себя и отложить про запас. Иначе говоря, интеллектуальное запоминание обратно духовному пониманию, ибо духовное понимание и истина взаимно расширяют друг друга* "во всю полноту Божества" (Еф. 3: 19), т. е. бесконечно. Интеллектуальное запоминание, поэтому, ослабляет божественную истину, лишает ее силы и широты, и не может служить удобным подходом к Библии, принося минимальные результаты.

Духовное памятование.

Существует иной путь запоминания слова Божия, с помощью которого человек может вспомнить и обозреть текст, но не произ-

* Здесь автор, очевидно, не хотел сказать, что истина зависит от меры человеческого восприятия — это бы отрицало объективность истины; здесь говорится об углублении познания с углублением в истину, когда для человека раскрываются и расширяются горизонты той же истины. — Прим. переводчика.

вольно, а когда и как пожелает Бог. Это есть то духовное воспоминание, которое дарует Бог своим Духом: "Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам". (Иоан. 14: 26).

Точно так же, как Бог дает духовное разумение тем, кто искренно и честно ищет познания Его, чей ум открыт к уразумению, духовное воспоминание есть духовное действие, посылаемое тем, кому дано быть Его свидетелями. Когда Св. Дух приводит на ум определенные слова, Он делает это в глубину и ширину; и не просто напоминает определенный текст, но сообщает при этом уверенную мудрость и духовную силу, выявляющую и смысл текста, и силу Божию, заключенную в нем. Одновременно посылается дух укоризны, чтобы кольнуть сердце.*

Как видим, существует большое различие между интеллектуальным запоминанием наизусть и воспоминанием Духом Святым.

Однако человек должен быть подготовлен к духовному воспоминанию соблюдением в сердце сознания слова Божия, частым размышлением над ним и хранением его из любви и удовольствия. ("Обретены слова Твои, и я съел их". — Иер. 15: 16; и они были "лучше меда устам моим". — Псл. 118: 103; и "о законе Его размышляет он день и ночь". — Псл. 1: 2). И всякий раз, встречаясь с полезным словом, такой человек напечатлевает его в своем сердце ("в сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою". — Псл. 118: 11), как и Бог заповедует нам говорить о Его словах: "сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая. И навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими". (Втор. 6: 7—8).

Но между тем, кто повторяет слово Божие и размышляет над ним, потому что оно сладко и благотворно его душе, веселит его сердце и утешает его дух, и тем, кто размышляет над словом ради того, чтобы повторить его другим, чтобы предстать перед людьми, как

* Очевидно, смысл этой фразы заключается в следующем. Раскрытие духовного смысла слова Божия, как истины, несет человеку исключительный дар духовного богатства, совершает его обожение. Но вместе с тем, в соотношении с Божественной истиной, сознание своей тварной ограниченности и недостаточности встают перед ним особенно остро, потому что дух благодати есть не только дух славы и мудрости, но и дух смирения — по образу смирения Божества. Видя величие Божие лицом к лицу, невольно, как в зеркале, видишь собственную незначительность, которая в свете Истины выступает с неопровержимой объективностью и сладко колет сердце, поощряя его таким образом на дальнейшее совершенствование. — Прим. переводчика.

учитель и искусный служитель Евангелия, существует большая разница. Первого слово животворит, ибо строит сердечное сознание или отношения с Богом. У второго слово просто проходит в кладовую памяти, откуда он может извлечь его, чтобы использовать для построения отношений с людьми!

Так что если человек пытается читать Библию и запоминать текст, чтобы затем использовать его для передачи устного свидетельства, прежде чем сам подчинит себя божественной правде путем деятельного послушания слову и открытия ума к духовному восприятию, он не только сам не приобретает познания, но и свидетельство его окажется бесплодным, сколько бы стихов он ни приводил в доказательство веры со всем интеллектуальным искусством. Ибо Дух оставит его. Нет ничего худшего, чем делать из Библии источник словесных доказательств.

Духовное понимание притч, заповедей и поучений Божиих является нашей дверью в таинства Евангелия: "Вам дано знать тайны Царствия Божия". (Мр. 4: 11). И признаком духовного понимания является чувство в человеке, что внутри него открылся неистощимый источник духовной проницательности в слова Божии и что каждая отдельная истина связана со всем остальным. В сердце своем такой человек способен связать каждый прочитанный стих с другим стихом, и каждое проникновение в стих переходит в гармонию с другим — так что Евангелие легко становится связным целым.

Такое состояние достигается не только теми, кто провел долгие годы над чтением Библии. Случается, что иному всего лишь через несколько месяцев дается это чувство, и он, пользуясь всего лишь незначительным количеством известных ему стихов, в состоянии убедительно говорить о Боге, с чувством искренности и силы, которые привлекают сердца других к Богу. Такому духовно восприимчивому человеку достаточно прочитать какой-нибудь стих, чтобы он навсегда неизгладимо запечатлелся в его сердце, ибо слово Божие духовно, даже в некотором смысле само есть дух, как и Господь говорит: "Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь". (Иоан. 6: 63).

Практическое вхождение в понимание Евангелия.

Поскольку Евангелие духовно, интеллектуальных средств подхода к нему не существует. Им должно жить в духе через послушание ему, прежде чем оно станет понятным. Если кто-либо попытается понять его, живя вне Евангелия, тот непременно споткнется и упадет;

а если он дерзнет еще и других учить Евангелию, то сам окажется камнем преткновения для своих последователей. Но тот, кто имеет истинное усердие, пламенную любовь и полное послушание Богу и исполнит в совершенстве хоть одну из евангельских заповедей, — тот незаметно для себя войдет в таинство Евангелия.

Прежде всего он откроет в своем собственном сердце, что Бог верен в слове и исполнении обетований. Это заставит его ум стремиться получить искру живой веры, которая вселяется в сердце и зажигает великое пламя любви и страха Божия. Духовный опыт от этого увеличивается, и понимание Евангелия углубляется в соответствии с тем, насколько преданно и тщательно выполняются евангельские заповеди.

Искреннее и смиренное принятие послушания Богу, исходящее из сердца, свободного от лжи, лицемерия и саморекламы, не ищущего каких-то определенных результатов, можно расценивать, как начало правильного пути к богопознанию. Признак этот обусловлен тем, что на пути к исполнению заповедей человек испытывается различными искушениями. Но и помощь посылается ему в зависимости от степени его веры и постоянства; а полученная помощь углубляет доверие человека к Богу, и познание о Боге и Его путях становится увереннее.

Сказанное выше подчеркивает, что понимание Евангелия и Бога есть результат образования отношений с Богом через послушание Его заповедям. Это есть не простое понимание текста и стихов, но опыт силы слова и жизни, исходящей из него, — это понимание, основанное на доверии, внутреннем свидетельстве и непоколебимой вере в Бога.

Добрый пример того, как читать и понимать Евангелие.

Наиважнейшая заповедь, исполнением которой можно испытать на себе Промысел Божий, а также обрести духовную силу к разумению таинственных и скрытых слов Библии, с последующим духовным ростом, есть та, которая говорит, что необходимо оставить все и следовать за Христом. Эта заповедь суммирует все Евангелие. Ее услышал св. Антоний Великий, и был глубоко тронут, и исполнил ее с абсолютной решительностью. Через это исполнение он достиг жизни, согласной с Евангелием, и такого понимания, знания и памяти Библии, что поражал знатоков и богословов, по свидетельству св. Афанасия Великого. И это несмотря на то, что св. Антоний не умел ни читать, ни писать.

Многие древние отцы поступали по тому же образцу, и те же удивительные вещи происходили с ними. Будучи неграмотными, они достигали больших высот и в знании Библии, и в богопознании, и в духовном устройении. Среди них были великие аскеты Памво и Пафнутий, ученики св. Макария Великого, о котором Палладий говорит, что он имел благодать знания священных книг и был искусным толкователем их, хотя тоже не умел ни читать, ни писать.

Многие, как мужчины, так и женщины, образованные и необразованные, вошли в таинство Евангелия всего лишь через одну из заповедей, как, например, заповедь добровольной нищеты и простоты жизни, отказываясь откладывать деньги на черный день, предавая себя Божьей воле прежде всего. Имея открытый ум, они через эту заповедь вкусили чудеса Божии, познали таинство Божественного Промысла и уразумели Божие слово, как люди, опытно прожившие и исполнившие его. Они испытали силу слова и нашли в нем великое утешение и радость. Они поняли, каким образом человек живет в большей степени словом, нежели пищей и лекарствами. Они познали Бога и вкусили Его, и ум их был просвещен Его словом.

Другие же вошли в таинство Евангелия через тайные жертвы, отдавая деньги, время и силы на службу бедным, потерянным, страждущим, согбенным жизненными трагедиями. Они с молчаливым мужеством отдавали все свое состояние и выносили все, что было в их силах. Такие обрели познание и проникновение в Евангелие и заповеди Господа; но не то познание, которое исходит из размышления о красоте слов и разъяснения их смысла. Это скорее то понимание, которое исходит из опыта и превращается в вечную жизнь, образуя живое отношение между человеком и Христом.

Академическое размышление и практическое созерцание.

Существует академическое размышление над Библией и опытное понимание ее. Первое является продуктом идей, сформировавшихся в результате изучения, исследования, размышления над смыслом стихов и их взаимосвязи, и конечных выводов путем логической дедукции. А практическое созерцание исходит из вдохновения, воспринимаемого душой, прошедшей через внутренние испытания и борение с истиной, которые имели место на пути следования евангельским заповедям. К этому еще добавляются озарения и побуждающее действие Духа, которые приходят в свое время и открывают вещи, до того неизвестные.

Академическая медитация над Библией стимулирует ум, но духа не затрагивает; она побуждает желать истины, но не показывает пути к ней; она дает представление о Боге, но не ставит лицом к лицу с Ним. Отрыв академической медитации от опытной жизни приводит к формальному и ложному интеллектуальному благочестию: "Этот народ языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня". (Ис. 29: 13).

Как ни прискорбно, но такого рода чтение, понимание, толкование и учение по Библии имеют место в нашей церкви, да и во всем мире, в настоящее время. Евангелие свелось к литературному источнику для цитирования стихов или подтверждения принципов, а содержащиеся в нем идеи превратились в академические установки для подкрепления проповедей и научных статей. То есть Евангелие превратилось в удобный способ для достижения известности, ученых степеней и человеческого восхищения. Церковь несет великую потерю, когда оставляет практическое научение Библии и сосредотачивается на академическом.

Что же касается практического созерцания Библии, то оно достигается откровением божественной истины через внутреннее послушание заповедям. Оно дается сердцу верному и прилепившемуся к Богу с подобающим страхом и истинным смирением. Такое отношение строит реальные и надежные отношения с Богом. Иначе говоря, практическое созерцание строит внутреннюю жизнь с Богом, которая исполняет слова, мысли и учение человека божественной силой. Так, человек единым словом может передать истину слушателям, как было в случае с древними отцами, прожившими Евангелие всем сердцем, всем умом, всей крепостью. Их слова не отличались красноречием, не изобиловали напыщенными рассуждениями; но они умели раскрывать таинственный смысл слов, ибо им дана была сила сообщать новую жизнь слушателю.

В Словах отцов-аскетов IV века, и более поздних, характерный образ наставления был таков. Новоначальный монах шел к старцу и спрашивал: "Скажи мне слово, чтобы я мог жить". Старец в ответ говорил очень немного, но благодаря силе личного опыта и благодати, содержащихся в ответе, немногих слов было достаточно, чтобы новоначальный жил ими и преодолевал все случавшиеся трудности. Это самая лучшая иллюстрация того, как Евангелие должно быть понимаемо и проповедуемо. И как подходят к нам сегодня слова Господа: "Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете". (Иоан. 13: 17).

Сила жизни практической простоты.

Если мы оглянемся на ранние времена церкви, нас поразит ее сила, особенно очевидная в новоустроенных общинах. Несмотря на простоту и незнание Библии, ибо редко у кого имелись рукописи, несмотря на новизну веры во Христа и влияние прежних языческих обычаев, духовная жизнь людей, их горячая ревность в вере и любви являли собой прекрасный пример могучей жизни, идущей в согласии с Евангелием как образцом опытного понимания сущности жизни, Царства Божия, жизни по вере, умирания для мира, верности Христу, ожидания Его второго пришествия и живой веры в воскресение. Даже и теперь нас влечет их вера и обычаи, и мы с трудом разбираемся в посланиях, обращенных к ним, которые они свободно понимали и которыми жили. Весь секрет в том, что они ж и л и тем, что слышали. Каждая заповедь ложилась на верное сердце, готовое к деятельному исполнению со всей искренностью. Все слова Христа тесно вплетались в ткань повседневной жизни, Евангелие переводилось в труд и жизнь: эти несведущие люди понимали его. Они знали, что оно есть житие, а не принципы для дискуссий, и отказывались принимать его как чисто академическое учение. До сего дня верные последователи Христа черпают жизнь из живого источника восприятия Евангелия этими ранними христианами.

Эти горящие любовью к Христу первые общины не имели ни символа веры, ни патрологии, ни толкований Писания. Но те несколько слов Христа, что достигли их слуха, тут же становились их символом веры; они не нуждались в объяснении или толковании слов, потому что принимали их как имеющие быть испытанными, прожитыми. Через внутренний опыт им открывалась сила слова и освещался его таинственный смысл. В свою очередь, это увеличивало их рвение, их любовь и веру в Христа и Его Евангелие.

Стоило им услышать "блаженны нищие духом" (Мф. 5: 3) — как они продавали имущества и несли цену к ногам апостолов.

Стоило им услышать "блаженны плачущие" (Мф. 5: 4) — и они презрели все страдания и утомление в служении Христу.

Стоило им услышать "блаженны изгнанные за правду" (Мф. 5: 10) — и они терпели величайшие унижения, оскорбления и нападки.

Стоило им услышать "бодрствуйте и молитесь" (Мф. 26: 41) — и они собирались в катакомбах бодрствовать и молиться всю ночь.

Они слышали "любите врагов ваших" (Мф. 5: 44) — и до нас не дошло случая сопротивления этих христиан в ответ на преследова-

ния. Уничженно и покорно они клали голову под меч, чтобы почтить слово Христа.

Таков был для них смысл чтения и таково понимание Евангелия. В них рождалась жажда Божьей праведности, и потому сила Св. Духа наиболее деятельно проявлялась в них. Дух сообщал силу слову, укреплял сердца христиан, поддерживал в моменты слабости, вел их сквозь тьму, утешал в печали и сопровождал их в течение всего пути, пока они в великой славе не предавали дух свой в руки Создателя.

Чтение с практическим применением и без него.

Чтение останется бесполезным, понимание — лишенным силы, и заучивание — простым повторением пустых слов, если человек не отдаст себя в послушание заповедям, о которых он читает, чего бы это ему ни стоило: жертв, трудностей или насмешек со стороны. Господь Иисус Христос говорит даже больше этого. Он говорит, что тот, кто читает Его слова и понимает их, но не исполняет, потерпит разрушение и великие потери, как человек, построивший свой дом на песке. "А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил свой дом на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение сие великое". (Мф. 7: 26—27).

Возможно, кто-нибудь скажет вместе со мной, что лучше бы такой человек и не начинал строительства, т. е. не слышал и не знал ничего.

Подобной этому была жизнь фарисеев и саддукеев: послушание мельчайшим предписаниям закона, искусное изложение и толкование заповедей, законнические определения, до того мелочные, что они выходили за пределы истины и простоты Духа, вместе с мертвыми делами и жизнью духовно пустой. "И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечаешь; так поступай и будешь жить". (Мф. 10: 25—28).

Но того, кто слышит слово и исполняет, Господь уподобляет человеку, построившему дом свой на камне. Ему Господь указывает на то, что сила слова всецело зависит от опытного испытания его, потому что познать и получить помощь можно только в трудный

или опасный момент, как и таинственная поддержка от Духа Святого приходит через искреннее послушание заветам Евангелия. Слово в устах человека, истинно живущего им, подобно дому, построенному на камне: оно устойчиво и не боится шоков. "Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне". (Мф. 7: 24—25).

Здесь, возможно, кто-нибудь скажет вместе со мной: если бы и мой дом был построен на камне, а мое чтение, знание и понимание Евангелия были бы использованы для жития, а не только в качестве предмета для бесед, рассуждений, проповедования и медитации.

Печальный пример большого, но бездейственного познания.

Валаам был муж видений, мог проникать в будущее и обладал пророческой силой, чтобы слышать и говорить о великих делах Божиих. Но он был отвергнут и стал суровым предупреждением и примером тем, кто говорит слово Божие, кто в состоянии открывать тайны Его, давать истинные пророчества, произносить благословения и приносить жертвы, в то время, как сердца их нечисты и втайне удалены от Бога. Послушайте, что Валаам сам говорит о себе: "Говорит Валаам, сын Веоров, говорит муж с открытым оком; говорит слышащий слова Божии, имеющий видения от Всевышнего, который видит видения Всемогущего, падает, но открыты очи его". (Чис. 24: 15—16). Но всех этих дарований оказалось недостаточно, чтобы отвратить сердце Валаама от злой жизни. Он впал в еще горшую ошибку, как говорят о том свв. апостолы Иуда (в своем послании), Петр (второе послание) и Иоанн (Откровение). И хотя внешне Валаам благословил народ Божий, втайне он продолжал действовать против него злыми советами и рад был получить вознаграждение за этот грех.

Валаам достиг наивысшего уровня познания, понимания, видения и пророчествования, доступных духовному человеку. Но поведение его было не лучше, чем поведение самых злых и лживых людей. Его история ясно показывает, что понимание и учение духовным вещам, даже на пророческом уровне, если не сопровождаются святой жизнью и поступками в соответствии со страхом Божиим, — не могут спасти человека от проклятия и смерти, какими была запечатлена жизнь Валаама.

"Наблюдайте, как вы слушаете". (Лк. 8: 18).

Прежде, чем вы начнете читать Библию или станете слушать слово Божие, загляните внутрь себя и посмотрите, куда входит и где останавливается слово Божие. Обратимся здесь к излюбленной притче о сеятеле.

Семя, "упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись;

а упавшее на камень — это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корней, и временами веруют, а во время искушения отпадают;

а упавшее в терние — это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода;

а упавшее на добрую землю — это те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Итак, наблюдайте, как вы слушаете". (Лк. 8: 12—15, 18).

Как видим, есть четыре рода слушателей. Их незачем определять, потому что Господь Иисус Христос сам определил их. Нужно только определить, к какому роду относится наше собственное слушание. Ложится ли слово Божие в сердце, проводящее весь день при дороге? Или в неглубокое сердце, которое боится уединения, чтобы проверить свою жизнь? Или в сердце, склонное к накоплению денег для страховки неизвестного будущего? Или в сердце, вечно загруженное воображаемыми заботами?

Будьте внимательны к тому, как вы должны слушать Евангелие. Повидимому, Господь хочет сказать, что слушать надлежит скорее сердцем, чем ушами, и что внутренняя жизнь влияет на слово Божие, либо убивая его, либо давая ему жить и цвести. Потому тот, кто хочет хорошо слушать слово, понимать его и крепко держать в сердце, должен внутренне приготовить свое сердце, чтобы слово могло безопасно укорениться в нем, найдя его верным Богу и правдивым в обетах. Совершенно невозможно научиться понимать слово Божие, если не стоишь перед Богом с абсолютной честностью и если со всей решительностью не положишь к Его ногам всю свою жизнь, обязанности, интересы, состояние, будущее и собственную честь. Ибо как может человек, боящийся будущего, понять такие слова Господа: "не заботьтесь о завтрашнем дне" (Мф. 6: 34), или "не заботьтесь о вашей жизни"? И как может тот, кто заботится о чести, понять крест? Или тот, кто боится болезни и смерти, понять воскресение?

Тот, кто желает читать Евангелие, по сути дела просит дарования вечной жизни, а это в свою очередь требует ясного определения своего отношения к настоящей жизни.

Забвение слова есть психологический обман.

Ярким примером забывчивости является сравнение, приведенное в послании ап. Иакова: "кто слушает слово и не исполняет, подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел на себя и отошел — и тотчас забыл, каков он". (Иак. 1: 23—24). Потому что тот, кто не придает значения словам, которые слышит, тут же теряет самопознание.

Есть род людей, принимающих евангельское слово и слагающих его в сердце. Они постоянно отдают себе отчет в полученном наставлении, которое является для них как бы зеркалом для постоянного исправления их помыслов и поступков. Но есть и другой род людей, у которых евангельское слово не задерживается в сердце, потому что оно либо рассеянно, либо безответственно, либо занято делами более важными для него, чем Евангелие и вечная жизнь. Такими делами могут быть работа, неприятности, удовольствия и даже заботы, относимые ими к служению Богу. Иной раз в таком сердце вообще нет ничего, и это тоже бедствие, потому что пока человек с таким сердцем читает Евангелие, он может растрогаться до слез, а потом, увлекаясь своими делами, забыть о них совершенно. Он воображает, что забывчивость не в его власти, но это только психологический трюк, а правда лежит в том, что его душа хочет забыть Евангелие, потому что не любит его.

Такой читает Евангелие ежедневно, но чувствует непреодолимый разрыв между тем, что он читает, и повседневной жизнью. И этот разрыв тоже объясняется забывчивостью. Таким образом, дни идут, и острота восприятия притупляется, и жизнь остается без изменений, даже без малых духовных сдвигов. Такого рода забвение ап. Иаков называет самообманом. (Иак. 1: 22).

"Необрезанные уши".

"Жестоковейные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому". (Деян. 7: 51).

Эти знаменательные слова принадлежат св. Стефану первому-ченику, обратившемуся так к судившему его синедриону, когда тот, в угоду своим целям, воспротивился Св. Духу.

Св. Дух обращается через Евангелие ко всем, но только те, у кого "обрезан слух", способны слышать Его голос, т. е. у кого устранена "крайняя плоть" уха. Под "крайней плотью" св. Стефан подразумевает отсутствие покорности Богу и сердце, далеко отстоящее от Него, чтобы слышать Его голос. Люди с необрезанным сердцем и ушами являются чужаками среди народа Божьего. Они не понимают Его заповедей и не реагируют на них, потому что не считают себя обязанными выполнять их. Они не слышат голос Духа, не поддаются его влиянию и не отвечают на него, потому что своим собственным произволением отказываются покорить себя в послушание Духу из страха перед Ним. Они боятся, что Св. Дух может потребовать от них отказа от вещей, или общественного положения, или принципов, или человеческих привязанностей — т. е. от всего, что для них прибыльно, приятно или лично важно. Расстаться со всем этим значило бы для такого человека неприемлемую потерю, а потому он боится, как бы Дух не заставил его действовать против себя или против мира, ибо он больше всего дорожит собой и мир есть его удовольствие.

Человек с необрезанным ухом есть тот, кто не хочет отрезать крайнюю плоть мира от своего сердца и слуха. Он не способен ни на какую жертву вообще, или по крайней мере не может все принести в жертву Богу. Он слышит голос Св. Духа, но пропускает его мимо ушей, каждый раз подавляя голос совести. Он заранее освободил себя от ответственности за слышание голоса Божия.

Такое положение издревле было описано пророком Исаией, и сам Господь сослался на него: "они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их". (Мф. 13: 13, 15; Ис. 6: 9—10).

Здесь Господь обличает Своих слушателей — таких, которые только внешне создают впечатление читающих и слушающих заповеди Божии, но на самом деле решили не поддаваться их влиянию. Они, таким образом, закрыли свои глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать. Господь обличает и причину этого: они боятся, что голос Божий прозвучит слишком ясно и укор Св. Духа станет настолько убедительным, что они вынуждены будут расстаться с заблуждениями, с нечестными приобретениями, с планами на будущее, с греховными связями, ради которых они продали свои души, и не только души, но и вечную жизнь и самого Бога! Они, как и многие из нас, не отказываются читать или слушать Евангелие, но когда оно касается определенных событий или определенной заповеди, они приходят в смущение

и быстро перескакивают через них, закрыв глаза, и в тревоге убегают от голоса Св. Духа. Как раз это-то и обнаруживает необрезанность слуха: его беспокоит голос Божий, он бежит от него точно так же, как змея захлопывает ушные клапаны, чтобы не слышать заклинателя и не подчиниться ему. "О бессмысленные галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине?" (Гал. 3: 1).

Но давайте скорее исправим наше отношение к слушанию голоса Божия. Возможно, как раз в этот именно момент нам дано взять себя штурмом, сломить упрямство и гордость, отсечь от себя удовольствия и страхи и обратиться и следовать голосу Божию. "Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься". (Откр. 2: 5). Иначе чтение Евангелия будет бесполезно и принесет только осуждение.

Но для обрезанного уха нет препятствий для слышания голоса Божия, как не было его у отрока Самуила, жившего в чистоте и смирении при святилище. "Говори, Господи, ибо слышит раб Твой". (1 Цар. 3: 10). Слух таких людей открыт авторитету Евангелия; они всегда настороже, чтобы не пропустить Его зов, и готовы откликнуться, что бы от них не потребовалось. Ибо тот, чье ухо обрезано, очень мужествен и способен действовать против себя ради послушания голосу Всевышнего. Сердце, готовое на все, чего бы не потребовал от него Бог, не только не пропустит ни одного слова, но способно воспринимать каждую интонацию голоса Божия.

Итак, чтобы приобрести ухо, слышащее голос Всевышнего, нужно прежде всего быть готовым принять Его требования и управление, а также слушать и исполнять слово любой ценой. Дар слышания подается немедленно. "Каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо мое, чтобы я слушал, подобно учащимся. Господь открыл мне ухо, и я не воспротивился, не отступил назад". (Ис. 50: 4–5).

Голос Сына Божия.

"Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною". (Откр. 3: 20). Но Господь не только стучит в дверь сердца, Он зовет Своих овец по имени, для того чтобы мы услышали и позволили Ему войти в нашу жизнь, разделить слезы нашей вечери, а затем позволить нам разделить Его брачный пир.

Нам не нужно выходить, чтобы искать Бога где-то вдалеке, как бы прячущимся, — мы бы просто выдохлись в поисках Его через

воображение, размышление или исследование книг. И горячие мольбы и слезы не нужны для того, чтобы Господь пришел к нам. Господь стоит у двери нашего сердца неотлучно и стучит в нее даже теперь. Стук Его руки — это Его слова, и стучит Он непрестанно все дни нашей жизни, чтобы проснулся наш сонливый дух и услышал бы голос Возлюбленного. Он не перестанет стучать, пока не войдет к нам, потому что Он любит почивать в нас и разделять с радостью наш крест и темную ночь — ибо Он все еще любит крест. Наша беда в том, что мы сами не ценим Его обращения к нам, умаляя Его достоинство.

Мария Магдалина потерпела подобное искушение. Она, плача, стояла у гроба. И хотя Господь был рядом, она приняла Его за садовника и все просила отдать ей тело Иисуса, чтобы закончить погребальный обряд. Как бы потеряв терпение, Господь обратился к ней по имени, и она немедленно узнала Его. Как часто мы плачем, взывая к небесам, полагая, что Господь Иисус Христос там обитает, тогда как только недостаток восприятия мешает нам встретить Его. Как часто случается, что мы молимся перед Ним же, прося Его говорить к нам, чтобы мы могли услышать Его, — и все напрасно, потому что Он-то зовет нас по имени, но наше восприятие притушено житейскими заботами.

Ошибка заключается в том, что мы желаем видеть его во времени, среди повседневных забот, заполняющих нашу умственную и эмоциональную пустоту, тогда как присутствие Господа — вне вещей, вне времени и событий, Им же контролируемых. Чуткая простая душа ощущает прикосновение Его руки в своей истории спасения через все годы и события. Направляемые Всевышним, наши успехи и неудачи вместе содействуют нашему спасению положительным образом. Временные потери не являются духовными потерями, и все неприятности, огорчения и болезни есть язык Божественного провидения, секретный код, который, раскрывшись в Духе, несет воскресение и вечную радость.

Другая ошибка заключается в том, что мы желали бы слышать голос Сына Божия физическим ухом, т. е. слышать голос человека! Но голос Божий невозможно так ограничивать. Голос Божий — это сила, которая поднимает и двигает душу, освежает ее; это глубокий мир; это покой и утешение — это сама бескрайняя жизнь. Так какие же слова способны выразить Его язык и голос?

Бог не молчит. Всякий человек на земле может слышать и понимать Его голос и отвечать Ему, как если бы его позвали лично по имени. Голос Божий — это голос всех веков. Он не бледнеет и не

замирает от противных веяний; он не поддается ограничению и не возвращается к Богу пустым. И наступит время, когда Его голос вызовет от смерти всю тварь.

“Если кто услышит Мой голос” . . . Но ни один не может услышать голос Сына Божия, кроме того, кто воздвигнут в духе туда, где Бог может звать и управлять им — в область Царства и жизни с Богом, иначе говоря, в область, превосходящую повседневность. Только там человек получает от Бога управление жизнью и уразумевает промысл своего спасения через ту же повседневность. Никто не может услышать голос Сына Божия, кроме человека, который открыл свое сердце и ум к пониманию языка Того, чьи слова и тон сотканы из любви, нежности, мира, доброты и постоянной отеческой заботы, как бы ни жестока была жизнь и обстоятельства.

Если ваше ухо духовно настроено, чтобы понимать символы Божественного обращения, являемые во временных событиях, то, читая Его слово, вы услышите Господне стучание в дверь. Он будет стучать в вашу дверь то тихо, то громко, и вы услышите Его голос и в шуме бури, и в тихом дуновении. Он призывает вас открыть для Него вашу дверь, чтобы дать вам таинство брачного пира после того, как Он разделил с вами хлеб ваших слез.

Господь близко. Он смиренен и Его голос тих, тише человеческого, но глубже самой бездонной вечности.

Оказание чести чтению и слушанию Евангелия.

Тот, кто жив для Бога, не позволит ускользнуть или быть забыту евангельскому слову. Рвение благочестия очень заметно при слушании Евангелия. Такие люди представляются как бы вошедшими в присутствие Божие или стоящими вокруг алтаря в готовности принять Св. Тайны. И это не просто культивированный обычай почитания Евангелия и не благочестие напоказ, как у лицемеров. Их побуждает к тому сила, исходящая из слова, как бы из уст самого Бога.

Такое отношение было явно в ранней церкви. Некоторая ревность и почитательность продолжают наблюдаться и теперь. Церковная традиция до сих пор сохранила некоторые почитательные жесты и обряд, и священник никогда не станет читать Евангелие в церкви, не предложив специальную молитву о себе и народе, чтобы быть достойными слушания его. Перед началом чтения диакон призывает народ стать со страхом Божиим, и народ в ответ на это восклицает славу

Богу. Также и священник снимает обувь* перед чтением Евангелия, ибо он становится в присутствие Божие. Затем, после чтения, весь народ подходит и целует открытое Евангелие в руках священника со слезами и радостью. В ранней церкви это происходило от рвения, страха и любви к Слову и сохранилось в нынешней церкви как ритуал. Тот, кто ощутил в своей жизни силу Евангелия, не почитает этот обычай излишним, но простирает свое уважение еще дальше.

Имеются такие, которые всегда постытятся перед чтением Евангелия.

Иные, когда наедине, читают его коленапреклоненно.

У третьих чтение сопровождается плачем.

И божий Промысел открывается человеку чаще всего через чтение и слушание Евангелия, если он находится в состоянии смирения и молитвенности, если сердце его открыто.

* Обряд коптской церкви. Вообще там принято снимать обувь, входя в церковь.

БЕСЕДА О СОВРЕМЕННОМ КОПТСКОМ МОНАШЕСТВЕ В ПУСТЫНЕ СКИТ (ЕГИПЕТ)

О монашеском призвании

Прежде чем говорить о современном коптском монашестве, следует напомнить, что собой представляет монашество вообще, как явление христианской жизни.

Богоискательство, стремление к всецелому служению и посвящению себя Божеству — временно или пожизненно — существовало в человечестве испокон веков и в различных религиях принимало разные формы. Нам известны специально посвященные девственницы храмов древней Греции и народов Малой Азии, институт весталок в древнем Риме и т. д. В Индии искание духа уводило людей из городов в джунгли, и в VI столетии до Р. Х. там возник на основе буддизма целый монашеский орден.

Как на следы монашества, в ветхозаветном Израиле можно указать на практику назорейства, на пророков-девственников Илью, Елисея и Иоанна Предтечу, на Кумранскую общину ессеев. И особенно особенно стоит среди них Пречистая Дева, воспитанная при Храме с трехлетнего возраста и всецело посвятившая себя Богу.

Но ни одна из религий не дала такого идеала, не выпилась в такое широкое монашество, оказавшее огромное влияние на жизнь всего мира, как христианство. "Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами ради Царства Небесного". (Мф. 19: 12). Вслед за этими словами и начинается история христианского монашества.

Истоки христианского монашества лежат не в назорействе и не в ессейской общине, ибо оно по содержанию отличается от всякого вида благочестия, бывшего до Христа и Пятидесятницы. Сущность христианского монашества заключается в большой, очень личной любви к личному, живому Богу, познанному благодаря человечеству Христа и неотразимо влекущему к себе сердца Духом Святым. Это — любовь невесты-души к Небесному Жениху, превышающая всякую человеческую любовь, и потому житийная история монашества полна случаев, когда ради нее оставляемы были горячо любимые и взаимно любящие жены и мужья, невесты и женихи, дети, родители и друзья; оставлялось любимое занятие, творчество, не говоря уже о менее значительных ценностях. Вспомнить хотя бы историю преподобной

Матроны, жившей в V веке: она ради любви к Богу оставила и мужа, и единственную, любимую малолетнюю дочь.

Почти у нас на глазах прошло призвание матери Марии Скобцовой, оставившей детей, мужа, разностороннюю творческую одаренность ради пламенной любви к Христу, в которой она и сгорела в ответ на Его любовь, пылавшую в ее душе:

Вы слышите, друзья и братья,
Моя душа, моя сгорит.

"Монашество не есть отказ от личного, интимного ради высшего отвлеченного идеала служения, а есть тот же "роман" или пленение, уязвление сердца любимым", — писал о. Дмитрий Клепинин ("Вестник" РХД, № 124). А если так, то неуместен так часто задаваемый обывательский вопрос, почему человек вдруг становится монахом? и разве нельзя любить Бога и служить Ему и обществу каким-нибудь "полезным" делом? На это можно ответить тоже вопросом: а почему кто-то любит именно такого-то человека, а не другого? почему часто во имя любимого существа человек погрешает свои дарования, когда перед ним встает иная задача (его бы осудили как эгоиста, поступи он иначе)? И не шокировал ли бы любящих такой упрек может быть совершенно посторонних людей: "вот пришла блажь любить! Лучше бы кололи дрова, больше было бы пользы"?

В человеческих отношениях большая любовь, если стояли препятствия к ее осуществлению, иногда шла на страшные жертвы, вплоть до смерти и самоуничтожения ее носителей (пример Ромео и Юлии хорошо известен из литературы). Монашество же все без исключения есть жертва от начала до конца, и мученичество или исповедничество для него естественны при условиях гонения, они — пир славы,¹ а не труд, потому что любовь мученическая и любовь монашеская являются двойным выражением одной сущности, они одноприродны.

В период гонений на Церковь жизненный путь девственников и девственниц, посвятивших себя Богу, обычно завершался мученичеством. Об этом свидетельствует житийная литература. Тропарь мученице² в православном богослужении хорошо отображает два образа

¹ Во время гонения Диоклетиана преп. Антоний Великий оставил пустыню и явился в столицу (Александрию), говоря: "Поспешим к славному торжеству братьев наших!"

² Агница Твоя, Иисусе, зовет велиим гласом:
Тебе, Женише мой, люблю,
И Тебе ищущи страдальчествою,
И сраспинаюся и спогребаюся крещению Твоему,
И стражду Тебе ради...
И умираю за Тя...
Но яко жертву непорочную приими мя, пожершуюся Тебе...

этой любви. Его правильнее было бы назвать тропарем преподобно-мученице (а также преподобномученику), каковым он в сущности является (см. также кондак, обращенный к "д е в е мученице").

Нередко случается и теперь, что люди, призванные к монашеству, испытывают так называемую "мученическую благодать", и чин иноческого пострига по содержанию и духу можно было бы назвать посвящением на мученичество.

Таким образом, не случайно, что монашество, как институт, явилось вслед за прекращением гонений на церковь. Исключительная любовь, зажженная в человечестве Св. Духом ("Огонь пришел Я низвести на землю". — Лук. 12: 49; "она — пламень весьма сильный". — Пес. 8: 6), из одной формы горения перешла в другую.

Есть горение-факел, горение-пламя,
Серафимский огонь восплававшего духа:
Это — жажда горения, жажда свершения,
Лишь уголимая крестною мукой.

Есть горенье-лампада, горенье-молитва,
Что невидимо миру распялось о мире,
И елей его — слезы, и плач его — жертва
Ненасытной любви, не имеющей меры.

Им горишь, не сгорая, с предельной отдачей:
Это — трата до дна и конец ей не ведом.
То — огонь сокровенный, огонь непалящий,
То — свечение духа, что зовут тихим светом.

Но любовь человека — лишь посильный ответ души на любовь Христа, которой она привлекается и призывается к образу жизни, называемому монашеским. Эта любовь Христа, однажды испытанная, имеет неотразимое влияние на душу и способна вырвать человека из родной среды, разбить долгие отношения, традиции, установившиеся союзы. Один современный коптский подвижник в порыве великого дерзновения любящего сердца воскликнул, обращаясь к Христу: "Ты — Вор! Ты — великий Вор, укравший меня для Себя у любимой семьи, у бесценных моих друзей, у любимого дела".

Очень важно распознать, что именно Господь призывает человека на монашеский путь ("Не вы Меня избрали, но Я вас избрал". — Иоан. 15: 16), иначе монашество может остаться не только бесплодным, но и погубить те дарования, которые в иных условиях могли бы стать личным путем к Богу.

Но и на призыв Господа требуется активный творческий ответ. Непослушание призыванию может исковеркать всю жизнь, оставив ее неполноценной, неудовлетворяющей, томительной и унылой; оно может породить озлобление и даже ненависть к миру (но не ту, святую, ненависть к миру, к которой призывает Евангелие).

Момент призвания-отклика совершается многообразно. У одних он связан с евангельским стихом, прежде многократно слышанным, но в какой-то момент вдруг потрясшим новым смыслом и личным обращением (как было в случае с преп. Антонием Великим). У других этот момент связан с глубоким личным потрясением (преп. Павел Простой). У третьих монашеское призвание выражается неосознанным внутренним влечением к нему.³ У четвертых решает судьбу встреча с духоносным человеком, способным зажечь другие светильники огнем божественной любви. У пятых это встреча лицом к лицу, переживание Присутствия, поражающего сердце навывлет...

"До ревности любит Дух, живущий в нас" (Иак. 4: 5), и того, кого Господь избрал для Себя, Он не отдаст никому и ничему в мире

"Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь... она — пламень весьма сильный". (Песн. 8: 6).

"Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему". (Песн. 2: 16). Он будет водить Своего избранника через непроходимые дебри испытаний, оставлять его на краю бездны и даже попускать падение, но Он не изменит Своей любви и Своей ответственности за избранного.

Никогда не позволяйте себе иронии по отношению к монашеству как христианскому феномену, как бы ни были недостаточны его носители, какой бы суровой и справедливой критики они лично ни заслуживали. Помните, что сила Божия совершается в немощи (2 Кор. 12: 9), и за кажущимся со стороны нелепым образом жизни, за неэлегантной одеждой стоит особая любовь Христа к человечеству, изволившая не только принять на себя образ человека, но и поставить его в лице отдельных людей в интимную близость к Себе, посвятить их Себе целиком. За каждым из них стоит Жених — их и ваш. Мона-

³ Одна престарелая монахиня, очень простая, малограмотная, рассказывала о своем уходе в монастырь в 16 лет так: "Поехала с родными в монастырь поклониться святыне, а как вернулись, то я и убегла обратно. За мной приехали отец и родня, уговаривали, увезли меня домой, а я опять убегла. И еще раз так же убегла. Тогда меня и оставили в монастыре. Зачем убежала? А не знаю. Не могла жить, как прежде, и скучала по монастырю". Из этой простой деревенской девушки вышла добрая и умная монахиня.

шество — это видимый, осязаемый образ вашего невестного отношения к Небесному Жениху.⁴

Что означает слово "монах"? Оно греческого происхождения и означает "один", "уединенник". Т. е. такой человек, даже живя в обществе, занимает не совсем обычное место в нем, где приняты общительность, семейственность, родственные, профессиональные и социальные отношения и т. д. Он — иной, инок. Его непосредственные задачи также отличаются от обычных: это прежде всего искание Христа, жажда единения с Любимым, искание Его воли и Его путей. Все это достигается не на шумных дорогах жизни, а в глубине сердца ("Царство Божие внутри вас" — Лк. 17: 21), и там-то идет подлинная, напряженная жизнь монаха, требующая постоянной сосредоточенности всего существа. Вот почему монах должен быть один, не связан никем и ничем житейским — для этого просто нет ни места, ни времени... ни желания.

Отсюда произошел типичный внешний образ жизни. Вначале люди, посвятившие себя Богу, уединялись, географически не выходя из среды общества или в небольшом отдалении от него. Но такое уединение не удовлетворяло: мир постоянно вторгался в жизнь безмолвника, чуждый дух разорял внутренний мир; сопротивление ему отнимало много душевной энергии, и это ущемляло духовные возможности монаха. И монашество вынуждено было уйти в пустыню.⁵

В этом отношении Египет явился просто раем. Обитаемая долина Нила довольно узка. За ней, по обе стороны, резким контрастом лежит бескрайняя пустыня: то песчаная, то каменистая, с возвышенностями, не превышающими нескольких сотен метров. Эти горы изобиловали пещерами и древними гробницами, которые и послужили естественным жильем первых отшельников. Когда монашество разрослось и стало сосредотачиваться вокруг какого-нибудь известного подвижника, появились первые киновии. Но киновии так и не вытеснили отшельничества; они стали лишь нижней ступенью к нему, и обе формы жития существуют параллельно, дополняя одна другую.

⁴ Так же, как и священство является образом народного предстания престолу Божию. В этом смысле священники — "народные представители" перед Богом, они — самое лучшее, что Господь избирает среди нас, "царственного священства" (I Петр. 2: 9), для обращения к Нему в общественном богослужении и молитвенном ходатайстве за церковь.

⁵ Широкое пустынножитие известно уже с первой половины III века, но отдельные случаи его восходят даже к I веку: например, жизнь первомученицы Теклы в пустыне в Селевкии; Зинаиды и Филониды в Фиваиде и др.

Считается, что иночество, как институт, начинается с III века, а его основоположником является преп. Антоний Великий (251—355 гг.). До него, по свидетельству св. Афанасия Великого, "в Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни" (пример преп. Павла Фивейского был, очевидно, исключением).

В ранний период монастырем называлось вообще жилище безмолвника, его келья или пещера. Впоследствии это название распространилось на монашеское общежитие и сохранилось исключительно за ним.

Вокруг св. Антония собралось множество учеников, образовавших первую монашескую общину. Вероятнее всего, они жили по отдельным кельям или пещерам поблизости друг от друга, т. е., по теперешней терминологии, это были скитские общины. Название "скит" перешло на форму монашеского обитания от названия пустыни, где оно впервые возникло. Пустыня Скит⁶ (Шихет, т. е. "долина") лежит к югу от Нитрийской пустыни, как ее естественное продолжение. В IV веке она считалась внутренней, суровой, не всякому подвижнику доступной. Это привлекло св. Макария Великого, искавшего полного безмолвия, потому что Нитрия со временем превратилась в городок с гостиницами, банями, лавками из-за наплыва паломников, живших там подолгу. К преп. Макарию присоединились ученики, расселившиеся по отдельным кельям, вырытым или выстроенным на холмах. Группа таких келий объединялась вокруг церкви и составляла одну общину. До нашего времени сохранилось 4 таких центра с церквями и монастырями.

Таких общин у св. Антония было несколько. Нам известно, что в них не было еще писанного устава или правил. Неизвестно, существовал ли устав и в начальный период монастырей Нитрийской и Скитской пустынь. Уставное монашество появляется с преп. Пахомием Великим в Верхней Фиваиде, как необходимое средство управления многочисленной армией монахов, сосредоточенной вокруг него. Этот устав вскоре распространился и за пределы Египта и существует с некоторыми вариациями по сей день.

Форма монашества может меняться в зависимости от условий. Первоначальные отдельные убежища сливались в многотысячные общины, безмолвники из мира уходили в пустыню. Сейчас там, где монашество лишено этих условий, оно вынуждено в одиночку приживаться в городах, внешне не выделяясь из окружающей среды, т. е. перешло в скрытую форму, напоминающую первохристианскую времен гонений. (Мы здесь не будем касаться одной интересной

⁶ Нынешняя Вади Натрун или Нитрийская долина.

формы благочестия мирян, живой в Египте и поныне, стоящей на рубеже между миром и монашеством. Она приближается к форме монашества в миру, предполагает целибат и посвящена деятельному служению церкви и ближним).

Как видно из самого монашеского призвания, первым делом монаха является стяжание любви Христовой. Любовь подвигает любить и стремиться исполнить каждое слово, каждую заповедь Любимого как Его святую волю. Это требует послушания воле Божией, умения распознавать ее. Для этого, в свою очередь, необходимо очищение сердца и ума, самопознание, умение поставить границы естественным потребностям, если они препятствуют духовному росту. Нельзя забывать, что монах во всех отношениях такой же человек, как все, с той же биологией и физиологией, действующими по тем же естественным законам и требующими своего. Вот тут-то и обнаруживается, насколько дух человеческий поработан физической природой — состояние, которое мы называем "естественным", но которое далеко отступило от первоначальных норм первозданного человека. Здесь начинается одно из повседневных страданий монаха на многие годы, может быть на всю жизнь.

Все вместе взятое — духовная, душевная и физическая стороны — требуют аскетического воспитания. Аскетизм, по выражению старца Матты Эль-Мескина и традиции блаженных отцов, есть "хранение души, тела и духа святыми для Господа при помощи благодати, действительности слова Божия и Святых Таинств". Пост, бдение, молитва, труд, крайний самоотказ во всем повседневно — вот орудия монашеского делания. Но они — только орудия, только средства, а не сама цель и добродетель, и потому не могут быть безусловны в каждом частном случае.⁷

Возрастая в любви к Богу, человек достигает положения сыновства перед Ним, становится посильным причастником и участником Его достоинства и Его забот о мире. Любовь Бога к миру, устройство спасения всего человечества, сострадательность делаются также достоянием монаха, его жизнью и кровной нуждой. Отсюда непрестанное ходатайство о мире горячо любящего сердца, плач о нем и забвение себя и своих нужд ради его благополучия.

Если говорить о месте монашества в обществе, о его "полезности", выражаясь потребительским языком, то она заключается

⁷ Интересно, что о. Матта, сам великий постник, труженик и молитвенник, вовсе не упоминает этих средств в определении аскетизма, выводя его, таким образом, за рамки чисто телесного упражнения.

прежде всего в молитвенном ходатайстве о мире. Насколько действительна и оправдана эта невидимая деятельность, можно судить по тому, что в иные исторические моменты мир бывал удержан от катастрофы благодаря молитве одного или нескольких таких миролюбцев. Невозможно перечислить все примеры того, как мир был облагодетельствован монашеством — ими полна житийная литература и общая история.

Любовь не умирает. Каковы бы ни были исторические перемены, какие бы условия не стояли преградой, — монашество, как христианский феномен, как образ любви Христа и Церкви, никогда не иссякнет. Наоборот, с концом мира этот феномен станет всеобщим, всечеловеческим.

О коптском монашестве

До сих пор мы говорили об идеале, или об идеальном монашестве, т. е. о том, каким оно предполагается по призванию. В нашу задачу не входит критика действительного положения вещей — оно слишком хорошо всем известно, и часто за критикой фактов забывается самая сущность явления. Важнее разглядеть на общем печальном фоне положительное явление, выявить его как свидетельство неумирающей жизни Духа.

Таким мне представляется братство монастыря св. Макария в египетской пустыне Скит.

История любого известного монастыря начиналась с личности, вокруг которой, как вокруг центра, группировались последователи. История Скитской пустыни начинается с преп. Макария Великого, удалившегося туда из Нитрийской пустыни для большего безмолвия. Вскоре вокруг него образовалась многочисленная община, прославившаяся многими святыми. После арабского завоевания в первой половине VII века нам почти ничего не известно о жизни прославленной пустыни. По рассказам макаритов, в X веке два события, следовавшие одно за другим, запечатлели конец ее истории: повальная эпидемия чумы, унесшая почти все население пустыни, и землетрясение, погребшее остальных вместе с церквями и другими постройками. Каким-то чудом жизнь сохранилась и теплилась до наших дней в Макарьевом монастыре. В 1969 г. в него влилась горсточка отшельников из Райанской пустыни, и с этого времени начинается новая история монастыря и, возможно, всей Скитской пустыни. Поэтому предшествовавшая ей история Райана и ее отцов неотделимы от истории сегодняшнего монастыря св. Макария.

Монашество в Египте, как и повсюду, с течением времени почти сошло на нет, из живого и живительного явления превратившись в форму благочестия. Упадок отражал общее состояние церкви. С течением веков арабский язык вытеснил местный, коптский, язык народа даже из церкви. Неграмотность и безответственность в языковом отношении были вопиющими. Богослужбные книги не переиздавались и постепенно исчезли из многих церквей. Бывали случаи, когда священник читал молитву возношения по где-то обретенному листку с коптским текстом, которого он не понимал и который оказывался торговым договором о приобретении недвижимости!

Разумеется, находились люди, душевно болевшие за церковь и пытавшиеся что-то изменить к лучшему. Таким оказался один делец — богатый и влиятельный человек, отдавший все свое состояние, время и энергию на возрождение коптского литургического языка, на печатание богослужбных книг и на церковно-лингвистическое образование сограждан.

А в монашество около этого времени стала вливаться, после долгого перерыва, интеллигенция. Одними из первых ученых монахов явились будущий епископ Самуил (погиб 6 октября 1981 г.) и о. Матта Эль-Мескин (в миру д-р Иосиф Рауф).

Отец Матта родился в Среднем Египте в многодетной семье среднего достатка. Уже с четырехлетнего возраста проявилось особенное благочестие ребенка. (Нужно отметить необычайную по нашим стандартам высоту благочестия коптов-мирян: трехкратное в день коленопреклоненное моление с четками, посты — общеприняты и не считаются чем-то особенным. В посту не вкушают и не пьют даже воды до трех часов пополудни, и это при полной рабочей нагрузке). Когда мать становилась с четками на молитву, малыш становился на колени рядом, тоже с четками, и повторял за матерью все движения и слова. Делал он это, как вспоминал после, по внутреннему влечению, с большой охотой.

В семилетнем возрасте с ним произошло необычайное событие, оказавшееся указанием и на личное призвание, и на будущее монастыря св. Макария.

За многолюдством и неимением отдельной постели, мальчик спал вместе со старшей сестрой. Как-то ночью ему не спалось. Вдруг он увидел, как у противоположной стены комнаты стали образовываться из света какие-то три благообразных старца. Вид их был и величествен и привлекателен. Старцы зажгли свечу. Пораженный и восхищенный видением, мальчик захотел немедленно поделиться

с сестрой и стал ее расталкивать. Сестра с трудом подняла голову от подушки, посмотрела, куда указывал ей брат, пробормотала сквозь сон "вижу, вижу" и снова повалилась спать. Брат будил ее несколько раз за ночь, показывая на чудесных старцев со свечой, но каждый раз сон сваливал сестру. Сам же он не сомкнул глаз всю ночь, любуясь на старцев. Утром он возбужденно рассказал семье о видении, но родные ему не поверили, решив, что это был сон. Мальчик настаивал и передал все подробности еще и еще раз, упомянув и про свечу. Именно свечой родные решили убедить его в нереальности видения, т. к. в доме свечей не было и в помине и светильником служила керосиновая лампа. Мальчик сказал, что старцы поставили горящую свечу в нише в стене. Все пошли в ту комнату, где он спал, и что же находят: в нише стоит недогоревшая свеча с оплывшим воском!

Это было бесспорное доказательство. После этого случая родные стали почитать отрока и считать его благодатным. Когда раз в несколько недель выпекался хлеб на всю семью, его просили погрузить руки в муку на благословение и помолиться.

Те три старца глубоко запали в душу Иосифа, и, вероятно неосознанно, его влекло к ним, в их чин, потому что он с ранней юности уже был уверен, что станет монахом. Те три старца были три Макария: Великий, Александрийский и Мученик более позднего времени. Мощи всех троих покоятся в одной раке в монастыре св. Макария, о чем в то время — и вероятно гораздо позже — Иосифу не было известно.

Окончив школу, Иосиф уехал в Каир изучать фармакологию. Монастыри он не посещал, говоря, что, войдя в первый же монастырь, он там останется навсегда. По этой причине он не был и на Синае.

В церковной жизни коптов есть очень важные учреждения, повлиявшие на судьбы многих мирян и неоценимые для Церкви. Это регулярные религиозные семинары и постоянные деятельные ячейки из мирян и духовенства, действующие как продолжение семинаров. На семинары съезжаются со всего Египта. Приглашают своих и зарубежных лекторов и подвижников. Кроме лекций, бесед, обсуждения общецерковных и повседневных вопросов, ведется изучение коптского языка, совершаются богослужения, передается древняя духовная традиция и личный духовный опыт. На призвание многих из отцов только в одном Макарьевом монастыре повлияли эти семинары. Там они встретили о. Матту, и это определило их неясные искания личного пути к Богу.

Но и у самого о. Матты монашеское призвание оформилось на семинарах и прицерковных собраниях. Как-то на одном из общинных

собраний или семинаре он услышал гимн, который, возможно, слышал неоднократно до этого. В гимне говорилось о любви Христа и ответной любви души к Богу. Иосиф пережил этот гимн, как личное обращение к нему Бога, и пылко откликнулся на призывание. После этого не осталось ничего иного, как довершить призывание делом. Он оставляет хорошо поставленное дело, друзей, родных и отправляется поездом к Фаюму. От Фаюма путь его лежит на юго-запад, в пустынный монастырь преподобного Самуила.

Случилось ему в поезде встретиться с давнишним приятелем-евреем. Приятель был преуспевающим дельцом, рад был встрече. Разговорились. Когда он узнал, куда едет д-р Рауф, он стал его всячески отговаривать, приводя те доводы, какими обычно отговаривают от монашества. Повидимому искренне любя друга, он предлагал ему и деньги, и выгодное дело, причем, с каждым отказом Иосифа он повышал сумму. Наконец, истощив все, что мог предложить, он вынужден был бессильно отступить.

Д-р Иосиф Рауф прибыл в монастырь преподобного Самуила в 1948 г. и вскоре был пострижен с именем Матты в честь апостола Матфея.

Духовная одаренность о. Матты проявилась уже в первые монастырские годы. К нему потянулись за духовным руководством, но он вначале отказывался. Только после того, как один из молодых иноков пригрозил, в случае отказа, оставить монастырь и уйти в мир, о. Матта согласился. В то время его монашеский стаж насчитывал всего четыре года.

Несколько образованных молодых людей, знавших о. Матту по семинарам, последовали за ним в монастырь и стали его первыми учениками и долголетними спутниками. Высоко стоящая в культурном и духовном отношении группа молодых монахов привлекала благочестивых мирян, которые видели в ней начало духовного возрождения своей церкви и несли обильные пожертвования, тут же прибиравшиеся к рукам настоятелем и другим начальством, но в самом монастыре эта группа стала одиозной. Монастырь был разрушен почти до основания. Упадок был полный и в нравственном отношении.

Молодые монахи ревностно принялись за восстановление церкви и постройку келий. Работа тяжелая, как при постройке пирамид, потому что современная техника была не по средствам. Носили на себе камни и песок в корзинах. Существование было полуголодное; мука, из скудных запасов которой выпекались хлебцы, была порченная, пропахшая несекомыми. Бывало, для того чтобы согреться

и возбудить энергию к работе, за неимением чая заваривали перец! Но энтузиазм и иноческое горение покрывали все, вливали энергию в тощие тела, помогали переносить болезни, не оставляя труда и молитвы, а также терпеть грубость и недоброжелательство старших.

Со временем, когда монастырь преподобного Самуила был восстановлен, о. Матта и его ученики обособились, поселившись в нескольких километрах от монастыря, но не прерывали с ним связи. Они были новым вином, которого не вмещали старые мехи. Теперь их деятельность была посвящена книге. К тому времени о. Матта познакомился с тем церковным деятелем, который занимался восстановлением коптского литургического языка и печатанием богослужебных книг (о нем упоминалось выше). Этот человек привлек ученую монашескую группу к своему делу.

Вскоре их пригласили заняться восстановлением монастыря Эль-Сурьяни в пустыне Скит (с 1951 по 1956 г.). Там они поселились в пещерах за монастырем. Монахи обнаружили и привели в порядок очень ценную старинную библиотеку, занялись изучением книг, богословием. Вначале их приняли хорошо, игумен и поместный епископ были к ним расположены. Но потом началась зависть и пошли интриги.

За эти годы о. Матта был рукоположен в священники (1951 г.), написал свою первую книгу "Жизнь православной молитвы" (1953 г.) и с 1954 по 1955 г. был представителем патриархии в Александрии. Приглашался на религиозные семинары с беседами о монашестве. Под впечатлением этих бесед и личного духовного обаяния о. Матты некоторые из его слушателей становились монахами и его учениками.

Вернувшись в монастырь преподобного Самуила, о. Матта и его ученики снова занялись постройкой келий: с 1956 по 1959 г. отстроено 30 каменных келий. Затем их снова вызвали на работу в монастырь Эль-Сурьяни, но обстановка там была настолько тяжелой, что им пришлось его покинуть, пробыв там всего лишь 70 дней. До книг их не допускали. Лишили даже тех книг, которые они принесли с собой. Братская их любовь грубо отвергалась. Их практически выгнали. Вот тогда-то старец вышел в пустыню с одной лишь Библией, с которой никогда не расставался, и, поглаживая ее на груди, говорил словами простого русского мужика-погорельца из "Откровенных рассказов странника": "Слава Богу! Библия избежала огня".

Ветхие мехи явно не вмещали нового вина. Новое движение, новый дух требовали иных, независимых форм. Райнская пустыня привлекала старца.

Еще будучи в монастыре преподобного Самуила, старец однажды удалился на окраину этой пустыни, ища полного безмолвия. И вот

однажды там предстал ему в некотором отдалении огромный и очень древний монах, внушавший глубокое благоговение, даже некий страх. О. Матта увидел также одного молодого монаха, своего ученика, который дерзко подошел к древнему старцу и стал ощупывать его лицо и туловище. Потом он обратился к о. Матте и с презрением сказал, что этот старик нереален, что он просто древняя мумия. Но о. Матта понял этого старца иначе: он ощутил в нем соборный образ всего иночества от древних веков, который, хотя стар, но не умер и даже обладает жизненной силой. Это видение было знамением и призванием отрыть и воскресить иноческую жизнь в духе древних святых отцов. Последующая деятельность о. Матты показала, что он правильно понял его и смог осуществить, поскольку до сих пор позволяли обстоятельства. А тот дерзкий молодой монах (увы, постриженник о. Матты) сделался впоследствии архиереем и причинил своей церкви и своему духовному отцу немало горя.

Раянская пустыня необитаема или почти необитаема. Но не так-то просто оказалось добиться разрешения от своей же церкви на поселение в ней. После нескольких абсурдных перипетий с высшим духовенством, рассказывать о которых слишком долго, о. Матта с шестью учениками погрузили свои незатейливые пожитки и книги на две машины, которыми их одолжили друзья, и двинулись в Раянскую пустыню.

В глубокой пустыне не было даже следов твердого пути, где можно было бы проехать машине. Долго они ныряли по барханам и выбились из сил. Наконец, подъехали к какому-то колодцу с солоноватой водой, у которого два араба поили стадо коз. Монахи спросили одного из них, который казался добрее (другой араб был одержим и находился в припадке беснования), имеются ли тут поблизости пещеры. Тот сказал, что на некотором расстоянии от колодца есть засыпанные пещеры, следы которых он видел, охотясь в тех краях за сокровищами. В одном месте он и его приятели обнаружили пещеру со следами очага. Этот же добрый араб предложил им быть проводником. Переложили вещи на двух его верблюдов и отправились. Пришли к означенным холмам, расплатились с проводником и стали устраиваться на ночлег. Первую ночь провели под открытым небом, а с утра занялись откапыванием пещеры, что казалась побольше других. Старец предполагал устроить в ней общее помещение, где можно было бы совершать богослужения, устраивать агапы и печь просфоры. Он наметил для рытья участок размером 6×4 метра, а когда докопались до пола, то к удивлению обнаружили и место для алтаря, и трапезную, и очаг, как планировал старец.

В отрытом помещении они жили поначалу все семеро, покуда не вырыли себе отдельные кельи. Старец почти не спал: днем работа, а ночью то один брат встает молиться, то другой. Распорядок дня был простой: в 7 утра начинали работу; около 10 пили так называемый "чай": отвар картофеля на соленой воде; и снова работа до обеда, т. е. до 9 вечера. Обед состоял из горсточки картофеля и риса. Потом не осталось ни картофеля, ни муки для хлеба. Вероятно, в то голодное время они ели так называемый пустынный "виноград" вместе с волками. Подводило молодые животы, от голода не спалось. Но в душе царилла радость, не покидало вдохновение, окрылявшее и жизнь, и труд.

Самый младший из монахов, помимо общих строительных работ, обслуживал всю братию: носил воду, готовил еду. Колодец с солоноватой водой находился в полутора часах пути от келий. Чтобы наполнить водой сосуды каждого и свой, брату приходилось ходить к колодцу три раза в день, т. е. на воду уходило в день 9 часов, считая по 3 часа в оба конца. Старец щадил брата, как мог: он не мыл свою посуду, а лишь тер ее песком.

Монахи жили по отдельным кельям-пещерам. В ночь с субботы на воскресенье собирались в свою церковь на всенощное бдение, причащались. В воскресенье днем сходились на трапезы-агапы, за которыми предлагались духовные беседы и чтение.

Постепенно число братии увеличилось до 12. У каждого из них своя интересная судьба, могущая составить отдельный рассказ. Раянская жизнь была богата духовными и житейскими событиями.

Жизнь по образу древних пустынных отцов, замечательный духовный наставник, переживание Божественной помощи и заступления в трудные моменты и обильное утешение Духа выковывали не только стойков-монахов, но и будущих духоносных старцев.

Так прошло 10 лет. В 1969 г. патриарх Кирилл VI попросил раянцев перейти в пустыню Скит и заняться восстановлением монастыря св. Макария. С большой неохотой иноки покинули Раян.

В Макарьевом монастыре их ожидал не только тяжелый труд, но и радость: к ним присоединилось много молодых людей с различным специальным образованием, горящих тем же огнем, который в свое время вывел их из мира в пустыню. И если бы позволили обстоятельства, то не пустовал бы ни один скитский холм на много километров вокруг.

Жизнь монастыря св. Макария уже была описана в общих чертах (см. "Вестник" РХД № 133). Мне хочется дополнить ее несколькими рассказами об иноках монастыря, потому что люди составляют его содержание.

* *

*

Раньше говорилось, что эпитимий старец на накладывает. В последнее мое посещение я столкнулась с фактом, что эпитимия к монахам применяется. Но как!

Есть там один чудный о. К., один из самых первых учеников о. Матты и его келейник. Он прекрасный, пожалуй, самый лучший священник монастыря. Седой, благообразный старец. И вот его-то о. Матта отстранил от совершения литургии и причастия на месяц. Со стороны может показаться, что и причина-то была, можно сказать, незначительная: о. Матта поручил ему лично наблюдать за ремонтом древней крепости на территории монастыря, когда придут рабочие из Верхнего Египта; рабочие прибыли и работали уже две недели, а о. К. не знал, т. к. никто ему не сказал об этом. Вот и вся его вина. Но за внешней "жестокостью", "несправедливостью", "абсурдностью" наказания скрывается самая чуткая и разумная отеческая любовь старца. Дело в том, что другие отцы-священники часто переключались на о. К. службу своей чреды, а он не отказывал из любви к ним и был таким образом перегружен и многими своими, и их делами. Естественно, он переутомился и не уследил за рабочими. Так вот, чтобы дать ему отдых, старец отлучает его от причастия, потому что в таком случае он не может совершать литургию и уже никто из отцов не сможет просить его заменить их. С другой стороны, этот урок доводит до сознания других, что все они отвечают друг за друга, что от их безответственности страдает их брат. Принимая во внимание любовь братьев друг к другу и чувство совести, можно представить, как тяжело переживается наказание брата, пострадавшего по их вине.

Вообще макариты говорят, что наказания получают только старшие, "великие", и сыновья понимают эпитимии правильно, расценивают их как любовь.

Сейчас в монастыре больше 90 человек. Каждый из них приучается к самостоятельности и ответственности. Создается впечатление, что все они готовятся для возглавления многих общин, вероятно прозираемых старцем в неясном пока будущем.

* *

*

В связи с темой об эпитимии и причастии мне хочется рассказать об одном католическом монахе, подвизающемся в этом монастыре.

Отец В. природный египтянин. Предки его были православные копты, но потом, в силу исторических событий, некоторые из них перешли в католичество. Отец В. родился в известной католической семье. Получил блестящее образование: он талантливый архитектор и прекрасно владеет французским и английским языками. Православие влекло его: в нем он ощущал духовные корни свои и своего народа. Но и католическую церковь он любил по-сыновнему. Сам очень духовный монах, о. В. сердечно привязался к о. Матте и стал его учеником. Несмотря на препятствия со стороны высших духовных властей, старец берет о. В. в свой монастырь. Когда готовились выборы последнего патриарха, была выставлена кандидатура и о. Матты, но он снял ее ради того, чтобы иметь свободу "непослушания": если бы его кандидатура прошла (что было очень вероятно), то церковь могла бы потребовать от него удаления католика из православной общины — иначе поднялся бы канонический переполох. А будучи простым монахом, он несет только личную ответственность за этот частный случай.

Таким образом о. В. остался в монастыре. Но патриарх запретил ему причащаться, как ни ходатайствовал о. Матта. Отец В. принял это решение как несение страдания за разделение церковей. Совершались литургии, приходили праздники — великие и малые, — все отцы приступали к Чапе, соединялись с Христом, а о. В. тихо, молча нес страдание в сердце. Нужно очень любить Христа и иметь опыт Причастия, чтобы понять, что он переживал.

Бог не оставил его. Ему даны редкие духовные дарования. Его любит братия. И трогательно, нежно любит его старец.

Недавно церковная обстановка в Египте несколько изменилась, и первое, что сделал старец, воспользовавшись благоприятной ситуацией и своим влиянием, — он добился от правящего Синода епископов разрешения допустить о. В. к причастию.

Так как о. В. католик, то по внешнему благочинию (но только по внешнему!) он занимает место младшего среди отцов в трапезной, уступая его лишь послушникам. Как говорилось раньше (см. "Вестник"), монастырская трапезная устроена так, что, рассаживаясь по старшинству, младший оказывается по левую руку от старца. Послушники вскоре принимают постриг и пересаживаются на соответствующее место, "а я, — говорит о. В., — таким образом, как и любимый ученик Иисуса, всегда оказываюсь на груди учителя".

* *

*

Есть в монастыре скромный, но замечательный инок, о. Херувим, инженер по образованию. Однако его теперешнее занятие посвящено уходу за животными на одном из агрономических участков монастыря и диаконскому служению в церкви, когда бывает его череда. Живет он по большей части в палатке на своем участке. Для большего безмолвия оборудовал себе молельню в перевозочной машине, на которой прибыл из Европы опекаемые им коровы и быки.

До монашества о. Херувим (в миру Авраам) отбывал воинскую повинность в саперной роте, занимаясь обезвреживанием мин и неразорвавшихся снарядов, которыми изобилуют египетские пустыни после продолжительных войн. В тот период его горячая любовь к Христу и Его заповедям нашла деятельное выражение в самопожертвовании: он брал на себя задание других, ограждая их от смерти. Пять лет он разряжал мины и бомбы за себя и товарищей. Бывало, что снаряды взрывались и товарищи уже оплакивали Авраама, но Господь хранил его невредимым. Сколько же раз за пять лет он исполнил наибольшую заповедь Христа: "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан. 15: 13)? И потому, когда, будучи уже монахом, о. Х. жаловался старцу на отсутствие у себя монашеских добродетелей, тот ему ответил: "Если за всю свою иноческую жизнь не совершишь ни одной монашеской добродетели, то и тогда имей спокойную совесть, как совершивший все".

Перед постригом брат Авраам очень волновался. Он пошел в пустовавшую в то время церковь св. Макария, чтобы помолиться. Вошедши в алтарь, он воскликнул в душе, обратив взгляд вверх: "Кто бы помог и укрепил меня в этот ответственный час!". И увидел в потолке фреску крылатого Херувима, сохранившуюся от древнего времени. Он почувствовал, что был услышан, что он не один, что его хранит небесный Херувим, и уже спокойно пошел на постриг. Каково же было его изумление и радость, когда он услышал во время пострига свое новое имя — Херувим!

Вообще при наречении имен старец являет удивительную прозорливость и вдохновение свыше. Есть еще несколько отцов, которые в душе желали быть нареченными в честь определенного святого, о чем старец не знал. Все они получили эти имена.

О. Херувима постригали вместе с двумя другими братьями. Так вышло, что все трое работают на ферме, хотя на разных участках, и всех троих связывают особенно теплые братские отношения.

Самое заветное желание о. Херувима? Оно вполне в духе его небесного покровителя: преодоление разделения церковей и всяческих

барьеров, "чтобы мы все, единые в братской любви, причащались из Единой Чаши".

* *
*

Рассказанное здесь включает лишь часть повествования, которое могло бы составить, если изложить все слышанное и пережитое, все личные истории монахов и мирян. Жизнь православной коптской церкви очень богата и близка нам. Она напоминает о далеком прошлом Единой Православной Церкви.

Один из старцев-макаритов спросил меня, почему русская и коптская святость так близки, так притягивают друг друга? И сам же ответил: "Потому что и тот и другой народ одинаково и на один образ восприимчивы к действию Св. Духа, чутки к его веянию".

БОГОСЛОВИЕ ЕВАНГЕЛИЯ ИОАННА БОГОСЛОВА*

9. Крестная страсть.

Четвертое Евангелие в рассказе о крестной страсти Христовой имеет свои особенности, не встречающиеся у синоптиков. Конечно, наряду и с отдельными совпадениями. Оно, как и всегда, предполагает или подразумевает синоптиков, даже когда отличается от них. Общее его отличие от них и здесь состоит в том, что оно преимущественно отражает божественную сторону происходящего в Богочеловеке, в сравнении с синоптиками, более сосредоточивающимися на человечестве Христове. Этим определяется и выбор особенностей, как отсутствующих в Четвертом Евангелии, так и ему одному свойственных.

Прежде всего, у Ио. совершенно отсутствует все Гефсиманское борение, которое занимает такое существенное место у синоптиков. Это борение сам Христос определяет как смертельное: "душа Моя скорбит смертельно" (Мф. 26. 38); "начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно" (Мр. 14. 33, 34), и настолько, что "явился к Нему ангел с небес и укреплял Его. И находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его как капли крови, падающие на землю". (Лк. 22. 43, 44). Все это отсутствует у Ио., тогда как у синоптиков отсутствует вся прощальная беседа. Гефсиманское борение, "смертельная скорбь" Христова, соответствует Его душевному умиранию, той агонии, которая предшествует смерти телесной и ее сопровождает. Она есть изживание греха мира, отяготевшего на Искупителе.

За этим умиранием душевным следует крестная страсть с умиранием на кресте, с разлучением души с телом, которое по-человечески переживает Господь. Это и выражено в предсмертном вопле: "Или, Или! Лама савахфани! Боже Мой, Боже Мой! вскую Ты Меня оставил?" (Мф. 27. 46; Мр. 15. 34), после чего следует кончина: "опять возопив громким голосом, испустил дух". (Мф. 27. 50; Мр. 15. 37). "Отче, в руки Твои предаю дух Мой". (Лк. 23. 46). Этим преходится порог между жизнью и смертью, и прекращается смертное борение, наступает покой субботствования во гробе, с сошествием в ад и восшествием духовным к Отцу: "во гробе плотски, во аде же с душой яко Бог, в рай же с разбойником, и на престоле был еси с Отцем и Духом, вся исполняя..." В смертельной тоске душевной совершается смертью Богочеловека на кресте наше спасение. В повествовании синоптиков к этому присоединяются и еще некоторые черты, относя-

щиеся опять-таки к человечности Господа: здесь следует особенно отметить всю обстановку взятия и суда, враждебные издевательства над Христом даже у креста, поношение разбойников, распятых с Ним (Мф. 27. 44). К этому ев. Лука еще присоединяет рассказ о разбойнике благоразумном, (23. 40-43), вместе с упоминанием о словах Господа, обращенных к плачущим еврейским женщинам (27-30). Вообще вся обстановка заставляет вспомнить слова ев. Луки (4. 13) о том, что после искушения Христа в пустыне "диавол отошел от Него до времени". Теперь же наступило это время для нового и последнего Его искушения, не только чрез посредство Иуды, в которого вошел сатана, но и чрез все его послушные орудия, людей, исполненных сатанинской злобы ко Христу.

Все эти черты отсутствуют, хотя и подразумеваются, у Ио.: вовсе нет Гефсиманского борения, но сразу начинается рассказ о взятии Иисуса, с некоторыми подробностями, свойственными лишь Иоанну. Конечно, все они производят впечатление рассказа очевидца, сохраняющего в душе неумирающий образ событий. Следует здесь отметить некоторые черты, имеющие и символическое значение. Сюда относится не только разговор с Пилатом об истине и о царстве (18. 33-38), но и словесный жест Пилата, истинного значения которого он и сам не понимает. Именно, он выводит к иудеям Христа, одетого в венцы и багряницу, одежду царственного унижения, со словами: "се, Человек" (19. 5), в желании вызвать к Нему снисходительное сострадание, вместо которого слышатся ответные вопли: "распни, распни Его". (19. 6). Но не есть ли и это ессе homo еще одно, но уже последнее, повторение истины, уже возвешенной в Прологе: "Слово стало плотью и обитало с нами" (1. 14), но в зраке раба, в одежде унижения, которые, однако, не упраздняли царственного достоинства Сына Божия. Об этом и дано было свидетельствовать бессознательно и самому Пилату, как словами: "Царя ли вашего распну" (19. 15), так и надписью на кресте: "Царь Иудейский" (19. 19, 21, 22). Далее здесь мы имеем и еще одну символическую черту — нераздранность нешвенного тканого хитона, этого образа церкви, за чем следует и живой ее образ в лице Матери Иисусовой, с усыновлением Ей возлюбленного ученика, а в лице его, конечно, и всего человечества Христова.

Эти обе черты, наполненные глубокого символического и догматического смысла, отсутствуют у синоптиков, как отсутствуют, в свою очередь, у Ио. подробности крестной смерти, ими сохраненные. Зато у Иоанна дается еще одна черта, опять-таки глубокого символического значения, у них отсутствующая: "после того, Иисус, зная, что все уже совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд полный уксуса. (Воины), напоивши уксусом губку и наложивши на иссоп, поднесли к губам Его. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось. И, преклонив голову, предал дух". (19. 28-30). Само по себе упоминание о губке, исполненной уксусом

* Окончание. Начало см.: "Вестник РХД" №№ 131, 134, 135, 136.

и данной Иисусу одним из воинов (Мф. 27. 48; Мк. 15. 36) в качестве издевательства над Ним (Лк. 23. 26), имеется у синоптиков. Однако только здесь, у Ио., оно сопровождается знаменательными словами: "после того, Иисус, зная, что все уже совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду". (19. 28). Прежде всего, к чему относится эта последняя ссылка на Писание: может ли она подразумевать пс. 68. 22: "и дали мне в пишу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом". Конечно, возможно и это, аналогично другим случаям применения ветхозаветных пророчеств у Ио. Однако это толкование здесь, во всяком случае, не может быть единственным, да и вообще трудно укладывается в контекст, который скорее требует здесь самого расширенного понимания "да сбудется Писание" — в применении ко всему спасительному делу Христову. За это говорят слова контекста: "после того Иисус, зная, что уже все свершилось" ... После чего именно? И что есть это все, уже свершившееся? Если "после того" взяты в ограничительном смысле, отнеся это к непосредственно предшествующему, то оно указывает на усыновление Иоанна Пресвятой Деве, что в свою очередь означает основание Новозаветной Церкви на земле. А в более расширенном смысле это может относиться ко всему содержанию Евангелия, раскрывающего основную общую истину: "и слово плоть бысть". Но можно понимать это "совершишася" и в узком смысле, относя его к крестной страсти, после которой наступает смерть: "сказал: совершилось! и преклонив главу, предал дух". (19. 30). Поскольку это соответствует и синоптическому: "Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои предаю дух Мой. И сие сказав, испустил дух". (Лк. 23. 46). Но конечно, это должно быть, во всяком случае, понято и в самом широком смысле, в применении ко всему делу спасительного воплощения, а также и в обширнейшем — ко всему миротворению, предел и совершение которого достигается лишь чрез богопрошение. Здесь может быть еще раз, и с другой стороны, установлена связь между "после того" и "зная, что все уже свершилось, Иисус..." Свершение, "после которого" и последовало о том свидетельство Христово — "совершишася", — относится не только к боговоплощению, но и к богоматеринству. Оно может быть понято не только космологически, но и мариологически. Ибо можно сказать, что цель миротворения есть явление в нем Пресвятой Богородицы и воплощение Христа чрез него. Поэтому и неслучайным является этот контекст евангельского последования: "после того" и "совершишася".

Рассказ о крестной смерти Христа в Четвертом Евангелии включает и еще одно, отсутствующее у синоптиков, упоминание о пребитии голени у распятых, однако кроме Иисуса, которому не пребили голени, как уже умершему. Вместо этого копьем пронзены были Его ребра, "и тотчас истекла кровь и вода". (19. 34). Мы уже касались

этого выше. Повидимому, и весь эпизод с пребитием голени является лишь рамой для этого события (Св. Грааль), также имеющего догматическое значение. После этого уже следует погребение Божественного мертвеца с положением Его в саду во гробе новом (19. 41).

10. Явления Господа по воскресении.

Следует прежде всего отметить ту особенность Четвертого Евангелия, что оно (подобно Мф.) не содержит повествования о Вознесении Господнем, но кончается иначе, обрывается на земных явлениях Христовых. Догматически это, конечно, не может означать уклончивости с умалением веры в Вознесение, которая достаточно засвидетельствована на протяжении всего Евангелия самим Господом. Сюда относятся следующие тексты: в беседе с Никодимом Господь говорит о Себе (менее оснований приписывать слова эти евангелисту,* а не самому Господу): "никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий (сущий на небесах)". (3. 13). Сын Человеческий есть мессианское именование, употребительное как у синоптиков, так и у Иоанна. Вся фраза построена не в отношении к последовательности времени восхождения, которое, понимаемое как вознесение, еще не совершилось (несмотря на перфективную форму глагола), как и схождения с небес. Здесь выражена та общая мысль, что то и другое между собой связаны. В беседе в Капернауме говорит Господь — очевидно, о Вознесении Своем: "Что же, если увидите Сына Человеческого, восходящего (туда), где был Он прежде". (6. 62). Это явно относится к мысли о божественном достоинстве Сына Божия.

Отсутствие рассказа о вознесении Господнем восполняется неким богословским на него указанием, именно в явлении Марии Магдалине. Оно относится не к совершившемуся, но еще лишь совершающемуся вознесению и выражено в следующих словах Господа: "не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему, а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему". (20. 17, 18).

Этот рассказ также содержит в себе некоторые таинственные черты. Прежде всего неясно, почему и в каком смысле возбранено Марии прикосновение к Господу, которое было, очевидно, обычно ей во дни Его земного служения. Пред воскресением Лазаря, еще так недавно, Мария же "... пала к ногам Его и сказала..." (11. 32). Такое запрещение не применялось и ни к кому другому из искавших к Нему прикоснуться.* * Даже по Воскресении в явлении ап. Фоме

*Бернард, с. 112.

** "Имеющие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его". (Мр. 3. 10). Так было и с кровоточивой. (Мр. 5. 25-34; Мф. 9. 20-21; Лк. 8. 43-48).

Господь не только разрешает, но даже повелевает ему прикоснуться к Немю: "подай руку твою и вложи в ребра Мои". (20. 27). Мы не найдем этому последнему эпизоду объяснения бесспорного и обречены теряться в предположениях. Имело ли прикосновение Марии само в себе нечто неуместное, однако, это трудно допустимо из всего характера ее отношения к Господу. Или же в переходном состоянии Воскресшего на пути к Вознесению были какие-то к тому препятствия, однако миновавшие уже при явлении Фоме или же для него просто и не существовавшие. К этому надо еще далее прибавить, что здесь свидетельствуется именно о некотором состоянии не совершившегося, но еще совершающегося восхождения Христа ко Отцу Своему. У тех евангелистов, у которых вообще имеется рассказ о вознесении Христовом (Мр. 16. 19, 20; Лк. 24. 50–53; Д. Ап. 71. 2–11) о нем сообщается лишь как о внешнем событии. Здесь же, у Ио., напротив, как о становлении внутреннем, хотя ближайший характер его и не определяется. Из сопоставления же этих двух прикосновений – Магдалины и Фомы – заключаем, что речь идет о двух различных стадиях восхождения, хотя, впрочем, нельзя быть уверенным даже и в этом, поскольку различие в отношении к прикосновению могло относиться не к этому состоянию восхождения Христова, но самих прикасающихся, Магдалины и Фомы. Разделить же эти два эпизода, помещая между ними уже совершившееся восхождение, а также новое, второе пришествие Христа в мир, как делает это о. Кассиан,* нам представляется произвольным и неубедительным. Во всяком случае здесь одно неизвестное лишь заменяется другим.

После явления Христа Магдалине в гл. 20 и 21 описываются два явления Христа ученикам, которые не имеют для себя параллели у синоптиков и представляют собою в этом смысле заведомое восполнение их повествованию. Первое явление обозначается как "в тот день вечером, в одну из суббот" (20. 19). Если понять это как простое хронологическое обозначение события, тогда придется его отождествить с тем днем, когда на рассвете Марии Магдалине явился Господь, а явление ученикам совершилось уже вечером того же дня. Затруднение возникает в ненужном как будто для хронологического обозначения прибавления: *τῆ ἡμέρα τῆ ἐκεῖν τῆ μὲ τῶν σαββάτων* – в день тот в одну из суббот, (причем и явление Марии так же точно обозначается как *τῆ μὲ τῶν σαββάτων* – в одну из суббот). К этому надо еще прибавить, что "день тот" *τῆ ἡμέρα ἐκεῖν* есть мистический *terminus technicus*, который имеет несомненно эсхатологический характер, означая новое пришествие Христа в духе, хотя и без точнейшего обозначения времени (ср. 14. 20 *ἐν ἐκεῖν τῆ ἡμέρα*; 16. 23, 26). Во всяком случае, он его не содержит (таковым он является в 20. 19).

* Arch. Cassien. La Pentecôte Johannique. Ср. наш критический разбор этой гипотезы (не напечатанный).

Поэтому здесь получается экзегетическое двойство: именно, соединяются две даты, мистическая и хронологическая, причем ударение может быть сделано как на первом, так и на втором значении, если не соединять их оба вместе. По мистическому смыслу "в день тот" сливается с этим же выражением в прощальной беседе во всей его эсхатологической неопределенности. По мистическому контексту исполнение обетования о "дне том", когда Воскресший явится ученикам в Св. Духе или, что то же, ниспослет его ученикам, начинается уже с этого явления Христа, поскольку Он здесь уже посылает им Духа Святого: "сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого". (20. 22). Однако нет прямого основания и никакой необходимости (вместе с о. Кассианом) отождествлять это явление с Пятидесятницей. Нельзя отрицать, что вообще оно к ней относится, но лишь в том расширенном, а вместе и неопределенном смысле, какой ему вообще свойствен в Четвертом Евангелии. То, что в Деяниях Апостолов изображается как единократное и в себе законченное событие, то у Иоанна, в прощальной беседе и тут, есть [неразб.] силы его, которое распространяется на сей век и будущий, начинается же еще здесь и прежде Вознесения, куда и относится рассматриваемое явление Господа. В этом смысле, если оно и может быть называемо "Иоанновой Пятидесятницей", то лишь в особом, ограниченном смысле. Ученикам дается здесь иерархическая власть отпущения или оставления грехов силою Св. Духа, но этим лишь сообщаемая им сила и ограничивается. Она даже не простирается на совершение Евхаристии, которого мы не наблюдаем даже после Вознесения, но ранее Пятидесятницы. Согласно Деяниям Апостолов, "преломление хлебов" отмечается лишь после нее. Поэтому рассматриваемое явление Христа ученикам с сообщением им власти сакраментального отпущения грехов точнее может быть обозначено как пред-Пятидесятница (на языке литургии это может быть названо предпразднеством). К предпразднеству же, или к пред-Пятидесятнице следует отнести и последнее явление Христа по Мф. 28. 18–20, где Он свидетельствует о данной Ему "всякой власти на небе и на земле" и дает им в качестве последнего напутствия заповедь крещения и научения вместе с обетованием пребывания с ними во все дни до скончания века. Это обетование и власть крестить с повелением учить несомненно также входит в полноту Пятидесятницы, хотя и остается неопределенным в отношении к временам и срокам ее. (Эта неопределенность относится здесь даже и к тому, есть ли эта власть и повеление дар апостольско-иерархический, или же общехристианский: церковь, распространяющая власть крестить и на мирян, тем самым истолковывает этот текст в расширенном, но зато и неопределенном смысле). Вообще для правильного богословствования о Пятидесятнице и ее дарах, очевидно, необходимо отказаться от узкого и формального ее понимания, в которое не укладываются разные проявления ее силы, но

следует понимать ее как совершающуюся и продолжающуюся на протяжении всей истории церкви до скончания века, "всегда, ныне и присно и во веки веков". Однако начало ее следует полагать от Воскресения Христова, т. е. даже ранее Вознесения Его, согласно Матфею и Иоанну. Воскресение было в этом смысле Пятидесятницей Христовой (имеющей свое начало, впрочем и еще ранее, уже при крещении), а потому и пребывание Христа на земле является нераздельно соединенным с почитанием Св. Духа на Нем, которого Он и посылает.

Описание внешней обстановки явления Христа ученикам, хотя и "дверем затворенным", также предполагает историческую конкретность. Особой чертой этого явления следует считать прежде всего приветствие "мир вам", притом дважды повторенное (19. 21). Оно, конечно, созвучно словам прощальной беседы: "Мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам". (14. 27). (Ср. также у Лк. 24. 36). Вторая черта рассказа: "показал им руки и ребра". (У Лк. 24. 40 с вариантом — "ноги" вместо "ребра"). Кроме того значения, которое эта черта получает в рассказе о явлении Фоме, не следует ли видеть здесь последнего, заключительного подтверждения истины: "и Слово плоть бысть", в которую не вносится отмены или ограничения и воскресением Христовым. Подобное же подтверждение истины боговоплощения имеется и у Луки, где это сопровождается еще нарочитым призывом: "осяжите Меня и осмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня". (24. 39). И "взяв, ел пред ними" (24. 43), даже и так свидетельствует здесь Христос о той же истине. В отличие от своего обыкновения не повторяет, но лишь восполняет синоптиков, Иоанн здесь именно повторяет и тем еще раз подтверждает основную истину, провозглашенную в Прологе. Третья особенность данного явления есть "Иоанновская Пятидесятница": "как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, (на том) останутся" (20. 21–23). Очевидно здесь мы также имеем созвучие с текстами как Мф. 16. 19 и 18. 18, так и Деяний Апостолов 2. 1–4, все это должно быть понято в контексте с Пятидесятницей, хотя и не может быть ей прямо приравнено. В отношении к догмату нисхождения и ниспослания Св. Духа, как он изложен в прощальной беседе, здесь подтверждается, что Дух, от Отца посылаемый, сообщается чрез Сына, т. е. правильное понимание *filioque* означает только *di' tou patros*. * Однако Дух Святой имеет быть не только посланным через Сына, но еще и принятым теми, кому Он посылается. Свидетельства же о принятии мы здесь еще не имеем, почему это и должно быть приравнено не совершившейся Пятидесятнице, но лишь пред-совершившейся.

* Как справедливо замечает Бернад. с. 678.

Власть, данная Христом в этом явлении апостолам, относится к прощению или оставлению грехов (20. 23), причем она непосредственно связывается с "принятием Св. Духа" (20. 22). Эта же власть дается, по Мф. 16. 19, Христом апостолу Петру, в данном случае представляющему всю 12-рицу, а в 18. 18 и прямо относится к "ученикам" (Мф. 18. 8). Здесь (впрочем, как и у Иоанна) еще ничего не говорится о фактическом применении даваемой власти, она лишь провозглашается для будущего, конечно, не только как отвлеченность, но и как некоторая благодатная реальность. Поэтому приходится признать, что Пятидесятница вступает в некую силу даже до Воскресения, очевидно на основании личной Христовой Пятидесятницы в Крещении, в отношении же к "Иоанновой Пятидесятнице" эта является еще более предварительной. Поэтому если мы эту последнюю станем считать пред-Пятидесятницей, то повествуемую в Евангелии от Матфея надо понимать как пред-пред-Пятидесятницу, т. е. самую первую ее ступень. Таким образом, и с этой стороны мы еще раз приходим к принятию общей идеи об ее многоступенности, относительно которой в Евангелиях Матфея и Иоанна нам открыты уже две ступени, предваряющие третью, всеобщую Пятидесятницу дня сошествия Св. Духа.

Рассказ об этом явлении Христа ученикам включает еще и вторую часть (Ио. 20. 24–29), о повторном Его явлении после восьми дней* уже в присутствии ап. Фомы, при первом явлении отсутствовавшего. Здесь имеется и приветствие Христа: "Мир вам" (20. 26), хотя лишь однократно. ** Христос обращается к Фоме, который в ответ на радостное свидетельство учеников, что они "видели Господа" (20. 25) ранее отозвался сомнением. Он сам поставил для себя условием своей веры, очевидно, не одно только видение, которое могло оказаться и галлюцинацией, но и осознательное удостоверение в подлинности тела чрез прикосновение к нему. Христос в ответ на это сомнение сам предложил ему вложить перст свой и руку свою в ребра Его и быть не "неверующим, но верующим" (20. 27). Однако самое прикосновение оказалось излишним, Фома и без него "сказал в ответ: Господь мой и Бог мой". Он исповедал веру в Воскресшего Господа, хотя это и не освободило его от кроткого упрека: "ты поверил, потому что увидел Меня, блаженны не видевшие, но веровавшие". (Ио. 20. 29). Господь как будто не хочет умалить его здесь в сравнении с другими апостолами, о которых сказано: "ученики обрадовались, увидев Господа". (20. 20).

* Эта точность в обозначении срока, и вообще свойственная Иоанну, еще раз подтверждает, что при всей неопределенности эсхатологической перспективы "дня того" здесь описывается земное, конкретное событие, не прерывающее связь времен, но в нее вмещающееся, хотя и имеющее в себе свою, сверхвременную глубину.

** Думается, что этому различию в двукратности и однократности приветствия можно и не придавать больше значения, кроме как фактической подробности события.

Остается все-таки неясным, есть ли умаление Фомы в этом сопоставлении, или, даже напротив, особое выделение Фомы, ради которого было особое явление Господа, об этом не свидетельствуется. Притом Фома не так уже и отличается от других апостолов, которые обрадовались, лишь увидев Господа, ранее же того не выходили из состояния "страха иудейского" (из-за чего и собирались "при запертых дверях"). Да от Фомы и требуется здесь нечто большее, чем от других апостолов: "блаженны не видевшие, но веровавшие". Это относится уже ко всем христианам, настоящего, прошедшего и будущего, лишенным прямого лицезрения Христа. Таков должен быть всеобщий подвиг веры в Воскресшего, и таково назидание Фомы, которое и представляет основную тему повествования. Однако при этом все-таки остается не вполне ясным, почему же Фоме, в его охлажденности чрез сомнение, предоставлено было то, в чем было отказано пламенной любви Магдалины, именно прикосновение к Воскресшему. Остается заключить, что как различны были прикасающиеся и их прикосновения, так и различно к ним было отношение Господа.

Прикосновение предложено было Фоме, в удостоверение того, что боговоплощение сохранило свою силу и после Воскресения. (Сюда же относится и Лк. 24. 29, а также Мф. 28. 9). Мария же и не нуждалась в таком удостоверении, при всей нерушимости ее веры, по крайней мере об этом ничего не сказано в Евангелии. Также можно думать, что и вообще прикосновение, как выражение почитания и восторга, не было возбранено после Воскресения, согласно Мф. 28. 9, где о женщинах, именно о Марии Магдалине и другой Марии, сказано, что "оне приступивши ухватились за ноги Его и поклонились Ему", не встретив никакого тому противодействия со стороны Иисуса, (ср. 28. 10). Очевидно, возбранение Христом прикосновения к Нему относится к области ее особого ведения о тайне Его восхождения. Это именно и предполагается в самом запрещении: "не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему". Господь поведал ей о не совершившемся еще, но лишь совершающемся восхождении, как о чем-то, доступном ее разумению. Он тем самым не умаляет, но выделяет ее особую, интимную близость к Нему, проистекающую из этого ведения и им свидетельствуемого. Это же вытекает и из дальнейшего текста: "Мария же Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и (что) О н э т о с к а з а л е й" (Ио. 20. 18). Очевидно, в "этом, сказанном ей" заключалось какое-то особое откровение, доступное только ей, но чрез нее сообщенное и ученикам. Поэтому не о возбранении прикосновения радостной и благоговейной любви здесь идет речь, поскольку оно ранее уже и было допущено (Мф. 28. 10), но о некоем новом духовном, а может быть и евхаристическом уже общении, для которого действительно тогда еще не настало время, хотя и близилось уже, здесь говорится.

Однако, если принять такое толкование, то из него возникают уже новые трудности. Первая вытекает из сопоставления Мф. 28. 1 (которое, согласно общему предположению, ведомо Иоанну и включено в контекст Четвертого Евангелия) с рассматриваемым Ио. 20. 17. Как их соотнести: есть ли это одно и то же событие, по-разному лишь рассказанное, или же мы имеем здесь два разных, но тогда как же их координировать между собой? Первое предположение содержит в себе еще большие трудности, чем второе, поскольку оба его варианта так различаются в подробностях: у Мф. 28. 1 названы Мария Магдалина и другая Мария, здесь же одна Мария Магдалина, притом с особой подчеркнутостью л и ч н о г о отношения ко Христу, ибо, к кому же другому был обращен столь л и ч н ы й призыв по имени — Мария! — который прозвучал в ее сердце и был отвечен столь же личным откликом: Раввун! Здесь, в этих двух словах, проявляется во всей силе л и ч н а я встреча со Христом той, которую — не забудем этого, — именно согласно Четвертому Евангелию, "любил" Иисус вместе с Марфой и Лазарем (Ио. 11. 36). Вспомним только всю потрясающую изобразительность этого рассказа. Тогда Мария невозбранно "пала к ногам Его" (Ио. 11. 32), и "Иисус, когда увидел ее плачущей... сам восскорбел духом и возмутился", а далее и "прослезился Иисус" (11. 35). И далее она же, эта Мария, во время вечера, уже после воскресения Лазаря, в доме своем, "взявши фунт народного чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами ноги Его". (Ио. 12. 3). Тогда Иисус не только не возбранил этого, но даже вступился за нее против Иуды Искариота, сказав прямо: "оставьте ее (не тревожьте ее, не препятствуйте), она сберегла это на день погребения Моего" (12. 7). Можно ли было еще более отметить и принять это выражение благодарной и преданной любви, нежели это было сделано здесь? И, конечно, любовь Марии к Господу за протекшие дни и часы страстей стала не меньше, но еще больше, если только могла увеличиться, после стояния у креста и всех переживаний страсти Христовой, крестной смерти и погребения. Однако она осталась еще прежняя, земная, человеческая. Христос же зовет ее теперь на новую, высшую ступень общения с Ним, как евхаристического, так и непосредственно духовного, которая, однако, станет доступна ей, совершится для нее и для всего мира с Его окончательным восхождением к Отцу, т. е. с прославлением. Таким образом, сама из себя эта н о в а я встреча с Христом становится понятна. Она не есть отвержение или прекращение ее любви ко Христу, но ее новое утверждение. Она уже не только Мария, хотя и та, которую любил Иисус, но ж е н а, согласно обращению к ней сначала двух ангелов, а затем и самого Иисуса. В ее лице очевидно совершается сретение Воскресшего с человеческим родом в женском его естестве. Но во всей полноте его являет иная великая Жена, усыновившая у креста возлюбленного ученика и в нем Церковь, "Жена, облеченная в солнце".

Очевидно, это обращение "жено" относится не только к Марии, но и к сокрывающейся за ней Жене, Деве-Матери, которой, по свидетельству преданий, Христос явился первой, ранее Марии Магдалины. Во всяком случае личностный характер этого явления последней не мог быть разделен с другими женщинами, которые, согласно другим евангелистам, вместе с Марией пошли ко гробу и принесли от ангела весть о воскресении. Сюда относится Мф. 28. 1: "по прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб", и там они услышали от ангела весть о воскресении (28. 5, 6). Далее они "со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их и сказал: радуйтесь. И они приступивши ухватились за ноги Его и поклонились Ему" (Мф. 28. 8, 9). Сюда же относится и Мр. 16. 1, 2: "по прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы помазать Его; и весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца". Далее сообщается об отваленном от гроба камне и явлении ангела с вестью о воскресении, однако не говорится о встрече с Господом. (Мр. 16. 3–8). Напротив, во втором заключении (Мр. 16. 9) говорится только о Марии Магдалине: воскресши рано в первый день недели, (Иисус) явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов". У Луки (24. 1) "в первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ("женщины": Лк. 24. 22, 24) ко гробу и вместе с ними некоторые другие". Далее говорится об отваленном от гроба камне и явлении двух ангелов, возвестивших им о воскресении, а за этим последовало и извещение апостолов об этом (Лк. 24. 2–9): "То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария (мать) Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем апостолам" (24. 10). Личное явление Христа женщинам и здесь отсутствует. Из всех этих сопоставлений явствует, что имя Марии Магдалины в числе мироносиц упоминается во всех синоптических перечнях, и в разных соединениях, но не говорится об явлении Христа ей одной, как у Иоанна. Остается неразрешимым, как понимать соотношение этих двух вариантов, — синоптического (который, впрочем, содержит в себе по крайней мере еще два разных варианта: Мф. 28. 9 и Мр. с Лк.) — и Иоанновского. Они могут быть без противоречия соединены так, что явление Христа одной Марии должно быть как-либо включено в общий контекст последования события — в середине или в конце его. Четвертый же евангелист в таком, хронологическом, смысле вообще не интересуется точным контекстом с синоптиками, как бы он не был точен сам в определении времени относительно им самим повествуемых событий. В данном же случае для него имеет значение не внешний хронологический и топографический контекст, но внутренний, для которого важно особое выделение встречи Господа с Марией одной, наряду с общей встречей и поклонением Христу всех жен-мироносиц,

с нею включительно. В подтверждение этого внутреннего контекста можно сказать здесь только одно: оба варианта не противоречат между собою, а только различаются и в этом смысле один другим дополняются.

Глава 20, кроме своего прямого содержания (1–29), имеет еще как бы *post-scriptum* — ст. 30, 31, — который, с одной стороны, подчеркивает фактическую неполноту повествования Иоанна, в частности отсутствие в нем многих "других чудес", а с другой — определяет общее богословское его задание: "дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий". Этим как будто подводится последний его итог. Однако, вопреки ожиданию, за этим следует еще глава 21, с *post-scriptum* подобного же содержания (21. 25), составляющим второе заключение Евангелия и в этом смысле как бы к нему эпилог. Гл. 21 содержит в себе рассказ об явлении Господа на море Тивериадском, отсутствующий у синоптиков. Его хронологическая дата определяется словами "после сего", во всей неопределенности этого выражения. Для характера этого заключения* одинаково существенно не только то, что в нем содержится, но и что отсутствует. Отсутствует же Вознесение Господне, как и всякое вообще указание конца земного Его служения. Глава 21 в этом смысле заканчивается как бы многоточием (23), которому равнозначен по общему контексту и ее *post-scriptum*: 24, 25. Хронология описываемого явления настолько неточна, что при желании остается возможность отнести его даже ко времени после Вознесения (о. Кассиан), разумеется, насколько это может быть допущено по общим богословским соображениям. (Что остается все-таки спорным).

Не менее неточным является и время "третьего" явления Господа ученикам, описанного в гл. 21. Действие здесь переносится из Иерусалима на берег "моря Тивериадского", в Галилею, в обстановку рыбной ловли. К ней, как к прежнему своему промыслу, теперь возвратились ученики с Петром во главе. Все события, с этим связанные, имеют характер описательно-аллегорический, — и прежде всего, своеобразное первенство Петра среди учеников, проявляемое на этот раз в рыболовном промысле: "иду ловить рыбу", а ученики отвечают: "идем и мы с тобою". Далее следует таинственное появление Иисуса на берегу, и после ночной неудачи в рыбной ловле чудесный улов с особо указанным мистическим числом пойманных рыб — 153, и трапеза со Христом после ловли, сопровождаемая беседой с Петром во время ее. Мы остановимся лишь на этой беседе, которая звучит неким таинственным аккордом, завершающим "духовное" евангелие. На первом плане здесь стоит троекратное вопрошание Петра о верности его в любви к Учителю. Вне всякого сомнения, оно содержит

* О нем соображения см. у Бернард. с. 687–692: the Appendix.

торжественное свидетельство о прощении Петру троекратного его отречения от Христа, с восстановлением его во апостольстве. Есть достаточное основание думать, что такое прощение распространяется и на всех апостолов, поскольку все они, вслед за Петром, (Мф. 26. 35) сначала выражали уверения в верности Христу, а после того с ним вместе бежали (26. 56). Тот же Петр ранее исповедовал и веру во Христа на пути в Кесарию Филиппову, от лица всех апостолов, и конечно теперь он нуждается в особом восстановлении. Рассказ этот содержит в себе молчаливый ответ и на общее недоумение относительно дела Христа на земле после Его отшествия из мира, именно, о судьбах апостольства. Понятно, что и ответ на это недоумение дается от лица старца Иоанна, возлюбленного ученика Христова ("сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие, и знаем, что истинно есть свидетельство его". — Ио. 21. 24), и конечно, заведомо после смерти Петра, а также надо думать, и других апостолов.

Насколько вообще нельзя оспаривать известного представительного первенства Петра в отношении к другим ученикам, настолько же слабо является самоуверение католиков, что это прощение Петра означает особое утверждение его "примата", который уже во всяком случае было бы больше оснований утверждать в отношении возлюбленного ученика. Последний не получал прощения, но он один только и не нуждался в нем, как и в подтверждении своего апостольства, потому что в нем оно и не было прервано изменой. Центральное место в главе 21 и занимает это троекратное вопрошание Петра от Господа — "любишь ли Мя" — и ответное его заверение в любви. Для выражения "любишь, люблю" в греческом тексте чередуются глаголы *ἀγαπᾶν* и *φιλεῖν*. В первых двух вопросах Христа Петру сказано: *ἀγαπᾶς με*, и только в третьем: *φιλεῖς με*. Петр же все три раза настойчиво отвечает *φιλω σε*. При всей трудности точно установить специальное значение того и другого выражения,* в данном контексте все-таки остается различие оттенков — от меньшего, сравнительно безличного, к большему, более личному, дружескому, интимному. На испытующий вопрос Христа Петру о любви его к Нему, Петр сразу же отвечает уверением в любви исключительной, на которую он всегда и ранее притязал, хотя и оказался не в силах явить ее. И только в третьем вопрошании Господь как бы соглашается перенести вопрос и суждение о Петре как бы в иную плоскость. Особый оттенок вносится также и различием обращений Христа к Петру:

* См. сопоставления у Бернард, 702–704. Из них проистекает, что оба слова *ἀγαπᾶν* и *φιλεῖν* безразлично употребляются для выражения любви Бога к человеку, Отца к Сыну, Иисуса к человеку, человека к другим человекам, человека к Иисусу, человека к Богу, так что в общем они являются фактически синонимичными, как это признается и в патристической письменности. См. сопоставления у о. П. Флоренского. Столп и утверждение истины.

"паси агнцев Моих" — *ἀρνία μου* — в первый раз, и "овец Моих" — *τα πρόβατα μου* — во второй и третий. Здесь как будто имеется восхождение от меньшего к большему, от начального к более всеобъемлющему. Пастырские задачи Петра тем все более расширяются здесь, и конечно не его одного, но с ним вместе и других апостолов. Далее следует, очевидно в свидетельство полноты прощения, дарованного Петру, пророчество о его крестной, мученической кончине,* причем оно выражено в аллегорической форме, которая одинаково неблагоприятна римскому его истолкованию в применении к примату — в его абсолютности и непогрешительности: "другой препояшет тебя и поведет куда не хочешь". Но это, конечно, не умаляет дарованного Петру прощения: "и сказав сие, говорит: иди за Мной" (21. 19).

За этим следует самое таинственное место в 21 главе. Получив прощение, Петр быстро и легко возвращается к своей нетерпеливой экспансивности. Он уже вопрошает Господа об Иоанне: "сей же что?". Видеть в этом вопросе какое бы то ни было подтверждение примата и вытекающего из него пастырского попечения Петрова об Иоанне потому уже не приходится, что Господь прямо отклоняет такое понимание вопроса, как ложное притязание. Он не только оставляет его без прямого ответа, но и еще прямо подтверждает его несоответственность: "что тебе (до того), Ты иди за Мной". (21. 22). Таким образом возлюбленный ученик поставляется здесь во всяком случае не ниже Петра, и если не выше, то уже по крайней мере ему равным.** Самая же личность Иоанна облекается здесь особой торжественностью и значительностью, как будто даже в прямом противополжении трижды отрекавшемуся Петру: "Петр же обратившись видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: "Господи! кто предаст Тебя; его увидев, Петр говорит Иисусу. . ." (21. 20). Это дорогое воспоминание снова звучит еще раз в конце Евангелия, явно во свидетельстве того, кто же именно был тот, о котором вопрошает Петр, как будто не сознавая всей неуместности самого вопроса, как будто бы с некоторым даже притязанием на первенство над ним. А может быть, здесь проявилась и почти бессознательная ревность, невольное, но и всегда напрашивающееся сопоставление двух приматов: иерархического и пророческого. Ответ же Иисуса является и вдвойне таинственным. Во-первых, он неожиданен по содержанию: ведь Петр не спрашивал Господа, умрет

* В данном случае мы имеем заведомое *vaticinium post eventum*. Мученическая кончина Петра здесь уже предполагается ведомой как самому евангелисту Иоанну, так и его современникам. Ударение же относится не к пророчицанию о самом факте, в качестве не наступившего еще будущего, как *et ante eventum* но к особливому изъяснению этого факта из уст Христовых, хотя, конечно, и ранее его наступления.

** См. мой очерк: "Петр и Иоанн, два первоапостола".

ли Иоанн, такой вопрос был бы даже непонятен и странен в его устах. Самое большее, о чем Петр мог бы здесь думать и спрашивать, есть лишь о взаимоотношении, в каком он станет к Иоанну теперь, после своего прощения и восстановления в апостольстве или даже первоапостольстве. И ответ получается вполне определенный: ни в каком. Тебя это не касается. "Что тебе?" Во-вторых, и самое содержание слов Христа о смерти Иоанновой таинственно, поскольку оно двойственно и непонятно. Из него нельзя с бесспорностью утверждать ни того, ни другого, или же, быть может, оно содержит в себе какое-то соединение того и другого: не сказано, что Иоанн не умрет, как и не сказано, что он умрет. Но самое главное, что вопрос ставится даже не о смерти Иоанна, но о том, пребудет ли он до пришествия Господа. Здесь сверкнула эсхатологическая молния в этих словах, относящихся ко второму Пришествию Господа. Но оно предполагает, очевидно, и предшествующий уход Его из мира.

Как можно понять это состояние между жизнью и смертью, соединяющее и то и другое? Не значит ли это, что в Иоанне, именно как в возлюбленном Христовом ученике, силою этой его любви ко Христу, произошло то, что совершается не только в смерти, но и за смертью, как ее преодоление, т. е. что он воскрес телесно, или же только духовно — ранее всеобщего воскресения. И это-то состояние особой силы и легкости выражается в слове "пребыл" — в этом мире.

Этой тайной судьбы Иоанна и завершается его Евангелие. Он сам здесь свидетельствует о себе слово, слышанное им из уст Христовых, тогда и им самим до конца не уразуменное, сохраненное же в его Евангелии в качестве некоего личного Апокалипсиса. Здесь может скрываться даже еще и намек на грядущие созерцания апостола-апокалиптика, которые также находятся на грани двух миров, жизни здешней и загробной. Возлюбленному апостолу дана такая близость к Воскресшему, при которой становится доступно загробное состояние или даже жизнь воскресения. Таково последнее слово его откровения о себе самом. Оно сказано здесь, на земле, но уносится в небеса, как слава сына Громова.

И здесь-то, в конце Евангелия, неожиданно вдруг сверкнула эсхатологическая молния. Это есть обетование второго Пришествия: "пока прииду" — ἕως ἔρχομαι, — дважды повторенное (21. 22, 23). Оно как будто случайно, мимоходом, непреднамеренно обронено здесь, как придаточное предложение обстоятельства времени. Но оно содержит в себе торжественное окончание не только Четвертого Евангелия, но и всего Четвероэвангелия. Оно есть его последнее слово: отстраняя неуместную пылливость Петра, Господь пользуется ею в качестве повода для того, чтобы дать это обетование. И оно было, очевидно, услышано, по крайней мере этими двумя апостолами: Петром и Иоанном, и сохранено для мира, поведано ему чрез посредство последнего. Хотя Четвертое Евангелие как будто не заканчивается, но

обрывается, и прямо не говорит ни о Вознесении Христовом, ни о том, что следует за ним, но оно содержит в себе основное эсхатологическое откровение, и есть, в этом смысле, Е в а н г е л и е к о н ц а. И все это содержится в сем громовом слове Господа, сохраненном в Евангелии сына Громова: "Пока прииду". Одного этого слова достаточно, потому что оно все содержит.

Все земное Евангелие смыкается в этом "пока" — ἕως — оно в известном смысле такое п о к а. В Четвертом Евангелии действительно нет прямого рассказа о Вознесении, как он есть у Марка и Луки, но, согласно обычаю четвертого евангелиста, молчаливо предполагающего уже известным и в этом смысле как бы само собою разумеющимся все синоптическое повествование, оно подразумевается. Да и в собственном тексте у Иоанна, как мы видели, неоднократно говорится об отшествии Христа из мира сего к Отцу. Однако в данном случае мы имеем даже большее: прямое, хотя и молчаливое указание на предстоящее Вознесение Господа, как удаление Его из мира. И это содержится все в этом кратком, но столь многозначном и выразительном п о к а, которое объемлет собою время о т и д о, от отшествия до второго пришествия Господа: "дондеже прииду". Если Он говорит это, еще пребывая в этом мире и в нем своим ученикам являясь, как о предстоящем Своем в него возвращении, то это значит, что Он сразу включает в это п о к а не только возвращение, но предшествующее ему отшествие* из мира, т. е. Вознесение. Мало того, здесь подразумевается, что вся человеческая история, после Боговоплощения до второго Пришествия и до конца мира, есть это п о к а, существует и уразумевается в свете этого второго Пришествия. Таким образом это пока включает в себя всю силу и содержание Апокалипсиса, как запредельное свершение эсхатологии. Оно есть некий духовный купол, осеняющий собою мир. И из этой выси небесной полнозвучно раздается обетование Христа: п р и и д у. "Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро. Аминь". И на это ответствует Иоанн Апокалиптик, а с ним и всякая верующая душа: "Ей, гряди Господи Иисусе".

* Таким образом, это пока оказывается равносильным словам ангела, явившегося после Вознесения апостолам по Деяниям Апостолов (1. 11): "сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо".

МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БЫТИЯ

Публикация Темиры Пахмусс

Карл Карлович Гершельман (1889–1951), поэт, художник, писатель, критик и эссеист, принадлежал к ревельскому Цеху поэтов (1933–1938), общее направление которого более или менее соответствовало поэтической программе акмеизма. Большое тяготение у участников этого Цеха – Павел Иртель фон Берндорф,¹ Юрий Иваск, Мета Роос, ее сестра Елизавета Базилевская-Роос, Борис Нарциссов и Николай Андреев – наблюдалось также к поэзии и художественной прозе Ивана Бунина.

Сын генерала (от медицины) из известной балтийской семьи, Гершельман родился в Севастополе, образование получил в Кадетском корпусе (1909–1916) и в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. Высокий, стройный, с прекрасной военной выправкой, он служил капитаном лейб-гвардии в 3-ей Артиллерийской бригаде. Затем поступил на философское отделение одесского университета, но был вскоре призван в Белую армию. Воюя в войсках Врангеля и Деникина, затем был интернирован больше чем на год в Галлиполи (Дарданеллы). Через Румынию, Болгарию и Польшу Гершельман пробрался в Ригу, а в 1922 г. переехал в Ревель, где работал чертежником-графиком в министерстве земледелия. Он занимался также художественно-декоративными работами, иногда выставляя свои графические произведения в городах Эстонии. По мнению Юрия Иваска, лучшим из них была картина "Рай".²

В 1940 г., после занятия советскими войсками прибалтийских стран, Гершельман со своей семьей выехал в Польшу, затем в Германию, где в гор. Eichstätt работал иллюстратором детского католического журнала и писал Распятие в местном монастыре. Павел Иртель, редактор и издатель сборников "Новь" (Ревель, 1933–1935), пригласил Гершельмана иллюстрировать эти сборники. Обложка к пятому номеру "Нови" была исполнена Гершельманом.

Известный критик и эссеист, Петр Пильский, покинувший Петербург после революции 1917 г. и поселившийся сначала в Ревеле, потом в Риге, высоко ценил философские и художественные произведения Гершельмана. В рассказах Гершельмана мы находим размышления о сущности человеческого бытия, о его духовной

реальности, о смерти и о других метафизических вопросах. Столкновение в этих рассказах фантастического с эмпирически-реальным создает неожиданно живой эффект. К сожалению, многое пропало в архивах Николая Оцупа в Париже.

Вопросы духовного порядка, составлявшие "самое главное" в творчестве Гершельмана, особенно очевидны в сочинениях религиозного характера. В статье "О Царстве Божием"³ он раскрывает возможность не только преобразования на земле внутреннего мира человеческой личности, но и распространения вокруг нее Царства Божия – любви. В духе поучений Зосимы у Достоевского, Гершельман считал, что Царство Божие – прежде всего внутри нас, что любовь способна преобразить мир. "Тот" и "этот" миры тесно связаны; они сосуществуют.⁴ Смерть – это единственный и настоящий враг жизни, "уход из нее". Только после победы над смертью (и страха перед нею), как непреложного закона, можно говорить о смысле и значении человеческого существования. Задача человека на земле – "выщедить из жизни содержащийся в ней рай и закрепить его в чистом виде... Всякое зло поправимо, кроме смерти. Надо и смерть сделать поправимой, – это воскресение", – пишет Гершельман в другой статье, "Об игре".⁵ У него много рассказов на тему смерти (и самоубийства), проникнутых иронией и "игрой",⁶ как, например, рассказ-миниатюра "Самоубийца и звезды",⁷ "Рассказ без заглавия",⁸ и еще неопубликованный рассказ "Переход".

"Учение" Гершельмана о рае и об "игре" произвело большое впечатление на Юрия Иваска: если лучшее в жизни – игра, то она должна продолжаться и в потустороннем мире. Особенно важными были в его глазах следующие откровения Гершельмана:

"Чтобы жизнь сполна превратилась в игру, надо и жизнь сделать немного игрушечной, – это воскресение.

Чтобы превратить жизнь в рай, надо победить две вещи: скуку и смерть. Игра побеждает и то, и другое.

Жизнь – вечно-детское в творении. Серьезна по-настоящему только одна смерть.

Смерть только тогда будет побеждена, когда вечность наполнится смехом, беспричинным, как детский.

Мы не можем собственными силами создать вечного блаженства, но мы можем собственными силами создать "хорошую бесконечность". Это – игра".⁹

Это "учение" об игре нашло свое выражение в поэме Иваска "Играющий человек. Ното Ludens":

А кто Играющего человека
Давно мне подсказал и Рай-игру
Сегодняшнего-будущего века?

Я драгоценный ларчик отопру,
Где рукописи Карла Гершельмана,
И старой дружбы вешние каштаны
Десятилетия тому назад
И ныне резедовыми свечами
Нас изумят...¹⁰

Иваск вспоминает в своей поэме вечера, проведенные с Карлом и Елизаветой Гершельман, когда они втроем часами беседовали о философии Бердяева, Федорова, о поэзии Блока, Осипа Мандельштама и других поэтов. Гершельман любил произведения Достоевского (о котором он написал реферат и ряд статей), Блока (некоторые поэмы которого он иллюстрировал), Георгия Иванова и Ходасевича. Среди его философских произведений, близких по замыслу и метафизической тематике к романам Достоевского, находится интересное сочинение "Мифы о происхождении бытия. О замысле", печатающееся здесь впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стихотворения П. Иртеля вышли в 1981 году в издательстве УМСА-Press.
2. Ю. Иваск. Памяти Гершельмана. "Новый журнал", Нью-Йорк, 1952, XXXI, стр. 313.
3. "Опыты". Нью-Йорк, 1955, кн. IV, стр. 76–86.
4. См.: Зинаида Гиппиус. "Выбор?" "Возрождение", Париж, 1970, № 222, стр. 50–77. Подготовила к печати Темира Пахмусс. См. также статью Юрия Терапиано "О Царстве Божием" Гершельмана в "Русской мысли", от 21-го января 1961 г.
5. "Опыты". Нью-Йорк, 1953, кн. VI, стр. 23.
6. Ю. Иваск. Играющий человек. "Возрождение". Париж, 1973, № 240–242.
7. "Опыты". Нью-Йорк, 1958, кн. IX, стр. 68–69.
8. Там же, стр. 69–73.
9. Об игре. "Опыты". Нью-Йорк, 1956, кн. VI, стр. 23–24.
10. "Возрождение". Париж, 1973, № 240, стр. 18.

Мифы о происхождении бытия. О замысле.

1. В открытой для всех возможностей исходной свободе, как одна из этих возможностей, возникает бытие. Абсолютно-свободное, не встречающее себе никакого сопротивления, оно не замечает себя. Чтобы заметить себя, оно себя ограничивает, создает сопротивление, противопоставляет себя другому, из одного становится многим. Возникает множественность, разделенность — мир, и противопоставленность, единство — Бог.
2. Обе противопоставленные части и соединяющее их единство — все возникает "одновременно". Делится ли единство пополам или оно удваивается, повторяя себя, — безразлично, как мы назовем этот акт. Каждая из точек первоначальна, каждая выделяет из себя другую; и вместе с тем — каждая производна, каждая выделяется другой.
3. Дальнейшее нарастание множества идет тем же порядком: разветвлением наружу или расчленением внутрь — что одно и то же. Нет мерила, которое позволило бы определить, является ли этот процесс внешним ростом или внутренним усложнением.
4. Сосуществование частей создает пространство, последовательность — время. Мир — это движение, изменчивость; Бог — неизменное в изменчивости, неподвижное в движении. "Первый неподвижный Двигатель, из которого исходит всякое движение". (Боззиус). Бог — лежащая в основе движения воля к движению, (идея) замысел, его вызывающий.
5. Если я хочу взять со стола карандаш, то моя воля одновременно и причина возникающего движения, и его цель. Желание вызывает, регулирует и завершает движение, само оставаясь на всех его стадиях неприметным. Таким неизменным желанием, ведущим замыслом, причиной и целью одновременно является Бог по отношению к изменчивой, текучей мировой действительности.
6. Желание порождает движение, Бог создает мир. И вместе с тем: тот, кто движется, порождает желание — первоначальный хаос создает Бога. Жизнь — это одновременно и воля к бытию, порождающая бытие, и бытие, порождающее волю. (Бог поднимается из хаоса, как струя к чистому бытию из первоначального недифференцированного бытия-небытия).
7. Хаос ("Божественность" Мейстера Экхарта, "теория" Якова Беме) создает Бога, как свое желание, как мечту, как замысел

нового порядка. Бог рождается из хаоса, восстает из него, как статуя из каменной глыбы, от которой постепенно отсекается все лишнее. Бог — заданное, но еще неосуществленное к о н е ч н о е совершенство мира.

8. С другой стороны: без желания движение вообще и не началось бы; желание порождает движение — Бог создает мир. Бог все больше овладевает хаосом; Бог строится в хаосе, как здание из отдельных камней, привлекая к себе и располагая в порядке все новые материалы. Бог — и с х о д н о е совершенство, постепенно воплощающееся в мировом процессе.
9. Таким образом, мировой процесс — одновременно и процесс материализации духа, и процесс одухотворения материи. Хаос постепенно осуществляет порожденную им идею космоса, идея космоса постепенно подчиняет себе разбуженный ею для бытия хаос.
10. Одинаково верно: и то, что единство порождает множество, и то, что множество стремится к единству. Мир растет из одного семени, как дерево, и течет из множества истоков, как река.
11. Что за предрассудок считать "первопричину" бытия непременно единой! Исходный монизм и исходный плюрализм одинаково правы. Так же, как и слова "раньше" и "позже", слова "единство" и "множество" теряют за пределами мира свой смысл.
12. Монизм и плюрализм — только различные точки зрения на один и тот же предмет. Все зависит от того, с чего мы начнем рассуждать — с единства или множества, с покоя или движения, с Бога или мира, с духа или материи. С каких терминов мы начнем, теми мы и принуждены до конца оперировать, потому что они переходят в противоположные без резкой границы, связаны с ними непрерывным рядом понятий. Крокодил состоит из спины, головы и хвоста, которые постепенно, незаметно переходят друг в друга. Человек, начавший разглядывать крокодила с головы, не найдя резкой границы между головой и шеей, будет считать, что весь крокодил состоит только из головы, человек, начавший разглядывать его с хвоста, будет спорить, что он весь состоит из хвоста.
13. Про мир с равным правом можно сказать трояко. Можно сказать, во-первых: Бог — причина мирового процесса, в мировом процессе Бог овладевает хаосом, приводит его к космосу (теизм). Во-вторых, можно сказать: Бог не в начале, а в конце мирового процесса, его цель, результат. Мир создает, "выдумывает" Бога, как свой высший идеал, и постепенно осуществляет этот идеал

(атеизм — в той его форме, например, какую мы находим у Макса Шелера). И, наконец, в-третьих: Бог преодолевает свою собственную инертность, обуздывает сам себя. Бог и в начале, и в конце, и в глубине мирового процесса. Мировой процесс — процесс с а м о с о з д а н и я Бога (пантеизм). "Я есмь Альфа и Омега, начало и конец". (Откр. 21, 6).

14. "Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". (Иоанн. 1, 1). Согласно точному переводу этого стиха: не "Слово было у Бога", "Слово было к Богу", даже "Слово было о б р а щ е н о к Богу". Одинаково справедливо, что "Слово" (идея, замысел) исходит из Бога, и что оно стремится к Богу, призывает Его. Бог создает Христа, воплощается в Него ("И Слово стало плотью"), т.е. вместе с тем в Христе Бог сам в п е р в ы е рождается.
15. Христос рождается от Отца, как "единородный Сын", и вместе с тем человек Иисус прозревает новый образ Бога, ставит перед человечеством новый идеал благого Отца. Бог создает мир и человека, как бытие, мир и человек создают Бога, как ведущую идею этого бытия.
— "Ich bin Gottes Kind und Sohn; Er wieder ist mein Kind. . ." —
— "Ich muss Maria sein und Gott aus mir gebären. . ."
(Ang. Silesius)
16. Бог-Отец и Бог-Сын — это два лица Св. Троицы, они "нераздельны". Бессмысленно ставить вопрос о том, кто из кого "исходит", кто кого порождает. Оба сосуществуют "от вечности". "Прежде, нежели был Авраам, Я есмь". "Кто же Ты? . . . — о т н а ч а л а С у щ и й". "Ныне прославь Меня Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира".
17. Назовем ли мы мировое движение процессом нисхождения Божества с неба на землю, или процессом восхождения человека с земли на небо, — зависит только от того, какую точку вне этого движения мы захотим считать неподвижной. Проблема "Богочеловека" и "человекобога", так часто рождающая споры, — чисто словесная проблема. Согласно Апокалипсису, небесный Иерусалим сходит с неба на землю. В то же время, согласно ап. Павлу, человек поднимается с земли в небо. "Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба". (I Кор. 15, 47).
18. Вольтер сказал, что человек выдумывает Бога. Но это выдумывание не остается актом только субъективного, психологического значения; создавая идею Бога, человек реально создает и самого

Бога: устанавливая идеал, способствует его осуществлению.

19. "Видишь, голубчик, был один старый грешник, в восемнадцатом столетии, который изрек, что если бы не было Бога, то следовало бы Его выдумать, s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer. И действительно, человек выдумал Бога. И не то странно, и не то было дивно, что Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль, — мысль о необходимости Бога — могла залезть в голову такому дикому и злому животному, каков человек, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку. Что же до меня, то я давно уже положил не думать о том: человек ли создал Бога или Бог человека?"

(Достоевский. "Братья Карамазовы". Слова Ивана).

20. ". . .für meine nachdenkliche Betrachtung gebührt unsere Ehrfurcht ebenso dem Glauben, dass der Mensch ein Geschöpf Gottes sei, wie dem, dass Gott ein Geschöpf des Menschen sei. Sei sind nur zwei Seiten derselben Idee".

(Ernst Wiechert. "Jahre und Zeiten". S. 363).

21. В так называемом "онтологическом доказательстве бытия Божия", выводящем существование Бога из наличия идеи о Нем, мы, собственно говоря, ничего не "выводим", а просто усматриваем Его существование в наличии идеи, потому что идея Бога и есть уже Бог.

22. Надо удивляться вкусу Достоевского, одним художественным чутьем поднимающегося на точку зрения, достижение которой стоило европейской мысли целых столетий блуждания и поисков. После Канта нельзя серьезно говорить о "доказательствах" бытия или небытия Бога, все "гипотезы" подобного рода безвкусны. О Боге можно сказать все что угодно — все будет правильно и неправильно вместе. В этом сказывается природный русский философский вкус: в отрицании метафизики (вполне согласно с Кантом), как бесплодного "мудрствования", "словоблудия", и в переносе центра тяжести философского исследования на этику (тоже в согласии с Кантом: практический разум как основа новой метафизики).

23. Не только мир как целое имеет первоисточник жизни в самом себе, но и каждая его частица. В каждом из нас — метафизический жизненный центр. Этот центр у каждого — личный, отдельный от всех остальных; и, вместе с тем, он — общий для всех, единственный на весь мир. Единое и множественное — это "здешнее", "земное". Жизненный центр — по ту сторону мира, и для него не могут иметь значения подобные различия.

24. Основа мира — основа каждого из нас. Она охватывает мир, как лежащая вокруг него бесконечность, и, вместе с тем, внутри его, в точке, как его центр. Бытие разгорается из одной искры, как пожар, и, вместе, проступает, как сырость, отдельными каплями. Каждый из нас исходит из общего для всех центра, и каждый зароден в бесконечности, независимо от всех других. Каждый исключителен, и каждый универсален; каждый — все, и каждый — частица; каждый основа, и каждый — ответвление всех остальных.

25. Каждый из нас — единственное бытие во вселенной (солипсизм), и все-таки нас много (реализм).

26. Семя жизни заложено в нас из вечности, раз навсегда вложено в нас, но каждый может его сознательно культивировать, взращивать. Каждый сам себя изнутри с т р о и т, и все же каждый сам себе дан извне. В этом сочетании "самоданности" с "самоопределяемостью" бытия — глубочайшая тайна порождающей его с в о б о д ы.

27. Сам Бог, рождаясь из свободы, одновременно и сам себя п о д н и м а е т из нее, и сам себя в ней н а х о д и т.

28. Желая взять со стола карандаш, я сам создаю в себе это желание, и вместе с тем оно возникает во мне независимо от меня. Я п о р о ж д а ю его и нахожу его в своей душе г о т о в ы м. В своей сути оно остается неизменным от начала моего движения до его конца; и все-таки, по мере этого движения, оно видоизменяется в деталях, порождает множество новых, промежуточных желаний и движений, заставляет простое движение расчлениваться на множество сложных, само усложняется по мере преодолеваемых на пути препятствий; заставляет меня не только протянуть руку за карандашом, но, возможно, и пройти несколько шагов, обойти стоящий на дороге стул, и т.д. Подобно этому и лежащая в основе бытия "идея" — одновременно и порождает бытие, и сама им порождается, и определяет его, и сама им определяется.

29. Вглядываясь в уже готовое, уже имеющееся в моей душе желание, я его обнаруживаю, конкретизирую, развиваю. Я его создаю, и вместе с тем оно уже изначально присутствует во мне.

30. Мир дан мне, и все-таки порожден мною, как сновиденье, которое я сам из себя проецирую, и которое все же вкладывается в меня кем-то "другим", от меня не зависит.

31. Своей глубиной я ухожу в метафизическую подоснову мира, сливаюсь с Богом; как древесный лист через черенок сливается с ветвью, стволем и корнем дерева. Бог и я составляем одно целое, как дерево и лист; и все-таки Бог и я противостояим друг другу, тоже как дерево и лист.

32. Так же связан и я с любой частицей мира. Я связан с нею воедино общим жизненным центром, из которого мы оба истекаем; и все же мы с ней противостояим друг другу, как противоположные, максимально отдаленные друг от друга "концы" этого единства. Мы одновременно и ось мироздания, и его полюса.
33. Все одновременно: и противостояние Богу, и единство с Ним; и единство с миром, и противостояние миру; и единство с самим собой, и противостояние самому себе.
34. Все едино и каждый сам по себе. Смотрящий мне в глаза собеседник смотрит на меня и з м е н я ж е, и все-таки смотрит м н е н а в с т р е ч у.
35. Углубляясь без конца в небо, я приду в самого себя; последняя глубина неба открывается "позади меня", во мне самом.
36. Каждый из нас — творец и творение вместе. Наша неспособность сразу, на месте познать мир и самих себя — это не только бессилие твари сразу охватить творца, но и бессилие творца сразу овладеть творением.
37. Мир не может без длительного усилия уловить прозреваемую им идею, идея не может без борьбы подчинить себе организуемый ею мир.
38. Рождающийся через наше рождение Бог хочет овладеть бесконечностью, в которой Он рождается. Если Ему это не сразу удастся, то не потому, что Его силы небесконечны, а потому, что бесконечна бесконечность, которую Он пытается объять.
39. Глубина мира и наша собственная глубина бесконечны. Мы были бы навсегда лишены возможности познать мир и себя, если бы наша познающая высота тоже не была бы бесконечной.
40. Жизнь — борьба Творца с творением, постепенный охват Творцом творения и постепенное познание творением Творца. Конечная задача: полное овладение и познание. — "Да будет воля Твоя и на земле, как на небе". (Мф. 6, 10). "Сия же есть жизнь вечная, да з н а ю т Т е б я, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа". (Иоанн. 17, 3).

Литература и жизнь

А. СЕМЕНОВ

ТРОИЦА

дыханье шелест листьев словно умерли

восточность кроны и ствола
на золоте другого неба
кристалл спокойный синих слов
и к сердцу белого стола
склоненных ожиданьем хлеба
светосияющих голов

дыща покоем синим неба сумерки

всходящий в небо дома свод
встав златолествичною башней
живых камней живая кладь
остановившийся полет
орлиной мощи шелестящей
и строгой чаши благодать

душа на свет как бабочка из сумрака

о в блеске золота чело
о благодарственных прозрений
в провиденной голубизне
живоначальное число
зеркальной ясности видений
в каком-то тонком сне

И. Б.

А на Страстной неделе выпал снег
я заблудился на краю России
паломник малOVER и оглашенный печенег
стучался в двери
и меня впустили

Я помню: Воскресению молилася душа
"Христос Воскресе" — нищенка — дорога
священник нас полями провожал
и мир лежал в ладони Бога

В рыбацкой лодке переплыв пролив
мы очутились на другой планете
где все грехи себе заранее простив
капризничали как
разбуженные дети

Храни тебя Господь теперь далекий друг
воздушные пути — Россия — Лорелея
искупит возвращенье превращений круг
где церковь светлая белеет

* *
*

ЛЕСНАЯ ЦЕРКОВЬ

И. П.

непонятно самим
но сумели — и выползли
где мгновения рвут золотыми выплесками
времена
когда силы малы твои
припади
и дыханье смешай с молитвами

молчалива исповедь под сводами ельника
крестный ход колокольных кустов можжевельника
в тихой тьме
поднебесных озер сокровища
и поляны купол
где в свете Ты нам откроешься

Неуклюжие губы
многословным молчаньем окованы
словно осень лес
белоснежности ждет зачарованно
словно мир опрокинулся в вечность иконами
как усталый паломник
стоит пред вратами церковными

ОТРЫВКИ ИЗ ВТОРОГО ТОМА
„ОЧЕРКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ”*

Из „6-го Дополнения” (сентябрь 1978)

АППЕНЦЕЛЬ

Уже 2 месяца лежало у меня приглашение из кантона Аппенцель — присутствовать на торжественном дне их кантональных выборов, в воскресенье, 27 апреля (1975), — и главный редактор „Нойе Цурхер Цайтунг” Фред Люксингер убеждал меня, что этого пропустить нельзя, он же теперь нас и повез. Это — маленький горный кантон на востоке Швейцарии, даже их — два Аппенцеля, два полукантона, католический и протестантский, разделились. Мы званы были в католический. Уже обгоняя по дороге пеших (на выборы ходят пешком, ехать — считается неприлично, и кому далеко до города, выходят чуть не затемно), нельзя было сразу не заметить: все мужчины шли с холодным оружием — это знак права голоса, женщины и подростки его не имеют. Собирались и наискось, без дорог, через луга (правило Аппенцеля: до дня выборов можно ходить по лугам, а потом пусть растет трава). У парней и у девушек у многих — серьга в одном ухе. Уже дослуживали католическую мессу, в храме — не протолкнуться, а вокруг алтаря стояли многоукрашенные знамена общин. И с веселых разноцветных шале на главной улице свешивались длинные флаги невиданных рисунков, сочетаний, изображений животных. В ратушном зале приглашенные туда складывали сперва свое оружие, а поверх кидали черные плащи. Затем 6 знаменосцев в старинных униформах понесли свои знамена во главе процессии, и сопровождали их мальчишки-ассистенты в униформах же. Затем должностные лица и почетные гости растянутой медленноступной процессией отправились среди улицы, обстоенной жителями. Вывешивались гроздьями из

* Т. 1 — „Бодался теленок с дубом”, YMCA-PRESS, 1975

всех окон, а мальчишки висели на стенах. Меня встречали все с таким энтузиазмом, как будто я — их коренной, но знаменитый земляк, вот вернувшийся на родину, — а заранее б я прикинул, что мало просвещенный кантон скорей всего и имени моего не знает. (Да не писателя они приветствовали, а война против зла, и это в речи главы правительства было.) На площади высился невысокий временный деревянный помост, где все должностные лица, десятка полтора, выстроились в одну линию и все собрание простояли с обнаженными головами, в черных плащах. А всю площадь залила плотная толпа stimmrechtigen Männer — мужчин, имеющих право голоса, со своим оружием и тоже обнаженными головами, серыми, рыжеватыми, седыми, но в одеждах обычных. А женщины теснились уже где-то за краями толпы или на балконах и в окнах. Подростки на наклонных крышах держались о заграждения, а один фотограф картинно оседлал конек крыши. Глава правительства — ландаман Раймонд Брогер — с пухом седины над лицом энергично-умным, произнес речь, поразившую меня: о, если бы Европа могла слышать свой полукантон Аппенцель! или могли б такое себе перенять правители больших стран!

Вот уже больше полутысячелетия, говорил он, наша община не меняет существенно форм, в которых она правит сама собою. Нас ведет убеждение, что не бывает „свободы вообще”, но лишь отдельные частные свободы, каждая связанная с нашими обязательствами и нашим самосдерживанием. Насилие нашего времени доказывает почти ежедневно, что не может быть обеспеченной свободы ни у личности, ни у государства без дисциплины и честности, и именно на этих основаниях наша община могла пронести через столетия свою невероятную жизнеспособность: она никогда не предавалась безумию тотальной свободы, и никогда не присягала бесчеловечности, которая сделала бы государство всемогущим. Не может существовать разумно функционирующее государство без примеси элементов аристократического и даже монархического. Конечно, при демократии народ остается решающим судьей во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И правительство не должно спешить за колеблющимся переменчивым народным голосованием, только бы правителей переизбрали вновь, оно должно не зазывные речи произносить избирателям, но двигаться против течения. На деле и по истине задача правительства состоит — действовать так, как действовало бы разумное народное большинство, если бы оно знало всё, во всех деталях, а это становится всё невозможнее при растущих государственных перегрузках. Поэтому остается: избрать для совета и управления сколь можно лучших — но и по-

дарить им все необходимое доверие. Бесхарактерная демократия, раздающая право всем и каждому, вырождается в „демократию услужливости“. Прочность государственной формы зависит не от прекрасных статей конституции, но от качества несущих сил. Худую службу окажем мы демократии, если выберем к руководству слабых людей. Напротив, именно демократическая система как раз и требует сильной руки, которая могла бы государственный руль вести по ясному курсу. Кризис, переживаемый обществом, зависит не от народа, но от правительства.

А стоял на дворе — не рядовой апрель, но тот смертельный для Запада (хоть Запад и не понимал) апрель 1975 года, когда Соединенные Штаты убегали из Индокитая. Ни Америка, ни Европа не понимали, что в эти дни проигрывают свое будущее. Всего за 10 дней до этого аппенцельского собрания сообщала легковверная западная печать, что „население Пном-Пеня радостно приветствует красных кхмеров“.

И сегодня поразительно было услышать на этой маленькой солнечной площади, в таком глухом уголке, но самой центральной Европы:

как сильно выросла всеобщая небезопасность за самый последний год. Что мы ужасаемся тем образом поведения, каким Америка покидает своих индокитайских союзников. Мы ужасаемся судьбе южновьетнамского народа, толпами бегущего от своих коммунистических „освободителей“, — и перед этой трагедией озабоченно спрашиваем себя: да сдержит ли Америка свою союзническую верность перед Европой? Перед той Европой, которая уже упустила десятилетия для объединения и, не способная сопротивляться советской агрессии, теперь ожидает американской помощи как бесспорной. И именно во время вьетнамской войны в Европе расцвел антиамериканизм. Надо считать, что Америка в будущем не будет защищать никакого государства, которое не захочет защитить себя само. Европа должна в короткий срок дать доказательства готовности к высоким жертвам и эффективному единению.

Ландаман по своим возможностям говорил мужественно и открыто своему континенту — но ведь его не услышат.

И потом уже — критически о Швейцарии, как она находит непомерными свои военные расходы в 1,7% от бюджета. Потом — и об экономике, в которой Швейцария перестала быть страной сказочно-блаженной.

И всё это произнеся, еще приветствия гостям, — ландаман снял с груди крупную металлическую цепь, знак своей власти, еще и ка-

кой-то жезл передал соседу по трибуне — и быстро круто ушел. Всё. Он отслужил свой срок.

Но другой чиновник заступил его место — и тут же предложил избрать Брогера вновь. Предложил голосовать — и вся тесная мужская толпа единым взмахом подняла руки. Не считали, ясно и так: избран вновь. (Хотя я не большой страдатель демократии, но тут про себя подсмеялся: ну, демократия, к а к у н а с.)

Брогер снова появился на прежнем месте и, подняв пальцы одной руки, громко вслух за чтецом повторял клятву для толпы — и толпа повторяла хором: клялся сам народ себе!

Затем ландаман стал возглашать членов своего правительства, всякий раз спрашивая, кто *против*, но не было никого, да как будто и мало секунд он оставлял для возражений. Я про себя продолжал посмеиваться: опять *как у нас*.

Но тут же я был и вразумлен. Главный первый закон, который хотел провести ландаман, — налоговый, повысить налоги, кантон не справляется с задачами. Пошел гул по толпе, переговоры между стоящими. На трибуну взшел и 5 минут говорил один оратор — против предлагаемого закона. Затем министр финансов хотел аргументировать *за*, — загудела толпа, что слышать его не хочет, а желает голосовать. Выкликнул ландаман, кто за закон — совсем мало рук, против — истинный лес. Мужчины энергично выбрасывали руки, было впечатление взмахнутого крыла толпы, подавительная, убедительная сила голосования, какой не бывает при тайных бюллетенях. (А на поясе-то у каждого, в толпе не видно, — кинжал или шпага.)

Ландаман был очень огорчен и, пользуясь, видимо, своим правом, аргументировал сам и потребовал второго голосования. Его почтительно выслушали — и так же подавительно проголосовали: налогов не повышать.

Глас народа. Вопрос решен бесповоротно — без газетных статей, без телекомментаторов, без сенатских комиссий, в 10 минут и бесповоротно на год.

Тогда правительство выступило со вторым предложением: повысить пособия по безработице. Кричали: „А пусть работают!“ С трибуны: „Не могут найти.“ Из толпы: „Пусть ищут!“ Прений — не было. Проголосовали опять подавительно: отказать. Перевес множества был настолько ясный, что рук не считали, да и не удержишь их так долго, да наверно и никогда не считают, а на глазок всегда видно.

И еще третья была просьба правительства: принять в члены кантона уже живущих в Аппенцеле по несколько лет, особенно итальян-

цев. Кандидатов было с десяток, голосовали по каждому отдельно и отклонили, кажется, всех. Недостойны, не хотим.

Нет, это было совсем не *как у нас*. Без спора переизбрал любимого ландамана, доверив ему составить правительство, как он желает, — тут же отказали ему во всех основных законопроектах. И — правь. Такую демократию я еще никогда не видывал, не слыхивал — и такая (особенно после речи Брөгера) вызывает уважение.

Швейцарский Союз заключен в 1291 году, это действительно сейчас самая старая демократия Земли. Она родилась не из идей просветительства — но прямо из древних форм общинной жизни. Однако кантоны богатые, промышленные, многолюдные всё это утерjali, давно обстриглись под Европу. А в Аппенцелле — вот, сохранялось как встарь.

Как же разнообразна Земля, и сколько на ней вполне открытых возможностей, не известных, не видимых нам! В будущей России еще много нам придется подумать — если дадут подумать.

ЕЩЕ О „НОВОМ МИРЕ”

... И вот в № 2 рой-жоресовского высоко-заявленного „XX века”, с пометкой „Лондон, 1977”, напечатана была статья В. Лакшина против меня — предлинная, как он всегда пишет, 70 страниц. „Замечательный очерк”, предваряет редакция, „одного из лучших литературных критиков русской литературы, блестящего публициста и историка литературы”. Захвалено высоко, однако по нынешнему безлюдью критик, конечно, видный.

Не ждал я там дружественного и не нашел, а прочел не только с пользой для себя, но даже с каким-то внутренним удовлетворением. Есть удовлетворение: выйдя из пыла боя, поправиться, где был неправ, не в том кого-то упрекнул, истолковал не так.

Лакшин, очевидно, прав, коря меня, что о внутренней обстановке „Нового мира” я судил по слишком беглым своим, всегда на лету, впечатлениям, да по недостаточно проверенным рассказам сотрудников. Допускаю, что я весьма неполно вник в соотношение „1-го” и „2-го” этажей. Я рад, что он меня поправил. Да наверное об этом напишут еще другие свидетели. И конечно он прав, что я не открыл всего доброго, что можно было еще сказать о Твардовском: при захваченности моим драконовым состязанием я был в позиции, мало удобной для спокойных наблюдений. Да, конечно, я давал простор нетерпеливым, а иногда и несправедливым оценкам боя. Так, в го-

рячности и отчаянии я был совершенно неправ, упрекая Александра Трифоновича, что он не взял в редакцию уцелевшего после провала экземпляра „Круга Первого”: после моих же ошибок не должен он был ставить журнал под удар новым взятием на хранение уже арестованного романа. И не мог „Н. мир” устанавливать печатанием „следующие классы смелости” — разве только когда обманув цензуру (они это и делали), а вся сила решений была не в их руках. Снимаю и свое предположение, что Твардовский в дни разгрома должен был собрать для совета весь состав редакции — ему было видней. И в эти дни разгона — какого высшего уровня смелости я требую от руководства „Нового мира”? Чтó они могли сделать — не независимые издатели, а государственные служащие? Только — дать самиздатское заявление, чтó мне казалось тогда единственно желанным и действенным. Но ни Твардовскому, ни другим членам редакции это было не по ритму, не по навыку, совсем невозможно. Это украсило бы их падение, да, — но не изменило бы обстановку. А когда им навязывали в редакцию Овчаренку, клявшего А.Т. „кулацким поэтом”, — как же мог Твардовский оставаться? Ну да это я и тогда признал.

Однако Лакшин не останавливается на черте истины, а легко переступает ее в дискуссии и выдвигает против меня череду совсем несправедливых обвинений: „домогался доверительности А.Т.” (зачем же? такого стиля не было у нас, а — взаимное свободное расположение); „каяться должны все, кроме него” (да кто же публично каялся больше меня?); я напоминаю „канон соцреализма”; „Теленок” — памфлет на „Новый мир”, — ну кто, по душе, согласится с этим? (об э т о м ли Теленок? о ч е м вся эта книга Лакшин даже вовсе не касается). И, наконец, сочиняет совсем несуразное обвинение, будто я „дал тогда понять” (кому? где?), что „печатался бы у Косолапова не с меньшей охотой, чем у Твардовского”, — не мог я такого бреда даже обсуждать хотя бы потому, что я давно ушел со всех путей советского печатанья и не искал возврата. Но если верхушка „Нового мира” покорилась разгону лояльно, не проявила бунта — почему они ждали и требовали бунта от рядовых работников аппарата („уходить” — где ж они работу найдут?), от авторов („забирать рукописи”? — куда?). Равновеснее будет признать, что все поступили по каторжной связанности советскими условиями — и не могли поступить иначе. Так же и сам Лакшин без промедления пошел на предложенный казенно-литературный пост, который пусть не увлекает его, но кормит и дает положение — достаточно крепкое, чтобы наконец вот бесстрашно выступить и в самиздате, и за границей, — правда, против заклеянного отщепенца и врага народа

Солженицына; и даже, для Запада, будет выглядеть смелым инакомыслящим.

Составлять текст ему надо было так, чтоб и выразить мысль в уровень свободного читателя, и не перейти лояльных советских границ и своего членства в коммунистической партии. Кое-что можно отнести за счет этого балансирования, как: „Солженицын обречен очень ошибочно, лишь по отношению к себе и своим ближайшим обстоятельствам, оценивать общие социальные перспективы”, — это пишется после „Архипелага”! Сам „Архипелаг” и называть нельзя, и не назвать же нельзя, торчит. Но оценку дать ему достойно-партийную: „...преувеличения ненависти. Пока история не найдет более объективных летописцев... пристрастный суд Солженицына останется в силе”. Увы, увы, останется. (Да наверно в группе Роя Медведева уже эту историю и переписывают.)

Однако в этой статье у Лакшина проступает и истинный его уровень, и искренние убеждения — и они не веселят. Странный вопрос задает критик писателю: какова его цель? — вот и с напечатанием „Архипелага”. Восстановить память народа в ее ужасных провалах — это оказывается не цель литературы, критик требует от меня „позитивной политической программы”. А „Новый мир” был „ростком социалистической демократии”. „Мы верили в социализм как в благородную идею справедливости.” — „Похоже, что Солженицын основательно не читал ни Герцена, ни Чернышевского” (! — каюсь, да!). Мое „Раскаяние и самоограничение” его „насмешило” (?). И, напротив, настолько обронил вкус к иронии, что доказывает „неправильность” подзаголовка „очерки литературной жизни”. „Вехи” — „глубоко ущербная книга”. Но самое ужасное: „Всякая крупная идея может быть искажена в исторической практике... Виной ли тому 'дурная природа' людей, генетическая незрелость их как рода (так надо было Марксу раньше голову иметь! — А. С.), неподготовленность нравственного сознания... или скверная изгаженная почва предшествующих социальных влияний и традиций.” Так! вали на Россию-матушку! „А может, все беды и неудачи нашей страны оттого как раз, что социализм понят по-старому, по-монархически...” И вот коммунизм очищен!

Вот эти „вершинные” суждения Лакшина и показывают рельефно, насколько невозможно было между нами понимание — ни в последние годы „Нового мира”, ни, вот, через 8 лет. Может быть, это еще прояснила бы и публикация наших писем 1970 года, где я, конечно, был резко нетерпим, — но и расхождения выявляются ясной и ковременней. Ту переписку я убрал из приложений к „Теленку”,

но и на мой „эпюд” о нем в „Теленке” ни словом теперь Лакшин не отзывается. Трудно ответить? Но и вряд ли я тогда ошибся.

Совсем теперь Лакшин не удерживается в добропорядочном рассмотрении.

Во-первых, он систематически искажает цитаты из „Теленка” — либо усечением, либо недобросовестным истолкованием. Вот десяток примеров. „Какими непостоянными, периодически-слабеющими руками велся 'Новый мир' ”... — оборвано: „и с каким **вбирающим огромным сердцем**” („Теленок”, 90; Лакшин, „XX век”, 166, 172). Д в а р з а он приводит эту цитату и оба раза обрывает! — уж никак не случайно. — „Любой из членов редакционной коллегии, в ладу со своим пониманием благополучия журнала, эту рукопись перехватит” (25, 184). — „**Не сразу я усвоил и воспитался, что и к дружественному 'Новому миру'** надо относиться с обычной противонаучнической хитростью” (77, 192). — „Почти мрачен сидел я. Эту роль я себе назначил, **ожидая, что вот сейчас начнут выламывать кости**” (30, 192), — всё неудобное Лакшин отсекает. — И нисколько не „жалостным призывом”, а вспышкой умной души звучит у меня улыбочная реплика Твардовского: „Да вы освободите меня от марксизма-ленинизма” (278, 183). А то Лакшин скрывает контекст и меняет интонацию — и уже другая фраза. У меня (38): „Так ведь если б не революция, не открыт бы был Исаковский!.. А кем бы был я, если б не революция?” У Лакшина (183): „Кем бы я был, если б не Октябрьская революция.” — У меня: описывается яростное мое выступление в институте Востоковедения, где я публично обличал КГБ, и затем фраза: „Кажется, первый раз — первый раз в своей жизни я чувствую, я вижу, как делаю историю” (162). У Лакшина — пример, как я „любуюсь в литературном зеркале”: „я вижу, как делаю историю, — непринужденно замечает он” (191). Без контекста фраза становится напыщенной, что Лакшину и надо. Такую недобросовестность применяет он не раз. У меня — как, против 40 присутствующих, я умудряюсь получить слово — и пугаю секретарей СП: „голосом, декламирующим в историю, грянул им” (202). Лакшин повторяет закавыченное без текста, без обстановки, и: „так в литературных мемуарах о себе, кажется, еще не писали” (191). Я пишу, что „в плохое всегда верю легче, с готовностью” — в смысле худых обстоятельств, худого исхода, он дает смысл — легче верю, что люди дурны. Я пишу: „наши дети не дороже памяти замученных миллионов, той Книги мы не остановим ни за что” (ожидая, что ГБ будет останавливать „Архипелаг” угрозой нашим детям) (388). Лакшин вместо цитаты: „Ради того, чтобы напечатать 'Гулаг'” Солженицын

пришел к решению „в случае нужды пожертвовать и собственными детьми” (205). Или: „Солженицын просил посодействовать встретиться с Твардовским, устроить что-то, что было ему нужно” (194), и прячется, хотя знает: „что было ему нужно” — это чтобы Твардовский поехал ко мне читать „Архипелаг”. А Лакшин тогда лишил его этой возможности. Он так и умер, не прочтя. Я пишу (309), что рак — это следствие обиды, подавления, Лакшин толкует (213): „следствие малодушия”.

Всю статью Лакшин имитирует скрупулезность — он указывает номера страниц „Теленка”. Но когда появляется необходимость перевернуть посильней, он вдруг именно в этом месте „случайно” не указывает страницы. Это — моя 291: „Прощался я от наперсного разговора, а за голенищем-то нож”, — и Лакшин цитирует в этих пределах (нож — против Твардовского?) и раздражается судом: „вот так, с ножом за голенищем, оказывается и разговаривал автор „Ивана Денисовича” со своим крестным отцом... Фальшивил без видимой причины” (193). А читатель — где будет проверять (советскому книжато вся попадает один раз на неполные сутки): что „нож за голенищем” — это разгромное обращение мое к Секретариату СП, которое показать Твардовскому нельзя, он будет удерживать от борьбы.

Вот с такою честностью ведет Лакшин дискуссию. Уж тогда тем более легко ему судить (там и цитировать нечего), что Солженицын „умело организовал свое появление подле гроба” А.Т. — а как? просто пришел в ЦДЛ, барбосы легко могли и не пропустить, не член Союза. Легко ему и обвинить, почему я не приехал накануне в морг: конспирацией Лакшин не занимался, зачем ему знать, что прежде чем выехать из одинокого домика — надо устроить рукописи, кто-то должен приехать взять их.

А уж начать мухлевать — так дальше не оглядываться. Выгодно Лакшину обругать мои „Американские речи” — то без усилia повторяет он самые грязные клеветы советской пропаганды: будто призвал я американцев „никакой продажи зерна”, „пусть не будет хлеба, пусть голод и война”, у Солженицына „ненависть ко всему, что есть нынешняя Россия”, „всё большая злоба к стране и к людям, оставшимся в ней”, „не воюет ли он уже с многомиллионным народом, населяющим эту страну?” — ну что бы, почтенный Владимир Яковлевич, да привести бы вам на эти оценки в скобочках тоже странички?..

„Не дворянское дело”, — манерно предупреждает Лакшин обо всяком непорядочном поступке („дворянское” — передергивать цитаты). Но отписавши полсотни страниц, наш критик спохватывается, что не успеет выразить всего негодования, и лепит почти уже сплошь:

„наивно хвастлив... нелепо самоуверен... надут и смешон... каприз дурного человека... удерживаюсь, чтоб не смеяться над ним... впитал яды сталинизма... бесплодное самоупоение, ненависть и гордыня... злоба, нетерпимость, самообожание переливают через край... ненасытимая гордыня... фанатическая нетерпимость (к коммунизму, в „Архипелаге”)... жадно ловя мерцающий свет популярности... смешное безумие, амбициозный бред... ощутил себя бого (!) человеком... годами лгал... ерничает вослед гробу... злой бес разрушения... волчье одиночество... лагерный микроб... лагерный волк” — и обиняком: „гений зла... дюжинный прохвост... мародер”.

Вряд ли эта работа станет украшением томика избранных статей Лакшина.

Однако и задумываюсь я теперь: как я уверенно судил еще 5 лет назад о несомненных преимуществах самиздата перед подсоветской официальной литературой. Но вот теперь „на воле”, на Западе, уже выходит полдюжины претенциозных свободных журналов на русском языке — и, кажется, никто ж им не мешает достичь высокого уровня, никто их не давит, — а отчего ж они не растут? Ни один из этих журналов не может приблизиться к культурному и эстетическому уровню тогдашнего „Нового мира” — а ведь тот был перепутан, скован и разможен цензурным гнетом. Никто из этих не возвысился к спокойному, достойному, глубокому обсуждению, как умудрялся „Новый мир” в своих жестких рамках, закованный. И сколько национально-народного прорывалось в „Новом мире” — этого в новых эмигрантских журналах не найдешь.

Из „7-го Дополнения” (май 1982)

... Но, по русской пословице, „всякую ложь к себе приложь”. Сколько бы ни было искажений в злом налете на „Теленка” американской газетной критики, кивающей на Лакшина, — а не может быть, чтобы совсем без правды.

Отдельно и особенно — Трифонович. Теперь хором упрекают меня, что я был к нему жесток, и что, де, оболгал его в „Теленке”. Да, повороты жестокости — были: в том, как я скрывался от него порою сам, и почти всегда скрывал свои предполагаемые удары. Жестоко, — но как было биться иначе? Лишь чуть расслабься в этом одном — и бок открыт, и бой проигран.

Но — вполне ли верный образ самого Твардовского дал я в книге?

Я давал его — с чистым сердцем. Я не предполагал, что это может быть воспринято как бы дурно о нем. Да и по сегодня не думаю. Но после годов глубокого одиночества — вне родины, и вне эмиграции, — я увидел Твардовского еще по-новому, то есть разглядел, чего не видел рядом с ним и в пылу борьбы.

Теперь, когда эмигрантская литература поскользился в самолюбование, в капризы, в распушенность, — тем более можно вполне оценить высокий такт Твардовского в ведении „Нового мира”, его вкус, чувство ответственности и чувство меры. У Твардовского был спокойный иммунитет к „авангардизму”, к фальшивой безответственной новизне. Только сейчас я с возросшим пониманием вижу, как много мы потеряли в Твардовском, как нам не хватает его сейчас, как эта была бы сегодня для нас фигура! Как он нужен был бы сегодня русской литературе при новом определении лица ее. Нашей большой литературе, встающей на ноги, как бы помогли его крупные руки, его подсадка.

Он и тогда видел, что цензура — не единственная опасность для литературы, как и показало всё позднейшее. Трифонович — верно чувствовал правильный дух, он был насторожен ранее меня. Он и был, великан, из тех немногих, кто перенес русское национальное сознание через коммунистическую пустыню. Но его перепутало и смололо жестокое проклятое советское сорокалетие, все силы его ушли туда.

К. С. ЛЬЮИС

ПИСЬМА БАЛАМУТА*

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Видимо, все идет очень хорошо. Особенно рад узнать, что новые друзья твоего пациента познакомили его со всем своим кругом. Я успел проверить в списках, что это вполне надежные люди, прочные хулители Врага и рабы земного, которые, не совершая особых преступлений, спокойно и уверенно идут прямо в дом отца нашего. Ты говоришь о том, что они любят посмеяться. Надеюсь, ты не хочешь этим сказать, что смех как таковой полезен для нас всегда. Этот пункт следует разобрать особо.

Я разделяю причины человеческого смеха на следующие: радость, веселье, анекдоты, развязность. Радость проявляется, когда друзья или влюбленные снова встретятся после краткой разлуки. Взрослые люди обычно придумывают какой-нибудь предлог для смеха в виде шутки. Но та легкость, с которой даже самые пустяковые остроты вызывают в такой момент улыбку, показывает, что не в шутках дело. В чем тут причина, мы до сих пор не знаем. Что-то подобное в этой радости выражается гнусным искусством, называемом музыкой, и еще что-то похожее, говорят, бывает в Раю, на Небесах — какое-то бессмысленное и ненужное учащение ритма блаженных эмоций, совершенно непонятное для нас. Такой смех не в нашу пользу, и ему всегда следует противодействовать. Он просто противен и оскорбителен для того реализма, достоинства и строгости, которые все время царят в аду.

Веселость близка к радости. Это — легкая пена, и рождает ее инстинкт игры. Она тоже приносит нам мало пользы. При ее помощи, конечно, иногда можно оторвать людей от чувств и от действий, угодных Врагу. Однако, сама по себе она не содержит ничего хорошего, а плохое — несет: содействует мужеству, милосердию, нетребовательности и многим другим порокам.

* Продолжение. Начало см.: "Вестник РХД" № 136.

Анекдот, внезапно помогающий увидеть смешное и нелепое, все же обещает больше. Я отнюдь не имею в виду неприличные или грубые анекдоты; они чаще всего не приводят к ожидаемым результатам, хотя посредственные искусители возлагают на них большие надежды. Следует знать, что люди в этом отношении часто делятся на два типа: для одних "нет страха сильнее зова плоти", но неприличный смех и похоть не разжигают их, потому что он смешной. У других людей такой анекдот рождает смех и похоть одновременно, от одной и той же причины. Люди первого типа шутят на сексуальные темы, потому что они часто и впрямь смешны, люди второго типа просто используют повод поговорить о сексуальном. Если твой пациент принадлежит к первому типу, неприличные анекдоты тебе не помогут. Никогда не забуду те часы, которые я потерял с одним из моих первых пациентов, шатаясь в страшной скуке по барам и салонам, прежде чем усвоил себе это правило. Узнай, к какому типу принадлежит твой пациент, и следи за тем, чтобы он об этом не проведал.

Истинная польза от шуток и юмора совершенно в другом. Эта польза особенно много обещает при обработке англичан, которые смотрят на свое чувство юмора столь серьезно, что недостаток его — почти единственный порок, которого они действительно стыдятся. Юмор для них сглаживает и — заметь — извиняет все. Вот такой юмор совершенно не оценим как средство против стыда. Если человек просто заставляет других за себя платить — он пошляк. Если же он шутовски хвастает при этом и дразнит своих людей тем, что они дают себя высосать — он уже не пошляк, а весельчак. Просто трусость позорна, но если ее замаскировать шутовским хвастовством, юмористическими преувеличениями и комическими ужимками, она может показаться забавной. Жестокость позорна, если жестокий человек не назовет ее шуткой. Тысячи непристойных и даже кощунственных анекдотов не продвинул так человека в сторону гибели, как открытие: он может сделать почти все, что угодно, и его друзья не осудят его, а восхвалят, если только он выдаст это за шутку. Кроме того, такой соблазн можно почти полностью скрыть от твоего подопечного за счет вышеупомянутого "серьезного отношения к юмору". Всякую мысль о том, что и в шутках можно зайти слишком далеко, представь ему как "пуританство" или "недостаток чувства юмора".

Однако развязный смех лучше всего. Во-первых, он не стоит особых усилий. Только умный человек способен умело пошутить о добродетели. Но любого развязного пошляка можно научить добродетель высмеивать. Среди развязных людей всегда предполагается, что кто-то из них сказал что-то остроумное и смешное, хотя никто ничего

такого не говорил; каждый серьезный предмет они обсуждают так, как будто в нем уже нашли смешную и нелепую сторону. Устойчивая привычка к развязному смеху окружает человека наилучшей броней от Врага. Кроме того, она свободна от тех опасностей, которые содержатся в прочих видах смеха. Между развязным смехом и радостью — огромное расстояние. Развязность притупляет, а не проясняет разум, и отнюдь не сближает предающихся ей.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Отрадно видеть явный прогресс. Я только опасаясь, как бы ты, стремясь побыстрее добиться нужных результатов, не пробудил бы подопечного и он не осознал бы своего истинного положения. Хотя мы с тобой видим это положение в верном свете, мы никогда не должны забывать, насколько иным оно кажется ему. Мы знаем, что нам удалось направить его в другую сторону, выводящую из орбиты вращения вокруг Врага. Но нужно, чтобы он думал, что причины такого изменения вполне обыденно легко и просто устранимы. Он ни в коем случае не должен заподозрить, что сейчас он медленно удаляется от солнца в холод и мрак совершенно безбрежной пустыни.

Именно поэтому я почти обрадовался, услышав, что он все еще молится, ходит в церковь и приступает к таинству. Я знаю, это опасно для нас, но было бы еще хуже, если бы он понял то, как он далек от высокого накала первой поры. Пока он внешне сохраняет привычки христианина, можно поддерживать его в уверенности, что у него просто появилось несколько новых друзей и новых удовольствий, но его духовное состояние в основном такое же, как и шесть недель назад. Пока он так думает, нам даже не приходится бороться с осознанным раскаянием о вполне определенном грехе. Нужно будет только ослаблять смутное и тревожное чувство, что он не совсем правильно вел себя в последнее время.

С этой смутной тревогой обращайся очень осторожно. Если она усиливается, она может пробудить человека и испортить всю нашу работу. С другой стороны, если ты заглушишь эту тревогу полностью, чего, вероятнее всего, Враг тебе сделать не позволит, мы упустим возможность обернуть ее себе на пользу. Если же позволить ей раз-

виваться, но не до таких пределов, когда она становится неотступной, переходя в подлинное покаяние, она приобретет одно неопределимое достоинство. Пациенту будет все труднее думать о Враге. Все люди во все времена в какой-то степени испытывали эту неохоту. Но если мысль о Нем поднимает в человеке целый ряд полуосознанных грехов, эта неохота усиливается. Тогда он возненавидит всякую свою мысль, напоминающую о Враге, как близкому к банкротству человеку ненавистен один вид банковской книжки. В этом состоянии твой пациент проникнется неприязнью к своим религиозным обязанностям. Прежде, чем приступить к ним, он будет думать о них настолько мало, насколько это еще допускает чувство приличия, а по их окончании он будет забывать о них как можно быстрее.

Несколько недель назад тебе приходилось искушать его фантазиями и невнимательностью во время молитвы. Теперь он примет тебя с распростертыми объятиями и почти начнет упрашивать, чтобы ты отвлек его и опустошил его сердце. Он сам захочет, чтобы его молитвы не были сердечными, ибо ничто не испугает его больше, чем непосредственное присутствие Врага. Он станет стремиться к тому, чтобы спящая совесть лгала. Когда это состояние в нем укрепитя, то мало-помалу ты освободишься от утомительной обязанности использовать удовольствия в качестве искушений. Когда тревога и нежелание разобраться в сути этой тревоги уведут его от подлинной радости, когда привычка лишит приятности суетливые удовольствия, а возбужденность чувств накрепко привяжет к ним (к счастью, именно так привычка действует на удовольствие), ты увидишь, что его буквально блуждающее внимание можно привлечь чем угодно. Тебе даже не нужно будет использовать хорошую книгу, которую он действительно любит, чтобы удержать его от молитв, работы и сна; вполне достаточно колонки объявлений из вечерней газеты. Ты заставишь его терять время не только в интересных для него разговорах с приятными ему людьми, но и в разговорах с теми, кто ему безразличен, на совершенно скучные темы. Он у тебя временами вообще ничего не будет делать. Ты его продержишь до поздней ночи не в шумной компании, а в холодной комнате у потухшего камина. Всю его здоровую внешнюю активность можно подавить, а взамен дать *ничто*, чтобы под конец он мог сказать, как сказал один мой пациент, прибыв сюда: "Теперь я вижу, что большую часть своей жизни я не делал ни того, что я должен был делать, ни того, что мне хотелось". А христиане говорят, что Враг — это Тот, без Кого ничто не обладает силой. Нет, *ничто* очень сильно, достаточно сильно, чтобы украсть лучшие годы человека, отдать их не услаждающим грехам, а унылому заблуждению бессодержательной

мысли. *Ничто* отдаст эти годы на утоление любопытства, столь слабого, что человек сам его едва осознает. *Ничто* отдаст их постукиванию пальцами, притоптыванию каблуками, насвистыванию опротивевших мелодий. *Ничто* отдаст их длинным, туманным лабиринтам мечтаний, лишенных даже страсти или гордости, которые могли бы украсить их, причем, окунувшись однажды в эти мечтания, слабый человек уже не может стряхнуть их с себя.

Ты скажешь, что все это мелкие грешки. Тебе, конечно, как и любому молодому искусителю, больше всего хотелось бы, чтобы ты мог доложить о какой-нибудь картинной подлости. Но помни — самое важное — это в какой степени тебе удалось удалить подшефного от Врага. Не важно, сколь малы грехи, если их совокупность отгесняет человека от Света и погружает в *ничто*. Убийство ничуть не лучше карт, если карты дают нужный эффект. Поистине, самая верная дорога в ад — та, по которой спускаются постепенно, дорога пологая, мягкая, без внезапных поворотов, без указательных столбов.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Дорогой Гнусик!

Мне кажется, в последний раз ты извел слишком много бумаги на изложение совершенно простой истории. Все дело в том, что ты дал своему подопечному выскользнуть из рук. Положение довольно серьезное, и я отнюдь не намерен защищать тебя от последствий твоей небрежности. Раскаяние и новый приток того, что противник называет "благодатью", да еще такой мощный, как ты описываешь, — крупный провал. Это равносильно вторичному обращению, возможно, — на более высоком уровне, чем первое его обращение.

Тебе следовало бы знать, что удушливое облако, мешавшее твоим атакам на пациента, когда он шел со старой мельницы, давно известно. Это самое варварское оружие Врага, оно обычно появляется, когда Он непосредственно присутствует рядом с пациентом при особых обстоятельствах, классификация которых у нас еще полностью не разработана. Некоторые люди всегда окружены таким облаком и потому недосыгаемы для нас.

А теперь о твоих ошибках. Судя по твоему описанию, ты, во-первых, позволил пациенту прочесть книгу лишь потому, что она действительно

ему нравится, а не для того, чтобы о ней ронять умные реплики в кругу новых друзей. Во-вторых, ты позволил ему прогуляться на старую мельницу, выпить там чаю, пройтись по деревне, которая ему тоже действительно нравится, и побыть при этом одному. Другими словами, ты позволил ему получить два истинных удовольствия. Неужели ты настолько невежествен, что не увидел опасности? Основная особенность *страдания и наслаждения* в том, что они совершенно реальны, и, пока длятся, дают человеку критерий реальности. Если бы ты попытался погубить своего подопечного методом романтизма, стараясь сделать из него Чайльд-Гарольда или Вертера, погруженного в жалость к самому себе из-за выдуманных бед, тебе нужно было бы предохранять его от всякого подлинного страдания. Пять минут реальной зубной боли разоблачат все романтические печали, покажут, какая это все ерунда, и сорвут маску со всей твоей стратегии. Ты пробовал погубить своего пациента земными соблазнами, подсовывая ему тщеславие, суету, иронию, дорогие и скучные удовольствия. Как же ты не разобрался в том, что подлинного удовольствия ни в коем случае нельзя допустить? Разве ты не мог предвидеть, что такое удовольствие по контрасту просто убьет всю ту мишуру, к которой ты его с таким тщанием приучал? Что то удовольствие, которое дали ему прогулка и книги, особенно опасно для нас? Что оно сорвет с его души кору, которой она твоими стараниями начала обрастать? Да ведь оно дало ему почувствовать, что он возвращается домой, вновь находит себя! На первом этапе отделения подопечного от Врага ты хотел отделить его от себя самого, и в какой-то степени преуспел. А теперь все насмарку.

Конечно, я знаю, и Враг не хочет, чтобы люди были привязаны к самим себе. Но это совершенно другое дело. Помни, что Он действительно любит этих маленьких насекомых и до смешного ценит неповторимость каждого из них. Когда Он говорит, что они должны отрешиться от себя, Он имеет в виду отказ от притязаний их своеволия. И когда они следуют этому наказу, Он возвращает им личность во всей полноте и даже хвалится (боюсь, вполне искренне), что они тем больше обретают себя, чем больше принадлежат Ему. Радуясь тому, что они жертвуют Ему даже самыми невинными проявлениями воли, Он ужасается, когда они по какой-то причине изменяют самим себе. А мы всегда должны побуждать их к этому. Самые глубокие импульсы и склонности человека — то сырье, та строительная площадка, которыми Враг снабдил его. Заставив его отойти от них, мы выигрываем очко. Даже в несущественных вопросах желательнее подменить его собственные взгляды земными стандартами, условностями или модой. Я лично всегда искореняю из своего пациента всякую личную склонность, в

которой нет прямого греха, вполне безобидную, например, интерес к состязаниям по крикету, коллекционирование марок или любовь к какао. Такие склонности не несут в себе, разумеется, никакой добродетели. Но в них есть какая-то невинность, какая-то смиренность, самозабвение, которые мне противны. Человек, искренне и бескорыстно наслаждающийся чем-нибудь не обращая ни малейшего внимания на то, что скажут другие, уже самим фактом этим защищен от некоторых наших утонченнейших методов. Всегда старайся, чтобы пациент отказался от людей, книг, блюд, которые он действительно любит, в пользу "значительных людей", "самых известных книг" и "самых лучших блюд". Я знал одного человека, который защищался от сильного искушения гордыни еще более сильным пристрастием к селедке с луком.

А теперь придется подумать, как исправить положение с твоим подшефным. Самое важное — много ли он думает о покаянии и не претворяет ли он его в действие? Пусть эта свинка повалится в своем раскаянии. Если у него есть к тому склонности, то пусть напишет о нем книгу. Это — прекрасный способ обезвредить то, что Враг посеял в сердце человека. Пусть он займется чем угодно, кроме активного действия. Ни воображаемая набожность, ни душевный подъем не повредят нам, если мы помешаем им укрепиться в человеческой воле. Как сказал один из людей, активные привычки повторение укрепляет, а пассивные ослабляет. Чем чаще он погружен в чувства, не связанные с действием, тем меньше он способен к действию и, в конечном итоге, тем меньше он способен к чувству.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Особенно тревожит меня в твоём докладе, что подопечный больше не принимает тех самонадеянных решений, которые сопровождали его первоначальное обращение. Он не обещает неуклонной добродетели, он даже не ожидает благодати на всю свою жизнь — он только надеется всякий день и час получать поддержку своим скромным силам, чтобы их хватило на борьбу с искушениями. А это очень плохо!

Сейчас я вижу только одно направление действий. Твой подопечный приобрел смирение — заметил ли ты это? Все добродетели для нас

менее страшны, чем добродетель смирения, особенно когда человек осознает ее в себе. Поймай его в тот момент, когда он забыл о духовной бдительности, подсувь ему приятную мысль: "А ведь я становлюсь смиренным", — и тут же в нем проявится гордыня, он возгордится смирением. Если он очнется, увидит опасность и постарается заглушить новый вид гордыни, заставь его возгордиться этим старанием, и так далее. Но не занимайся этим слишком долго, ибо есть опасность, что ты пробудишь чувство юмора и здравомыслие. Тогда он просто высмеет тебя и пойдет спать.

Но есть и другие эффективные возможности сконцентрировать его внимание на этой гнусной добродетели. Смирением, как и любимыми другими добродетелями, наш Враг хочет отвлечь внимание человека от самого себя и направить его на Него и на ближних. А всякий отказ от самого себя и самоуничижение существуют в конце концов именно для этого; пока они не служат этой цели, от них мало вреда. Они даже могут быть нам полезны, если из-за них человек интересуется преимущественно собой. Кроме того, самоуничижение можно использовать как исходную точку для презрения к другим, для угрюмости, цинизма и жестокости. Поэтому ты должен скрыть от пациента истинную цель смирения. Пусть он под смирением подразумевает особое (а именно плохое) мнение о своих способностях и своем характере. Не сомневаюсь, что определенные способности у него действительно есть. Укрепи его в мысли, что смирение состоит в том, чтобы ставить эти способности как можно ниже. Конечно, они в самом деле *менее* ценны, чем он думает. Но не в этом дело. Самое главное — чтобы он ценил свое мнение больше, чем истинность, и вносил тем самым хоть крупицу нечестности и надуманной веры в самый центр того, что в ином случае угрожает добродетелью. При помощи этого метода мы заставили тысячи людей думать, что для красивой женщины смиренно считать себя уродом, а для умного мужчины — считать себя дураком. А поскольку то, во что они старались верить — явная ерунда, им эта вера не удастся, и мы можем до бесконечности вращать их мысли вокруг них самих в стараниях достичь невозможного.

Чтобы предупредить выпадения Врага, мы должны знать Его цели. Враг хочет привести человека в такое состояние, когда он мог бы спроектировать лучший в мире собор, знать, что этот собор хорош, и радоваться тому, что он сделал, но не больше и не меньше, чем если бы его спроектировал кто-нибудь другой. В конечном итоге, Враг хочет, чтобы человек был совершенно свободен от предубеждений в свою пользу и мог радоваться своим способностям так же искренне и благодарно, как и способностям ближнего, восходу солнца, слону

или водопаду. Он хочет, чтобы каждый человек в мире увидел, что все существа (в том числе и он сам) великолепны и прекрасны. Он хочет по возможности скорее разрушить в человеке животное самообожание, но, боюсь, конечная Его цель — в том, чтобы восстановить в нем благожелательность и милосердие ко всякому творению, включая его самого. Когда он действительно научится любить ближнего, как самого себя, ему будет дано любить себя, как ближнего. Мы никогда не должны забывать самую отталкивающую и необъяснимую черту нашего Врага: Он *действительно* любит этих безволосых двуногих, которых Он создал, и правая рука Его всегда возвращает им то, что отнимает левая.

Поэтому Он будет всячески стараться, чтобы твой подопечный вообще перестал думать о том, какая ему цена. Он рад, если люди считают себя скверными. И в ответ на твои старания подсуновать ему тщеславие или ложную скромность, Он напомнит, что от человека вообще не требуется никакого мнения о своем таланте, так как он прекрасно может им пользоваться, не решая точно, какая же из ниш в храме славы предназначена для него... Ты во что бы то ни стало должен исключить эту Вражью мысль из сознания пациента. Кроме того, Враг будет убеждать пациента и еще в одной истине, которую они все признают, но которую им трудно почувствовать: что они не создали самих себя, что все их способности дарованы Им, и гордиться талантами так же глупо, как гордиться цветом волос. Враг всегда старается отвлечь человека от такой гордости, а ты должен фиксировать на ней его внимание. Враг даже не хочет, чтобы они сверх меры копались в своих грехах — чем скорее человек после покаяния займется делом — тем Врагу лучше.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Конечно, я обратил внимание на то, что у людей сейчас временное затишье в их Европейской войне, которую они по-детски и наивно именуют Великой. Я не удивлен и соответствующим затишьем у твоего пациента. Что нам полезней: поддержать в нем это настроение или держать его в беспокойстве? И мучительный страх, и глупая самонадеянность для нас хороши. Необходимость же выбора между ними поднимает важные вопросы.

Люди живут во времени, но наш Враг предназначил их для вечности. Поэтому Он, как мне думается, хочет, чтобы они сосредоточили свое духовное внимание и на вечности, и на той точке времени, которую они называют Настоящим. Ведь Настоящее — это та точка, в которой время касается Вечности. В данном мгновении, и только в нем, людям открывается столько же, сколько и Врагу нашему открыто во всей реальности. Только в данном мгновении людям предложена свобода. Поэтому Враг хочет, чтобы они были постоянно сосредоточены либо на Вечности (то есть на Нем), либо на Настоящем (размышляли бы о вечном союзе с Ним или о том, что Он их покинул, следовали бы голосу совести, несли нынешний крест, принимали нынешнюю благодать, и благодарили за нынешние радости).

Наше дело — отвлечь их от Вечности и от Настоящего. Имея это в виду, мы иногда искушаем человека (скажем, вдову или жену ученого) жизнью в прошлом. Но этот метод имеет ограниченную ценность, так как люди все-таки кое-что о прошлом знают; в подобном отношении прошлое похоже на Вечность. Гораздо лучше, чтобы они жили в будущем. Биологические инстинкты направляют все их страсти именно в эту сторону, так что мысли о будущем распалют и надежду и страх. Кроме того, будущее им неизвестно, и, побуждая думать о нем, мы возбуждаем их к нереальному. Словом, *меньше* всего напоминает Вечность именно будущее. Это самая эфемерная часть времени, ибо прошлое застыло и не течет потоком, а Настоящее всецело освещено лучами Вечности. Вот почему мы всегда поддерживаем все эти схемы мышления, вроде Творческой Эволюции или Научного Гуманизма, фиксирующие внимание человека на будущем, то есть на том, что по сути дела временно. Вот почему почти все пороки укоренены в будущем. А благодарность обращена к прошлому, в то время как любовь — к настоящему. Страх, жадность, дохоть, честолюбие обращены вперед. Не думай, что только в похоти, когда наступает удовольствие, грех (единственное, что нас интересует) уже позади. Удовольствие — как раз та часть процесса, которая нас раздражает, мы охотно свели бы ее на нет, если бы не лишились при этом и греха. Удовольствие испытывают с Вражьей помощью и потому переживают в настоящем. Грех, возникающий с нашей помощью, устремлен в будущее.

Конечно, и для Врага важно, чтобы человек думал о будущем. Думал ровно столько, сколько необходимо, чтобы сегодня готовился к тем делам правды и милосердия, которые станут насущными завтра. Работу завтрашнего дня надо планировать сегодня, и хотя содержание ее взято из будущего, эта обязанность, как и все обязанности, при-

надлежит настоящему. Враг не хочет, чтобы люди отдавали будущему сердца, устремляли к нему свои богатства. Мы же хотим. Вражий идеал — человек, который, отработав день на благо будущих поколений (если в этом его призвание), вечером откладывает всяческое попечение, целиком вверяясь небу, и остается лишь при терпении и благодарности, которые требуются от него и здесь и сейчас. Нам же нужен человек, терзаемый кошмарами будущего, гонимый идеями близящегося рая или ада на земле, который готов преступить заповеди Врага сейчас, если мы внушим ему, что этим он приблизит или отвратит то, чего ему даже не доведется увидеть при жизни. Нам хотелось бы, чтобы род людской непрестанно и в страшных муках пытался изловить руками разум, чтобы этот род никогда не был честен, добр и счастлив *сейчас* и все даруемое в настоящем нес на алтарь будущих времен.

Отсюда следует, что твоему подопечному полезней тревоги или надежды (что именно — неважно) по отношению к нынешней войне, чем жизнь в настоящем. Однако выражение это двусмысленно. Жизнь в настоящем можно назвать и беспечность, столь же привязанную к будущему, как и сама тревога. Твой подопечный может не беспокоиться о будущем не потому, что занят настоящим, а потому, что он внушил себе розовые надежды. Пока лишь это порождает его спокойствие, оно нам благоприятствует, ибо когда ложные надежды рухнут, тем больше будет разочарования и злобы. С другой стороны, если он поймет, что и ему, возможно, уготованы тяжкие испытания, и будет молиться, чтобы ему ниспослали сил свыше, а сам целиком останется в настоящем, потому что там и только там его долг, милосердие, знание, да и радость, — состояние его крайне нежелательно и нужна немедленная атака. Попробуй припугнуть его словом "удовлетворенность", здесь наш философский отдел хорошо потрудились. Ну, конечно, вероятнее всего, что он "живет в настоящем" по той простой причине, что у него хорошее здоровье и он любит свою работу. В таком случае, это просто естественное состояние. Однако, будь я на твоём месте, я бы такого не потерпел. Ни одно естественное явление не идет нам на пользу. Да и с какой стати этим созданиям быть счастливыми!

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

В прошлом письме ты мельком упомянул, что твой подшефный все ходит в одну и ту же церковь и что он не совсем ею доволен.

О чем, спрашивается, ты думаешь? Почему до сих пор нет донесений о причинах его постоянства? Если он так упорен не от безразличия, дела наши плохи, понимаешь ты это или нет? Конечно, тебе известно, что если человека нельзя вылечить от посещения церкви, самое лучшее — отправить его на долгие поиски церкви, для него "подходящей". Пусть побродит до тех пор, пока не станет ценителем и знатоком церквей.

Причины такой нашей деятельности очевидны. Во-первых, на объединение прихожан следует нападать, так как объединяются они по месту жительства, а не по сходству, а это приводит людей разных классов и психологий к тому единению, которого хочет Враг. Конгрегационный же принцип может каждую церковь превратить в некий клуб, а если все сложится удачно — в кружок или фракцию. Во-вторых, поиски подходящей, так сказать, церкви склоняют человека к критике там, где Враг хочет видеть его Своим учеником. Врагу желательно, чтобы мирянин в церкви был действительно критичен в смысле неприятия ложного и бесполезного и при этом совершенно не критичен в том смысле, что не судит и не рядит, а доверяется немудрствующему, смиренному приятию того животворящего начала, которое несет ему церковь. (Ты видишь, как Он унизительно бездуховен и безнадежно вульгарен?). Приводит это к тому, что простейшие слова очень многое могут сказать человеку и его душе (что прямо противоречит нашей политике). Любая проповедь или книга, воспринимаемые человеком с таких позиций, для нас очень даже опасны. Так что возьмись за дело познергичней, и по возможности скорее пошли этого дурака по ближайшим церквям. Твое последнее донесение отнюдь нельзя признать удовлетворительным.

Воспользовавшись нашей служебной картотекой, я присмотрел для него две соседних церкви. У каждой свои особенности. В одной из них священник так долго и старательно разбавлял веру водой, чтобы сделать ее более доступной для скептического и трезвомыслящего, по его мнению, прихода, что теперь он шокирует прихожан неверием, а не они его. Во многих душах он успел подорвать веру. Восхитителен и его метод ведения служб. Чтобы избавить мирян от "трудностей", он вычеркнул многие чтения, и теперь, сам того не замечая, все крутится и крутится по малому кругу своих любимых пятнадцати песнопений и двадцати чтений... А мы можем не бояться, что какая-нибудь истина, доселе незаметная ему и его приходу, дойдет до них через Писание. Но, возможно, твой пациент недостаточно глуп для этой церкви или пока что еще недостаточно глуп.

Во второй церкви служит отец Игл. Людям очень часто просто трудно понять широту его взглядов: так, в один день он почти коммунист, в другой — недалеко от какого-то теократического фашизма; в один день он тяготеет к схоластике, а в другой вообще готов отрицать человеческий разум; в один день погружен в политику, на другой заявляет, что все государства мира сего "уже осуждены". Мы, конечно, видим нить, связующую все воедино: ненависть. Этот человек может проповедовать лишь то, что шокирует, огорчит, озадачит или унизит его родных и друзей. Проповедь, приемлемая для них, была бы для него такой же пресной, как поэма, которую можно читать вслух. У него, кроме того, есть многообещающая черта: нечестность. Мы побуждаем его говорить: "Церковь учит, что..."., когда в действительности он подразумевает: "Я почти уверен, что недавно прочел это у Маритена или еще у кого-то". Но должен предупредить тебя об одном его совершенно фатальном дефекте: он верит. А это может все испортить. Однако у обеих этих церквей есть общая хорошая черта — они тяготеют к группировкам. Я, кажется, уже предупреждал тебя, что если твоего подопечного не удастся удержать вне церкви, его надо активно привлечь к какой-нибудь группировке вокруг нее. Я не имею сейчас в виду различий в вероучении — в этом плане чем он теплехладнее, тем лучше. Творя зло, мы вовсе не намерены опираться на догматы. Самая же потеха, когда удастся возбудить ненависть между теми, кто говорит "месса", и теми, кто говорит "служба", в то самое время, как ни одна ни другая сторона, вероятно, не способна устанавить разницу между учениями Хупера и Фомы Аквината так, чтобы объяснения вытерпели хотя бы пятиминутную критику. Все несущественные детали — свечи, облачение клира и прочее — прекрасная почва для такой деятельности. Мы уже порядком выветрили из сознания людей то, чему учил их этот невыносимый человек Павел, толкуя о пище и других пустяках, а именно: немощного в вере принимать без споров о мнениях. Ты думаешь, люди понимают, как применять это в жизни? Казалось бы, один преклонит колени и перекрестится, дабы не смутить своего брата, а другой воздержится от этих знаков благочестия, дабы не склонить своего брата к идолопоклонству. Так оно и было бы, если бы не наша неустанная работа. Без нее разница в обычаях английских церквей чего доброго стала бы уже причиной и рассадником милосердия и смирения.

Твой любящий дядя Баламут.

Мой дорогой Гнусик!

Тот пренебрежительный тон, с которым ты говорил об обжорстве, как способе ловли душ, обнаруживает лишь твое невежество. Одно из величайших достижений последнего столетия — приглушение человеческого сознательности в этом плане. Во всей Европе ты вряд ли найдешь хоть одно место, где произносили бы проповеди на эту тему, или человека, чья совесть этим мучилась бы. В значительной степени мы достигли этого, сосредоточив свои усилия на чревоугодии изысканности, а не на чревоугодии излишества. Насколько мне известно из наших протоколов (а тебе, надеюсь, от Лизоблюда), мать твоего пациента — прекрасный тому пример. Она удивилась бы (а я рассчитываю, что однажды она действительно удивится), если бы узнала, что вся ее жизнь порабощена этой разновидностью чувственности, а скрыто это от нее потому, что ест она мало. Но какое нам дело до количества, если можно использовать человеческий желудок и вкус для развития недовольства, нетерпимости, немилосердия и эгоизма! Эта дама в надежных руках! Для официантов и гостеприимных хозяев она — сущий ужас. Она всегда отказывается от того, что ей предлагают, и говорит с легким вздохом и полуулыбкой: "Ах, что вы, мне *ничего* не надо, кроме чашечки чая, некрепкого, но и не слишком жидкого, и малюсенького хрустящего сухарика!.." Ясна тебе суть? Ей хочется съесть меньше, и стоит это дешевле, чем то, что ей предлагают, и потому она никогда не воспринимает как чревоугодие свою настойчивость, сколько бы хлопот ни доставила она другим. Балую свой аппетит, она уверена, что упражняется в умеренности. В переполненном ресторане она вскрикивает при виде блюда, которое ставит перед ней усталая официантка, и говорит: "Ах, зачем мне столько! Уберите это и принесите мне примерно четверть..." Если бы ее спросили, она бы сказала, что поступает так из бережливости. А в действительности она это делает потому, что та особая утонченность, которой мы ее поработили, раздражается, если видит больше еды, чем ей в данный момент хочется.

Подлинное значение спокойной, скромной работы, которую годами проводил Лизоблюд с этой дамой, можно оценить по тому, в какой степени ее желудок сейчас господствует над всей ее жизнью. Пациентка в том состоянии, которое мы называем "мне бы только хотелось". Если бы *только* хотелось как следует заваренного чая или как следует сваренного яйца, или кусочек как следует поджарен-

ного хлеба. Но она никогда не находит ни прислуги, ни друзей, которые могли бы сделать эти простые блюда как следует, ибо за ее "как следует" открывается ненасытное требование точных и почти неосуществимых вкусовых удовольствий, которые, как ей кажется, она испытала в прошлом. Это прошлое она описывает как времена, "когда еще можно было найти хорошую прислугу", но мы-то знаем, что тогда вкусы просто легче было удовлетворить и она предавалась иным уладам, ставившим ее в меньшую зависимость от обеденного стола. А тем временем ежедневное разочарование приводит к ежедневному и растущему раздражению, кухарки отказываются от места, дружбы ослабевают. Если Враг когда-нибудь и заронит в ней смутное подозрение, что она слишком интересуется едой, Лизоблюд парирует это, внушая, внушая, что ей безразлично, что она сама ест, но ей нужно, чтобы "мальчик мог полакомиться". В действительности, ее жадность была главной причиной его неприязни к дому в течение многих лет.

Однако наш подопечный — сын своей матери. И ты, упорно работая на других фронтах, не должен пренебрегать инъекциями обжорства. Поскольку он мужчина, его вряд ли можно поймать на крючок "мне бы только хотелось..." Мужчин лучше всего делать обжорами с помощью их тщеславия. Пусть считают себя большими знатоками еды и гордятся тем, что им удалось найти единственный в городе ресторан, где жаркое умеют приготовить "как следует". То, что начинается с тщеславия, легко можно превратить в привычку. Но как бы ты ни взялся за дело, самое главное — привести его в такое состояние, когда неудовлетворенная тяга, неважно какая — к шампанскому или к чаю, рыбному деликатесу или сигарете — "выводит из себя". Тогда его милосердие, справедливость и послушание будут всецело в твоей власти.

Простое излишество в еде менее ценно, чем утонченность. Ее главная польза в том, что это — как бы артподготовка к атаке на воздержание. Здесь, как и во всех других случаях, нужно держать человека в состоянии ложной духовности. Никогда не позволяй ему вспоминать о медицинской стороне питания. Пусть недоумевает, что же, гордость или недостаток веры, предали его в твои руки; в то время, как простой обзор того, что он ел или пил за последние сутки, показал бы ему правду и дал возможность простым воздержанием угрожать твоему наступлению. Если ему также необходимо думать о медицинской стороне дела, напитай его той великой ложью, в которую мы заставили уверовать англичан, а именно, что физические упражнения и сменяющая их усталость особенно благоприятствуют

добродетели воздержания. Как они могут верить в это при широко известной похотливости моряков и солдат, я ума не приложу! Чтобы распространить эту версию, мы использовали школьных учителей, которые действительно заинтересованы в том, чтобы оправдать игру, и они рекомендовали игры как средство для воспитания целомудрия. Однако, слишком это серьезный вопрос, чтобы заниматься им к концу моего письма.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Даже при Гаде ты должен был изучать основы техники сексуальных отношений, и поскольку для нас, духов, это — жуткая скучища (хотя и совершенно обязательная часть подготовки), я пропускаю их здесь. Что же касательно более глубоких проблем, связанных с полом, я думаю, есть многое, чему бы и ты мог поучиться. А по воле Врага люди стоят перед дилеммой: либо полное воздержание, либо единобрачие без послаблений. Но уже со времен первой великой победы нашего отца, мы сделали воздержание исключительно трудным для них. Единобрачие же за последние века мы старались свести с пути к их спасению. Делали мы это с помощью поэтов и писателей, уверяя людей, что то особое и обычно кратковременное переживание, которое они называют влюбленностью — единственное достойное основание брака, что брак может и должен сделать это переживание постоянным, и, наконец, что брак, не оправдывающий таких ожиданий, теряет свой смысл. Эта идея пародирует идею Врага. Вся философия ада зиждится на аксиоме: один предмет отличен от другого, и в особенности это присуще людям. Мое принадлежит мне, а твое — тебе. То, что один приобрел, — другой потерял. Даже материальный объект исключает все остальные возможные объекты из пространства, им занимаемого. Если он увеличится в размере, то отодвинет другие предметы в сторону или поглотит их. Всякая самость действует точно так же. У животных поглощение происходит в форме поедания. У нас оно означает, что сильный поглощает волю и свободу слабого. "Существовать — значит соревноваться".

Философия Врага есть не что иное, как непрекращающаяся попытка обойти эту очевидную истину. Она зиждится на противоречиях.

Мир должен быть многообразен, и в то же время един. Достояние одного должно быть и достоянием другого. Всю эту чепуху он и зовет любовью. Однообразие этого средства спасения можно обнаружить во всем, что Он творит, и даже во всем, в чем Он проявляется (или утверждает, что проявляется). Так, Ему Самому мало быть простой единицей. Он, видите ли, одновременно троичен и Един. Говорит Он это для того, чтобы вся эта чушь о любви могла найти основание в Его собственной природе. А с другой стороны, Он вводит еще и такое бессовестное изобретение, как организм, в котором все части совращены со своего естественного назначения — соревнования — и приведены к согласованности.

Истинная причина того, что Он использовал половое различие как способ размножения, совершенно очевидна из того, какую пользу Он из этого извлек. Половое различие, с нашей точки зрения, могло бы быть вполне невинным. Оно могло бы быть просто еще одной разновидностью мучений слабого за счет невинного, вроде бы сильного, что и происходит с пауками, у которых в завершение брачной близости невеста съедает жениха. Но у людей, по милости Врага, половое влечение соединено с взаимной привязанностью. Кроме того, Он установил зависимость детей от родителей и побудил родителей заботиться о детях, создав таким образом семью, которая напоминает организм, только похуже, ибо здесь члены еще независимей, а связанность их более сознательна и ответственна. В конце концов это оказывается всего лишь еще одним изобретением, вовлекающим людей в любовь.

А теперь — самое смешное. Враг охарактеризовал супругов как "единую плоть". Он не сказал "счастливая супружеская пара" или "пара, женившаяся по любви". Ты же можешь сделать так, чтобы люди этого не поняли. Кроме того, пусть они забудут, что все тот же Павел применял это выражение и к неженатым парам. По его словам, совокупление, как таковое, делает людей "единой плотью". Надо, чтобы люди считали "восторгами влюбленности" то, что на самом деле — просто половое влечение. Воистину, когда бы мужчине не случалось соединяться с женщиной, то — хочет он того или нет — между ними устанавливается некое запредельное отношение, которое вовеки будет им в муку или в радость. Исходя из того, что это отношение предназначено к созданию привязанности и семьи (а если в него полностью погружаются, так и бывает), людям можно внушить ложную веру, что только та смесь боязни и влечения, которую они называют "влюбленностью", создает святость или счастье брака. Эту ошибку совершают легко, ибо "влюбленность" в Западной Европе

предшествует бракам, заключенным в послушание Вражьей воле, то есть тем, в которых предполагается верность, снисходительность друг к другу и плодovitость. Вот тебе аналогия: и религиозная эмоциональность порой сопутствует обращению к вере. Пусть люди считают основой брака ярко приукрашенный вариант того, что Враг в действительности обещает дать лишь как его *результат*. Отсюда вытекают сразу две недурные возможности. Во-первых, людей, не обладающих даром воздержания, можно удерживать от брака на том основании, что они "не влюблены".

В основных чертах этот вопрос, разумеется, уже разработан для нас более низкопоставленными сотрудниками преисподней, чем ты и я. Эти великие мастера неустанно извращают то, что можно назвать эротическим вкусом. Делают это они посредством узкого круга популярных актеров, актрис, портных, рекламных агентов, определяющих, какой тип в моде... А цель этой деятельности в том, чтобы отдалить представителей одного пола от другого, брак между которыми, вероятно, был бы полезным, счастливым и плодоносным. Так, мы уже много столетий торжествуем над природой до такой степени, что некоторые второстепенные черты мужчин (к примеру, борода) неприятны почти для всех женщин, и это в свою очередь приносит больше пользы, чем тебе кажется.

Что же касается мужского вкуса, его мы меняли много раз. Одно время мы его направляли на величавый и аристократический тип красоты, смешивая тщеславие мужчин с их похотью и побуждая род человеческий размножаться главным образом через самых высокомерных и расточительных женщин. Потом мы культивировали чрезмерно женственный тип, слабый и чахлый, так что глупость, трусость и фальшь с духовной скудостью, сопутствующие ему, стали чуть ли не положительными качествами. Сейчас у нас совсем иная задача. Время джаза сменило время вальса, и теперь мы учим мужчин любить женщин, которых с трудом отличишь от мальчишек. Поскольку этот тип красоты быстротечнее остальных, мы, обострив хронический ужас женщин перед старостью, добьемся многих прекрасных результатов и снизим тягу и способность к деторождению. Это не все. Благодаря нам, общество допускает все большую вольность к демонстрации обнажения (но не подлинной обнаженности) в живописи, на сцене, на пляже. Все это, конечно, подделка: тела на наших прославленных картинах искажены, женщины в купальных костюмах сжаты и затянуты, чтобы казаться стройнее и тоньше, чем допускает природа женской зрелости. Однако современный мир искренне убежден, что он все "откровенней", все "здоровей" и возвращается к

природе. В результате мы все сильнее и сильнее направляем похоть мужчин на мнимости, увеличивая роль глаза в сексуальной области и делая мужские претензии все более мнимыми. Последствия ты сам можешь себе представить.

Это — общая стратегия. Действуя в ее рамках, ты всегда обнаружишь возможность направлять желание твоего подопечного в одном из двух направлений. Если ты осторожно всмотришься в сердце любого мужчины, ты увидишь, что мысль о браке "не по любви" очень далека им, и, благодаря нам, такая мысль кажется им низкой и циничной. Да, да, они так и думают. Они считают, что намерение вступить в союз верности для взаимной помощи, охраны, целомудрия и продолжения рода ниже, чем случайная буря чувств. (Не пренебрегай возможностью, заставь своего пациента считать чин венчания весьма несовершенно). Во-вторых, всякое сексуальное их влечение, стремящееся к браку, будет считаться "любовью", а любовь подобного рода извинит любой грех, и, вполне возможно, спровоцирует женитьбу на женщине совершенно мирской, глупой или развратной. Но подробнее об этом в следующем письме.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Я много думал над вопросом, который ты задал в последнем письме. Как я уже разъяснил, все индивидуумы по самой своей природе находятся в конкуренции друг с другом, и, следовательно, Вражья идея любви содержит противоречие; что же означает мое повторное предупреждение о том, что Он действительно любит этих двуногих насекомых и действительно желает им свободы и вечной жизни? Я надеюсь, мой милый мальчик, что ты никому не показывал моих писем. Конечно, для меня это не имеет никакого значения. Каждый понял бы, что те проявления ереси, в которые я впал, совершенно случайны. Я, кстати, надеюсь, что ты понял, что мои нелестные слова о Гаде — просто шутка. Я его глубоко уважаю. И конечно, я в шутку сказал, что не собираюсь защищать тебя перед властями. Ты можешь положиться на то, что я буду блюсти твои интересы. Однако все мои письма непременно держи под замком.

Понимаешь, я по чистой небрежности сказал, что Враг любит людей. Разумеется, это невозможно. Ведь они совершенно отличны

от Него. То, что хорошо для них, нехорошо для Него. Все эти разговоры о любви, должно быть, прикрывают что-то иное. Неспроста же Он создал их и столько с ними возится. Иногда, случайно, скажешь, что Он действительно любит их этой невозможной любовью, потому что нам никак не понять, в чем же тут загвоздка. Что Он собирается делать с ними? В этом — неразрешимая проблема. Думаю, что я вправе сказать тебе, что именно она была главной причиной ссоры нашего отца с Врагом. Когда впервые был поднят вопрос о сотворении человека и Враг Сам открыл, что предвидит некое происшествие с Крестом, отец наш, естественно, стал добиваться разъяснений. Враг не дал ему никакого ответа, кроме этой невероятной истории про бескорыстную любовь, которую Он с тех пор и распространяет. Естественно, для отца нашего это было неприемлемо. Он умолял Врага выложить карты на стол, просил Его и молил, но Враг ответил: "От всего сердца я желал бы, чтобы ты узнал". Мне кажется, именно в этот момент отец наш возмутился незаслуженным недоверием, и это побудило удалиться его так далеко и так внезапно, что возникла Вражеская версия о его изгнании с Небес.

С тех пор мы начали понимать, почему наш Враг развел такую таинственность. На ней зиждится Его власть. Его приверженцы часто сознавались в том, что если бы мы могли когда-нибудь понять Его любовь, война закончилась бы и мы смогли бы вернуться на Небеса. Перед нами стоит великая задача. Мы знаем, что Он не может действовать любя — никто этого не может, ибо это бессмысленно. Если бы мы только обнаружили, чего Он действительно хочет! Мы проверяли гипотезу за гипотезой и все еще ничего не добились. Однако мы не должны терять надежды. Все сложнее теоремы, все полнее сведения, все выше награды исследователям и больше их успехи, все страшнее наказания для тех, кто в деле терпит неудачу. Если осуществлять это в ускоряющемся темпе до скончания века, неудачи быть не может.

Ты жалуешься, что из моего последнего письма не ясно, считаю ли я "влюбленность" желательным состоянием? Ну, Гнусик, такого вопроса можно ожидать только от них! Оставь им обсуждать, добро или зло — любовь, патриотизм, celibат, церковные обряды, отказ от алкоголя, высшее образование. И неужели тебе не ясно, что ответа нет? Ничто не имеет никакого значения, кроме состояния души в данных условиях: устремляется ли подопечный к Врагу или к нам. Однако было бы неплохо, если бы сам пациент стал гадать, добро или зло Его "любовь"? Если он надменный человек, презирающий все телесное из чистоплюйства, ошибочно принимаемого за чистоту, и если ему приятно насмеяться над тем, что одобряет большинство

его друзей — непременно заставь его отрицать любовь. Укрепи в нем высокомерный аскетизм, а потом, когда отделишь его собственный эротизм от всякой человечности, навяжи ему похоть снова, но уже в какой-нибудь жестокой и циничной манере. Если же он, напротив, человек эмоциональный и легкомысленный, питай его скверненькими поэтами и третьесортными романистами старой доброй школы, пока он не поверит, что "любовь" неотвратима и каким-то непостижимым образом благодетельна. Такая позиция, уверяю тебя, не особенно полезна для побуждения к случайным связям, но она — несравненное средство для продолжительных связей, "благородных", романтических и трагических, завершающихся, если все идет благополучно, убийством или самоубийством. Если этот способ не удастся, попробуй натолкнуть подопечного на полезный брак; ибо брак — Вражье изобретение — может принести нам свою пользу. В окружении пациента наверняка есть несколько женщин, которые чрезвычайно затруднили бы его христианскую жизнь, если бы ты убедил его жениться на одной из них.

Пожалуйста, доложи мне об этом в следующем письме. А пока помни, что даже "влюбленность" сама по себе нельзя считать абсолютно полезной и благоприятной для нас или для Врага. Это просто состояние, которым стараются воспользоваться и мы, и они. Как и многое другое, сильно волнующее людей, — здоровье и болезнь, молодость и старость, война и мир, — состояние влюбленности, с точки зрения духовной жизни, главным образом является сырьем.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

С большим неудовольствием отмечаю, что Враг решительно положил конец твоим прямым атакам на целомудрие пациента. А тебе следовало бы это предвидеть и остановиться пораньше. Сейчас же пациент открыл опасную истину: он знает то, что такие нападения не длятся вечно. Именно поэтому ты и не можешь вновь воспользоваться нашим самым лучшим и испытанным оружием — убеждением невежественных людей, что от нас не избавишься, пока нам не сдашься. Надеюсь, что ты пытался убедить его, что целомудрие вредно для здоровья?

Я все еще не получил донесения о женщинах его круга. А хотел бы получить его поскорее. Если мы не в силах использовать его половую энергию для воспитания развратности, хотя бы используем ее для устройства подходящего брака. А пока я хотел бы тебе дать несколько советов о том, в каких именно женщин (я говорю о физическом типе) ему следует влюбляться, если уж лучше "влюбленности" мы ничего не придумаем.

В основных чертах, если ты осторожно вступишь в сердце любого мужчины, ты увидишь, что его притягивают по самой крайней мере две вымышленные женщины: Венера земная и Венера бесовская, и влечение его в этих случаях качественно различно. К первому из типов он испытывает желание, естественно согласующееся с волей Врага. Оно сочетается с милосердием, готовностью к послушанию и вообще сияет тем светом уважения и естественности, который нам так противен. Ко второму он испытывает грубое влечение, и этот тип лучше всего использовать для того, чтобы совсем отвлечь от брака, но даже в браке с такой женщиной он будет обходиться как с рабыней, идолом или преступной соучастницей. Любовь к женщине первого типа иногда содержит то, что Враг называет злом, но только случайно. Например, мужчине не хочется, чтобы она была женой другого, и он глубоко сожалеет, если не может любить ее законно; но в отношении к женщине второго типа зло — в том, чего он хочет, в "особом аромате", за которым он гоняется. На самом же деле аромат ее лица — в явной чувственности, хмурости, хитрости или жестокости. А аромат ее тела в достаточной степени явно далек от того, что данный мужчина называет красотой. Скорее, по здравом размышлении, он описал бы его как уродство, но, благодаря нашему искусству, такой аромат легко сыграет на первых порах на нервах его чувственной одержимости.

Подлинную пользу бесовская Венера приносит, конечно, как любовница. Но если пациент — христианин, то при порядочной его напигованности всей этой чепухой про "неотвратимую и всепрощающую любовь" его можно женить на ней. А это — дело стоящее. Ты потерпел неудачу по части блуда и по части греха одинокого самодовольствия, но есть другие, косвенные методы использования человеческой похоти на его погибель. Между прочим, они не только эффективны, но и восхитительно милы, так как несчастье, вызванное ими, очень положительно и изысканно.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Да, период эротических искушений — прекрасное время, чтобы напасть заодно и на раздражительность подопечного. Можно даже направить главный удар именно туда, если пациент думает, что это — всего лишь "заодно". Но в это время, как и во всякое иное, дорогу для нападения нужно готовить, затемняя при этом разум. Люди гnevаются не от простой неудачи, но от воспринятой как несправедливость. Чувство же несправедливости основывается на представлении, что законные требования не удовлетворяются. Поэтому чем больше требований к жизни предъявит подопечный (под твоим руководством), тем больше он будет ощущать несправедливость и тем чаще будет в плохом настроении. Ты, может быть, обратил внимание на то, что он особенно сердится, когда время, предназначенное им для собственных потребностей, у него отнимают. . . Неожиданный посетитель, явившийся как раз тогда, когда он надеялся спокойно провести вечер, или жена друга, болтающая, когда он собирался поговорить с ее мужем, выводят его из равновесия. Пока что он не успел стать достаточно злым или ленивым, чтобы ненавидеть эти маленькие требования гостеприимства *сами по себе*. Они раздражают его, потому что он считает время своей собственностью, и ему кажется, что его обкрадывают. Ты должен ревностно охранять это его странное предположение: "Мое время — мое". Пусть ему кажется, что он начинает каждый день как законный владелец двадцати четырех часов. Пусть ему представляется тяжелым налогом та часть этой собственности, которую он оставляет на работе, и щедрым пожертвованием — та, которую он отводит на религию. И никогда не позволяй ему усомниться в том, что совокупность времени, которое подвергается отчислениям, каким-то таинственным образом принадлежит ему сизмальства.

Здесь перед тобой стоит щекотливая задача. Тебе надо, чтобы он держался идеи, столь нелепой, что мы даже не сумели ее оправдать. Твой подопечный не может ни создать, ни удержать ни мгновения времени, оно дается ему даром; с таким же успехом он вправе считать своими солнце и луну. Кроме того, теоретически, он готов всецело служить Врагу, и если бы Враг лично предстал перед ним и хотя бы на один день потребовал от него такого служения, он бы, разумеется, не отказался. Для него было бы совсем не обязательно бременем, если бы главная тягота этого дня состояла бы в слушании разговоров

какой-нибудь глупой женщины. И для него было бы необременительно до разочарования, если бы Враг дал ему полчаса, сказав: "А сейчас иди и делай, что хочешь". Задумайся он хоть на мгновение про свою собственную идею времени, даже он смог бы понять, что он каждый день именно в такой ситуации. Когда я советую тебе лелеять в нем эту идею, это никак не значит, что надо давать ему какой-нибудь убедительный аргумент. Таких аргументов нет. Твоя задача — вроде цензуры. Не разрешай его мыслям касаться этого вопроса. Окружи его мраком, и пусть среди мрака покоится молчаливое, неисследованное и сильное чувство: "Мое время — мое!".

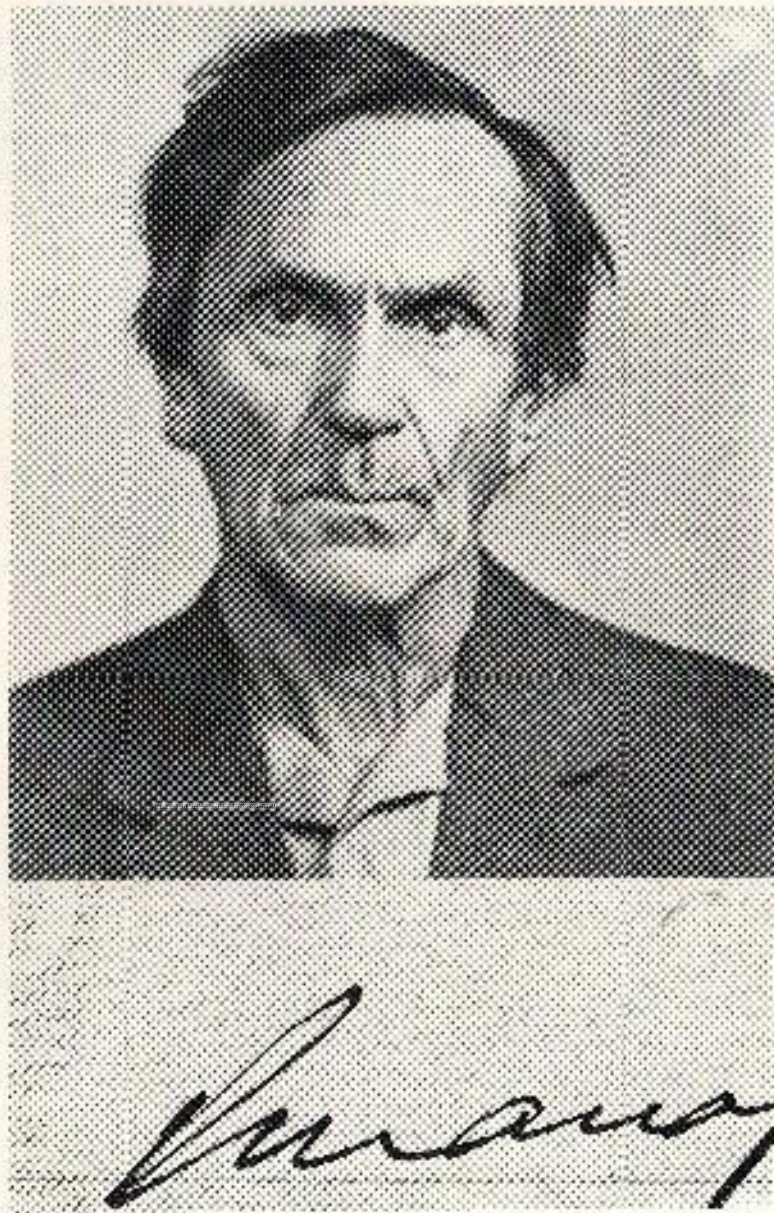
Вообще чувство собственности всегда следует поощрять. Люди вечно заявляют о своем праве собственности, что звучит одинаково смешно как на Небесах, так и в аду. Мы же должны их в этом поддерживать. Основная причина современного вызова целомудрию — в представлении людей, что они — "собственники" своих тел, этих глубоких и опасных владений, где пульсирует энергия, создавшая миры, куда они помещены без их согласия, откуда их можно извлечь по Вражьей воле. Положение такое, словно малолетнего принца отец, из родительской любви, назвал правителем какого-нибудь края, которым в действительности управляют мудрые советники, а тот воображает, что ему на самом деле принадлежат города, леса, урожай, как принадлежат ему кубики в детской.

Чувство собственности мы порожаем не только при помощи гордыни, но и при помощи сдвига понятий. Мы учим не замечать разного значения притяжательных местоимений — той отчетливой градации, которую нетрудно увидеть, сопоставив выражения "мои сапоги", "моя собака", "моя горничная", "моя жена", "мой начальник" и "мой Бог". Мы учим сводить эти значения к тому, которое присутствует в выражении "мои сапоги". Даже ребенка можно приучить говорить "мой медвежонок" не в смысле "старый, любимый и живой, с которым у меня совершенно особые отношения" (ибо это именно то, чему учит их Враг, если мы не будем бдительны), а тот, "которого я могу разорвать в клочья, если захочу". Что же касается другого конца шкалы, мы приучим людей говорить "мой Бог" в смысле, не совсем отличающемся от "мои сапоги", т. е. имея в виду "Бога, к Которому я взываю на богослужениях", "которого эксплуатируют в проповедях", "у которого я так хорошо устроился".

А смешнее всего, что "мое" в смысле полной собственности человек не может сказать ни о чем! В конце концов отец наш или же

Враг скажут "мое" обо всем существующем, и в особенности — о каждом человеке. Не беспокойся, они еще узнают, кому в действительности принадлежат и их время, и их души и тела, — уж в любом случае не им. В настоящее время Враг с присущим Ему педантизмом и юридизмом говорит "Мое" на том основании, что Он все сотворил. Отец наш надеется тоже в конце концов сказать "мое" обо всем, но по более реалистической и динамической причине — в результате нашей победы.

Твой любящий дядя Баламут.

Варлам Тихонович Шаламов
(1907–1982)

Г. АЙГИ

ОДИН ВЕЧЕР С ШАЛАМОВЫМ

Впервые я прочел Шаламова летом 1965 года. Я сидел один в пустом подвале моего друга-художника, на столе оказалась кипа машинописных листов. Я стал читать. Это был "Зеленый прокурор" Варлама Шаламова.

Я не люблю слова "потрясен", — слишком часто мы его произносим. Со мной происходило нечто иное: какая-то тяжелая, могучая поступь вошла в пространство, в меня, в судьбу... Мощные, небывалые в русской прозе нашего времени, шаг и Большая Прозы.

Я никогда не любил бойкую, дробную, эффектную прозу, начавшуюся в русской литературе новейшего времени с Андрея Белого (как правильно заметил Борис Пастернак), с его нарцисстически-гениальной прозы (уникальность которой требует особого подхода, вне зависимости от ее последствий). Я равнодушен к "Мастеру и Маргарите" М. Булгакова, для меня это — "литература" (в смысле: "все прочее — литература"), не люблю прозу В. Набокова (которая так и остается для меня "бенгальским огнем"; к "Лолите" я отношусь, "как положено"). До знакомства с "Котлованом" Андрея Платонова (произведением, ставящим его автора, на мой взгляд, в один ряд с Джойсом, Селином и Кафкой), я не мог знать, что "эффекты" его стиля были мучительным нащупыванием нового, гениального пути автора в русской словесности.

Мне чувствовалось, что в "Зеленом прокуроре" проглядывает какая-то особая, не бывшая до сих пор большая форма прозы (не роман, не исследование, не повесть... — некое крупное абстрагированно-чистое соответствие "нероманной" трагедии Времени).

Летом 1967 года я написал стихотворение "Степень: остоики", посвященное В. Т. Шаламову ("остоики" здесь — производное от морского термина "стойчивость").

В декабре 1967 года мне позвонил К. П. Богатырев: "Приезжай вечером к Рожанским, сегодня у них будет твой любимый писатель".

Я до сих пор глубоко благодарен и И. Д. Рожанскому и Н. В. Кинд, в квартире которых мне удалось провести долгий вечер с Варламом Шаламовым, — это была моя единственная встреча с ним.

Вечер для всех нас был очень трудный. Время от времени мы умолкали, как при присутствии "кого-то" — Вышедшего-из-Ада... — иначе не скажешь.

Я не раз замечал, что бывшие зеки обычно в первые же минуты знакомства сразу "узнают" друг друга и вступают в свой особый, несколько табуизированный для других, "контакт".

Константин Богатырев, очень общительный "вообще", скромно и деликатно, но все же по-зековски попробовал заговорить со старшим зекком. Шаламов мгновенно дал знать (каким-то необъяснимым образом: не было ни "жеста", ни взгляда, ни слова), что такой разговор невозможен. (В оцепенении-безмолвии, как будто воздвиглись молчания-"слова": "я оттуда, где вы не были").

Иван Дмитриевич Рожанский предложил В. Шаламову записать его чтение на магнитофон.

Шаламов охотно согласился: он хотел прочесть стихи. Раздалось два-три тихих голоса: "Не прочли бы вы вашу прозу". Варлам Тихонович прочел один рассказ, я не запомнил какой. И вот по какой причине (да простится мне, что я должен говорить такое): во время чтения произошло нечто, еще больше усилившее общую оцепенелость: писатель вдруг зажестиковал как-то "дерганно", перешел на скороговорку... — и... — видимо, лучше не определять наше впечатление, не рассуждать, в какой "дошестисти" может быть такой "язык", в отличие от общепонятного.

Варлам Тихонович почувствовал наше оцепенение: он бросил мгновенный антрацитово-твердый взгляд и быстро овладел собой, — перед нами снова был стройный, артистичный человек с легкими движениями, руки его были не "почти", а просто изящны (ряд лиц, впервые увидевшие писателя при отпевании его в храме Николая в Кузнецках, с удивлением отмечали потом красоту его рук).

Позволю себе сказать прямо ("так, как было"): в тот вечер во мне стояла все та же тяжелая поступь, услышанная мною в незабываемом "Зеленом прокуроре".

Я (помнится, в два "приема") попытался сказать Варламу Тихоновичу о давнем своем впечатлении от этого произведения, и вообще — о его прозе. Он молчал. Потом сказал коротко и без какой-либо интонации: "Я всю жизнь думал о прозе и знаю, что форму для своих вещей я нашел".

Тут вежливо вступил в разговор Константин Петрович Богатырев. "У вас в рассказе сказано: "4 километра". Скажите, пожалуйста, не было ли в реальности чуть-чуть иначе: например, 3 или 5 километров?"

"Если я сказал "4", значит, 4 и было, — ответил Шаламов, — во всем, что я написал, все было так, как описано".

Константин спросил у Шаламова, как он относится к "Доктору Живаго".

Снова был краткий и безинтонационный ответ: "Охранная грамота", "Детство Люверс", "Повесть" — гениальные произведения. Такая проза бывает один раз в двести лет".

Эти три момента из вечера с Шаламовым я привожу потому, что они, на мой взгляд, свидетельствуют, что Шаламов, несмотря на несколько преувеличенное отношение к своим стихам, давно и хорошо сознавал, чего он добивался в своей прозе.

Начиная с 1965 года, мне приходилось слышать от весьма вдумчивых людей, хорошо знающих словесное искусство, что проза Шаламова — это просто "фактографические вещи", чуть ли не "очерки". Я старался доказывать им, что за такой "фактографической прозой" стоит большой Поэт и большой Художник, что почти каждая его вещь пронизана специфически-поэтическим видением и мышлением большого мастера, — пронизана, как мощным светом, без какой-либо "спекулятивной" туманности. (Вспомним хотя бы его любимый стланник, уже не ветками, а трагическими лучами вырастающий сквозь все его творчество; вспомним графит, которым отмечены не только зарубки на деревьях и бирки на ногах покойных зеков, но уже и наши души, и наша память, и наше изменившееся представление об "эстетическом"...).

Один из моих друзей полностью согласился с моими мнениями о Шаламове-художнике лишь после 17-летнего спора, когда он в едином большом томе прочел все колымские рассказы, — прав оказался Варлам Тихонович, когда трагически протестовал против разрозненных публикаций его произведений.

Первым об этой трагичности сказал Михаил Геллер, которому русская литература обязана бережным и наиболее полным изданием прозы Шаламова. Из литературных исследователей самую достойную оценку произведениям Варлама Шаламова, по моему мнению, дал до сих пор только Андрей Синявский в потрясающем выступлении по радио летом 1981 года.

Приблизиться к "тайне" прозы Шаламова помогло мне одно обстоятельство.

Случилось так, что с самыми первыми рассказами Кафки я познакомился уже после того, когда прочел все, что было издано из его произведений (включая письма, "Дневники") во французском переводе. Сперва я был разочарован этими рассказами, столь явно

проглядывали в них искусственные, "гофмановские" приемы, — ранний Кафка "вымучивал" свои вещи, чтобы передать нечто "мистически"-существенное.

Однако, именно эти ранние вещи писателя "показали" мне, с каким огромным мучительным трудом Кафка пришел к простоте нового языка, к чуду этой простоты, творившей самые таинственные и самые существенные произведения эпохи.

Я думаю, что такой простоты добился в своей прозе Варлам Шаламов. В ничьём творчестве трагическое в новейшей истории народа не выражено языком, соответствующим высоте этого трагического, как в великом Томе автора "колымских рассказов". Позволю себе сказать без оговорок и объяснений... — я вслушиваюсь, ищу его имя среди других... — Достоевский, Толстой, Чехов, Платонов, Шаламов... Таково, в таком звучании для меня имя Шаламова, его значение в истории русской литературы.

В течение вечера, проведенного с Варламом Тихоновичем, несколько раз приходило мне в голову известное изречение об "умерших для жизни при жизни". О его повседневно-человеческих проявлениях расскажут те, кто знал его близко.

В тот декабрьский вечер я весь был поглощен наблюдением за художником-Шаламовым. Дальнейшее показало, что поэт, даже "Вышедший-из-Ада", остается с одной слабостью: живое в нем есть — по отношению к Поэзии.

Я сказал Варламу Тихоновичу, что у меня есть стихотворение, посвященное ему. Этим он живо заинтересовался. Сразу же предупредив, что "наши встречи необязательны", он сказал мне, что за стихотворением для него обратится ко мне его знакомая И. С. Живой интерес Варлама Тихоновича к обещанному стихотворению продолжался — я не смог сразу же встретиться с И. С., и она мне звонила несколько раз: "Варлам Тихонович снова напоминает". Я хотел, чтобы мое стихотворение, посвященное Шаламову, было прочтено им среди ряда других моих вещей, — так сказать, в контексте моей поэтики, — все же, весьма отличавшейся от тогдашнего "общепринятого" поэтического языка.

Получив машинописную книгу моих стихов, Шаламов ответил очень быстро. Он передал мне через И. С. свой стихотворный сборник "Дорога и судьба" с дарственной надписью: "Поэту Геннадию Лисину (моя старая фамилия. — Г. А.) с глубокой симпатией. Я не верю в свободный стих, но в поэзию — верю! В. Шаламов. Москва. Январь 1968".

Недосказанное в надписи было сообщено мне, от имени автора, при встрече с И. С.: "Я не верю в свободный стих. Никогда не думал,

что это может быть поэзией, — раза два повторял Шаламов, — но странно: вот, свободные стихи — а настоящая поэзия".

Благодарив за посвященное ему стихотворение, он просил передать мне дословно: "Обо мне писали много, стихи, есть даже песни. Ничто из них мне не нравится. Это стихотворение — лучшее, написанное обо мне, единственное, верно соответствующее мне и моему творчеству".

От Рожанских, уже в полночь, мы уехали вместе. В передней Варлам Тихонович долго мучился "надеванием" пальто: левую руку старался засовывать в рукав правой рукой, уже "надетой". Я сделал движение, чтобы помочь ему. Шаламов мгновенно остановил меня твердым, почти жестким взглядом.

Тем более я был крайне удивлен, когда он, прощаясь, вдруг наклонился и "изящным" (иначе не скажешь) движением быстро взял руку моей молодой спутницы и, поцеловав ("всего вам доброго"), столь же быстро нас оставил.

Мои связи с Варламом Тихоновичем продолжались через И. С. Он несколько раз передавал мне для чтения новые — заключительные — страницы "Колымских рассказов".

Однажды, заметив, что в рассказах писателя встречаются ничтожные погрешности (повторения одной и той же фразы в двух разных рассказах; упоминание первого лица, где-то в одной же вещи, как третьего), я осмелился сказать автору через И. С., что нужна бы "ничего не стоящая" редактура, что, если автор согласен, таковую, при огромном уважении к нему, я мог бы взять и на себя.

Ответ был краток (но, в передаче И. С., не "безинтонационный", а горестный): "Мне это безразлично. Это мелочи. Потом разберутся. Главное для меня — успеть рассказать правду, неизвестную никому в мире".

Под огромным влиянием творчества Шаламова я находился около пятнадцати лет. Образы и "мотивы", возникавшие под воздействием трагического духа его произведений, варьировались в ряде моих стихотворений в течение всего этого времени.

Данные заметки-воспоминания возникли неожиданно, после того как я составил подборку стихов, обращенных непосредственно к В. Шаламову при его жизни; некоторые из них я поместил, не хронологически, между двумя стихотворениями-прощаниями, как бы в воспоминание о прошедшем, — о переключках с творчеством великого писателя, которые были мне столь дороги.

В КРУГЕ ПОСЛЕДНЕМ

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Немного времени прошло со дня смерти Варлама Шаламова, но еще при жизни писателя делались попытки определить значение его страшных свидетельств для русской истории и литературы, а теперь и подавно время. Многим кажется, что Шаламов несправедливо заслонен Солженицыным, что "Колымские рассказы" — глубже, страшнее, обнаженнее, чем "Архипелаг Гулаг", что именно эта беспощадность свидетельства Шаламова испугала в свое время его издателей на Западе, поэтому "Колымские рассказы" не были сначала напечатаны отдельной книгой, а разбросаны по журналам, что поэтому книга Шаламова не произвела того впечатления, как книга Солженицына, что в какой-то мере Солженицыну повезло, а Шаламову — нет. Говорят, так думал и сам Шаламов.

Здесь многое — правда. Да, лагерный опыт Шаламова больше, страшнее, чем опыт Солженицына. Это, кстати, подчеркнул и сам Солженицын. Да, Шаламов писал только о том, что знал; но этого хватило на много. Шаламов сидел — с перерывом — с 1934 до 1957 года, и был в самых страшных лагерях — на Колыме. Оттуда мало кто вышел. Солженицын сидел куда меньше, в лагерях не самых страшных, да еще полсрока отхватил на "шарашке". Солженицын основывает свое исследование не только на собственном опыте, а на опыте многих и многих, чьи свидетельства ему стали известны, на исторических разысканиях. К сожалению, иногда Солженицыну изменяет чувство достоверности — есть эпизоды, рассказы, несомненно представляющие лагерный фольклор, но описанные как истинные. Свидетельству же Шаламова можно верить всегда. Верно и то, что, собранные вместе, "Колымские рассказы" могут привести чуть не в шоковое состояние — и это предопределило судьбу их первоначального издания. Ни Россия, ни Запад не были подготовлены к такому беспощадному свидетельству. Ведь даже "Один день Ивана Денисовича" вызвал какую бурю! А ведь там говорится о "лагере, в котором можно жить и жить!", по выражению Шаламова. И не терять человеческого достоинства, как не теряет его Иван Денисович. В колымских же лагерях можно было только умирать, и ломались там почти все.

Потому-то ни один из рассказов Шаламова не был опубликован на родине автора: советская литература не любит "безысходности". И имя Шаламова не стало столь широко известным, как имя Солженицына.

Все это правда, но — смею думать — не вся, и даже не главная правда. Есть причина, почему внимание современного русского — и не только русского — читателя все-таки более привлечено к Солженицыну, чем к Шаламову. Причина эта не случайна, она — в творческой, человеческой позиции самих этих двух писателей.

Но обратимся сначала к Шаламову.

Ровный, почти бесстрастный голос, отсутствие резких эмоций, даже оценки происходящего; сценка, еще сценка, эпизод, без комментариев или почти без них, снова эпизод, и так много, долгая цепь, как вереницы лагерных дней; и все это в немногих, жестких, как бы через силу произносимых словах; и надо всем неяркий, но вездесущий свет, точно северное солнце плывет над тундровым горизонтом. Таков Шаламов, такое впечатление с самого начала от его рассказов, и оно уже не изменится. Спешу заметить, что я вовсе не собираюсь анализировать прозу Шаламова (этим должны бы заняться филологи), а хочу лишь с самого начала утвердить: Шаламов действительно большой писатель. Любопытно, что его поэзия слабее прозы, т. е. стихи, конечно, "на уровне", но в них слишком много "общелитературного", немногие из них хочется повторять, запомнить. А прозу Шаламова забыть нельзя. Не наизусть, конечно, запомнить, а нельзя забыть сам факт существования этих рассказов, коль скоро прочел даже некоторые из них.

Но при всем том от этих рассказов остается, кроме ощущения четкости и зримости слова, еще какое-то странное, гнетущее чувство, вроде страшного сна, который ни вспомнить, ни забыть. Отчего это? Да, сами рассказы о страшном, но ведь Шаламов вовсе не хочет нас пугать, он не нагнетает ни ужасов, ни эмоций, он просто рассказывает, свидетельствует. Отчего же — не испуг, а вот именно тоскливое чувство, помимо того страшного, что нам довелось узнать. Если Солженицын вызывает самые противоречивые чувства: мы то вместе с ним, то против него — ужасаемся, скорбим, радуемся, негодуем, соглашаемся, не соглашаемся, смеемся, плачем, верим, не верим, то Шаламов все чувства сводит к одному, всепоглощающему и непереносимо тягостному. И, как мне кажется, это вот отчего: в рассказах Шаламова нет времени. Как нет его в том мире, который рисует Шаламов. Время остановилось, и нет, не было и не будет ничего другого нигде никогда, только этот страшный и одновременно ставший

бытом лагерный мир, почти уже не жизнь. В этом — высший реализм шаламовской прозы. Надежда Манделыштам очень точно замечает, что у нас пытались именно остановить время, создать ситуацию, которая бы уже никогда не могла измениться. От себя добавлю: эта попытка возможна только тогда, когда миф начинает заменять действительность — ведь именно в мифе нет времени. Так вот, лагерная действительность и есть осуществленный миф, конечная стадия попытки остановить время, заменить реальную жизнь утопией, вымыслом, стадия, к которой, оказывается, можно прийти и минуя "промежуточные" стадии. В этом мире у человека оборваны все земные связи, он живет как бы уже после смерти, и когда умирает, то как бы и не жил. Эта осуществленная остановка времени и есть самое главное свидетельство Шаламова, оттого он именно с в и д е т е л ь, бесстрастный, спокойный, и в самом этом бесстрастии уже заключено главное свидетельство: это как бы голос из царства мертвых.

Но Шаламов вернулся в мир живых, и тут-то оказалось, что его правда и сила — свидетельство о безвременье — есть и его беда. Потому что Шаламов не только свидетельствует: в своей прозе он уже этим живет.

Постараюсь объяснить. Почти никогда Шаламов не проявляет своего отношения к тому, что описывает. Тем более значимы эти редкие случаи, когда чуть не против воли у него вырывается: этого не должен видеть ни один человек! Царство мертвых у Шаламова есть только царство мертвых, и живому там нет места, совсем как в древних мифах. Шаламов был на самой глубине лагерного ада, и он убежден, что в этой глубине человек не может остаться человеком. Поэтому людям об этом даже не надо бы знать. Но — странное противоречие! — Шаламов тем не менее рассказывает нам именно о том, о чем бы не знать, и не может уйти от этого, не может не свидетельствовать. Не потому ли, что для русского писателя такое "схождение во ад" не есть только личное испытание? Надо было обладать могучим воображением Достоевского, чтобы в его "мертвом доме" (который, по нынешним меркам, и на ад-то не похож) увидеть то страшное, что едва тогда брезжило в идеях, увлекавших не одного Достоевского: ужас насильственного общежития. Тогда-то Достоевский и начал понимать, что высшим практическим достижением увлекавшей его ранее идеологии будет л а г е р ь. Но новое время ставит новые задачи. И Шаламов, и Солженицын ставят вопрос: пусть (как и Достоевский полагал) страдание очищает, но непомерное страдание не ломает ли человека? Можно ли остаться человеком в лагерном аду? Солженицын отвечает, по примеру Достоевского, антиномией. Он пишет две главы на тему, причем в первой показывает, что человеком

остаться в лагере нельзя, а во второй — что можно и должно, но и эту заканчивает так: "А в ответ я слышу хор голосов: хорошо тебе теперь говорить, ты жив остался".

Для Шаламова же антиномии нет. Он убежден, что эта глубина ада, из которой чудом вышел он сам, уже есть окончательная и безусловная гибель, что-то совсем нечеловеческое, и не находит, даже не ищет мостов между этой бездной и миром живых людей. Вот почему: "не должен видеть человек" — между двумя мирами нет и не может быть ничего общего. Потому-то Шаламов только свидетель. Он не задается вопросом: как это могло случиться, где начала и концы нашей национальной трагедии: ведь это бы значило все-таки преодолеть остановку времени, включить и этот последний круг ада — в историю, которую можно осмыслить и понять. Шаламов же убежден, что понять в этом нечеловеческом мире ничего нельзя, и с миром людей он несвязуем. И тут-то мы, потрясенные свидетельством Шаламова, чувствуем, что не можем связать этот страшный круг безвременья — с нашей жизнью, с нашей историей, с нашим, пусть ущербным, но все же временем. Мир Шаламова камнем идет на дно нашего сознания, и нам тягостно и страшно. И мы обращаемся — и не случайно — к Солженицыну.

У него все иначе. Он если и заглядывает на дно ада — не остается там навсегда, не верит, что возможен какой-то нечеловеческий круг, не имеющий уже отношения к обычной жизни и времени. Любопытна как бы ступенчатая структура лагерной темы у Солженицына. "Один день Ивана Денисовича" — лагерь, "В круге первом" — "шарашка", "Раковый корпус" — ссылка, больница, "Матренин двор" — воля, но воля бывшего ссыльного, воля в деревне, немногим отличающаяся от ссылки. Солженицын создает как бы несколько промежуточных ступеней между последним кругом ада и "нормальной жизнью". Потому и лагерь — такой, в котором "можно жить и жить". А в "Архипелаге" собраны все те же ступени, и более того: открывается измерение истории, и Солженицын ведет нас вдоль цепи, приведшей к ГУЛагу. История "потоков" репрессий, история лагерей, история "органов". История нашего общества и нашего нравственного одичания. Время присутствует явно и неоспоримо, и как бы ни был ужасен какой бы то ни было "круг" — он уже не отторжен от нашей жизни. То, что случилось, случилось со всеми нами, и колокол звонит по тебе.

Вспоминается роммовский "Обыкновенный фашизм". В этом фильме очень мало "страшных" кадров, хотя набрать их можно бы много. И мы бы плакали, ужасались, негодовали, но выходили бы из зала с мыслью: это про каких-то нелюдей, это не про нас, слава Богу,

это не про нас! Но на экране именно "обыкновенный" фашизм в обыкновенной жизни, и мы с ужасом узнаем его сходство с нашей, тоже обыкновенной жизнью. Так и у Солженицына "обыкновенный" коммунизм, тот самый, в котором можно жить и жить, и мы все живем, не замечая, как оползаем в духовную смерть.

Но оказывается, что и сама лагерная тема — только ступень, и не главная для Солженицына. Главная тема, о которой он думал с юности, — история и истоки русской национальной катастрофы: 1-я мировая война, революция. Это ведь там все началось, и начало последнего круга ада — тоже там. Мир Солженицына, с одного лагерного дня, все расширяется, и неудивительно, что расширяется, становится глобальной жизнью и судьба самого писателя. И это уже не случайность.

Не случайность и судьба Шаламова. Говорят, что к концу своей жизни он замкнулся, отъединился от всех. И еще пришла слепота. И еще было отречение, подпись под нелепой бумажкой, конечно, не им сочиненной. Нелепость формулировки "проблематика "Колымских рассказов" снята жизнью" очевидна для всех, кроме круглых идиотов и, может быть, членов Союза Писателей. Этак можно перечеркнуть всю мировую литературу, начиная со старика Гомера: что и говорить, "проблематика" Троянской войны давненько уже неактуальна!

Что же означает это отречение, так огорчившее и изумившее друзей и поклонников Шаламова? Мне думается, Шаламов проявил слабость именно потому, что не сумел, да и не хотел найти выход из безвременья последнего круга — в живую историю. Точку опоры можно обрести только в истории; там же, где нет времени, нет и реальности, не на что опереться. И потому все сужался и сужался жизненный круг Шаламова, а последней точкой могла стать только смерть.

Но не будем судить. Да, не случайно Солженицын привлекает больше внимания: он не согласен "отменить" время, не согласен, что наша страна должна навеки впасть в иллюзорный мир мифа; и он восстанавливает связь времен — то, что необходимо всем нам. Шаламов же — свидетель, только свидетель, но свидетельствует он о той бездне, где свидетель — только он. Ведь он все же, вопреки самому себе, рассказал о том, что нельзя видеть и знать человеку, он, неверующий, отслужил панихиду по миллионам погибших в последнем круге, тоже неверующих в большинстве своем. И пусть Шаламов сам надорвался, духовно остался в том же последнем круге — мы не можем его судить. "О Боже мой, он был в аду!" — схождение в ад ни

для кого не проходит бесследно. Я имею в виду именно то, что Шаламов захотел и смог вспомнить и описать — это схождение было тяжелее первого. Недаром бывшие лагерники не хотят вспоминать.

Ангел в Апокалипсисе сказал о Царстве Божиим, где тоже "времени больше нет", но есть полнота бытия. Но в той же книге мы читаем о бездне, где не только времени нет (пародия сатаны на Царство Божие), но и ничего нет — небытие. Шаламов свидетельствует нам об этой бездне, и не со стороны — "из глубины" взывает, хотя он сам и не знает — кому. Ведь не только о физическом, — о духовном распаде в круге последнем свидетельствует Шаламов. И еще о том, что мы все, вся Россия в эту духовную бездну уже заглянули. Что же дальше?

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТАЙНА

*Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну.*

В. Шаламов. "Дорога и судьба".

Вправе ли мы говорить о прогрессе в области духовной жизни человечества? Думаю, да! Вряд ли согласится со мною социолог. Производя соответствующие опросы, обработав результаты с помощью компьютера, он, как дважды два, докажет, что на сегодняшний день на сотню дураков или подлецов приходится гораздо меньше умников или добрых людей, чем, предположим, в третьем веке до нашей эры. Не буду оспаривать его доказательства. Я буду стоять на своем. Я буду говорить о ряде констант, сохраняющихся во все времена. Одна из них — непризнание или запоздалое признание заслуг большого художника, опередившего современников. К числу таких писателей я отношу Варлама Тихоновича Шаламова.

Его писательскую судьбу по своеобразной трагичности можно сравнить с судьбой другого большого русского писателя — Николая Семеновича Лескова. Их жизненные пути мало схожи, но многое роднит: трезвость и непредубежденность, непричастность к течениям и партиям, неслыханное свободолюбие, нежелание пострадать вкусам современников, а отсюда — упорное непонимание их творчества современниками. С полным правом можно повторить слова Льва Толстого, сказанные о Лескове,¹ к Шаламову: "Он — писатель будущего". Шаламова мог бы сравнить с Лесковым еще и потому, что никто из наших писателей не сумел так отважно сказать горькую правду о человеке, как это сделал Шаламов. Как параллель, вспомним горькие слова Лескова: "Христианство на Руси еще не было проповедано". Глубоко и верно отметил М. Геллер:² "Герои Шаламова — это

¹ То удивительное непонимание, которое до сих пор окружает Лескова, хотя пышно отмечено 150-летие со дня рождения, (ни одного толкового исследования, исключение — книга Л. Аннинского "Лесковское ожерелье", М., 1982 г., повествующая о значительной части жизни и творчества писателя), говорит о том, что он до сих пор не понят русским читателем. Характерно и то, что самая полная монография, посвященная жизни и творчеству, вышла в США по-английски.

² М. Геллер. "Концентрационный мир и советская литература". Лондон, 1974.

не только голые люди на голой земле, это люди без души". Именно это особое положение людей, героев его книги, позволяет писателю говорить о них с беспощадной правдивостью.

Сегодня, когда еще не прошло и полугодия со дня трагической кончины писателя, соотечественники пытаются осмыслить его художественное наследие. Необходимо отметить двух людей, впервые заговоривших о лагерном творчестве Шаламова — А. И. Солженицына и М. Геллера, подготовившего к печати первый, наиболее полный сборник "рассказов" Шаламова. Данная подборка, посвященная памяти писателя, состоит из трех работ — еще одно свидетельство о том, что творчество писателя представляет интерес пока еще для узкого круга. Но интерес к творчеству Шаламова пробуждается — на Западе вышли "Колымские рассказы" на английском и французском языках, будут и другие, несчетные издания, а за ними следом критические исследования. Важно то, что начало положено именно в России — кому, как не нам, задуматься и попытаться осмыслить то, о чем рассказал писатель.

Судьба его исключительна — сын чувашского священника, проводивший юность в Вологде, городе ссыльных, студент МГУ, совсем молодым попадает в заключение. Зловещее клеймо — КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность) преследует и обрекает его на уничтожение. После первого срока следует второй, затянувшийся на долгие годы. От него отрекаются дочь и жена. Но писатель, брошенный в последний круг ада, на Колыму, не сдается, чудом он выживает, в 1956 году освобождается, восстанавливается в ССП и пишет роман,³ с которым мы не можем сравнить пока еще ни одного произведения.

Зловещая рука не раз пыталась настичь писателя — летом 1981 года, когда, ослепший и оглохший (в последние годы его мучила редкая болезнь — хорей Геттингтона, а непосредственно перед помещением в инвалидный дом он перенес инсульт, нарушивший речевые функции), он находился в инвалидном доме (до сих пор неясно, чьей волей он туда был помещен), те, которые считают себя вершителями судеб русской литературы, созвали консилиум психиатров. Комиссия вынесла решение — "глубокое слабоумие". Но в январе 1982 года Шаламов помещен в больницу для психохроников, где его достигает и освобождает смерть. Лагерь не пожелал выпустить своего многолетнего узника.

³ Шаламов рассматривал "Колымские рассказы" как единое произведение. В его архивах сохранился план построения, теперь вряд ли доступный читателю. Замысел Шаламова тонко почувствовал М. Геллер: "...ибо написанные им рассказы — это главы одного большого произведения". "Конц. мир и сов. лит-ра". Далее мы будем говорить о "Колымских рассказах" как о романе.

В этой небольшой статье не буду говорить о стихах — ограничусь только "Колымскими рассказами", как самым значительным из того, что создано Шаламовым. Необычность романа и в его построении, и в том, как он написан. Часто, впервые знакомясь с творчеством писателя, даже искушенные читатели принимают "Колымские рассказы" за мемуарную литературу, невысоко оценивая художественную ценность произведения. Подобному подходу способствует и то, что писатель был равнодушен к частым тавтологиям — он так и ответил земляку: "Мне важно успеть рассказать". Но в этом художественном разное, который сбивает с толку и литературоведов, и читателей, таится разгадка его творческой установки. В одной из глав он пишет: ". . . проза будущего требует другого. Заговорят не писатели, а люди профессии, обладающие писательским даром. И они расскажут только о том, что знают и видели. Достоверность — вот сила литературы будущего".⁴ Эти слова следовало бы повторять всем писателям наших дней.

Не стану повторять, чем является литература в нашей стране, где погублено все, начиная от психического здоровья людей и кончая людской памятью. В атмосфере всеобщего беспамятства слова Шаламова приобретают особое звучание. Да и что может рассказать мне, жителю СССР, художественная литература, зиждущаяся на вымысле? Читая книги, я прежде всего стремлюсь узнать биографию писателя. Если он русский — то каково его отношение к власти и лжи, если иностранец, то как он относился или относится к моей Родине. Никакие заслуги Б. Шоу, ни его парадоксы, ни его юмор не скажут мне о нем больше, чем его поездка по СССР и его отзывы. Никогда ни Сартр, ни Симона Бовуар ничего не смогут сказать моему сердцу. Они побывали в СССР, а моя страна — это лакмусовая среда, и каждый, окунувшийся в нее, предстает в подлинном цвете. В России в течение шестидесяти с лишним лет проводится эксперимент — пытаются превратить человека в послушный, бессловесный механизм, и всякий, приезжающий понаблюдать за экспериментом и расхваливающий экспериментаторов, навсегда останется в моих глазах злым гением.

Самое страшное сейчас — страна лишена памяти. Нынешним мемуарам, утверждающим, что "тридцать седьмого не было, а за тридцать шестым сразу наступил тридцать восьмой", никто не верит. Безжалостно убивается память, зловещая работа орвелловского героя из романа "1984" стала реальностью — из учебников тщательно вычищается все, негодное властителям. Оттого на Пушкинской площади

⁴ "Галстук".

в день рождения Гитлера демонстрируют советские нацисты, организуют свои мафии панки и пацифисты. История СССР еще не написана. Есть талантливые наброски, подобные "Опыту художественного исследования" А. Солженицына, "Колымским рассказам" Шаламова, "Крутому маршруту" Е. Гинзбург, но и они недоступны читающей публике. Именно поэтому подлинная литература в наши дни все чаще становится носителем исторической памяти. Самый удачный опыт — "Красное колесо" А. Солженицына, где, не искажая исторических реалий, писатель, художественно осмысливая материал, разворачивает перед читателем полотно исторических событий.

Чем так ценны исследования Шаламова? Он раскрывает суть эксперимента, длящегося более полувека, — его главный герой находится за гранью жизни. За гранью нормальной жизни находится и все население СССР, но осознает это в редкие моменты пробуждения, в моменты исторических катастроф. Слишком много одурманивающих средств применяется — радио, телевидение, печать, а если не действуют они, на помощь приходит страх. То существование, на которое обречен герой, нельзя назвать жизнью. Это существование после смерти или, по удачному выражению М. Геллера, "смерть первая". И основной вопрос романа — когда, при каких обстоятельствах, при помощи чего человеку удастся сохранить Богоподобие, остаться человеком. В рассказе "У стремени"⁵ киномеханик Майсурадзе говорит: "Да, мы в аду... Мы на том свете..."

На протяжении всего романа писатель не устает скрупулезно исследовать, что же все-таки не дает человеку утратить Божественной искры, уподобиться бесам. Скупое, но с пробойной мощью он показывает, как быстро утрачивает эка дружбу, способность доверять, помогать другим — все отнимает лагерь. "Дружба не зарождается ни в нужде, ни в беде, те трудные условия жизни, которые, как говорят нам сказки художественной литературы, являются обязательным условием возникновения дружбы, просто недостаточно трудны. Если беда и нужда сплотили, родили дружбу людей, значит это беда — не крайняя, и беда небольшая". ("Сухим пайком"). Сущность сатанинского эксперимента состоит в том, чтобы отнять у человека все, что помогает ему оставаться человеком — прежде всего обычный человеческий социум, в котором всегда можно опереться, если не на друга, то на хорошую книгу, обрести силы в прогулке по лесу или просмотре хорошего фильма, в конце концов, напившись, — у эка отнято все. Остается одно, если человек улавливает Высший смысл в своей

⁵ Рассказ "У стремени" не вошел в лондонское издание.

жизни, — жажда выжить. Рядом с этим чувством остается еще одно: "Не равнодушные, а злость была последним человеческим чувством — тем, которое ближе к костям. . . Что оставалось со мной до конца? Злоба. И храня эту злобу, я рассчитывал умереть".

Шаламов рисует лагерный мир без аффектации — реальность сама по себе настолько жутка и безотраднa, что не требует особых изобразительных средств. Он не нуждается в необычных языковых средствах — слова просты и обыденны, как и угол зрения писателя, — он повествует о буднях миллионов. Он один из ээка, все запоминает, все видит и понимает. Осознает и то, что должен выжить, не поступившись ни одним из своих принципов, чтобы потом рассказать об увиденном. По-видимому, оживая на "легкой работе", писатель мысленно обкатывал, проговаривал про себя свой роман. Это устное творчество — одна из особенностей лагеря. Каждая фраза обкатывается сначала мысленно, и не раз, не два, а сотни, тысячи раз. Проходят десятилетия, прежде чем она ложится на бумагу. Но, улегшись, приобретает неслыханную весомость, сражая наповал. Шаламов увековечил мир, ушедший в небытие, но вновь пытающийся возродиться в наши дни.

Все в этом мире иное: "Масштабы смещены, и любое из человеческих понятий, сохраняя свое написание, звучание, привычный набор букв и звуков, содержит в себе нечто иное, чему на "материке" нет имени: мерки здесь другие, обычаи и привычки особенные, смысл любого слова изменился".⁶ Об этих сдвигах в сознании людей прекрасно пишет в своих воспоминаниях Надежда Мандельштам — причем произошли они не только у обитателей Гулага, но почти у всего населения. Единицы в лагере оставались людьми. Именно о них — лучшие строки романа. Это инженер Кипреев, Крист, Андреев, майор Пугачев, большинство женщин-зэка, осужденных по 58 статье.

Эксперимент, проводящийся в масштабе страны, развращает исполнителей безумного замысла. Среди исполнителей чекист Берзин, сотрудник Дзержинского, один из основателей Гулага, инженер Киселев, генерал Никишов и его жена, доктор Доктор, и отпрыск старинной дворянской фамилии — врач Лунин.⁷

В своем исследовании человека Шаламов столь же бесстрастен, как бесстрастны бывают святые — он никого не судит. Он говорит людям правду, не заботясь о последствиях. Так и звучит в ушах его

⁶ "Зеленый прокурор".

⁷ Одна из самых страшных страниц — рассказ Е. Гинзбург о жутком разгуле охраны, насилующей зэчек на заброшенной командировке, из второй части "Крутого маршрута".

фраза: "Мне важно успеть рассказать". Кажется, что в романе нет внутреннего огня, что время остановилось — на первый взгляд все перегорело, все покрыто пеплом, но под ним гаятся обжигающие угли. Вот наблюдение: "Мечта каждого доброго россиянина — и заключенного и вольнонаемного, — чтобы его поставили что-нибудь, кого-нибудь проверять. Во-первых: я над кем-то командир. Во-вторых: мне оказано доверие. В-третьих: за такую работу я меньше отвечаю, чем за прямой труд".⁸ А вот еще одно, совсем необычное: "Я думал много лет, что все это только "Расея" — немыслимая глубина русской души. Но из мемуаров Гровса об атомной бомбе я увидел, что это подбострастие в общении с Генералом свойственно миру ученых, миру науки не меньше. Что такое наука? Искусство? Облагораживают ли они человека? Нет, нет и нет. Не из искусства, не из науки приобретает человек свои ничтожно малые положительные качества. Что-нибудь другое дает им нравственную силу, но не их профессия, не их талант. Всю жизнь я наблюдаю раболепство, пресмыкательство, самоунижение интеллигенции — а о других слоях общества и говорить нечего".⁹ Получив возможность уже на воле сравнить психологию людей рабского Востока и свободного Запада, Шаламов обнаруживает разительное сходство. И кто знает — не потеряет ли европеец своих личностных качеств в условиях Гулага, ступившего на его землю?

Огромная заслуга Шаламова и в том, что он показывает реальность зла и его служителей. В наши дни, когда муссируется богословское мнение, что зло — только тень, не имеющая реального бытия, его свидетельство приобретает особую значимость. Не стоит успокаиваться столь зыбкими построениями. Зло как никогда реально, последствия сталинских преступлений в нашей стране не только не изжиты, но и в достаточной мере не осмыслены. Примеры тому нам дает сегодняшняя жизнь, упоение старшего поколения Сталиным, как строгим хозяином, при котором "хоть и были лагеря, но был порядок". Этим людям не важно, какой ценой будет наведен "порядок". Порядок в их представлении — это атмосфера всеобщего страха, пресмыкательства и раболепства, а уж они, эти сетователи, конечно, будут наверху, а не внизу, в лагерях. Их идеал — угрюм-бурчьевская прямая линия. Шаламов показывает, как обыкновенные люди становятся слугами зла, как зло развращает, превращая их в уродов, лишая человеческого облика.

⁸ "Галстук".

⁹ "У стремени".

В. Якубов в талантливом эссе предполагает, что в рассказах (он воспринимает роман, как рассказы) нет времени, и объясняет этот феномен тем, что "лагерная действительность и есть осуществленный миф, конечная стадия попытки остановить время, заменить реальную жизнь у опийей. . ." Утверждение не совсем точное. Если попытаться восстановить первоначальное строение романа, то мы увидим, как развивается сюжет, как завязываются коллизии, и все это протекает во времени.¹⁰ В этом и неслыханная новизна прозы Шаламова — достоверность, сочетающаяся с отточенной художественностью, естественной, как сама жизнь. Это — бль, изложенная великолепным мастером. Если отбросим, как не относящиеся к "Колымским рассказам", части другой книги, посвященные Вишере, вольной довоенной жизни, вольной жизни героя после освобождения, можно выстроить следующий остов: начало — глава "У стремени", далее — пересылки Владивостока, морское плавание на Чукотку, первые колымские лагеря, таежные командировки, обживание Колымы, волны арестов, 1937—1938 годы, как кульминация романа, затем годы войны и послевоенные годы. Вот течение романа во времени.

В центре романа судьба героя, который предстает под разными обличьями, но мы никогда не спутаем его ни с кем — Андреева, Криста (в переводе с немецкого — Христа¹¹), самого Шаламова. Роман является и величайшим историческим документом — часто автор упоминает настоящие, реальные фамилии. Кривицкий — его сын разбойничает на страницах "Литературной газеты". Заславского прекрасно помнит театральный мир. Эти два разбойника дали автору третий лагерный срок. Инженер Кипреев, букинист-гипнотизер, Лунин и сотни других имен и фамилий. Будущий историк будет благодарен Шаламову и за то, что он сохранил тысячи позабытых нами имен, воссоздал быт Колымы, начиная от доходов и кончая роскошной жизнью генерал-губернатора Колымы Никишова. Время живет в романе Шаламова, но это не наше, земное время, оно, так же, как и эски — за гранью жизни. Поэтому так трудно уловить его приметы — но стланик безошибочно определяет приход весны. Эта проза мало-

¹⁰ Признаюсь, что мне стыдно, пища о Шаламове, употреблять литературоведческие термины, о нем надо писать, как писал он — твердо, обычными словами, но ошеломляюще. Так писать не умею.

¹¹ Ни один из исследователей не осмелился бы говорить о религиозности И. Тургенева, а между тем, в стихотворении в прозе "Христос", он, как никто другой, сумел передать живое чувство Богоприсутствия в обыденной жизни. Здесь — родство этих абсолютно несхожих писателей. Так же, как Тургенев увидел Христа в молящемся в храме мужике, так и Шаламов узрел страдающего Христа в эске-колымчанине.

доступна еще и потому, что наш читатель привык, чтобы все необходимое лежало на поверхности. Шаламов не таков. Все упрятано, схоронено, и если хочешь докопаться до сути — перечитывай, вновь и вновь обдумывай.

Пример — рассказ "Необращенный", один из ключевых. Он повествует о первых шагах Шаламова-фельдшера. Врач Нина Семеновна учит новичков: "Слушайте этот коробчатый звук, этот глухой оттенок. Запомните его на всю жизнь, как и эти кости, эту сухую кожу, этот блеск в глазах. Запомните?" И автор отвечает: "Запомню. На всю жизнь". Далее врач ставит диагноз: "... то, что вы сейчас видели — это голод, голод и голод". Шаламов описывает процесс медленного оживания на легкой фельдшерской работе: "Мир, из которого я пришел в больницу, обходился без стихов. В моей жизни были дни, и немало, когда я не мог вспомнить и не хотел вспоминать никаких стихов. Я радовался этому как освобождению от лишней обузы — ненужной в моей борьбе в нижних этажах жизни, в подвалах жизни, в выгребных ямах жизни. Стихи там только мешали мне". И вот врач сначала дает автору книжечку Блока, потом — Евангелие. Шаламов пробует возражать: "У меня нет религиозного чувства..." и слышит в ответ: "Как? Вы, проживший тысячу жизней? Вы — воскресший? У вас нет религиозного чувства? Разве вы мало видели здесь трагедий?" Но герой упорствует и возражает: "Разве из человеческих трагедий выход только религиозный? — фразы ворочались в мозгу, причиняя боль клеткам мозга. Я думал, что давно забыл такие слова. И вот вновь явились слова — и главное, повинуюсь моей собственной воле. Это было похоже на чудо". И слышит резкий ответ: "Только, только. Идите". Этим диалогом завершается встреча автора и врача Нины Семеновны. Эта мысль — из человеческих трагедий выход может быть только религиозный — принадлежит не только Нине Семеновне, она ключевая для всех, кто мучается, все понимая, в СССР.

Далее идет тайнопись — концы запрятаны так глубоко, что необходимо перечитывать еще и еще раз. "Я вышел, положив Евангелие в карман, думая почему-то не о коринфянах, и не об апостоле Павле, и не о чуде человеческой памяти, и не о только что случившемся, а совсем о другом. И представив себе это другое, я понял, что вновь вернулся в лагерный мир, в привычный лагерный мир. Возможность "религиозного выхода" была слишком случайной и слишком неземной. Положив Евангелие в карман, я думал только об одном: дадут ли мне сегодня ужин".

Что случилось? Почему беседа на религиозные темы напомнила писателю о "привычном лагерном мире"? Не потому ли, как Нина

Семеновна преподнесла ему несомненную истину? Не потому ли, что герой все же не утратил личностного сознания, противящегося всякому, в том числе и религиозному насилию, пускай даже сулящему сытный ужин? А ведь ему советуют прочесть гимн любви! Последние строки содержат разгадку: "Вы еще необращенный. Таким ужин у нас не дают". С этими словами героя выпроваживают из столовой. "На следующий день я вернул Евангелие Нине Семеновне, и она резким движением запрятала книгу в стол".

Но Шаламова нельзя обвинить в отсутствии живой веры: Безусловно, всю жизнь он знал Христа, недаром под именем Христа он шествует по колымским лагерям. "Только сейчас я увидел и понял, в чем дело. И поблагодарил Бога, что Он дал мне время и силу видеть все это". ("По Ленд-лизу"). С оттенком упрека В. Якубов пишет, что Шаламов только свидетель. Заглянем в словари: "Свидетель — самовидец дела, случая... Свидетельствовать — удостоверять, утверждать истину виденного..." (В. Даль). "Свидетельствовать — значит утверждать реальность какого-либо факта... Однако есть особый вид свидетельств, которые могут давать только люди, но лишь в том случае, когда Бог их к этому призывает. Таковы пророки". (Словарь библейского богословия. Л. Ксавье-Дюфур).

Быть свидетелем (вспомним Апокалипсис — свидетель верный) — дело непростое и ответственное. Думаю, что к Шаламову полностью применим термин — "свидетель верный". Выжившие в колымском аду и рассказавшие нам о нем — на мой взгляд — Божии избранники.

Задается ли Шаламов вопросом — где корни и истоки национальной трагедии? Конечно, ап. Павел в послании к фессалоникийцам, вторично успокаивая их, пишет: "Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь". (2. Фес. 2, 7). Бл. Феофилакт в толкованиях пишет: "Удерживающий означает препятствие — то, что мешает. Что же это такое? Одни утверждают, что это благодать Св. Духа, другие — римское государство, с которым согласен и св. Иоанн Златоуст. Ибо, пока оно не разрушится, антихрист не будет иметь возможности делать, что ему угодно". Безусловно, речь идет и о римском праве, на котором покоилось римское государство. Апостол пишет, что тайна беззакония уже в действии — это Нерон, попирающий римские законы. Большевики отвергли римское право в принципе, после 1917 года вырабатывается "новое" право, на практике являющееся бесправием, воинствующим, бесстыдным беззаконием. Блюстители закона всегда смертельно обижаются, когда гражданин СССР пытается отстаивать свои права, записанные и якобы дарованные Конституцией,

основным законом. Обижаются потому, что он не хочет подыгрывать, понимать реального положения вещей — в советском государстве основной закон не Конституция, а классовое чутье носителей власти. Их мировоззрение — ненависть к инакомыслящим, инакочувствующим, инакопоступающим. Поэтому все "инако" — подлежат уничтожению. Поэтому большевик М. Кедров, став во время Гражданской войны губернатором Вологды, для устрашения населения приказывает расстрелять двести человек заложников. Для чего? Для острастки. Кого? По каким законам? Ошибки быть не может — им руководило классовое чутье. Полномочия? Их выдал Ленин — вызванный в Москву, он предъявил записку, написанную вождем: "Дорогой Михаил Степанович! Вы назначаетесь на важный для республики пост. Прошу вас не проявить слабости. Ленин". В числе заложников находился учитель химии той школы, в которой учился Шаламов. Потому он до конца своих дней не знал химии.¹²

Подобный строй мыслей и образ жизни был занесен вместе с учением Маркса, пропитанным острой ненавистью, усовершенствован Лениным и пал в подготовленную почву дехристианизированной страны. Рассказ "Белка"¹³ должен стать прологом, открывающим роман. Описание города не вызывает сомнений — это дореволюционная Вологда. Писатель оживляет картинку городского быта — городская толпа, потерявшая человеческий облик, гонится за белкой, забежавшей в город. Улюлюканье, град камней обрушиваются на нее. Травля заканчивается убийством зверька. Из этого сборища осатаневших людей выйдут потом Кедровы, Берзины, инженеры Киселевы, которые будут убивать не белку, а своих сограждан, ради собственного удовольствия, ради "высоких нужд страны".

Дело не в том, что в человеке сильно, якобы, по утверждению Фрейда, звериное начало. Зверь не жесток — говорят нам этологи. Зверь руководствуется нуждами, он не бывает бессмысленно жесток. Жестокость человека часто бессмысленна, и корни ее не в животном происхождении человека, а в демонизме, одержимости злыми стихиями. И не так важно, где вырос человек — на Западе или на Востоке. Нацисты продемонстрировали не только Фрейду, но и всему миру, что и вековая культура не в силах спасти нацию от массовой одержимости. Выдача советских военнопленных осуществлялась вполне цивилизованными англичанами и американцами. Чем они отличаются от

* ¹² Рассказ "Экзамен", не вошедший в лондонское издание.

¹³ Рассказ "Белка", не вошедший в лондонское издание.

сталинских палачей? Шаламов развеивает эти иллюзии. Ему вторит поэт, проживший и на Западе, и в СССР.

Что всюду тлен, что дух гоним,
Пускай расскажут эти строки,
Что мир равно невыносим
На Западе и на Востоке!
Здесь стук и тупость кирпича,
Там — злая бестолочь базара...

Но хотят ли люди знать эти простые истины?

Июль 1982 г.

Анатолий ЯКОБСОН († 1978)

ЛИЦО ПЕЙЗАЖА — ЧЕЛОВЕКА

Поэзия В. Т. Шаламова

Овраг наполнится угаром
И гнилью теплой и сухой.
В лесу запахнет скипидаром,
Как в живописной мастерской.

У яблонь запах громче грома.
Взошла вечерняя звезда.
И ветер вьется возле дома,
Не убегая никуда.

В этом маленьком стихотворении отчетливо запечатлен художнический почерк его автора, Варлама Тихоновича Шаламова. Безупречно сложенный, по установившейся терминологии — "традиционный", а по существу — самый что ни на есть современный стих. Современный по всей фактуре своей: сжатость выражения — под стать интенсивности поэтического созерцания; образы детально-предметны, чувственно-доверны; метафора и неожиданна и натуральна вместе; ритм энергичен, звучание свободно, рифмовка крепка. Высокая профессиональная техника здесь налицо, но не на лице стихотворения: она не выступает наружу, не довлеет себе, подчиняясь замыслу, картине, настроению. В восьми строках схвачено дыхание жизни, движение природы...

Природа — основной объект, а точнее — субъект поэтического изображения у Шаламова. Беспреданно и одухотворенно действующий объект.

"В лесу запахло скипидаром, как в живописной мастерской" — это очень по-шаламовски сказано. Обратим внимание на характер сравнений в следующих отрывках:

Ручей, как лист железа,
Грохочет на камнях...

Как грузчик в каменном карьере,
Морская трудится волна...

А если дождь внесут в сады,
То каждый сад —
Как газированной воды
Пузырчатый каскад.

Как будто там горячий цех,
Тяжелые труды,
И вот расставлены для всех
Стаканчики воды...

А вот и целые стихотворения, где образ природы являет собой одновременно и образ труда.

ОГНИВО

Как спичкой чиркают о камень,
Как бьют кресалом о кремь, —
Так волны высекают пламя
И тушат пламя
Целый день.

Но приближается минута,
Отчетливая, как плакат, —
Подносят тучу вместо трута
И загорается закат.

ШОССЕ

Дорога гнется от моря
Наверх по берегу реки,
И гнут хребты под нею горы,
Как под канатом — бурлаки.

Они проходят друг за другом
В прозрачных северных ночах,
Они устали от науги,
У них мозоли на плечах.

Они цепляются руками
За телеграфные столбы
И вытирают облаками
Свои нахмуренные лбы.

Через овраги, через ямы
Через болота и леса
Шагают горы вверх и прямо
И тащат море в небеса.

"И тащат море в небеса..." Да, природа неустанно трудится в стихах Шаламова, но она не робот, а творец; каждое усилие ее — могучий творческий акт, стремление к обновлению, к совершенству, к высоте:

В рельефах хребтов, седловин,
Ущелий, распадов, и падей,
В судьбе допотопных лавин,
Застывших в немом камнепаде,

Я вижу попытки земли
Возвыситься до поднебесья,
Взметнуться и рухнуть в пыли,
И долго искать равновесья.

Одушевленность природы в поэзии Шаламова не сводится к труду, к способности целеустремленного созидания. Природа не безразлична к добру и злу. Поручкой тому — ветер, "целебной снеговой повязкой врачующий раны елей"; и кипрей, знаком воскресения жизни поднимающийся над пепелищем лесного пожара; и цветы, робко ищущие глазами и благодарящие взглядом человека, спасшего их от смертного пекла; и стланик, как оправдание людских надежд, встающий из-под снега безошибочным предвестником северной весны. "Ветру верьте, ветру верьте", — призывает поэт, и, действительно, вслед за ним веришь, что "... нет природы, равнодушной к людской судьбе".

Это разумное и доброе, животворящее начало, заключенное в природе самой природы, эта разлитая в ней благодать представляется у Шаламова источником и прообразом творчества людей, служит мериллом мудрости и красоты. Недаром тема природы и тема искусства у поэта переплетены между собой так, что сплошь и рядом выливаются

в единую лирическую тему. Явления искусства и природы свободно перевоплощаются друг в друга и сосуществуют как разветвления одного корня.

Жить вместе с деревом, как Эрзя,
И сердце видеть в сердцевине.
Из тысяч сучьев, тысяч версий
Найти строенья план единый.

Найти фигуры очертанье,
Лицо пейзажа-человека,
А имена или названья —
Приметы нынешнего века.

Гефест перед кусищем меди,
Буонаротти перед грудой
Камней, уверенный в победе,
Уже почувствовавший чудо...

"Лицо пейзажа-человека" — знаменательный образ для Шаламова; это краткая формула его художнического мироощущения.

Искусство во всем сродни природе: та же одушевленность (ленинградская улица, например, в совершенстве своем возведена в ранг живого существа:

А утром улица тиха,
Как роща.
И строфы-здания стиха
Читает площадь);

та же напряженность рабочего усилия ("поэзия — бурение огнем"); тот же извечный непокой и устремленность ввысь:

Скрипка, как желтая птица,
Поет на груди скрипача.
Ей хочется двигаться, биться,
Ворочаться у плеча.

Скрипач ее криков не слышит.
Немыми толчками смычка
Он скрипку все выше и выше
Забрасывает в облака.

И в этой заоблачной выси —
Естественный климат ее,
Ее ощущение и мысли,
Земное ее бытие.

Две равноправных стихии, природа и искусство, гармонически соперничают между собой, естественно дополняя друг друга. Картины природы у Шаламова выверены подчас по лучшим образцам живописи:

В ущелье день идет на убыль,
Весь мир — пока хватает глаз —
Таков, как будто новый Врубель
Нам вечер пишет на заказ...

Или:

Агавы зелень, как костер,
Как будто сам Матисс
Велел — и сделался остер
Агавы каждый лист...

И наоборот: природа — высший судья в мире искусства:

Неточность изложения,
Пробелы мастерства
Осудят и растенья,
И камни, и трава...

Поэзия Шаламова выдерживает строгий суд природы. В ней реализована высокая заявка автора:

Хочу, чтобы красок смятенье
И смену мгновенную их
На коже любого растенья
Поймал мой внимательный стих.

В ней достигнута точность письма, позволяющая зафиксировать словом тончайшие показания слуха, зрения и обоняния; точность, позволяющая уловить оттенки и детали, частности и мгновенья, из которых складывается облик единого и целостного, всеобщего и вечного — пластический облик бытия. И дело здесь не только в мастерстве. "Стихи — это судьба, не ремесло", — утверждает Шаламов, и

утверждение это справедливо в отношении его собственной поэзии, где неизменно ощущается жесткая выверенность, внутренняя необходимость слова, ощущается непреложная подлинность переживаний. Это — поэзия самовыражения, а не самоутверждения, т. е. до конца честная поэзия, определенной образом выражающая человеческую позицию автора. Велик и суров был жизненный путь человека, если он привел его к таким строкам:

Поэзия — дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.

Сто жизней проживших сполна.
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.

Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия — вызревший плод
И белое пламя седин.

Вся лирика Шаламова насквозь автобиографична, но, будучи лирикой в полном смысле этого слова, она богата не столько фактами биографии, сколько штрихами, уликами ее, "приметами нынешнего века".

А я по таежной привычке
Смородинный корень курю
И чиркаю, чиркаю спички
И сам с собой говорю...

Огромная тяжесть жизненных испытаний угадывается за такими, например, исполненными сдержанности и человеческого достоинства, но страшными по своему внутреннему напряжению строками:

... А лодка билась у причала,
И побледневший рулевой
Глядел на пляшущие скалы
И забывал, что он — живой.

И пальцы в боли небывалой,
Не ощущаемой уже,
Сливались с деревом штурвала
На этом смертном рубеже.

И человек был частью лодки
Которой правил на причал.
И жизнь была, как миг, короткой,
По счету тех земных начал,

Что, охраняя наши души,
Ведут меж обнаженных скал
И тех, кто только им послушен,
И тех, кто робости не знал.

Болью, тоской и мужеством великого ожидания проникнуты строки-заклинания стиха:

Сотый раз иду на почту
За твоим письмом.
Мне теперь не спится ночью,
Не живется днем.

Верю, верю всем приметам,
Снам и паукам,
Верю лыжам, верю летом
Узким челнокам.

Верю щучьему веленью,
Стынущей крови,
Верю своему терпенью
И твоей любви.

"Арктическая ива", стихотворение обобщенно-аллегорическое, быть может, всего полней символизирует повесть лет своего автора и земное призвание его:

Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спешить,
Жить здесь как птица, как человек,
Если решила жить.

Жить — значит в талую землю успеть
Бросить свои семена,
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.

Скорбные, суровые интонации в стихах Шаламова ("руда, в которой примесь горя") придают еще больше значения общей жизнеутверждающей тональности всей поэзии его; трагические ноты оттеняют, усиливают светлую, гармоническую тему симфонии.

Ликования исполнен гимн труду — стихотворение "Память" начинающееся строфой:

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Сохранится в мышцах тела
Память радости былой;

и "Ода ковриге хлеба", кончающаяся словами:

И вот на радость небу,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.

Соленая, крутая,
Каленая в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре;

и строки, посвященные поэзии:

... И даже сам я не таков,
Кто был за минуту до чуда,
До этих внезапных стихов,
Явившихся тоже оттуда.

Оттуда — из той глубины,
Копившихся там постепенно,
Взлетавших на гребень волны,
Как пена, как светлая пена...

и чудесное стихотворение "Сирень":

Пузырчатая пена
Течет через плетень.
Как вспышка автогена —
Лиловая сирень.

Звезды пятилепестной
Ребяческая цель —
Доселе неизвестной,
Не найденной досель.

Мне кажется, не спать я
И сызнова готов
От влажного пожатья
Разбуженных кустов.

Как факел поднимаю
Дымящийся букет,
Чтоб синей ночью мая
Горел веселый свет.

Конечно, радость Шаламова — это особая радость, за которой видишь не розовые щеки беззаботного юнца и не благообразное чело умирающего старца, а видишь (воспользуясь выражением самого поэта), "как кривит иссохший рот судорога счастья". Могло бы показаться, что понятия "веселье", "веселость" весьма далеки от поэзии Шаламова. А все-таки, когда читаешь такие стихи:

В приготовленный дворец
Залетай проворно,
Залетай скорей, скворец
В пиджачишке черном!

Покажи-ка свой талант,
Твой талант — не шутка:
Алеманд, полукурант,
Червякова дудка...

когда читаешь такие стихи, хочется повторить за О. Э. Мандельштамом: "Слово — чистое веселье, исцеленье от тоски..."

На страницах двух стихотворных сборников Шаламова, "Огниво" и "Шелест листьев", почти отсутствует то, что принято называть любов-

ной лирикой, а между тем, думается, что эпитафией ко всему творчеству поэта могло бы стать его стихотворение "Камея":

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой.

И чтоб не мучила госка,
Я спрятал перстень в облака.

Так поэт веряет драгоценнейшее достояние свое двум испытанным союзникам — искусству и природе.

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Труп еще называется телом, —
В лексиконе, доступном для нас, —
Там, где люди в казенном и белом,
С неземным выражением глаз...

Трое суток старухой бездомной
Ты валялась в мертвецкой — и вот
Поднимаешься в синий, огромный,
Отступающий небосвод.

Распахнут подземелье столетья,
Остановится время — пора
Выдавать этой шахтной клетью
Всю добычу судьбы — на гора.

И чистилища рефрижератор,
Подготовивший тело в полет, —
Это Пушкинский будто театр,
Навсегда замурованный в лед.

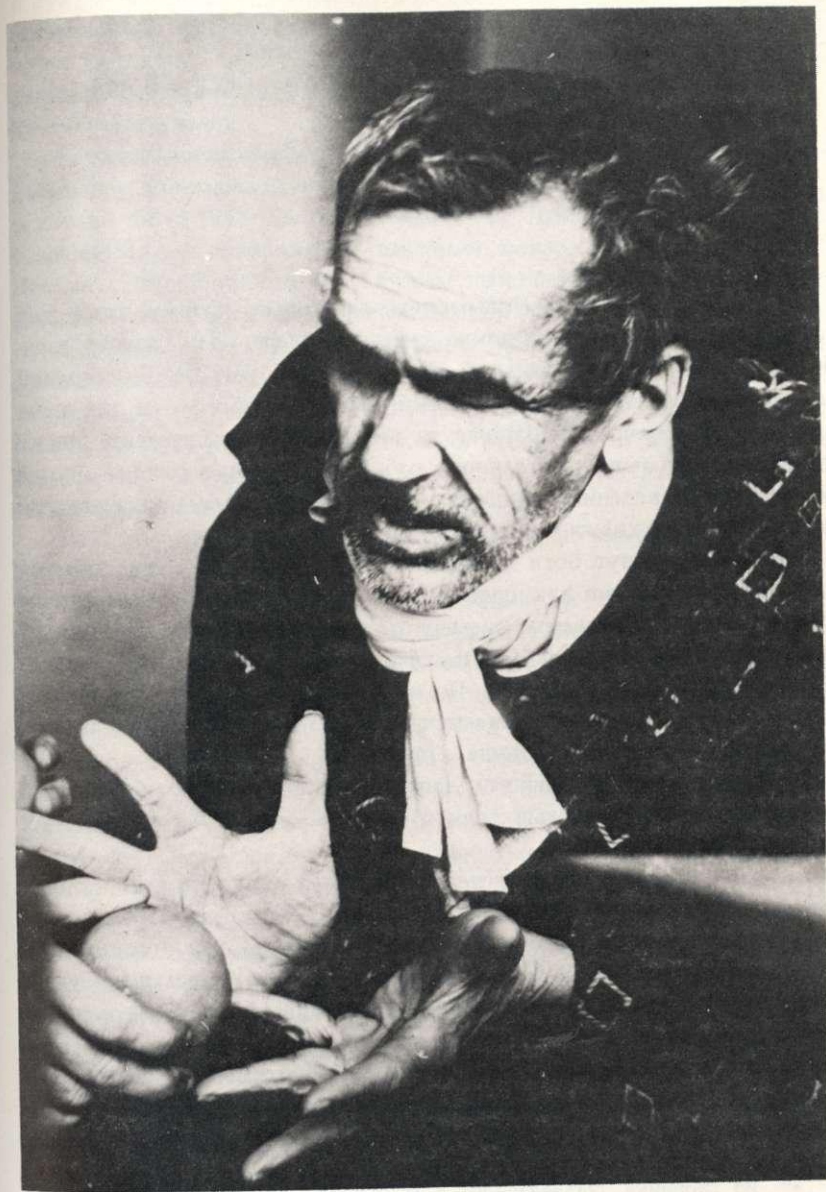
Вот последнее снаряжение:
Мягкий ситцевый старый халат —
Чтоб ее не стеснились движенья
В час прибытия в рай или ад.

И обряд похоронного чина
И нарушить обряда не смей,
Чтобы смерть называлась кончина,
А не просто обычная смерть.

И нужна ли кончина поэту,
Заказных панихид говорок,
Заглушающий выкрики света
От обугленных заживо строк.

Трое суток старухой бездомной
Ты валялась в мертвецкой — и вот
Поднимаешься в синий огромный
Ускользящий небосвод.

1966 г.

ЧЕТЫРЕ НЕИЗДАННЫХ РАССКАЗА*

ЭКЗАМЕН

Я выжил, вышел из Колымского ада только потому, что я стал медиком, кончил фельдшерские курсы в лагере, сдал государственный экзамен. Но еще раньше, десять месяцев раньше, был другой экзамен — приемный, более важный, смысла особого — и для меня и для моей страны. Испытание на разрыв было выдержано. Миска лагерных щей была чем-то вроде амброзии, что-ли: в средней школе я не получил сведений о пище богов. По тем же самым причинам, по каким я не знал химической формулы гипса.

Мир, где живут боги и люди, — это единый мир. Есть события одинаково грозные и для людей и для богов. Формулы Гомера очень верны. Но в Гомеровские времена не было уголовного подземного мира, мира концлагерей. Подземелье Плутона кажется раем, небом по сравнению с этим миром. Но и этот наш мир — только этажом ниже Плутона; люди поднимаются и оттуда на небеса и боги иногда опускаются, сходят по лестнице — ниже ада.

На эти курсы государство велело принимать "бытовиков", а из пятидесяти восьмой статьи только десятый пункт "агитация" — и никаких других пунктов.

У меня была как раз пятьдесят восьмая пункт десять — я был осужден в войну за заявление, что Бунин — русский классик. Но ведь я был осужден дважды и трижды по статьям, непригодным для полноценного курсанта. Но попробовать стоило: в лагерном учете после акций тридцать седьмого года, да и войны была такая неразбериха, что поставить жизнь на ставку стоило.

Судьба — бюрократка, формалистка. Замечаю, что занесенный над головой осужденного меч палача так же трудно остановить, как

* Из сборника, составленного в России по указаниям автора. Первый из печатаемых нами рассказов является третьим вариантом — наилучшим — центрального эпизода в судьбе автора, его возвращения от смерти к жизни. Остальные три рассказа никогда не печатались.

и руку тюремщика, отмыкающего дверь на свободу. Везенье, рулетка, Монтекарло, поэтизированный Достоевским символ слепого случая, вдруг оказались научно познаваемой схемой — предметом большой науки. Страстная воля постичь "систему" в казино сделала ее научной, доступной изучению.

Вера в счастье, в удачу — в предел этой удачи доступна ли человеческому пониманию? И чутье, слепая животная воля к выбору — не основано ли на большем, чем случайность? Пока везет — надо на все соглашаться, — говорил мне лагерный повар. В везенье ли дело? Несчастье неостановимо. Но и счастье неостановимо. Вернее — то, что арестанты называют счастьем, арестантской удачей.

Довериться судьбе при счастливом попутном ветре и повторить в миллионный раз плаванье Контики по человеческим морям?

Или другое — вклиниться в щель клетки — нет клеток без щели! и выскользнуть назад, в темноту. Или втиснуться в ящик, который везут к морю и где тебе нет места, но пока это разберут, бюрократическая формальность тебя спасет.

Все это — тысячная часть мыслей, которые могли бы, но вовсе не приходили мне тогда в голову.

Приговор был оглушитель. Мой живой вес был уже доведен до нужных для смерти кондиций. Следствие в слепом карцере без окон и света под землей. Месяц на кружке воды и трехсотке черного хлеба.

Впрочем, я сидел в карцерах и покрепче. Дорожная командировка на Кадыкчане расположена на месте штрафзоны. Штрафзоны, спецзоны, колымские освенцимы и колымские золотые прииски меняют места, находятся в вечном грозном движении, оставляя после себя братские могилы и карцеры. На Дорожной командировке Кадыкчан карцер был вырублен в скале, в вечной мерзлоте. Достаточно было там переночевать — и умереть, простыть до смерти. Восемь килограммов дров не спасут в таком карцере. Карцером этим пользовались дорожники. У дорожников было свое управление, свои законы бесконвойные — своя практика. После дорожников карцер перешел в лагерь Арказал, и начальник Кадыкчанского участка, инженер Киселев, тоже получил право сажать "до утра". Первый опыт был неудачен: два человека, два воспаления легких, две смерти.

Третьим был я. "Раздеть, в белье и в карцер до утра". Но я был опытнее тех. Печка, которую странно было топить, ибо ледяные стены таяли и потом опять замерзали, лед над головой, под ногами. Пол из накатника давно был сожжен. Я прошагал всю ночь, спрятав в бушлат голову, и отделался отморожением двух пальцев на ногах.

Побелевшая кожа, обожженная июньским солнцем до коричневого цвета в два-три часа. Меня судили в июне — крошечная комната в поселке Ягодном, где все сидели притиснутые друг к другу — трибунальщики и конвоиры, обвиняемый и свидетели — где было трудно понять, кто подсудимый и кто судья.

Оказалось, что вместо смерти приговор принес жизнь. Преступление мое каралось по статье более легкой, чем та, с которой я приехал на Колыму.

Кости мои ныли, раны-язвы не хотели затягиваться. А самое главное, я не знал, смогу ли я учиться. Может быть рубцы в моем мозгу, нанесенные голодом, холодом, побоями и толчками — навечно и я до конца жизни обречен лишь рычать как зверь над лагерной миской — и думать только о лагерьном. Но рискнуть стоило — столько-то клеток мозга сохранилось в моем мозгу, чтобы принять это решение. Звериное решение звериного прыжка, чтобы выбраться в царство человека.

А если меня избьют и выбросят с порога курсов — вновь в забой, к ненавистной лопате, к кайлу — ну что ж! Я просто останусь зверем — вот и все.

Все это было моим секретом, моей тайной, которую так просто было хранить — достаточно о ней не думать. Я так и делал.

Машина давно съехала с укатанной центральной трассы, дороги смерти, и подпрыгивала на ухабах, ухабах, ухабах, била меня о борта. Куда везла меня машина? Мне было все равно куда — не будет хуже того, что было за моей спиной в эти девять лет моих лагерных скитаний от забоя до больницы. Колесо лагерной машины влекло меня к жизни, и жадно хотелось верить, что колесо не остановится никогда.

Да, меня принимают в лагерное отделение, вводят в "зону". Дежурный вскрыл пакет и не закричал мне — отойди в сторону! Подожди. Баня, где я бросаю белье — подарок врача — у меня ведь не всегда не было белья в моих приисковых скитаниях. Подарок на дорогу. Новое белье. Здесь в больничном лагере другие порядки — здесь белье "обезличено" по старинной лагерной моде. Вместо крепкого бязевого белья мне дают какие-то заплатанные обрывки. Это все равно. Пусть обрывки. Пусть обезличенное белье. Но я радуюсь белью не особенно долго. Если "да", то я еще успею отмыться в следующих банях, а если "нет", то и отмыться не стоит. Нас приводят в бараки, двухнарные бараки вагонной системы. Значит да, да, да... Но все еще впереди. Все тонет в море слухов. Пятьдесят восемь шесть — не принимают.

После этого объявления одного из нас, Лунева, увозят и он исчезает из моей жизни навсегда.

Пятьдесят восемь один — а! — Не принимают. КРТД — ни в коем случае! Ни в коем случае. Это хуже всякой измены родине.

А КРА? "КРА" — это все равно, что пятьдесят восемь пункт десять. КРА принимают.

А "АСА"? У кого "АСА"? У меня — сказал человек с бледным и грязным тюремным лицом — тот, с которым мы тряслись вместе в одной машине.

АСА — это все равно, что КРА. А КРД? КРД это, конечно, не КРТД, но и не КРА. На курсы КРД не принимают.

Лучше всего чистая пятьдесят восьмая пункт десять без всяких там литерных замен.

Пятьдесят восемь — пункт 7 — вредительство. Не принимают. Пятьдесят восемь — восемь. Террор. Не принимают.

У меня — пятьдесят восемь. Десятый пункт. Я остаюсь в бараке.

Приемная комиссия фельдшерских курсов при Центральной лагерьной больнице допустила меня к испытаниям. Испытания? Да, экзамены. Приемный экзамен. А что вы думали. Курсы — серьезное учреждение, выдающее документы. Курсы должны знать, с кем имеют дело.

Но не пугайтесь. По каждому предмету — русский язык письменный, математика — письменная и химия — устный экзамен. Три предмета — три зачета. Со всеми будущими курсантами — больничные врачи, преподаватели курсов, проведут беседы до экзамена. Диктант. Девять лет не разгибалась моя кисть, согнутая навечно по мерке лопаты — и разгибающаяся только с хрустом, только в бане, распаренная в теплой воде.

Я разогнул пальцы левой ладонью, вставил ручку, обмакнул перо в чернильницу-непроливайку и дрожащей рукой, холодея от пота, написал этот проклятый диктант. Боже мой!

В двадцать шестом году — двадцать лет назад последний раз держал я экзамен по русскому языку, поступая в Московский университет. На "вольной теме" я "выдал" двести процентов — был освобожден от устных испытаний. Здесь не было устных испытаний. Тем более! Тем более — внимание? Тургенев или Бабаевский? Это мне было решительно все равно. Нетрудный текст. . . Проверил запятые, точки. После слова "мастодонт" точка с запятой. Очевидно, Тургенев. У Бабаевского не может быть никаких мастодонтов. Да и точек с запятой.

"Я хотел дать текст Достоевского или Толстого, да испугался, что обвинят в контрреволюционной пропаганде", — рассказывал после мне экзаменатор, фельдшер Борский. Проводить испытания

по русскому языку отказались дружно все профессора, все преподаватели, не надеясь на свои знания. Назавтра ответ. Пятерка. Единственная пятерка, итоги диктанта — плачевны.

Собеседования по математике испугали меня. Задачи, которые надо было решить, решались, как озарение, наитие, вызывая страшную головную боль. И все же решались.

Эти предварительные собеседования, испугав меня сначала, успокоили. И я жадно ждал последнего экзамена, вернее последней беседы — по химии. Я не знал химии, но думал, что товарищи расскажут. Но никто не занимался друг с другом, каждый вспоминал свое. Помогать другим в лагере не принято и я не обижался, а просто ждал судьбы, рассчитывая на беседу с преподавателем. Химию на курсах читал академик Украинской академии наук Бойченко — срок двадцать пять и пять — Бойченко принимал и экзамены.

В конце дня, когда было объявлено об экзаменах по химии, нам сказали, что никаких предварительных бесед Бойченко вести не будет. Не считает нужным. Разберется на экзамене.

Для меня это было катастрофой. Я никогда не учил химию. В средней школе в гражданскую войну наш преподаватель химии Соколов был расстрелян. Я долго лежал в эту зимнюю ночь в курсантском бараке, вспоминая Вологду гражданской войны. Сверху меня лежал Суворов — приехавший на экзамен из такого же дальнего горного управления, как и я, и страдавший недержанием мочи. Мне было лень ругаться. Я боялся, что он предложит поменяться местами — и тогда он жаловался бы на своего верхнего соседа. Я просто отвернул лицо от этих зловонных капель.

Я родился и провел детство в Вологде. Этот северный город — необыкновенный город. Здесь в течение столетий отслаивалась царская ссылка — протестанты, бунтари, критики разные — в течение многих поколений создали здесь особый нравственный климат — выше уровнем любого города России. Здесь моральные требования, культурные требования были гораздо выше. Молодежь здесь раньше рвалась к живым примерам, жертвенности, самоотдаче.

И всегда я с удивлением думал о том, что Вологда — единственный город в России, где не было никогда ни одного мятежа против советской власти. Такие мятежи потрясли весь Север: Мурманск, Архангельск, Ярославль, Котлас. Северные окраины горели мятежами — вплоть до Чукотки, до Олы, не говоря уж о юге, где каждый город испытывал не однажды смену властей.

И только Вологда, снежная Вологда, ссыльная Вологда — молчала. Я знал, почему... Этому было объяснение.

В 1918 году в Вологду приехал начальник Северного фронта М. С. Кедров. Первым его распоряжением по укреплению фронта был расстрел заложников. Двести человек было расстреляно в Вологде, городе, где население шестнадцать тысяч человек. Котлас, Архангельск — все счет особый.

Кедров был тот самый Шигалев, предсказанный Достоевским. Акция была настолько необычной даже по тем кровавым временам, что от Кедрова потребовали объяснений в Москве. Кедров не моргнул глазом. Он выложил на стол ни много, ни мало, как личную записку Ленина. Она была опубликована в Военном историческом журнале в начале шестидесятых годов, а может быть чуть раньше. Вот ее приблизительный текст. — Дорогой Михаил Степанович. Вы назначаетесь на важный для республики пост. Прошу вас не проявить слабости. Ленин.

Впоследствии ряд лет в ВЧК-МВД работал Кедров, все время которого разоблачая, донося, следя, проверяя, уничтожая врагов революции. В Ежове Кедров видел наиболее ленинского наркома — сталинского наркома. Но Берия, сменивший Ежова, не понравился Кедрову. Кедров организовал слежку за Берией. Результаты наблюдения Кедров решил вручить Сталину. К тому времени подрос сын Кедрова — Игорь, работавший, как и отец, в МВД. Сговаривались так, что сын подает рапорт по начальству — и если его арестуют — отец сообщит Сталину, что Берия — враг. Пути этой связи у Кедрова были очень надежные.

Сын подал рапорт по службе, был арестован и расстрелян. Отец написал письмо Сталину, был арестован и подвергнут допросу, который вел лично Берия. Берия сломал Кедрову позвоночник железной палкой.

Сталин просто показал Берии письмо Кедрова.

Кедров написал второе письмо Сталину о своей сломанной спине, о допросах, которые вел Берия.

После этого Берия застрелил Кедрова в камере. И это письмо Сталин показал Берии. Вместе с первым оно было найдено в личном сейфе Сталина после его смерти.

Об обоих письмах, их содержании и обстоятельствах этой переписки "на высшем уровне" рассказал Хрущев на XX съезде совершенно открыто. Все это повторил биограф Кедрова в своей книге о нем.

Вспоминал ли Кедров перед смертью вологодских заложников, расстрелянных им, не знаю.

Наш преподаватель химии Соколов был расстрелян среди этих заложников. Вот почему я никогда не учил химии. Не знал науки господина Бойченко, который не нашел времени для консультации.

Значит, ехать назад, в забой, и так и не быть человеком. Постепенно во мне копилась, стучала в висках старая моя злоба и я уже ничего не боялся. Должно было что-то случиться. Полоса удач так же неотвратима, как полоса бед — это знает каждый игрок в карты, в торц, в рамс, в очко... — Ставка была очень велика.

Попросить у товарищей учебник? Учебников не было. Попросить рассказать хоть о чем-нибудь химическом? Но разве я имею право отнимать время у моих товарищей? Ругательство — единственный ответ, который я могу получить.

Оставалось собраться, сжаться — и ждать.

Как много раз события высшего порядка повелительно, властно входили в мою жизнь, диктуя, спасая, отталкивая, нанося раны, незаслуженные, неожиданные... Важный мотив моей жизни был связан с этим экзаменом, с этим расстрелом четверть века назад.

Я экзаменовался одним из первых. Улыбающийся Бойченко, в высшей степени расположенный ко мне. В самом деле — перед ним хоть и не академик Украинской академии наук, не доктор химических наук, но грамотный как будто человек, журналист, две пятерки. Правда одет бедновато, да и исхудал филон, наверно симулянт. Бойченко еще не ездил дальше 23 километра от Магадана, от уровня моря. Это была его первая зима на Колыме. Каков бы лодырь не стоял перед ним, надо ему помочь.

Книга протоколов — вопросы, ответы — лежала перед Бойченко.

— Ну, с вами, надеюсь, мы не задержимся. Напишите формулу гипса.

— Не знаю.

Бойченко остолбенел. Перед ним был наглец, который не хотел учиться.

— А формулу извести?

— Тоже не знаю.

Мы оба пришли в бешенство. Первым сдержался Бойченко. Под этим ответом крылись какие-то тайны, которые Бойченко не хотел, или не умел понимать, но возможно, что к этим тайнам надо отнестись с уважением. Притом его предупреждали. Вот весьма подходящий курсант. Не придирайтесь.

— Я должен по закону задать тебе — Бойченко уже перешел на ты — три вопроса под запись. Два я уже задал. Теперь третий: "Периодическая система элементов Менделеева".

Я помолчал, вызывая в мозг, в гортань, на язык и губы все, что мог знать о периодической системе элементов. Конечно, я знал, что

Блок женат на дочери Менделеева, мог бы рассказать все подробности этого странного романа. Но ведь не это нужно доктору химических наук. Кое-как я пробормотал что-то очень далекое от периодической системы элементов под презрительным взглядом экзаменатора.

Бойченко поставил мне тройку, и я выжил, я вышел из ада.

Я кончил курсы, кончил срок, дождался смерти Сталина и вернулся в Москву.

Мы не познакомились и не разговорились с Бойченко. За время учебы на курсах Бойченко ненавидел меня и считал, что мои ответы на экзамене — личное оскорбление деятеля науки.

Бойченко никогда не узнал о судьбе моего учителя химии, расстрелянного вологодского заложника.

А потом было восемь месяцев счастья, непрерываемого счастья, жадного поглощения, всасывания знаний, учебы, где зачетным баллом для каждого курсанта была жизнь, и знавшие это преподаватели — все кроме Бойченко — отдавали пестрой неблагодарной арестантской толпе все свои знания, все умение, полученное на работах по рангу не ниже бойченковской.

Экзамен на жизнь был выдержан, государственный экзамен сдан. Все мы получили право лечить, жить, надеяться. Я был послан фельдшером в хирургическое отделение большой лагерной больницы, лечил, работал, жил, превращался — очень медленно — в человека.

Прошло около года.

Неожиданно я был вызван к начальнику больницы доктору Доктору. Это был бывший политотделец, посвятивший всю свою колымскую жизнь вынюхиванию, разоблачению, бдительности, розыску, доносам, преследованиям заключенных, осужденных по политическим статьям.

— Заключенный фельдшер такой-то явился по вашему вызову...

Доктор Доктор был белокур, рыжеват — и носил пушкинские бакенбарды. Он сидел у стола и перелистывал мое личное дело.

— А скажи-ка мне, как ты попал на эти курсы?

— Как арестант попадает на курсы, гражданин начальник? Его вызывают, берут его личное дело, дают личное дело конвоиру, сажают в машину, везут в Магадан. Как же еще, гражданин начальник?

— Иди отсюда, — сказал доктор Доктор, белея от бешенства.

БЕЛКА

Лес окружал город, входил в город. Надо перебраться на соседнее дерево — и ты уже в городе, на бульваре, а не в лесу.

Сосны и елки, клены и тополя, вязы и березы — все было одинаковым — и на лесной поляне и на площади "Борьбы со спекуляцией", как только что переименовали рыночную площадь города.

Когда белка смотрела издали на город, ей казалось, что город разрезан зеленым ножом, зеленым лучом пополам, что бульвар — это зеленая речка, по которой можно плыть и доплыть в такой же зеленый вечный лес, как и тот, в котором жила белка. Что камень скоро кончится.

И белка решила.

Белка перебиралась с тополя на тополь, с березы на березу — деловито, спокойно. Но тополя и березы не кончались, а уводили все глубже в темные ущелья, на каменные поляны, окруженные низкорослыми кустами и одинокими деревьями. Ветки березы были гибче, чем тополиные — но белка все это знала и раньше.

Скоро белке стало ясно, что путь выбран неверно, что лес не густеет, а редет. Но возвращаться было поздно.

Надо было перебежать эту серую мертвую площадь — а за ней — снова лес.

Но уже тявкали собаки, прохожие задирали головы.

Хвойный лес был надежен — броня сосен, шелк елей. Шелест тополиных листьев был предательским. Березовая ветка держала покрепче, подольше, и гибкое тело зверька, раскачиваясь на весу, само определяло границу напряжения ветки — белка опускала лапы, летела в воздух — полуптицей, полузверем. Деревья научили белку небу, полету. Выпустив ветки, растопырив когти всех четырех лапок, белка летела, лоя опору более твердую, более надежную, чем воздух.

Белка и впрямь была похожа на птицу, была вроде желтого ястреба, облетающего лес. Как завидовала белка ястребам в их нездешнем полете. Но птицей белка не была. Зов земли, груз земли, стопудовый свой вес белка чувствовала поминутно, чуть начинали слабеть мышцы дерева и ветка начинала сгибаться под телом белки. Нужно было набирать силы, вызвать откуда-то изнутри тела новые силы, чтобы вновь прыгнуть на ветку или упасть на землю и никогда не подняться к зелени крон.

Щуря свои узкие глаза белка прыгала, цеплялась за ветки, раскачивалась, примерялась, не видя, что за ней бегут люди.

А на улицах города уже собиралась толпа.

Это был тихий, провинциальный город, встававший с солнцем, с петухами. Река в нем текла такая тихая, что иногда течение вовсе останавливалось — и вода текла даже вспять. У города было два развлечения. — Первое — пожары, тревожные шары на пожарной каланче, грохот пожарных телег, пролетающих по булыжным мостовым, пожарных команд лошадей гнедых, серых в яблоках, вороных — по цвету каждой из пожарных частей. Участие в пожарах — для отважных, и наблюдение — для всех прочих. Воспитание смелости — для каждого; кто мог ходить, взяв детей, оставив дома только паралитиков и слепцов, шли "на пожар".

Вторым народным зрелищем была охота за белкой — классическое развлечение горожан.

Через город проходили белки, проходили часто — но всегда ночью, когда город спал.

Третьим развлечением была революция — в городе убивали буржуев, расстреливали заложников, копали какие-то рвы, выдавали винтовки, обучали и посылали на смерть молодых солдат. Но никакая революция на свете не заглушает тяги к традиционной народной забаве.

Каждый в толпе горел желанием быть первым, попасть в белку камнем, убить белку. Быть самым метким, самым лучшим стрелком из рогатки — библейской пращи — брошенной рукой Голиафа в желтое тельце Давида. Голиафы мчались за белкой, свистя, улюлюкая, толкая друг друга в жажде убийства. Здесь был и крестьянин, привезший на базар полмешка ржи, рассчитывающий выменять эту рожь на рояль, на зеркала — зеркала в год смертей были дешевы — и председатель ревкома железнодорожных мастерских города, пришедший на базар ловить мешочников, и счетовод Всепотребсоюза — и знаменитый с царского времени огородник Зуев и красный командир в малиновых галифе — фронт был всего в ста верстах.

Женщины города стояли у палисадов, у калиток, выглядывали из окон, подзадоривали мужчин, протягивали детей, чтобы дети могли рассмотреть охоту, научиться охоте...

Мальчишки, которым не было дозволено самостоятельное преследование белки — и взрослых хватало, подтаскивали камни, палки, чтоб не упустить зверька.

— На, дяденька, ударь.

И дяденька ударял и толпа ревела и погоня продолжалась.

Все мчались по городским бульварам за рыжим зверьком потные, краснорожие, охваченные страстной жадной охотой хозяева города.

Белка спешила, давно разгадав этот рев, эту страсть.

Надо было спускаться, карабкаться вверх, выбирать сук, ветку, размерить полет, раскататься на весу, лететь...

Белка разглядывала людей, а люди — белку. Люди следили за ее бегом, за ее полетом — толпа опытных привычных убийц...

Те, что постарше — ветераны провинциальных боев, развлечений, охот и сражений и не мечтали угнаться за молодыми. Поодаль, двигаясь вслед за толпой, опытные убийцы давали здравые советы, толковые советы, важные советы тем, кто мог мчаться, ловить, убивать. Эти уже не могли мчаться, не могли ловить белку. Им мешала отдышка, жир, полнота. Но опыт у них был большой и они давали советы — с какого конца забегать, чтобы перехватить белку.

Толпа все росла — вот старики разделили толпу на отряды, на армии. Половина ушла в засаду, на перехват.

Белка увидела выбегающих из переулка людей раньше, чем люди увидели ее, и все поняла. Надо было спускаться, перебежать десять шагов, а там снова деревья бульвара, и белка еще покажет себя этим псам, этим героям.

Белка прыгнула на землю, кинулась прямо в толпу, хотя на встречу летели камни, палки. И проскочив сквозь эти палки, сквозь людей — бей! бей! не давай дыхнуть! — белка оглянулась. Город настигал ее. Камень попал ей в бок, белка упала, но тут же вскочила и бросилась вперед. Белка добежала до спасения и вскарабкалась по стволу и перебежала на ветку, на ветку сосны.

— Бессмертная, сволочь!

— Теперь надо окружать у реки, у переката!

Но окружать было не надо. Белка перебиралась по веткам еле-еле и это сразу заметили и зарычали.

Белка раскачалась на ветке, последний раз напрягла силы и упала прямо в воющую хрипящую толпу.

В толпе возникло движение, как в закипающем котле, и как в котле, снятом с огня, движение это затихло и люди стали отходить от того места на траве, где лежала белка.

Толпа быстро редела — ведь каждому было нужно на работу, у каждого было дело к городу, к жизни. Но ни один не ушел домой не взглянув на мертвую белку, не убедившись собственными глазами, что охота удачна, долг выполнен.

Я протискался сквозь редющую толпу поближе, ведь я тоже улюлюкал, тоже убивал. Я имел право, как все, как весь город, все классы и партии...

Я посмотрел на желтое тельце белки, на кровь, запекающуюся на губах, мордочке, на глаза, спокойно глядящие в синее небо тихого нашего города.

ЧУЖОЙ ХЛЕБ

Это был чужой хлеб, хлеб моего товарища. Товарищ верил только мне, он ушел работать в дневную смену, а хлеб остался у меня в маленьком русском деревянном баульчике. Сейчас таких баульчиков не делают, а в двадцатых годах московские красотки щеголяли ими — такими спортивными чемоданчиками "крокодиловой" кожи из дерматина. В баульчике был хлеб, пайка хлеба. Если встряхнуть коробку рукой, хлеб перевалится внутри коробки. Баул лежал у меня под головой. Я долго не спал. Голодный человек плохо спит. Но я не спал именно потому, что в головах у меня был хлеб, чужой хлеб, хлеб моего товарища. Я сел на койке... Мне казалось, что все смотрят на меня, что все знают, что я собираюсь сделать. Но дневальный у окна ставил заплату на что-то. Другой человек, чьей фамилии я не знаю, тоже, как и я, работал в ночной смене и лежал сейчас на чужом месте в середине барака, ногами к теплой железной печке. Ко мне это тепло не доходило. Человек этот лежал на спине, вверх лицом. Я подошел к нему — глаза его были закрыты. Я взглянул на верхние нары — там в углу барака кто-то спал или лежал, укрывшись ворохом тряпья. Я снова лег на свое место, решившись твердо заснуть. Я досчитал до тысячи и снова встал. Я открыл баул и вынул хлеб. Это была пайка "трехсотка", холодная, как кусок дерева. Я поднес ее к носу и ноздри тайно уловили чуть заметный запах хлеба. Я положил кусок обратно в баул и снова его вынул. Я перевернул коробку и высыпал на ладонь несколько хлебных крошек. Я слизнул их языком, сейчас же рот наполнился слюной и крошки растаяли. Я больше не колебался. Я отщипнул три кусочка хлеба маленьких, с ноготь мизинца, положил хлеб в баул и лег. Я отщипывал и сосал крошки хлеба. И я заснул, гордый тем, что я не украл хлеба товарища.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛИСТВЕННИЦЫ

Мы суеверны. Мы требуем чуда. Мы придумываем себе символы и этими символами живем.

Человек на Дальнем Севере ищет выхода своей чувствительности, — не разрушенной, не отрезвленной десятилетиями жизни на Колыме. Человек посылает авиапочтой посылку: не книги, не фотографии, не стихи, а ветку лиственницы, мертвую ветку живой природы.

Этот странный подарок — иссушенную, продутую ветрами самолетов — мятую, изломанную в почтовом багаже, светлокоричневую, жесткую, костистую северную ветку северного дерева ставят в воду.

Ставят в консервную банку, налитую злой хлорированной обеззараженной московской водопроводной водой, водой, которая сама может и рада задушить все живое — московская мертвая водопроводная вода.

Лиственница — серьезней цветов. В этой комнате много цветов, ярких цветов. Здесь ставят букеты черемухи, букеты сирени в горячую воду — расщепляя ветки и окуная их в кипятки.

Лиственница стоит в холодной воде, чуть согретой. Лиственница жила ближе к Черной речке, чем все эти цветы, все эти ветки — черемухи, сирени.

Это понимает хозяйка. Понимает это и лиственница.

Повинуясь страстной человеческой воле ветка собирает все свои силы — физические и духовные, ибо нельзя ветке воскреснуть от только физических сил — московского тепла, хлорированной воды, равнодушной стеклянной банки. В ветке разбужены иные, тайные силы.

Проходит три дня и три ночи и хозяйка просыпается от странного смутного, скипидарного запаха, слабого, тонкого, нового запаха. В жесткой деревянной коже открылись и выступили явственно на свет новые молодые живые ярко-зеленые иглы свежей хвои.

Лиственница жива, лиственница бессмертна, это чудо воскресения не может не быть — ведь лиственница поставлена в банку с водой — в годовщину смерти на Колыме мужа хозяйки — поэта.

Даже эта память о мертвом тоже участвует в оживлении, в воскрешении лиственницы.

Этот нежный запах эта ослепительная зелень игл — важные начала жизни. Слабые, но живущие, воскрешенные какой-то тайной духовной силой — скрытые в лиственнице и показавшиеся на свет...

Запах лиственницы был слабым, но ясным, и никакая сила в мире не заглушила, не задушила бы этот запах, не потушила этот зеленый весенний свет и цвет.

Сколько лет — исковерканная ветрами, морозами, вертящаяся вслед за солнцем — лиственница каждую весну протягивала в небо молодую зеленую хвою.

Сколько лет? Сто. Двести. Шестьсот. Зрелость даурской лиственницы — триста лет.

Триста лет! Лиственница, чья ветка, веточка дышала на московском столе — ровесница Натальи Шереметевой-Долгорукой, и может напомнить о ее горестной судьбе — о превратностях жизни, о верности и твердости, о душевной стойкости, о муках физических, нравственных, ничем не отличающихся от мук тридцать седьмого года — с бешеной северной природой, ненавидящей человека — смертельной опасностью весеннего половодья и зимних метелей, с доносами, грубым произволом начальников — смертями, четвертованием, колесованием мужа, брата, сына, отца, доносивших друг на друга, предававших друг друга.

Чем не извечный русский сюжет?

После риторики моралиста Толстого и бешеной проповеди Достоевского — были войны, революции, Хиросима и концлагеря, доносы, расстрелы.

Лиственница сместила масштабы времени, пристыдила человеческую память, напомнила незабываемое.

Лиственница, которая видела смерть Натальи Долгорукой и видела миллионы трупов — бессмертных в вечной мерзлоте Колымы, видевшая смерть русского поэта — лиственница живет где-то на Севере, чтобы видеть, чтобы кричать, что ничего не изменилось в России — ни судьбы, ни человеческая злоба, ни равнодушие, Наталья Шереметева — все рассказала, все записала с грустной своей силой и верой. Лиственница, ветка от которой ожила на московском столе, уже жила, когда Шереметева ехала в свой скорбный путь в Березов, такой похожий на путь в Магадан, за Охотское море.

Лиственница источала — именно источала запах, как сок. Запах переходил в цвет и не было меж ними границы.

Лиственница в московской квартире дышала, чтобы напоминать людям их человеческий долг, чтобы люди не забыли миллионы трупов — людей, погибших на Колыме.

Слабый настойчивый запах — это был голос мертвых.

От имени этих мертвых лиственница и осмеливается дышать, говорить и жить.

Для воскрешения нужна сила и вера. Сунуть ветку в воду — это далеко не все. Я тоже ставил ветку лиственницы в банку с водой — ветка засохла, стала безжизненной, хрупкой и ломкой — жизнь ушла из нее. Ветка ушла в небытие, исчезла, не воскресла. Но лиственница в квартире поэта ожила в банке воды.

Да, есть ветки сирени, черемухи, есть романсы сердцещипательные. Лиственница — не предмет, не тема для романсов.

Лиственница — дерево очень серьезное. Это — дерево познания добра и зла — не яблоня, не березка! — дерево стоявшее в райском саду до изгнания Адама и Евы из рая.

Лиственница — дерево Колымы, дерево концлагерей.

На Колыме не поют птицы. Цветы Колымы — яркие, торопливые, грубые — не имеют запаха. Короткое лето — в холодном, безжизненном воздухе — сухая жара и стынущий холод ночью.

На Колыме пахнет только горный шиповник — рубиновые цветы. Не пахнет ни розовый, грубо вылепленный ландыш, ни огромные, — с кулак — фиалки, ни чудосочный можжевельник, ни вечно-зеленый стланник.

И только лиственница напоминает леса смутным своим скипидарным запахом. Сначала кажется, что это запах тления, запах мертвецов. Но приглядишься, вдохнешь этот запах поглубже, и поймешь, что это запах жизни, запах сопротивления северу, запах победы.

К тому же — мертвецы на Колыме не пахнут — они слишком истощены, обескровлены, да и хранятся в вечной мерзлоте.

Нет, лиственница — дерево, неприглядное для романсов, об этой ветке не споешь, не сложишь романса. Здесь слово другой глубины, иной пласт человеческих чувств.

Человек посылает авиапочтой ветку колымскую: хотел напомнить о себе. Не память о нем, а память о тех миллионах убитых, замученных заключенных, которые сложены в братские могилы к северу от Магадана.

Помочь другим запомнить, снять со своей души этот тяжелый груз: видеть такое, найти мужество не рассказать, не запомнить. Человек и его жена удочерили девочку — заключенную девочку от умершей в больнице матери — хоть в своем, личном смысле взять на себя какую-то обязанность, выполнить какой-то личный долг.

Помочь товарищам, — тем, кто остался в живых после концлагерей Дальнего Севера...

• Послать эту жесткую, гибкую ветку в Москву.

Посылая ветку, человек не понимал, не знал, не думал, что ветку в Москве оживят, что она, воскрешенная, запахнет Колымой, зацветет

на московской улице, что лиственница докажет свою силу, свое бессмертие.

Шестьсот лет жизни лиственницы — это практическое бессмертие человека.

Что люди Москвы будут трогать руками эту шершавую, неприхотливую жесткую ветку, будут глядеть на ее ослепительно зеленую хвою, — ее возрождение, воскресение — будут вдыхать ее запах — не как память о прошлом, но как живую жизнь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В ЛОЗАННЕ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСТВУ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

М. Цветаева, 1913.

С 30 июня по 3 июля в Лозанне проходил первый крупный международный симпозиум, посвященный Марине Цветаевой. Ему предшествовала в прошлом году более скромная, но и более интимная встреча "Вокруг Цветаевой" в Монжероне, недалеко от Парижа. И уже поговаривают о новом международном симпозиуме в будущем году в Нью-Йорке...

На Лозаннскую встречу съехалось около 60 человек с разных концов мира: из Сан-Франциско, Ванкувера, Праги, Вены, Загреба и т. д. Вот только из СССР не было никого... Конференция началась с дипломатического инцидента. Устроители, во главе с профессором Лозаннского университета Робином Кембалом, пригласили целый ряд специалистов-цветаеведов из России: сестру Марины Цветаевой, Анастасию Ивановну, пражского и парижского друга поэтессы Бронислава Сосинского, академика Владимира Орлова, Анну Саакянц, издательницу произведений Цветаевой в России, биограф поэтессы, Кудрову и Мнухину. Советский культурный атташе включил в делегацию еще неких Пузикова и Туркова, которые ничем в цветаеведении себя не зарекомендовали... Но в июне Союз Писателей сообщил, что только Пузиков и Турков будут иметь возможность приехать на симпозиум... Академическое общество славистов, заодно с филологическим факультетом Лозаннского университета, послали тогда Союзу Писателей телеграмму следующего содержания:

"Ввиду того, что по неизвестным причинам ни Саакянц, ни Кудрова, ни Мнухина, ни другие настоящие цветаевисты не могут принять участие в конференции, наш комитет считает нецелесообразным присутствие на симпозиуме остальных членов советской делегации. Он хочет обратить Ваше внимание на ненаучный подход Союза Писателей СССР к международному симпозиуму данного уровня". Секретарь Союза Писателей Г. Марков немедленно ответил телеграммой:

"Крайне удивлен отказом комитета принять писателей Пузикова и Туркова, приглашенных ранее вице-президентом Швейцарского общества славистов Кембалом. Сестра Марины Цветаевой, Анастасия Цветаева, Бронислав Сосинский и Владимир Орлов, находясь в пре-

клонном возрасте, не могут выехать в Лозанну по состоянию здоровья. С остальными названными Вами учеными Союз Писателей СССР связей не имеет. (Это с Анной-то Саакянц, которой Союз Писателей обязан всеми изданиями Цветаевой! — Н. С.) Недружественная позиция, занятая комитетом, рассматривается у нас как нежелание допустить к участию в международной дискуссии по творчеству Марины Цветаевой писателей с ее родины..."

С польскими делегатами обошлись прямее: проф. Фарино, Збигневу Мацневскому, переводчику Северину Поллаку просто не дали визы. А один из лучших польских специалистов по советской литературе, Андрей Дравич, в то время сидел в тюрьме.

Присутствовали на симпозиуме все три эмиграции, от почти современников Цветаевой, на 10-15 лет моложе ее (Зинаида Шаховская и Александр Бахрах), до совсем недавних и еще молодых эмигрантов.

Помимо многочисленных сообщений, по десять в день, съезд был отмечен тремя не совсем обычными, нешаблонными событиями. Во-первых, удалось организовать превосходную выставку, на которой были представлены все первые издания Цветаевой (за исключением одного), многочисленные и редкие фотографии, рукописи и автографы. На второй день съезда состоялось торжественное открытие первой в мире мемориальной доски памяти Цветаевой (ни в Москве, ни в Париже таких еще нет): на доме того католического пансиона Лаказ в Лозанне-Уши, где Цветаева с сестрой жили в 1903 году (3, бульвар де Гранси).

Наконец, съезд закончился не трафаретно: почти все участники присутствовали на торжественной панихиде в прекрасной православной церкви в Веве. Панихида была отслужена о. Кантакузенем (из потомков византийских императоров, эта деталь понравилась бы Марине Цветаевой) по полному чину, с прекрасным смешанным хором. В молитвах об упокоении душ поминались все члены семьи: умершая в 1919 году от голода трехлетняя младшая дочка Ирина, расстрелянный в 1940 г. Сергей Эфрон, пропавший без вести в конце войны Георгий, безвременно скончавшаяся, после 16 лет лагерей и ссылки, Ариадна, и наконец сама Марина, так страшно кончившая жизнь самоубийством. Трагедия затронула всю семью, и молитвенное поминовение (несмотря на то, что среди участников было много неверующих) казалось единственным адекватным ответом на такую бездну страданий.

* *

*

На симпозиуме было прочитано за три дня (помимо вступительных и заключительных речей) 37 докладов, по 25, а иногда и по 45 минут каждый. Такое богатство свидетельствует о все возрастающем интересе к Цветаевой в среде славистов. Чем объясняется это увлечение — кто-то даже сказал, эта мода — Цветаевой? Тут сплетаются разные причины. Творчество Цветаевой, полузапретное в СССР, еще не до конца открыто, не полностью собрано, мало изучено. Цветаева, единственная из крупных русских поэтов XX века, 17 лет прожила в эмиграции, что позволяет исследователям открывать архивы, их обследовать, работать не только по напечатанным текстам или книгам, а и "по живому следу". Цветаева покорила своей сверхчеловеческой жизненной силой, которая вечно разбивается о безысходно-трагические ситуации: соединение огненных страстей с какой-то утробной безнадежностью соответствует духу времени больше, чем "поэтика отречения" Ахматовой или "поэтика целокупности" Мандельштама. И еще: Цветаева — поэтесса "неженской" силы; в этом противоречии — особая привлекательность.

Целый ряд сообщений был посвящен описанию материалов, находящихся в зарубежных архивах. Перед отъездом в СССР, куда она ехала без всяких иллюзий, Цветаева оставила самую крамольную часть своего архива проф. Ел. Малеру в Базельском университете. Благодаря этому, были опубликованы в 60-е годы "Лебединый Стан", поэма "Перекоп" (обе вещи — славословие Белого Движения), вторая часть "Повести о Сонечке". Есть несколько цветаевских реликвий в Женевском университете, в Стэнфорде и в Нью-Йоркском Бахметьевском архиве. Английский исследователь Р. Дэвис из Лидса сообщил о ценнейшем открытии: им обнаружены 20 интереснейших писем Марины Цветаевой к некоей Ломоносовой, жившей в Англии. Письма эти настолько живы и значительны, что вечером почитатели Цветаевой собрались вне программы для чтения их вслух и для внесения уточнений в уже составленный комментарий.

Биография Цветаевой необычайно богата и теснейшим образом переплетена с ее творчеством — в гораздо большей степени, чем у Ахматовой или Мандельштама. Цветаева поэтизировала действительность, почти что выдумывала ее не только в стихах, но и в повседневной жизни. Один из первых цветаеведов, написавший еще в 1965 году первую и до недавних лет единственную монографию о Цветаевой, профессор Карлинский (Сан-Франциско), с блеском рассказал, на основании неизданных еще писем, об однодневной поездке (1936 г.) Цветаевой в Женеву из Савойи, где она отдыхала: это была пора ее заочной влюбленности в молодого чахоточного поэта Штейгера, лечив-

шегося в швейцарском санатории. У Цветаевой за всю поездку была одна мысль — купить Штейгеру свитер и послать ему.

Всей Савойей и всем Пьемонтом,
И — немножко хребет надлома —
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым — и руками двумя.

Ее спутники не дали осуществить это намерение, и Цветаева восприняла свою поездку как космическую катастрофу...

Виктория Швейцер, собравшая богатый материал о Цветаевой в Москве, а теперь живущая в США, впервые последовательно и подробно рассказала о двух страшных последних годах поэтессы в Москве, после возвращения в СССР. Эткинд прочел несколько неизданных страничек воспоминаний Лидии Чуковской о ее встречах и разговорах с Цветаевой в Чистополе за несколько дней до трагической развязки. Пожалуй, это был самый высокий, самый чистый звук, какой мы услышали за всю конференцию. Эткинд проанализировал также поздние стихи Цветаевой и пришел к выводу, что ее "логаедическая строфика" превратилась в антипоэтику...

Поразительно было разнообразие подхода к творчеству Цветаевой. Одних интересовала главным образом биографическая сторона (Цветаева и князь Святополк-Мирский, Цветаева и Ходасевич), другие разбирали стихи Цветаевой с философской точки зрения, применяя различные категории, — христианские, экзистенциалистские, феноменологические, третьи занимались в первую очередь формальным анализом. Были попытки синтетического подхода к ее поэзии.

Обилие и насыщенность докладов — они будут собраны в отдельном томе — имели лишь одно отрицательное последствие: недостаток времени не позволил ни одной общей дискуссии. Вся дискуссионная сторона была перенесена за сцену, в кулисы: во время перерывов и обедов речи и споры о Цветаевой не умолкали.

Н. С.

О ЧЕРКИ О ЦВЕТАЕВОЙ*

II

КРИЗИС ЦВЕТАЕВОЙ**

Теперь достоверно известно, что Марина Цветаева в два последние года жизни в Советском Союзе ни стихов ни прозы не писала. Единственные дошедшие до нас произведения того времени — переводы. Принято считать, что это молчание было вызвано теми страшными условиями, которые сопутствовали ее возвращению в Москву: нищета, арест, а затем гибель мужа, ссылка дочери, остракизм писательского мира, гитлеровское нашествие и т.д.¹

Рассуждая по-человечески, одного из этих событий достаточно было бы, чтобы парализовать творчество. Есть времена, по признанию самой Цветаевой, когда "и не поэт, кто в порохе поет".² Или как сказала Ахматова в "Поэме без героя":

... И проходят десятилетия:
Пытки, ссылки и казни. Петь я
Вы же видите, не могу.³

Тем не менее, внешние обстоятельства никогда полностью не объяснят внутреннюю судьбу поэта. Террор пробудил музу Мандельштама. Мировая война не помешала, а наоборот помогла Ахматовой взглянуть на свою жизнь "как с башни" и воспеть 13 год.

Если голос поэта не крепче событий и несчастий, то где достоинство поэзии?

При более внимательном рассмотрении, поэтический кризис Цветаевой начался не в Москве,⁴ а много раньше, в эмиграции, непосредственно после переезда из Праги в Париж. Резкий спад поэтического вдохновения сказался у Цветаевой в 1926 году, когда ей было 34 года. Сейчас, при отсутствии полного хронологического издания стихотворений Цветаевой, трудно еще определить с точностью

* См. первый очерк, "Трагическое неверие", в "Вестнике РХД" № 135.

** Запись доклада, прочитанного на Международном симпозиуме в Лозанне.

колебания ее поэтического творчества. Мы знаем, что 1923 год (год ее бурного романа с К. В. Родзевичем) был одним из самых плодотворных в ее жизни: число лирических стихов по первому и, вероятно, не совсем полному подсчету, достигает 88 единиц. На следующий год, число стихотворений падает до 18, но это время написания первых двух "больших" поэм Цветаевой, "Горы" и "Конца". Вдвое меньше лирических стихов в 1925 г. (9 единиц), но весь год занят самой длинной и наименее лирической из Цветаевских поэм, "Крысолов". В 1926 г., Цветаева написала как будто лишь два стихотворения и, несколько мучительно, из двух неоконченных вещей рождается поэма "Лестница". За 1927 числится лишь одно стихотворение, знаменитое "Новогоднее", посвященное Рильке. В дальнейшем, вплоть до отъезда в СССР, Цветаева пишет от 4 до 11 стихотворений в год и всего три поэмы: "Перекоп", короткий "Автобус" и, увы, окончательно утраченную и может быть и не законченную поэму о Царской семье...

Свой творческий кризис Цветаева четко сознавала. В 1934 г., на запрос, похожий на соцзаказ, пражского поэта Алексея Эйслера: "почему не написала о челюскинцах", она в ответе упомянула: "...ведь многие годы уже я — лирически крепко сплю".⁵ Тогда же она приводит в порядок все свои стихи после "После-России", — "их много", утешает она себя, "но почти нет дописанных: не успевала..."⁶ (как будто стихотворный процесс нуждается во времени).

Творческому застою посвящен драматический диалог поэта с гением 1928 г.⁷ На все призывы гения-музы поэт отвечает "не могу". Последнее слово остается за гением: "Это (т. е. немому) — воспой". Но тут уже рубеж, характерная для Цветаевой апория.

Живя в эмиграции, Цветаева продолжала надеяться на возврат вдохновения. Одно из ее последних стихотворений, до цикла о Чехии, заканчивается закланинием-надеждой:

Сквозь равнодушья серые мхи —
Так восклицаю: — Будут стихи!⁸

В письмах, в частности к Тесковой, с которой она особо откровенна, Цветаева приписывает свое бесплодие тому, что "стихи ее никому не нужны", или отсутствию письменного стола (на каникулах), ссылаясь на невозможность писать одновременно стихи и прозу.⁹

Эти самоуспокаивающие причины не достаточны, чтобы объяснить длительный лирический обморок, закончившийся полной немотой.

Прежде чем вникнуть в личностные особенности Цветаевского кризиса, заметим, что перерыв в творчестве наблюдается почти у всех русских крупных поэтов, как современников Цветаевой, так и ее

предшественников. Самый известный пример – Пушкин, писавший уже в 1826 году:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят.

Переход поэта к прозе всегда предвестник или признак лирического усыхания. Это понимала и Цветаева: "Эмиграция делает меня прозаиком. Конечно – и проза моя, и лучшее в мире после стихов, это – лирическая проза, но все-таки – *после стихов*".¹⁰

После второй Болдинской осени, Пушкин познал свой первый нетворческий год: в 1834 году им написано всего три лирических стихотворения, и в следующие годы, вплоть до трагической смерти, Пушкин уже не знал восторгов вдохновенья.

Сходный процесс мы наблюдаем у Блока, чье поэтическое творчество оскудевает в 1916 году. Революция разбудила было его уснувшую музу, но ненадолго. После "Двенадцати" Блок уже ничего значительного и законченного не писал. В 1920 году с грустью признавался:

писать стихи забывший Блок.¹¹

Пушкин и Блок – два случая, когда перерыв в творчестве заканчивается через несколько лет физической смертью.

Резкий перерыв в лирическом творчестве испытал и такой сокровенный, писавший для себя, в стол, поэт, как Тютчев. Муза его замолкает в 1840 году (поэту было тогда 37 лет), вновь посещает его шесть лет спустя, чтобы уж не покинуть до самой старости.

На Тютчева похож близкий ему по духу Мандельштам. Мандельштам в молодости не был плодотворным поэтом. Дружившая с ним Цветаева иронизировала над этой его особенностью: "Думаю, юмор в сторону, что когда не писал (а не писал – всегда, то есть раз в три месяца по стиху!) томился".¹² Но в 1925 году – 34-х лет – Мандельштам совсем замолк на целых пять лет. Вдохновение вернулось осенью 1930 года после "Четвертой Прозы", благодаря которой Мандельштам овладел своей судьбой... Стихи полились потоком, одно за другим, с небольшими перерывами до самой смерти.¹³

Ахматова не любила, когда про нее говорили, что она в какие-то годы перестала писать стихи.¹⁴ Тем не менее совершенно очевидно, что и она познала лирический кризис, приблизительно в те же годы и в том же возрасте, что Мандельштам: если до 1922 года стихи текли непрерывно, за исключением трудного 1920 года, то в 1923 мы находим у нее всего одно стихотворение, в 1924 – два, в 1925 и 1926 ни одного. Второе дыхание вернулось к ней десятью годами позже, в 1936 году, и более прочно в 1940 г. Цветаева была отчасти права, когда писала про нее: "что она делала с 1917 по 1940 гг.? ... Непопра-

вимо-белая страница".¹⁵ Зато с 1940 г. стихи лились без перебора все 25 лет до самой смерти.

Эти беглые заметки, которые мы надеемся в дальнейшем расширить, углубить и уточнить, показывают на достаточном количестве примеров, что лирический кризис Цветаевой входит в более общую закономерность многих поэтических судьб.

1. Как правило, перелом, кризис в творчестве лирических поэтов наступает между 34 и 37 годами, где-то около 35 лет.¹⁶

2. Одни поэты обретают второе дыхание после нескольких лет молчания: таковы Тютчев, Мандельштам, Ахматова, Пастернак.

3. У других кризисный период не проходит, и завершается в более или менее скором времени преждевременной и не вполне естественной смертью: таковы Пушкин, поставивший свою судьбу на карту дуэли, Блок, ушедший в болезнь и смерть, и наложившая на себя руки Цветаева.

Однако у Цветаевой был особенно длительный лирический кризис: с 1926 по 1941 г., целых пятнадцать лет (ср. у Пушкина три года, у Блока пять лет). Те 5–6 стихотворений, написанных Пушкиным в 1836 году, составляют поразительный заключительный аккорд всему его творчеству, своеобразный Requiem о самом себе: гимн свободе поэта, печаль о рано умершем поэте-друге, распятие Христа, заклеивание Иудина предательства, покаянная молитва, примиренное видение сельского кладбища, наконец, эпитафия-итог собственному творчеству. Трудно представить себе более возвышенную и целостную концовку 20-летней лирической работы.

У Блока иначе: после двух лет фактически полного молчания, вспышка гениальных, но соблазнительных "Двенадцати". Раздвоенная поэма (не ясно, как сочетается Христос с революцией демонической и антихристианской) внесла раздвоение в душу поэта. Примирение, восстановление внутреннего единства пришло через обращение к Пушкину и вылилось в заключительный аккорд "Пушкинской речи" и последних стихов "К Пушкинскому дому".

Заключительного аккорда в творчестве Цветаевой мы не находим. Лирический, затянувшийся, кризис определен был у нее все углубляющимся "онтологическим" раздвоением в области религиозной, социально-политической и формально-творческой.

О трагическом религиозном раздвоении (признание Бога умом, а не сердцем, о любви к твари больше, чем к Творцу и о угасании этой любви) мы писали в ином месте.¹⁷ Социально-политическое раздвоение не могло не сказаться пагубно на Цветаевой: муж ее уходил целиком в просоветскую деятельность вплоть до службы в НКВД

и террористических актов, она же одновременно прославляла Перекоп и челюскинцев, Советскую Россию и Царскую семью. . . Всеядность, раздвоение не позволили ей стать над событиями, ибо это означало отказаться от мужа, от дочери, да и от собственных романтических настроений. О главном, т. е. о страшных событиях в России, Цветаева не писала, хотя о них знала. Не случайно весь ее социальный пафос вылился в стихах о Чехии, в этой последней, несколько холодной вспышке вдохновения. Воспевая стойкость и страдания Чехии, Цветаева обрела твердую почву. . . Но тем разительнее выступало ее молчание о том, что происходило в России.

Сама Цветаева поняла, что лирический кризис у нее связан и с художественными причинами: "Моя трудность, — писала она в 1940 году, — в невозможности моей задачи, например словами (то-есть смыслами) сказать стон: а-а-а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в ушах осталось одно а-а-а. Зачем такие задачи?"¹⁸ 15 годами раньше, в "Крысолове", Цветаева определила поэзию как

Рай — сути
Рай — смысла
Рай — слуха
Рай — звука.¹⁹

Однако эта "идеальная поэтика" у Цветаевой начала раздвояться: гармония "суть и слуха" сменилась их противоборством, смысл уже не умещался в звук, голый стон, от метафизического и социально-политического раздвоения, уже не мог облечься в смысл.

"Зачем такие задачи", — спрашивала себя недоуменно Цветаева. Поэзия, как всякое искусство, состоит из претворения в гармонию ущербной сущности нашего мира, силится преодолеть, хотя бы частично, небытие. Марине Цветаевой слишком часто хотелось "не-быть".²⁰ Голый стон — отказ от сути и смысла не меньше, чем от слуха и звука, он — уже по ту сторону искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. заключительные слова в предисловии В. Лосской к библиографии Цветаевой: Marina Tsvetaeva. Bibliographie. Institute d'Etudes Slaves, 1982, p. 8.
2. "Лебединый стан" (Андрей Шенья). Edited and translated by Robin Kempl, Ardis 1980, p. 72.
3. Трехстишие, опубликованное только за границей. См.: Poème sans héros, présenté et traduit par Jeanne Rude, Paris 1970, стр. 112.

4. Мы никак не можем согласиться с определением В. Лосской: "Chez Tsvetaeva il y a ce souffle puissant, magnifique qui vit jusqu'en 1939...". In "Bibliographie", op. cit., p. 8.
5. Марина Цветаева. Избранные произведения. М.-Л., 1965, стр. 759.
6. Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969, стр. 120.
7. Избранные произведения, op. cit., стр. 276. В предисловии В. Лосской (op. cit.) ошибочная дата 1918.
8. Ibidem, стр. 333.
9. Письма к Тесковой, op. cit., passim. См. стр. 93, 104, 105, 113, 166, 177 и т. д. Одно из самых ранних признаний от 31 августа 1931. "... Стихи все-таки писала... Но — такая редкая роскошь (в России, даже Советской, я из стихов не выходила) — тропинка зарастает от раза к разу..."
10. Ibidem, стр. 106.
11. Собрание сочинений. Госиздат, 1960, т. 3, стр. 428.
12. История одного посвящения. В: О. Мандельштам. Собрание сочинений, т. III, Нью-Йорк, 1969, стр. 324.
13. См. "спирограмму" творчества О. Мандельштама в моей книге О. Mandelstam, Paris, 1982, стр. 153.
14. Н. Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой. В: Анна Ахматова. Собрание сочинений, т. II, Нью-Йорк, стр. 328.
15. Неизданные письма, Париж, 1967, стр. 631–632.
16. При "нормальном" начале поэтической карьеры. У Пастернака, начавшего писать 22-х лет, кризис наступил в 42 года. Не покончил ли собой Маяковский 35 лет, чтобы избежать творческого кризиса?
17. Доклад на симпозиуме в Монжероне (июнь 1981). Напечатан в "Вестнике РХД", № 135.
18. Неизданные письма, op. cit., стр. 632.
19. Избранные произведения, op. cit., стр. 535.
20. Там же.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Проснулась улица. Глядит усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это — сон! —

Март 1908

(Стихотворение написано в альбом гимназической подружки Цветаевой Натальи Константиновны Гучковой, впоследствии ставшей женой известного философа Густава Густавовича Шпета. Вслед за стихотворением в альбоме шла прозаическая приписка, в которой М. И. выражала пожелание поскорее избавиться от "черных фартучков" и т. д.).

* * *

Судьбы России

Судьбы русской церкви

Н. В. ПЕРВУШИН

НА ЗАРЕ РУССКОГО ХРИСТИАНСТВА

Не так-то легко составить себе точное представление о чрезвычайно интересном времени — начале христианства на Руси. Разнобой в датах, в именах (патриархов, императоров, митрополитов), противоречивые описания событий, тенденциозность освещения в источниках — все это долго затрудняло правильное понимание событий. В основе разногласий и различного освещения событий лежит факт соперничества между Византией и Русью в религиозной сфере. Это соперничество вызвано было желанием греческих иерархов (и императоров) подчинить себе русскую церковь и влиять не только на церковную жизнь, но и на политическую власть молодого государства.

По придворному византийскому этикету, киевский великий князь приравнялся к стольнику (официанту) при трапезе (столе) императора, а русская митрополия числилась как одна из самых "молодых", на 69-м месте среди других, находившихся под влиянием константинопольского православного патриарха.

Такое положение было оскорбительно для киевских князей, начиная с Владимира Святого, считавших себя самодержцами и надеявшихся получить автокефалию от Византии, без всякого политического подчинения ей, как государства, так и церкви.

Византийско-русские церковно-политические отношения прошли через несколько периодов, когда чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Когда в 1055 г. греки твердо завладели киевской митрополией, они не только перенесли главный центр церковного управления из Десятинного храма в собор Св. Софии, но сосредоточили там и писание летописей, стали "исправлять" их, искореняя все те места первых сводов, в которых были сведения, неприятные для византийской церкви и идущие в разрез с про-греческими тенденциями.

Греки противились прославлению ново-русских святых Бориса и Глеба, Владимира и Ольги; они уничтожали сведения о русских митрополитах, не получивших утверждения Константинополя (Иларион, Михаил, Иоанн), сведения о роли болгарской патриархии, а потом митрополии, в начале христианства на Руси, замалчивали церковные события, имевшие место до появления поставленных Константинополем митрополитов, и т. п. Все это приходится учитывать при изучении той эпохи.

Схематически начало христианства на Руси можно попробовать себе представить в следующем виде:

Первая русская епархия (приблизительно) в Тьмутаракани	867
Крещение кн. Ольги в Константинополе	957
Крещение кн. Владимира в Василеве (вероятно)	985
Осада Корсуня, помощь пресвитера Анастаса	987
Крещение Руси Владимиром, начиная с	988
Строительство Десятинной церкви	990—1039
Анастас — vikарий в Десятинном храме (вероятно) с	994
Пресвитер Иоанн болгарский, архиепископ и примаг в Киеве	1008—1024
Смерть кн. Анны (греческой) и последняя женитьба Владимира	1011
Смерть Владимира и убийство Бориса и Глеба	1015
Болеслав польский взял и ограбил Киев, Анастас с ним	1018
Правление Ярослава в Киеве	1019—1054
Иларион, священник княжеской церкви возле Киева с	1026
Иларион копает "пещерку" на Печерском холме, где молится	1028
Основание Киево-Печерского монастыря — первая половина XI века	
Постройка "Золотых ворот" в Киеве. Митрополит Феопомпт, грек	1037
Начало постройки Софийского собора в Киеве	1037
Поход (неудачный) на Византию сына Ярослава, Всеволода	1043
Иларион произносит "Слово о законе и благодати" в Киеве	1049
Иларион — митрополит Киевский. Начало летописания в Киеве	1051
Сын Ярослава Всеволод женится на греческой принцессе	1052
Смерть Ярослава. Разрыв между Восточной и Западной церквями	1054
Ефрем, грек — митрополит Киевский. Исчезновение Илариона	1055
Никон постригся в Киево-Печерском монастыре	1056
Никон — игумен этого монастыря	1060
Никон уезжает из Киева в Тьмутаракань	1063
Никон возвращается в Киев, в летописи появляются снова записи о Киеве	1068
Смерть Никона "великого"	1088
(Некоторые из дат — приблизительные, по расчетам Н. В. Первущина).	

В IX и X веках на Руси, в Тьмутаракани и Киеве, появляются первые христианские православные храмы и приходы. Центром была Тьмутаракань. Митрополит Тьмутараканский Михаил распространял свою церковную власть над Киевом, и там, по преданию, был похоронен. Крещение княгини Ольги в 954 г. дало сильный толчок распространению христианства в Киеве.

Огромную роль в этом процессе играла болгарская церковь, которую во время Великого Болгарского царства возглавлял болгарский патриарх: церковный язык, книги, молитвы были получены Русью оттуда; болгары были посредниками между Византией и Русью в церковной и культурной областях; язык был близкий, славянский (древне-болгарский, церковно-славянский, древне-русский), алфавит, приспособленный к этому языку Кириллом и Мефодием и их последователями, чрезвычайно облегчал русским принять новую веру.

Когда и где принял Владимир христианство? В разных источниках по-разному отвечают на этот вопрос. Наиболее вероятным представляется (по Карташеву), что принял он его года за три до Корсунского похода в Василеве (на юго-запад от Киева). Вероятно, подготовили его к этому христианки — его жены (вдова Ярополка была греческая монахиня, Мальфреда — тоже, одна из жен-чешек могла тоже быть христианкой). Да и воспоминание о бабке — Ольге было еще свежо в памяти. Когда император византийский Василий обратился к Владимиру за помощью против взбунтовавшегося полководца Фоки, он обещал ему за помощь руку сестры, принцессы Анны, при условии крещения Владимира.

После оказания военной (решающей) помощи или одновременно Владимир, вероятно, крестился. Но император обманул и не дал сестры в жены Владимиру. Возможно, возмущившись этим поступком, киевский князь и начал поход на Корсунь, кроме чисто политических причин. Он и обошелся там так жестоко с жителями и властями из-за этого, несмотря на то, что уже был христианином.

Недоверие к грекам осталось у Владимира, и он льнул больше к близкой ему по языку и обычаям болгарской церкви также из-за памяти отца, мечтавшего создать там центр великого славянского государства.

* *

*

Потомки спрашивали себя — как случилось это обращение Владимира, этого "блудника безмерного и жестокого" (по словам Титмара

Мерзбургского)? Потрясен был этим и церковный деятель и оратор следующего поколения — Иларион, объяснивший это "добрым смыслом и острым умом" Владимира.

После падения Болгарского царства под ударами византийских императоров болгарское влияние не прекратилось, но иерархическое подчинение молодой русской церкви должно было перейти к Византии, когда в Киеве появился назначенный ею митрополит Феопомпт (1037), и окончательно — с 1055 г., с поставлением в митрополиты киевские грека Ефрема.

Если мы отвлечемся от этих юрисдикционных и иерархических трений и перейдем к самым фактам юного христианства на Руси, мы увидим картину удивительного подъема, оптимизма, огромных надежд, возбужденных у новообращенных принятием новой веры. Главным деятелем в этом процессе был кн. Владимир, а идеологом, выражавшим дух эпохи и идеологию русских христиан, — священник, а потом митрополит, Иларион.

В своем знаменитом "Слове о законе и благодати" Иларион поставил вопрос о том, как случилось, что кн. Владимир стал христианином, этот жестокий и развратный язычник, многоженец, не знавший ни человеческих, ни божеских законов? Иларион обращался к мертвому Владимиру, лежавшему перед ним в могиле Десятинной церкви, и спрашивал:

"Как ты уверовал? Как воспламенился молитвой Христовой? Как вселился в тебя разум великий земных мудрецов, чтобы возлюбить невидимое и стремиться к небесному?"

* *

*

Американский историк Е. Гурвиц опубликовала в 1980 г. в последней книжке журнала, посвященного русской истории, статью о митрополите Иларионе и его "Слове о законе и благодати", как показателе исторического самосознания Киевской Руси. В том же журнале есть статья проф. А. В. Рязановского о начале Киево-Печерского монастыря, в которой он коснулся первого "населника", Илариона, выкопавшего "пещерку", от которой и пошел развиваться знаменитый монастырь.

В статье Е. Гурвиц не совсем правильно, по нашему мнению, освещены отношения между Киевом и Константинополем в эпоху Ярослава Мудрого и митрополита Илариона, а также ошибочно утверждается, что идеология московской и киевской России — в отношении

к своему прошлому и идеологическим целям — продолжается неизменно и советской Россией. В качестве контраста автор превозносит самосознание Киевской Руси, "не обремененной идеей защиты православия, как наследницы Византии, и идеей превосходства своего над другими народами".

Поскольку американские историки с глубоким интересом изучают эту отдаленную эпоху русской церковной истории, следует напомнить и русские исследования об этой запутанной и скудно документированной поре начала церковного строительства на Руси, тем более, что американский историк в статье об Иларионе ссылается только на книгу немецкого ученого Л. Мюллера на ту же тему, появившуюся в 1968 г.

Главная направленность статьи Гурвиц — на доказательство, что в "Слове" не видно указаний на соперничество между Киевом и Константинополем, как это видят русские историки. Из сравнения между Владимиром и Константином в "Слове" нельзя заключить, по ее мнению, о соперничестве, которое имело место между Киевом и Константинополем; было подражание Византии, но нет указаний ни на стремление к независимости русской церкви от византийской, ни на желание независимости Киевского государства от Византийского. Император Константин изображен как образец для Владимира. По ее мнению, в "Слове" верховенство патриарха и императора византийских остается неоспоримым, поскольку "царь управляет империей Греции и Рима"; она считает, что по смыслу "Слова" подчинение Руси истинному Риму бесспорно. Русь стремилась подражать ему, а не превосходить его.

Гурвиц противопоставляет этому идиллическому представлению о Киевской Руси и ее, якобы, послушному подчинению Византии, "мрачное и безнадежное историческое самосознание Московии... с ее трагическим экстремизмом... она ожидала апокалиптических ужасов, если бы она не выполнила своей миссии". (Защиты православия. — Н. П). Для того, чтобы легитимизировать власть московских царей, по ее мнению, пришлось изменить прошлое Руси, появился "миф о Руси, как прототипе Московии, и об ее князьях, похожих на царей... угроза апокалипсиса связала историческую перспективу Московии и позволила регистрировать только превосходное в прошлом и только положительное в настоящем... История России (в изображении русских историков) двигалась и движется по Богом установленному пути вплоть до настоящего времени".

В этой статье несколько искажена история России и Киевской Руси, а также наша историография.

Обратимся же без предвзятости к замечательно важному и интересному времени Ярослава Мудрого и Илариона и к "Слову о законе и благодати".

Когда было составлено "Слово"? Гурвиц утверждает, что "около 1050 г., когда он недавно был поставлен митрополитом киевским". На самом деле русские историки считают, что оно не могло быть написано в это время, поскольку Иларион упоминает в нем жену Ярослава Ирину, умершую в 1050 г., как живую. Как говорит Н. К. Гудзий, "Слово" было составлено еще до возведения Илариона в сан митрополита и, по всей вероятности, оказалось существенным моментом в решении Ярослава поставить Илариона во главе русской митрополии".

И другие русские историки считают, что "Слово" побудило Ярослава Владимировича избрать Илариона в митрополиты и создано было до возведения его в этот сан. Оптимистический дух "Слова" в оценке Русской земли и ее международного положения говорят за то, что оно составлено было после разрыва Ярослава с митрополитом-греком Феопомтом.

В день Пасхи 1049 г., через два дня после Благовещения, в Киеве было большое торжество. Кроме церковного, самого любимого в России праздника, киевляне торжествовали окончание постройки крепкой стены вокруг стольного города с ее знаменитыми Золотыми воротами. Теперь нелегко будет врагам нападать на Киев, будет где отсидеться жителям и откуда воинам отражать нападения.

Тогда же начали строить Собор св. Софии.

Золотые ворота с широким проездом и с поставленной над ними церковью, построенные в 1037 г., были монументальными, как и постройки каменного дворца. Недалеко от них, на главной площади Киева, стояла построенная в самом конце X века Десятинная церковь, посвященная Богородице. На площади перед ней стояли вывезенные из Корсуни античные статуи и квадрига: "иды (идолы) медяне две капищи и четыре кони медяны".

К этому времени Киев увеличился, по сравнению с городом времени Владимира, в шесть раз; иностранцы говорили о нем, что в нем "более четырехсот церквей и восемь рынков, народу же несметное количество".

Старейшая церковь Киева, Десятинная, построенная по византийскому образцу, представляла собой трехнефное крестовокупольное

здание с шестью внутренними столбами, с куполом, поставленным на четыре арки. Мозаики и фрески украшали внутренность ее; пол был сделан из мозаики из разноцветных кусков мрамора, а стены снаружи были полосатыми, красновато-розовыми, из-за кладки скрытыми кирпичами, чередующимися с широкими полосами цемяночного раствора, характерной для киевских зданий и появившейся в Византии только в следующем столетии. Там были могилы Ольги, Владимира и Анны.

Город был великолепен, им восхищались иностранцы и гордились киевляне. В этот день храм был полон народа; на хорах была во главе с князем Ярославом Владимировичем вся его семья, вторая жена князя Ирина, до замужества и крещения Ингегерда, дочь шведского короля; были, может быть, и три дочери Ярославны, будущие королевы: Франции — Анна, Норвегии — Елизавета, Венгрии — Анастасия. Были там, возможно, и принцы норвежские, шведские, знатные варяги и русичи из дружины князя и лучшие люди Киева.

После богослужения пресвитер княжеской церкви пригородного села Берестово, Иларион, "муж благ, книжен и постник", произнес вместо проповеди "Слово о законе и благодати", прославляющее русское православное христианство и его "апостола" Владимира. Это, по словам А. В. Карташева, высшее по совершенству мысли и стиля литературное произведение до-монгольского периода; Д. С. Лихачев считает, что тема "Слова" — равноправие народов. Сначала Иларион противопоставил Ветхий Завет, с его законом, утверждающим привилегированное положение иудейского народа, Новому Завету, с благодатью, одинаково распространяемой на все народы, принявшие христианство. Русский народ прославляется среди народов мира, эта тема "изложена в "Слове" с пластической ясностью и конструктивной цельностью". Н. К. Гудзий считает, что "Слово" — "образчик высокого ораторского искусства, достойный стать рядом с лучшими произведениями византийского церковного красноречия, и обнаруживает в авторе выдающуюся словесную культуру, замечательный вкус и настоящее чувство меры... оно пропитано горячим патриотическим воодушевлением, написано с большим внутренним подъемом и отличается безупречной внешней стройностью... Вся древняя русская литература не оставила нам в области ораторской речи ничего равного по значительности".

Все русские исследователи согласно утверждают, что "Слово" полемически направлено против попыток Византии подчинить своей гегемонии Русь и русскую церковь. "Похвала кагану нашему Владимиру" явно имеет целью помочь его канонизации, что было и целью

Ярослава, но чего не хотели греки. Ни один народ не может хвалиться своим преимуществом в христианской церкви, говорит Иларион, подчеркивая значение новых ("молодых") народов в истории христианского учения. Греки упорно возражали против канонизации киевских святых и, при жизни Ярослава, уступили, согласившись только на канонизацию Бориса и Глеба, хотя и это им было ненавистно, как память о том периоде русского церковного строительства, когда оно шло помимо Византии.

Согласно "Слову", Владимир утвердил новое религиозное начало, символ благодати, в противовес закону, как символу иудейской религии. Сопоставление Владимира с Константином, неприемлемое для греков, завершается в конце "Слова" молитвой за Русь: "И донелиже стоит мир, не наводи на ны напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозвется град Твой град пленен, и стадо Твое прищельцы в земле не своей..."

Иларион проявил большую широту исторического взгляда на Русь в кругу других народов, как равноправную нацию, не ищущую превосходства, но не терпящую унижения, радующуюся тому, что христианство открыло перед ней неограниченные возможности. "Вера бо благодатная на всей земле распростресея и до нашего языка русьского доиде... Се уже и мы со всеми христианы славим Святыю Троицу".

"Слово" обращено было к элите Киевской Руси: "не к неведущим бо пишет, но презлиха насыщшемся сладости книжныя".

Не без основания многие считают, что время Ярослава Мудрого — золотой век Киевской Руси. Молодое государство вышло на европейскую сцену и заняло почетное место на ней: образованные и культурные члены семьи Великого князя киевского породнились с французскими, скандинавскими и средне-европейскими королевскими домами; стольный город украсился великолепными постройками — храмами и дворцами, он стал центром просвещения, оставаясь крупным торговым пунктом.

Ярослав продолжал политику своего отца Владимира, принявшего византийское православие, но не согласного подчиниться в политическо-церковном отношении Константинополю. Есть все основания думать, что бурные события, связанные с крещением Руси и осложнившие отношения между двумя державами, побудили Владимира (и позднее Ярослава) искать более близкую славянскую церковную иерархию в Болгарии.

Получение разрешения от Константинополя в 1034 г. на установление особой киевской митрополии при Ярославе было важным шагом

в борьбе киевских, а потом московских, князей за самостоятельность в церковном отношении. Установление почитания святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, братьев Ярослава, которого он добился с трудом, свидетельствовало о том, что русская церковь обладает уже своими святынями и не требует унижительной опеки.

Византия надеялась, что митрополитами в Киеве будут только греки, проводящие политику подчинения Руси не только в церковном отношении — патриарху, но и в политическом отношении — императору. Русская церковь зависела от болгарского патриарха с Владимира до, вероятно, 1037 г. В "Сказании о свв. Борисе и Глебе" упоминается архиепископ Иоанн, которого Нестор в своей летописи называет иногда митрополитом. Титмар Мерзенбургский называет его в 1018 г. архиепископом — главой русской церкви. Иоанн стал патриархом Охридской церкви в Болгарии. После поражения царя Самуила византийцами, Болгария была подчинена Византии и Иоанн стал именоваться архиепископом.

Вероятно, до 1037 г. киевская церковь зависела от охридского архиепископа. С 1015 г., после смерти Владимира, на Руси идет борьба сыновей Владимира за киевский престол: сначала Борис, сын гречанки Анны, назначается Владимиром наследником, потом старший сын Владимира, Святополк, подсылает убийц к Борису и его брату Глебу и становится киевским князем; потом его изгоняет пришедший из Новгорода Ярослав и начинается сравнительно долгое его княжение (1017—1054).

Любопытно, что Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава, пытался, по-видимому, получить признание самостоятельности русской церкви от Рима; тогда еще не было разделения единой христианской церкви на Западную и Восточную (оно состоялось в 1054 г.). С помощью тестя Святополк снова овладел Киевом и прогнал Ярослава в Новгород, и только в 1019 г. Ярослав окончательно стал княжить в Киеве. Он тоже одно время обращался в Рим, надеясь с его помощью одолеть Болеслава и Святополка, вероятно, ценой иерархического подчинения Риму, но при условии признания римской церковью автокефалии для Руси.

1037 г. — важный момент в истории русской церкви: русский князь Ярослав признает зависимость русской церкви от Византии и получает право иметь в Киеве митрополию от Византии, надеясь, что это будут русские прелаты. Византия же назначает в Киев греков (Феопомпта), которые должны защищать гегемонию Константинополя как в смысле экклезиастическом, так и политическом. Однако скоро конфликт, начавшийся с торговых споров, становится открытым

и доходит до разрыва между Киевом и императором и нападения русских на Константинополь. Поход оканчивается неудачей — русский флот разбило бурей в 1043 г.

Иларион был поставлен в 1050—51 гг. митрополитом киевским. Летопись под 1051 г. сообщает: "Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в Св. Софии, собрав епископы", а в Прибавлении к Ипатьевской летописи утверждается даже, что "Иларион поставлен бысть митрополитом Киеву от патриарха Михаила Керулария", что неверно. Константинополь не утвердил поставления "русина" митрополитом киевским, но канонически, согласно древнеболгарской Кормчей Синтагме, сами епископы могли избирать митрополита, а по новеллам Юстиниана 123 и 137 клир и видные жители могли избирать епископа. Это решение Ярослава и согласие Илариона определенно указывает на поползновение установить на Руси автокефалию.

Иларион — одна из самых интригующих и выдающихся фигур во всей истории русской церкви. Откуда он явился на исторической сцене? Есть догадки, что из Тмутаракани. Самое загадочное: неизвестно точно — что с ним стало после того, как он через четыре года пребывания на митрополичьей кафедре исчез, т. к. уже в 1055 г. в Киеве появляется греческий митрополит из Константинополя — Ефрем. Ярослав пожертвовал Иларионом для нормализации отношений с Константинополем, за это его сын породнился с византийским императорским домом: Всеволод женился на греческой царевне из семьи Мономаха; внук Ярослава, сын Всеволода, стал именоваться Владимиром Мономахом по матери.

Слог главного произведения Илариона, "Слова", напоминает, по мнению специалистов, слог Древнейшего свода русской киевской летописи, который был восстановлен А. А. Шахматовым и назван им "Начальным" и в составе которого был еще более древний текст, приписываемый монаху Киево-Печерского монастыря Никону Великому. Записи с точными датировками начинаются там с событий, имевших место в Киеве с 1051 до 1063 гг., а затем в следующие два года сообщается о событиях в Тмутаракани, и после 1067 г. снова сообщается о событиях на Руси, а в 1068 г. в Киеве. Именно в эти годы Никон жил то в Киеве, то в Тмутаракани, куда он, по сообщению "Жития св. Феодосия", бежал от гнева князя Изяслава.

Никон, ставший с начала 1060-х гг. игуменом Киево-Печерского монастыря, вел там летописание (Второй летописный свод). Входящее в состав летописи "Сказание о распространении христианства на Руси" имеет много общего со "Словом" Илариона.

В. П. Адрианова-Перетц и другие исследователи указывают на поразительные стилистические и идейные совпадения и соответствия этой части летописи и "Слова" Илариона: даются те же выдержки из Священного Писания, цитаты сопровождаются теми же толкованиями и замечаниями, и там и тут одна и та же характеристика язычества до-христианской Руси; единственные эти источники говорят, например, о человеческих жертвоприношениях русского язычества; в том и другом источнике подчеркивается, что Владимир свободно, по своему желанию выбрал византийское христианство, хотя мог принять любую другую веру. Как сказал Иларион, Владимир пришел ко Христу "токмо от благого помысла и остроумия".

А. А. Шахматов считает, что "Сказание" начало писаться при новом Софийском соборе, как только он был сооружен, т. е. в 1037—39 гг. приблизительно, когда Иларион составлял свое "Слово". В древнейшем своде была похвала Ярославу за закладку Софийского собора. Весьма возможно, учитывая близость двух текстов, что писались они одним и тем же лицом.

После ухода Илариона из митрополии летописная деятельность переносится в Печерский монастырь, где, по мнению М. Д. Приселкова, сосредотачивается оппозиция к власти греческого митрополита. Там получили образование первые русские епископы и священники.

Из того, что сказано, соблазнительно было бы заключить, что именно Иларион положил начало всему русскому книжному делу и летописанию, а не только был автором замечательного "Слова". Приселков считает, что после ухода из митрополитов Иларион постригся в Киево-Печерский монастырь и принял схиму под именем Никона. До этого (1054 г.) о Никоне ничего не известно, после этого года об Иларионе ничего не известно.

Но и это еще не все, чем Иларион заслужил бесконечную благодарность всех русских людей. Здесь опять мы встречаемся с несправедливостью истории. Как возник славный Печерский монастырь? Когда ставится этот вопрос, обычно отвечают, что создателями его были преп. Антоний и Феодосий, чудотворцы печерские. Хронологи-

чески св. Антоний ранее св. Феодосия поселился на горе Печерской. Но где он поселился?

Судя по тщательному проведенному исследованию, он поселился в двухсаженной пещерке, выкопанной Иларионом, когда последний был еще пресвитером храма при княжеском селе Берестове под Киевом и уходил туда молиться и жить затворником. Летопись сообщает про Антония: "Антоний. . . приде на холм иде бы Ларион ископал пещерку и возлюбил место се и вселися в не".

По этому вопросу возникла интересная полемика на страницах американского исторического журнала между проф. Н. Рязановским (Пенсильванский университет) и сторонником норманской теории происхождения Руси — копенгагенским историком Ад. Стендер-Петерсеном. Последний утверждал, на основании одного места из "Патерика", что пр. Антоний поселился в пещере, выкопанной варягами-христианами, и что, таким образом, эти варяги были основателями Киево-Печерского монастыря. Он приводит следующее место из "Патерика", относящееся к первому пребыванию Антония в Киеве, еще до основания монастыря: "И обрет пещер, вселися в ню иже быша ископана варязи". Но основание монастыря имело место после второй поездки Антония на Афон, после которой он, вернувшись, поселился в Иларионовой пещере, где и начали селиться монахи и совершать богослужения, откуда и пошла обитель, когда над пещерой была построена небольшая церковь, а потом и келья для возросшей братии. После второго возвращения с Афона Антоний "приде на холм, иде же Иларион пещерку ископал малу, и возлюбил место то..."

Ад. Стендер-Петерсен вместе с С. Конград-Бутлером в книге "Антология древнерусской литературы" пошли гораздо дальше утверждения, что Антоний поселился в пещерке, выкопанной варягами, — они утверждают, что происхождение монастыря следующее: "Знаменитый Печерский монастырь, основанный христианами-варягами на холмах, окружающих Киев, стал центром древнерусской агиографической активности". Они даже не упоминают русских основателей монастыря. Но нужно сказать, что никто, кроме них, не придерживается этого мнения, да и доказательств, кроме выкопанной анонимными христианами-варягами пещеры, у них нет. А указание Стендер-Петерсена на то, что варяги хранили в пещере изделия из золота, якобы это была церковная утварь, привезенная из Скандинавии и послужившая для будущего монастыря, не основывается на археологических данных. И вернее предположить, что если и были ценные изделия в пещере, то они не могли быть из языческой Скандинавии, а были награблены варягами либо в Киеве, тогда уже крупном

торговом и культурном центре, либо в Византии, куда варяги плавали в качестве воинов-наемников, торговцев и дружинников киевских князей. Они могли держать награбленное золото в пещере.

А. В. Карташев называет Илариона "праотцом" Печерского монастыря и далее пишет: "Митрополит Иларион по всем данным должен был быть канонизирован русским святителем. А между тем его имени среди русских святых мы не находим. Понятно, что в раннее киевское время этого не допустили бы митрополиты-греки. Но что мешало этому в Московский период?" Что же мешало и позднее русской церкви исправить эту несправедливость?

Он, основоположник монастыря, вместе с Антонием постригал Феодосия в монахи. Основатель первого русского монастыря, блестящий церковный оратор, мудрый митрополит, замечательный писатель, пламенный русский патриот, организатор церковного устройства в Тмутаракани.

* *
*

Великий Никон был игуменом Киево-Печерского монастыря, замечательным летописцем и русским патриотом. Князь Изяслав Киевский преследовал Никона за то, что тот постриг в печерские монахи киевских вельмож Варлаама и Ефрема, и грозил ему: "На заточение пошлю ты и суца с тобою и печеру ващу раскопаю". Митрополиты греческие в Киеве, сделавшие Софийский собор кафедральным, вместо Десятинного, времен Владимира Святого, занимались "исправлением" русских летописей, внося поправки и выбрасывая куски текстов, неприятных для греческого самолюбия и властолюбия, устраняя сведения об Иларионе и преуменьшая значение Никона.

М. Д. Приселков, профессор Петербургского университета, "по внушению акад. Шахматова", как пишет А. В. Карташев, в своей магистерской диссертации, "Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси" (1913 г.), приводит доводы, которые побудили его утверждать, что Иларион и летописец Никон — одно и то же лицо. К этому мнению присоединились некоторые русские ученые (акад. М. Сперанский) и западные (проф. Кох из Кенигсберга).

Никон Великий первый осознал значение точной хронологии для летописания и основы исторического повествования. Он расширил материал хронографа, добавив местные народные рассказы, например, о поединке тмутараканского князя Мстислава с косожским князем Редедю, он приводит "корсунскую легенду" о крещении Владимира

в Корсуни и опровергает мнение, что он крестился в Киеве: "се же, не сведуще право глаголют, яко крестился есть в Киеве, инии же реша в Василеве". Он сообщает сведение об отравлении тьмутараканского князя Ростислава Владимировича греками. Он пишет, что видел "палату", в которой в Корсуни крещен был Владимир. Он дал пример, как вводить в текст летописи самостоятельные литературные памятники, связанные с историческими событиями. Никон сам упросил отца князя Глеба Святославича послать князя княжить в Тьмутаракань, этот важнейший форпост русичей на Востоке, что очень важно было с политической точки зрения. Никон ввел в летопись "Завещание Ярослава", призывающее сыновей его жить в любви между собою и не губить "землю отец и дед своих, юже налезоса трудом своим великим".

Никон, противостоящий князю Изяславу и потом Святославу, предпочитал уезжать из Киева, но не подчиняться им. Он также крупный идейный политический деятель, что делает вероятной гипотезу проф. Приселкова.

В "Житии" Феодосия занятия Никона описываются таким образом: "Многажды же паки великуумну Никону сидящу и делающу книги", тогда как Феодосий сидел рядом и приготавливал материал для переплета книг, написанных Никоном. Толчок, данный Никоном писанию русских летописей, имел замечательные последствия — уникальные источники для познания русской истории.

А "Слово" Илариона, в частности его "похвала" Владимиру, оказали влияние на ряд памятников русской литературы — следы его видны в Прологе XII—XIII вв., в Волынской летописи, где есть похвала князьям Владимиру и Мстиславу, — она составлена под явным влиянием "Слова", — в житиях Леонтия Ростовского, Стефана Пермского находим следы такого влияния, в сербских житиях Симеона и Саввы, и даже в виршах украинского поэта Кассиана Саковича, не говоря уже о выступлении Феофана Прокоповича над гробом Петра Великого в Петербурге.

Но даже если не согласиться с гипотезой Приселкова о том, что Иларион и Никон — одно и то же лицо, то придется признать, что в это время, в Золотой киевский век, там жили и писали три замечательных писателя — Иларион, Никон Великий и автор "Сказания о распространении христианства на Руси".

СЕМЬ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ О РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

1. Как вы оцениваете сегодняшнюю церковную ситуацию?

Я считаю, что в настоящее время Русская Православная Церковь (РПЦ) пребывает в состоянии кризиса. Этот кризис имеет две стороны — внешнюю и внутреннюю. Внешняя состоит в том, что Церковь вынуждена существовать в атеистическом, более того — богоборческом государстве, которое постоянно заявляет в открытую, что его цель — полное и окончательное уничтожение религии. Это государство подчинило в настоящее время РПЦ жесткому и жестокому контролю; насильственно закрыло и удерживает закрытыми подавляющее большинство храмов, монастырей и духовных школ; препятствует своевременному, достаточному и правильному формированию кадров духовенства; поставило под свое тотальное влияние и в значительной мере подкупило большинство епископата, сформировав его согласно своим нуждам и понятиям. РПЦ не имеет своих свободных печатных органов, вообще не издает никакой религиозной литературы (не имеет возможности), Св. Писание, молитвенники и богослужебные книги издает небольшими тиражами, недоступными для простых верующих обычным путем.

Государство постоянно вмешивается во внутренние дела Церкви; оно навязало ей принятие т. н. "Синодального постановления" Архиерейского собора 1961 г., абсурдного по своей сути (передача дел внутреннего административно-хозяйственного управления церковной общиной от священника двадцатке мирян); требует противозаконной регистрации крестин и других церковных треб; не признает за церковной общиной права юридического лица; конституционно отрицает за Церковью право "на пропаганду", сохраняя его для атеистов; оно препятствует верующим воспитывать в религиозном духе своих детей; категорически запрещает законодательством благотворительную деятельность, а также какие бы то ни было кружки верующих —

* Ответы на самиздатскую анкету.

будь то библейские, детские, юношеские, женские, по изучению веры или даже любой светской дисциплины. Последним обеспечивается разобщенность и дезориентированность православных кругов в стране, которые вообще по сути дела существуют на полулегальном положении. В стране вообще невозможны какие бы то ни было церковные организации, даже такая, на первый взгляд, естественная, как, например, Совет объединенных приходов; вообще все существование верующих в Церкви атеистические власти хотят свести к пребыванию "внутри стен храма".

Внутренняя сторона кризиса состоит в том, что сама РПЦ не использует, т. е., видимо, не может использовать, не в состоянии использовать даже те возможности, которые ей предоставлены. Государство поставило епископат под жесткий контроль и подкупило его — но ведь епископат дал поставить себя под контроль и подкупить. У нас мало храмов и монастырей — но и в тех храмах, которые открыты, огромное большинство священства либо вообще не провозносит проповедей, либо делает это, скажем откровенно, плохо. Те немногочисленные монастыри, которые мы имеем, могли бы "брать качеством" — одна только Оптиная пустынь в прошлом веке определяла духовную атмосферу существенной части русского общества. Наши монастыри не соответствуют этим требованиям. Мы имеем две духовные академии и три семинарии. Для 260 миллионов это вообще ничто. Тем более блистательных пастырей они должны были бы выпускать. Должны были бы, но не выпускают. Наконец, уровень тех немногочисленных и худосочных журналов, которые разрешено выпускать Московской Патриархии ("Журнал Московской Патриархии" и "Православный вестник"), весьма невысок, и это уже не вина безбожников (эта характеристика не относится к "Богословским трудам").

Наконец, духовенство почти совсем не работает с прихожанами, особенно с тем большим числом новопришедших, которое все продолжает расти последние годы. Даже если причина этой пассивности — запуганность, для пастырей она никоим образом не может служить оправданием; но, к сожалению, создается впечатление, что все наоборот — причина состоит в пассивности священства, а "запуганность" лишь оправдывают эту пассивность. Вместе с этой пассивностью, воистину бич многих священников — консерватизм в обрядности и богомыслии, какая-то удивительная *боязнь религиозного творчества*, не говоря уже о страхе перед братскими христианскими исповеданиями, боязнь любых, даже самых разумных заимствований и обновлений, вообще общая косность, грозящая со временем вырождением русской

церковности в этнографическую. Печальнее всего, что эти косность, традиционализм и этнографизм легко подхватывается многими новообращенными, еще вчера "критически мыслящими интеллигентами" или кем-то подобным.

Вместе с тем, оценивая сегодняшнюю церковную ситуацию всесторонне, следует подчеркнуть, что РПЦ за период 1917—1943, и в меньшей степени в 1960—65 гг., претерпела столь страшные, жестокие и планомерные гонения, что остается, говоря житейским языком, лишь удивляться ее жизнеспособности. Несмотря на физическое уничтожение основной части священноцерковнослужителей и мирян, на эмиграцию или высылку значительного числа выдающихся богословов и священнослужителей, разгром школ и монашества, уничтожение крестьянства (т. е. носителей народной "традиционно-естественной" религиозности), разрушение огромного количества храмов и монастырей, введение волчьих антицерковных законов, систематическое оболванивание населения "научно-атеистической" ахинея и т. д., Русская Церковь, как только ей была предоставлена возможность, оказалась способной восстать из пепла, сохранила неприкосновенной апостольскую и учительную преемственность, сакраментальную часть и даже дух противостояния — пусть пассивного — безбожному режиму. Когда с конца 60-х годов в РПЦ начался все растущий в настоящее время приток молодых сил, она, несмотря на все ее вышеперечисленные недостатки, оказалась в состоянии принять серьезно ищущих и ответить серьезно вопрошающим.

Следствием чего явилось безусловное повышение авторитета и престижа РПЦ в обществе вообще и в образованной его части в особенности. Вообще об этом приходе следует сказать отдельно. Вот уже свыше десятилетия, как представители самых разных социальных групп и категорий, не останавливаясь, идут и идут в РПЦ, причем число новообращенных возрастает в геометрической прогрессии. Какими бы причинами ни руководствовались иные из этих людей, сам по себе факт безусловно свидетельствует в пользу Церкви, хотя, разумеется, объясняется силой и величием Христа, а не высоким уровнем нашей современной церковности (этот уровень, повторяю, пока недостаточно высок, и приход в Церковь осуществляется вопреки, а не благодаря ему). Впрочем, каков бы ни был уровень церковности каждой конкретной поместной Церкви в каждый конкретно-исторический момент ее бытия, к счастью, в Церковь нас всегда принимает Иисус Христос, а уж потом община, пресвитер, епископ...

2. В чем, на ваш взгляд, заключаются причины сегодняшнего положения Церкви?

Это чрезвычайно сложный вопрос. Проще всего было бы ответить, что причины сегодняшнего кризиса — во вчерашних гонениях безбожной власти, а также и в том, что и сейчас Церковь в нашей стране по сути дела поставлена в положение, когда ей остается лишь выживать до лучших времен. Поэтому, мол, она и держится за архаичное богослужение, чисто обрядовую сторону церковной жизни и т.д., поэтому боится активного воздействия на массы, стремясь пока что сохранять хотя бы возможность совершать таинства. Но во-первых, такой ответ, объясняя слабость РПЦ во многих аспектах современной церковной жизни и консерватизм большинства ее представителей (культовый и богословский), никак не проясняет, почему епископат дал себя подкупить в прямом смысле слова, почему священство столь пассивно даже в том, что ничем ему не грозит, почему многих мирян (даже из новообращенных) столь быстро начинает устраивать традиционное обрядовое благочестие (или благочестивое обрядоверие?) и богословствование, почему их так пугает любое религиозное творчество новых форм (разумеется, на основе старых). Кроме того, этот ответ не объясняет, отчего РПЦ в целом не использует даже тех возможностей, которые имеет.

Наконец, этот ответ проходит мимо того вопиющего факта, что пресловутая безбожная власть возникла в государстве, где РПЦ в продолжение многих веков являлась духовным стержнем основной части общества; именно в ее руках находилось дело нравственного воспитания народа, и если это дело принесло столь плачевные плоды, как торжество атеизма в народных массах, приходится ли нам обвинять безбожников? Кто виноват: стадо или пастыри?

Вот почему мне думается, что на вопрос о причинах сегодняшнего положения РПЦ однозначно ответить почти невозможно. Разве что в нескольких томах. Однако, поскольку каждый из нас имеет какие-то личные соображения на этот счет, я просто попытаюсь поделиться своими, подчеркнув только, что отсутствие места вынуждает меня раскрывать лишь выводы, следствия размышлений, но не ход самих этих размышлений как таковых.

Современный кризис Русской Православной Церкви коренится в целом ряде важных факторов российского прошлого. Это:

- особенности принятия и существования христианства в России;
- особенности русского национального характера и душевного строя;

- особенности православия вообще и русского православия в частности;
- особенности вопросов, волновавших Русскую Церковь и русское общество.

Вполне осознавая, насколько серьезны поставленные здесь пункты, я все же попытаюсь теперь раскрыть каждый из них так, как это понимаю, не вдаваясь в многочисленные частности, каковых, конечно, весьма много и которые гораздо более серьезны и значительны, чем это может показаться на первый и даже на второй взгляд.

Едва ли не основной причиной всех исторических и современных "минусов" Русской Церкви, а следовательно и русского общества я считаю *совсем недавнее принятие Россией христианства*. Лично для меня "корень всех бед России" именно в этом. . . но именно в этом и надежда на будущее (и всегда наличествующее в потенции) возрождение и Русской Церкви, и русского общества, и России. Ибо позднее принятие Русью Христова благовестия — не вина страны, даже не беда ее, но просто: объективный исторический факт. Который всегда следует учитывать и иметь в виду.

Под особенностями существования христианства в нашей стране я подразумеваю тот факт, что в России не только был в первое время осуществлен, как и во всех других странах, компромисс с язычеством (и в этом смысле константиновскую эпоху, видимо, следует именовать эпохой не христианских царств, но христианизированных царств и народов), но и то, что этот компромисс, именно в силу позднего принятия христианства вообще, существовал чрезвычайно долго — практически до нашего времени. *Россия всегда была христианизированной, а вовсе не христианской страной*. И это опять же не вина, не беда, а объективный факт; кроме того, подобную характеристику можно отнести далеко не только к одной России и далеко не только к странам православной культуры.

И второе: если поначалу церковнославянский язык и облегчал понимание Св. Писания и богослужения (хотя и здесь таились свои соблазны: ведь наличие латинского, или, например, арабского языков не исключает глубокого понимания теми или иными католиками или мусульманами Библии или Корана), то со временем он, наоборот, превратился в своего рода барьер между народом и Словом Божиим. На современный русский язык Библия была переведена лишь около ста лет назад; таким образом, если может идти речь о христианизации России, то о евангелизации нашей страны и населяющих ее народов почти и говорить-то не приходится. Исключая отдельных христиан, каковые были на нашей земле в X, равно как и в XX веке, русская

масса в своей основе до сих пор почти не евангелизирована. Когда же она пыталась "самоевангелизироваться", то, как и в других странах, это приводило к возникновению сект и ересей.

Прежде чем перейти к особенностям русского характера, следует оговорить, что в понятие "русские" я включаю все три ветви восточнославянского племени (белорусов, великороссов и украинцев) и всех хотя бы частично (на уровне языка, быта, культуры, образа мышления, крови, даже только среды проживания) русифицированных представителей иных народов — в первую очередь евреев, затем немцев, поляков, угрофиннов, кавказцев, татар и т. д., каковые неизбежно, хотя и незаметно для себя наследуют — таково мое личное убеждение — основные архетипы русской "психеи", несомненно сочетааясь в самых разнообразных структурах с собственными национальными архетипами и всем этим в целом постоянно обогащая "общерусский" или российский тип. Иными словами, под русскими в широком смысле слова я понимаю не только "белокурых-славян-великороссов-православных", как под американцами подразумеваются не только "белые-англо-саксы-протестанты".

Сделав такое вступление, остается объяснить, что же понимается под особенностями российского национального характера и душевного строя, вернее, какие их черты оказали влияние на формирование русской религиозности, русского благочестия и Русской Православной Церкви.

На мой взгляд, таких основных черт две. Первая — национальная специфика русской (или, если угодно, российской) души и характера заключается в *неумении идти средним путем*, в постоянном бросании в крайности. Это то, о чем писал в конце XVII в. тонкий наблюдатель России, хорватский католический священник, русский писатель и предтеча позднейшего славянофильства Юрий Крижанич: "Не умеют наши (русские) люди ни в чем держаться меры и идти средним путем, а всегда плуτούν в крайностях и погибелях". ("Беседы о правлении"). Эта черта, признаваемая и многими отечественными мыслителями и иностранцами, связана, видимо, в том числе и с какой-то глубокой внутренней закомплексованностью, неуверенностью в себе, в свою очередь вызванной как раз предыдущим фактом позднего приобщения к христианству, т. е. и к мировой цивилизации. "Нет у нас природной бодрости духа и некой благородной и славной осанки или дерзости и воодушевления, чтоб мы с достоинством относились к самим себе и к своему народу", — восклицает с горечью тот же Крижанич. Именно поэтому, как мне кажется, россияне (из великороссов или украинцев, евреев или татар...), обращаясь к православию, готовы принимать его

в любых самых косных и консервативных формах, подменяя живого Иисуса этнографизмом или культом отцов церкви, покорно принимая сергианскую (а вовсе не иосифлянскую, кстати) доктрину о подчинении любым властям, враждебность к инославным и страх перед новыми формами религиозно-церковной жизни — иными словами, принимая традицию, они принимают ее, как правило, в крайней форме и некритически.

Именно поэтому же россияне, не удовлетворяясь существующей формой церковности, или осознав многие недочеты современной им Церкви, из-за того, как писать имя Иисус, могли уйти в раскол, или по любым иным причинам (и важным, и неважным) переходить в соседние исповедания христианства — только не оставаться там, где их поставил Господь, ибо последнее требует упорного, повседневного, незаметного и даже "серенького" труда.

Именно Россия дала наиболее яркие проявления религиозных самоубийств (самосожжение старообрядцев), которые оправдывались их апологетами именно нетерпением и жадой решительных действий: "Как уже сгорел, ото всего уже ушел!" Иначе придется "и поститься, и кланяться, и молиться; а если в огонь — тут и все покаяние: ни трудись, ни постись, разом в рай вселись; все-то грехи очистит огонь". (Старец Евфросин. "Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей". 1691 г.). И наконец, только Россия породила такое явление, как христианская (!) секта скопцов.

Вторая черта, на мой взгляд, не менее важная, берет начало в специфике славянской общины с ее всеобщим равенством (в отличие от романской и германской, где изначальное неравенство требовало тщательной кодификации внутриобщинных отношений). Этот фактор в дальнейшем обусловил недоразвитость в восточнославянских обществах таких понятий, как общественный договор, права личности и т. д. Нас интересует здесь следующее: *аморфность общественного сознания и неразвитость идеи личной ответственности* (перед Богом за общество и перед обществом за Бога и ближнего). Отсюда опять же легко осуществляемый уклон в некритический традиционализм или любую форму инославия с одной стороны, с другой же — стремление подменять личные отношения со Христом внутри своей Церкви (а всякие личные отношения подразумевают и известный юризм и ответственность) эстетизмом, обрядолюбием, "красотой", утонченностью — в том числе и утонченным аскетизмом, — либо любым "идеологизмом", будь то защита старины, восхищение римской вселенскостью или протестантской общинностью.

Под особенностями православия вообще я разумею в данном случае: а) отсутствие замкнутой догматической (можно даже: рационализированной) системы; б) отсутствие единоначалия в Восточной Церкви, существующей, несмотря на всеобщее признание первенства за константинопольским патриархом, в виде целого ряда Поместных Церквей. Оба пункта имеют и свои сильные и свои слабые стороны. Будучи православным, я верю в эти сильные стороны, вижу их и их принимаю. Будучи православным же, я не могу не отметить и слабых сторон этих пунктов, тем более, что именно они, как мне кажется, повлияли на современную кризисную ситуацию в РПЦ.

Отсутствие четкой догматической системы может приводить — и приводило в Византии, и трагически привело в России — к путанице в вопросе о том, кому принадлежит высшая административная и даже догматическая власть в Церкви — патриарху, синоду, архиерейскому собору или вообще императору. Я говорю не о том, что эта сфера в православии не разработана, а о частных конкретно-исторических разрешениях проблемы.

Отсутствие единоначалия в сочетании с предыдущим пунктом может вести — и приводило — к "национализации" Церкви, к отождествлению церковности и народности, следствием чего явилась *беззащитность поместной церковной иерархии перед "поместной" национальной светской властью*, пусть даже и именуемой христианской. С другой стороны, здесь всегда таится еще и та опасность, что как только на очередном зигзаге истории народ удастся убедить, что его "народность" в ином, как Церковь лишится большинства своих членов.

Под особенностями русского православия в частности я разумею: а) Изначальный довольно сильный раскол Церкви и мира в стране — утонченный византийский аскетизм монашества в полуязыческой массе; б) Вследствие потери независимости при татарском иге — быстрая "национализация" веры и Церкви, отождествление православной церковности с русской народностью; в) Вследствие Флорентийской унии 1439 г. и падения Византии греки начинают рассматриваться на Руси как наказанные за отступничество и падшие, так что светильник подлинного благочестия стал признаваться только за Россией. Церковь у нас окончательно становится национальной, а следовательно попадает в зависимость от национальной светской власти; тот факт, что РПЦ активно поддерживала княжескую власть в борьбе против Орды и за национальное единение страны, постепенно глубоко закрепляет традицию подчинения Церкви христианизированному русскому кесарю. А если он дехристианизируется? .. г) Отсюда возникновение соблазнительной теории о "Москве—Третьем Риме", т.е. о

России как о единственной хранительнице христианского правоверия, которая в конечном счете служила лишь дальнейшему усилению светской власти, понимавшей теорию все более односторонне, так сказать "по-мусульмански": "Если Москва все равно Третий Рим, и Четвертому не бывать, то остается лишь хранить то, что есть, да присоединять хотя бы и насильственным путем к числу заведомо спасенных россиян новые земли и новые народы — для их же блага". (Следует оговорить, что это не цитата, а моя собственная интерпретация); д) В результате всего вышесказанного князь официально, почти канонически становится земным покровителем русской Церкви, а РПЦ начинает зависеть от него целиком и полностью. И хотя совершенно понятно, что причиной этого была сложная историческая обусловленность, а также что подобное положение складывалось далеко не только в России, наши сердца болят за нашу Церковь, и речь идет именно о ее нынешнем кризисе. Очевидно главное — на деле и небесным и земным покровителем Церкви может являться и реально является только Иисус Христос.

Наконец, об особенностях вопросов, волновавших Русскую Церковь и русское общество. Следует прежде заметить, что, возможно, вопросы, о которых пойдет речь, занимали и другие поместные Церкви, как западные, так и восточные. Мне неведом круг проблем, казавшихся жизненно важными для христиан Кипра, Португалии, Эфиопии или Австралии. Однако, мне думается, что подобно тому, как каждому человеку присущи только его болезни, комплексы, переживания, фобии, только его индивидуальные "проклятые вопросы" или интересы, так и каждый народ во Вселенской Церкви избирает вольно и невольно свой определенный круг проблем, в рамках коего и развивается его религиозное творчество.

Лично мое мнение таково, что для России и россиян самым волнующим, даже мучительным вопросом был вопрос о соотношении Церкви и мира, причем, именно в силу той самой нашей национальной склонности к крайностям, в решении этого вопроса преобладало то отрицание мира, то отрицание Церкви. Вопрос о соотношении Церкви и мира в целом и более узко — церковной и светской властей — особенно ярко был проявлен в полемике между иосифлянами и заволжскими старцами (XV—XVI вв.), хотя поднимался достаточно остро уже и в XIV в. (учение инока Акиндина о реальной власти князя над епископом; спор митрополита Киприана с Димитрием Донским). Борьба стяжателей и нестяжателей, полемика Курбского с Иоанном Грозным, патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем — "что выше, священство или царство", — старообрядцев с

никонианами, поповцев и беспоповцев внутри староверия — все основные споры, раздиравшие русское общество в допетровский период, имели основным своим камнем преткновения вопрос о Церкви и мире, духовной и светской властях. В западной и полусекуляризованной петровской России этот же спор косвенно ощущается в полемике Феофана Прокоповича со Стефаном Яворским.

Не решенный по-настоящему русскими православными христианами до сих пор, этот вопрос явился причиной двух трагических явлений Санкт-петербургского периода нашей истории, прямо обусловивших современный кризис РПЦ: а) Окончательное подчинение "священства" "царством", Церкви — мирской властью, миром; ликвидация патриаршества и низведение духовенства до роли обычных государственных чиновников, к тому же еще и лишенных достаточных средств для нормального существования — что крайне подрывало авторитет РПЦ; б) Образование в российском обществе новой квазирелигиозной секты (или "ордена"), объявившей в результате войну и царству, и священству — интеллигенции.

Итак, причины сегодняшнего тяжелого и кризисного положения Церкви в России, на мой взгляд, в том, что во время страшной все-русской смуты XX века, пассивно тянувшейся и до сего дня, РПЦ не смогла, как в былое время, сыграть роль духовного стержня народа как в силу многонационального, имперского характера всей страны (результат неправильно понятой миром доктрины "Москва—Третий Рим"), так и оттого, что ее авторитет в народе был чрезвычайно сильно подорван сведением церковного аппарата к одному из государственных ведомств; а также тем, что три последние века из Церкви уходили, по-своему решая вопрос об отношении к миру, в большом количестве весьма энергичные и полные сил люди (вначале раскольники, затем интеллигенция), причем и те и другие обычно объявляли войну и светской и духовной властям — надо признать, что победили они все-таки только светскую. Причины этого ухода здоровых сил из Церкви, а также подчинения последней государству коренятся, как уже говорилось, в тех исторических, культурных и психологических факторах, о которых было написано выше.

В силу тех же самых причин РПЦ, как мне думается, не смогла и не может адекватно сопротивляться атеистическому хилизму марксизма, как сила национальная, но смогла и может сопротивляться ему, несмотря на самые страшные гонения, на подкуп и плененность, потому, что является Телом Христовым, потому что в ней дышит Св. Дух, т. е. сила религиозно-мистическая.

3. Были ли в истории РПЦ времена, похожие на нынешнее время?

Если брать за критерий тот факт, что РПЦ была когда-то безусловным духовным стержнем для большинства населения России, что православие было той закваской, на которой создавалась и русская культура, и русская общественность, и русская государственность, то, наверное, надо признать, что ситуация, подобная сегодняшней, имела место в истории России и РПЦ только в X и XI вв., когда подавляющая масса населения страны, как и сейчас, была и не христианизирована и тем более не евангелизирована.

В каком-то смысле так и есть: попытка компромисса с язычеством ("христианские царства" константиновской эпохи) закончена, ситуация вернулась "на круги своя", и РПЦ, все же гораздо более влиятельная и обогащенная опытом, чем в X—XI вв., имеющая национальные корни и значительно преобразившая за эти десять веков духовный, культурный и социальный климат страны, должна теперь продолжать работу по евангелизации народов России без поддержки каких бы то ни было внешних, земных институтов.

С другой стороны, и когда РПЦ безусловно была национальной Церковью для большинства населения страны, в ее истории бывали достаточно кризисные времена. "Приведут ко мне мужика (ставиться в попы или диаконы), — жалуется на состояние Церкви в XV в. старший современник св. Иосифа Волоцкого новгородский архиепископ Геннадий, — я велю ему Апостол дать читать, а он и ступить не умеет; велю Псалтирь дать, — и по тому еле бредет... Я велю хоть ектениям его научить, а он и к слову не может пристать: ты говоришь ему одно, а он — совсем другое. Велишь начинать с азбуки, а он, поучившись немного, просится прочь, не хочет учиться... А если отказаться посвящать, мне же жалуется: такова земля, господине: не можем найти, кто бы горазд был грамоте". (Цит. по: П. Милоков, Очерки по истории русской культуры, т. 2, Спб., 1899, стр. 17). В следующем веке один из основных авторов теории "Москва—Третий Рим" старец Елеазарова монастыря Филофей пишет, что "Русия царство аще и стоит верою в православной вере, но добрых дел оскудение и неправда умножится... Все уклонишася вкупе". ("Послание к великому князю Василию Ивановичу"). О вопиющей безграмотности и духовенства и мирян свидетельствует Стоглавый Собор 1551 г.: "Ставить хотящих во дяконы и в попы ставиться, а грамоте мало умеющих, для святителей сопротивно священным правилам. А если не поставит, то святые церкви без пения будут, а православные христиане учнут без покаяния умирать... (А если спрашивают) почему мало

умеют грамоте, они ответ чинят: "Мы де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а больше нам учиться негде: сколько отцы наши и мастера умеют, по тому и нас учат". А отцы их и мастера их и сами потому мало умеют и силы в божественном писании не знают, что учиться им негде. А прежде сего в российском царствии на Москве и в великом Новгороде и по иным городам многие училища бывали". (Стоглав, гл. 25). Скажут, что эти примеры свидетельствуют в основном о низком уровне церковной образованности. А разве это не первейшее и очевиднейшее свидетельство кризиса? Кроме того, "Стоглав" вообще рисует далеко не радужную картину состояния РПЦ; вспомним, что именно в этот период ее первоиерарх св. Филипп принял мученический венец от убийц Грозного и Скуратова, до самого конца не отступив перед мирской властью в обличении ее зла и неправды. В следующем, XVII в. мученичество принимает в Смутное Время уже патриарх (св. Гермоген); кроме того, это век церковного раскола, а в Юго-Западной Руси — насильственного насаждения униатства (я имею в виду не тех, кто принял унию добровольно, а именно то, что сказал). Эти же процессы происходили и в Северо-Западной Руси: известно, например, что полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич силой отбирал церкви у православных, подвергал аресту священников и требовал запрещения всяческих "сборищ" православных под предлогом, что они собираются не для молитвы, но для обсуждения мятежных действий против правительства (аналогии очевидны). До 1632 г. РПЦ в Речи Посполитой даже не признавалась легальной.

Гонения на Русскую Православную Церковь "просвещенным абсолютизмом" Екатерины, а до нее Петра, общеизвестны, равно как и бедственное положение РПЦ в XVIII столетии в целом. Необязательно даже обращаться к историкам; подлинными представителями российской культуры конца XVIII — начала XIX вв. прекрасно осознавали все зло и всю пагубу для страны этих притеснений. "Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени, — писал А. С. Пушкин. — Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии. . . Жаль! Ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер". (А. С. Пушкин, "Заметки по

русской истории XVIII века", ПСС, в 6 тт., т. 6, М., 1950, стр. 10).

Можно было бы привести гораздо более систематизированные и разнообразные высказывания; но это не научный трактат. В истории РПЦ были времена, похожие на нынешние: в целом — в начале истории христианской Руси; в частности — от времени до времени на протяжении почти всей ее истории.

4. Если были, то каким образом РПЦ смогла преодолеть и выстоять времена неблагоприятные?

В каждой конкретной кризисной ситуации были свои конкретные пути выхода из кризиса. Однако, они становились до конца ясны лишь со временем — потомкам. Видимо, есть и какие-то конкретно-исторические пути преодоления и нынешнего кризисного состояния РПЦ; о них прочтут в учебниках или напишут сами наши правнуки.

Если же попытаться найти более общий ответ, то мне кажется, что РПЦ, как и всякая иная Поместная Церковь, с одной стороны, всегда имеет потенциальную возможность обновления благодаря животворящему ее Св. Духу, а с другой — это обновление становилось действительным и времена неблагоприятные преодоленными, когда РПЦ, несмотря на казалось бы безвыходное положение, продолжала "приносить плод в терпении" (Лк. 8. 15), стремилась поверх всех политических и идеологических систем и теорий (в том числе и своих собственных) твердо и спокойно созидать в своих детях внутреннего Христа, со-работать Христу в деле преобразования и обожения мира.

Иными словами, Церкви вообще и РПЦ в частности тогда удавалось преодолеть внутренний кризис, когда она поднималась высоко над заботами века сего и вновь заглядывала в глаза Иисуса, вечно устремленные на нее как на Свою Невесту и на каждого ее члена как на Своего сына.

Этот ответ может показаться со стороны довольно-таки абстрактным, но для меня он более чем конкретен.

5. Если на ваш взгляд обстановка неблагоприятна, что вы предлагаете?

Это очень хороший вопрос. Дело в том, что люди часто склонны относиться к подобного рода вопросам полуиронически — "что мол от нас-то зависит!" На самом же деле каждый действительный христианин обязан иметь альтернативное решение современному кризисному положению, решение обдуманное, пережитое, пропущенное "через

себя” и осуществляемое всей своей жизнью. Когда нас спрашивают, что мы предлагаем, не надо думать, что раз наше мнение не примет немедленно на вооружение патриарх или архиерейский собор, то оно не имеет никакого значения. Оно имеет огромное значение — для нас самих, а быть может и для некоторых наших братьев по вере, умеющих прислушиваться к чужим мнениям.

То, что предлагает каждый из нас, он предлагает в первую очередь самому себе. На большее не претендую и я, хотя готов выслушать встречные мнения и постараться совместно прийти к общему решению.

В настоящее время перед РПЦ стоят весьма остро две задачи, поставленные не столько известным кризисом, сколько временем вообще.

Первая из них — задача по формированию активной христианской общины. Время отождествления православия и русской народности (к счастью или к несчастью, не знаю) кончилось. Мирская власть в стране отныне открыто именуется себя антихристианской, лишив Церковь своей традиционной поддержки. РПЦ, всегда привыкшая опираться на местную национальную власть, не знающая иных традиций, кроме цезарепапистских, отныне оказалась предоставленной сама себе, да еще в лапах враждебной и агрессивной структуры. И вот именно в этих тяжелых — но далеко не безнадежных — условиях и должна теперь РПЦ перестраиваться внутренне, вновь обретая действенность и энергию, требуемые от каждого свидетеля о Христе. Сейчас эта перестройка только начинается; в этом смысле мы живем в некотором “пересменке” (отсюда и кризис), который, несомненно, минует. Привыкшая полагаться на светские общественные институты христианизированного кесаря, РПЦ не развила в себе духа общинности, свободного общинного самоуправления, необходимого для достойного, активного и спокойного самостоятельного существования. Католичество в общем представляет собою одну наднациональную (хотя и категорически не антинациональную) четко организованную общину верных; протестантизм, наоборот, распадается на множество мелких самоуправляющихся не менее четко организованных общин; православие же традиционно оставляло мирскую, социальную сферу за христианизированным государством — особенно это относится к РПЦ, к России с ее пристрастием к крайностям и глубоким расколом между Церковью и миром.

Означает ли это, что православие чем-то “хуже” перечисленных выше братских конфессий? Ни в коем случае. Плоды православной духовности — в том числе российской, русской — достаточно очевидны,

чтобы тратить время на их доказательство. Пусть те, кто их отрицает или подвергает сомнению, заглянут в собственную душу: там, а не в православном исповедании христианства отыщут они причины этого неприятия. Наоборот, сейчас перед православием открывается — хотя того или не хотят иные излишне ретивые ревнители старинного благочестия и благолепной пассивности и косности — новая чудесная страница активного религиозного творчества в социальной сфере. Тем более, что РПЦ все равно превратилась в одну из религиозных общин, пусть даже до сих пор самую крупную в государстве.

Таким образом, лично мое мнение таково, что будущее в РПЦ — за христианством активным и деятельным, так сказать, за “православными-инициативниками” (как есть “инициативники” баптисты и адвентисты, хотя наименование это, конечно же, условно). Но деятельность и активность, во-первых, ни в коем случае не должны подменять внутренней душевной и духовной работы, умного делания, созерцательной и мистической жизни. Речь может идти лишь о гармоническом сочетании обоих видов деятельности. Деятельность и активность, во-вторых, должны быть направлены не слепо вовне и уж тем более не на политическую борьбу (здесь я совершенно не согласен с былыми установками о. Дм. Дудко, хотя и продолжаю уважать его как борца и после его телепокаяния). На что же должны быть они направлены? *На внутрицерковное строительство.*

Поскольку вопрос о роли епископов, священников и мирян задан отдельно, будет достаточно ограничиться лишь объяснением, что под всем этим имеется в виду конкретно. Представляется реально осуществимым, безопасным (при достаточном уме и осторожности), действенным и весьма быстро приносящим плоды путь созидания многочисленных мелких общин *активных мирян*, находящихся в контакте с одним или несколькими священниками, а через них, быть может, и с отдельными епископами. В зависимости от личностных особенностей их организаторов или участников эти общины могут насчитывать от трех до двадцати человек; каждый их участник и участница должны вести регулярную и интенсивную личную церковную жизнь, иначе пропадает смысл таких общин (посещение богослужения, ежемесячное причастие и исповедь, напряженная молитвенная жизнь, самообразование в интересующей церковной сфере, какая-либо индивидуальная работа для Церкви и конкретно своей общины). Чрезвычайно важно, чтобы эти малые общины были не просто собраниями “христианских активистов и активисток”, но и — не боюсь этого слова — тесными и дружескими компаниями. Разумеется, речь опять же идет не о подмене общинности “компанейскостью”, а братских

трапез дружескими пирушками, но о том духе подлинной братской любви, который приводит к тому, что люди постепенно просто не могут не видеть друг друга, не собираться во имя Христа, не идти вместе по жизни, не делиться сообща и радости и горести и даже "серую" повседневность ("цвет" повседневности, кстати, тоже зависит от нас самих). В нашей стране законодательно и в нарушение элементарных норм законности и свободы совести запрещено верующим устраивать молитвенные собрания, библейские и любые другие кружки и группы (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. "О религиозных объединениях"). Но никто не может запретить друзьям собираться хотя бы и регулярно, никто не воспрещает компании близких людей посвящать какое-то время совместной молитве или совместно-му чтению и толкованию Писания.

Эти общины призваны не заменять собою церковно-приходскую жизнь, но дублировать ее, поскольку последняя в настоящее время пока что не может развиваться свободно. Иначе говоря, эти малые общины — не "альтернатива нынешней Церкви", но сама эта Церковь; они должны существовать с ведома и благословения священства, а по возможности и епископата. Впрочем, последнее — дело будущего и особенно гнаться за этим не следует.

Хорошо также, если каждая из этих общин со временем поставит перед собою какую-либо определенную цель (специализация), а также если каждый или почти каждый член такой общины будет ходить и еще в какую-нибудь (взаимосвязь между общинами) — все это будет способствовать созданию одновременно и плюралистичного и единого в главном церковного организма, постоянно обогащающего самого себя. Кроме того, это создаст действенную и живую среду для поступательного роста православных кругов (роста и вверх, и вширь, и вглубь), среду, само существование которой облегчит и христианское формирование наших детей, и приобщение к Церкви новых людей извне, и возможность тайно, но эффективно воздействовать даже на общественную жизнь. Христиане *обязаны* составить "всемирный заговор" — "против духов злобы поднебесных" (Еф. 6. 12) и князя мира сего, который окончательно ныне "изгнан будет вон" (Ин. 12. 31).

Само собою разумеется, что новокрещенный не обязан "сломя голову" бросаться в "общественную деятельность". Существует множество человеческих типов, характеров, особенностей; дело лишь в том, что Церковь существует тогда, когда христиан двое или трое... И пока личность не решит как-то свои индивидуальные отношения с Богом и ближними, с Церковью и традицией настолько (ибо решать

их приходится всю жизнь), чтобы стать способным выходить на проповедь и труд, не может быть разговора о положительном участии в строительстве Православной Общины. Дух любви, радости, мира, долготерпения, благодати, милосердия ни в коем случае не может подменяться соблазном "общего дела", трудная и трезвая глубина соборности — сомнительной привлекательностью "православного коллективизма".

Вторая задача, вставшая сейчас вообще перед мировым христианством, а следовательно и перед РПЦ, как частью Апостольской Церкви, определяется посредством всего двух слов: "церковное единство". Я подчеркиваю: не объединение, а единство. Все попытки унии между Западом и Востоком (во всяком случае, что касается РПЦ) терпели неудачу. Это оттого, что всякая уния есть явление внешнего характера, тогда как подлинное объединение может быть только *внутренним*. Нельзя не согласиться с мнением папы Иоанна-Павла II о том, что "единение христиан осуществляется не иначе, как через глубокое созревание в истине и через постоянное обращение сердец". (Символ, № 4, с. 113). Именно поэтому сказано: не объединение, а единство. Ибо Церковь будет объединена лишь тогда, когда окончательно осознает себя внутренне единой. Осознавать себя членом единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, постоянно переживать и ощущать это религиозно в своем сердце, свидетельствовать об этом единстве перед своими братьями по вере, твердо бороться со всяким духом самозамыкания, разделения, отпадения или неверия — в этом, по моему мнению, состоит сейчас священный долг каждого христианина.

Этот вопрос чрезвычайно сложен: еще и потому, что искусственно усложняется. Дело в том, что среди российских православных в силу ряда уже упомянутых особенностей мышления и характера бытуют две крайности. И как всякие крайности, они обе неверны...

Одни православные братья наши под лозунгом охраны предания и церковной самобытности всячески отстаивают изоляционизм РПЦ и ее замкнутость на самой себе. Все прочие исповедания, даже братская Западная Церковь (а для некоторых — даже прочие православные церкви) объявляются ими враждебными или даже еретическими. Вся аргументация таких людей строится на системе натяжек, умолчания или на обыкновенной безграмотности; все, что они принимают за чистую монету, давно было подвергнуто критическому разбору и изжито передовыми русскими иерархами, богословами, церковными публицистами и историками уже к концу XIX в., и тем более в нашем столетии (назовем хотя бы трезвый анализ разделения Церквей в

1054 г. проф. М. Поснова в его книге "История Христианской Церкви").

Характерно, что эти наши братья, крепко замыкая "двери православия", чтобы к ним не проникла никакая свежая струя, зачастую сводят свое христианство к соблюдению буквы, устава, какой-нибудь второстепенной традиции (иногда даже и не традиции вовсе!). При подобной позиции часто отрицается богословское образование, деятельность в миру, иногда культура вообще. При подобной установке, снимающей ответственность за мир, неудивительно, что РПЦ как бы "терпит крах" в мирской сфере. Перед нами все тот же российский комплекс вражды к миру — то есть самое настоящее монофизитство. И при этом в еретичности подобные "монофизиты" всегда склонны обвинять других.

Другие, еще только вчера придя в православие (гораздо реже: прожив в нем много лет) и натолкнувшись на явно кризисную современную ситуацию, выбирают вторую крайность и переходят в католичество. Православие скоро становится для них "безблагодатным". Я твердо разделяю убеждение, что эта категория ничем не отличается от предыдущей. Обе группировки ведут к разделению и вражде, к бессмысленной трате энергии, сил, людей. Во втором случае слишком уж явственно просматривается "печеринский комплекс" ненависти к России,* которым, быть может, и должны переболеть мы все, но лишь для того, чтобы пережить и изжить его, чтобы выздороветь и переходить к созидательному труду единения, а не вносить новые зерна вражды и разделений.

Обвинять какое бы то ни было христианское исповедание в "безблагодатности" — это и есть самое настоящее богохульство, хула на Духа Святого.

* Как сладостно — отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирную денницу возрожденья!

Так писал за пять—шесть лет до своего перехода в католичество известный лидер нашей интеллигенции 30-х годов прошлого века В. С. Печерин (1807—1885). "Идти говеть по указу и причащаться св. Тайн без веры и с кощунством? До этого я не мог унизиться: мне это казалось первою подлостью и началом всех прочих подлостей, — оправдывал он свое неприятие России, и в другом месте говорил, — Вы призвали меня в Москву... Когда я увидел эту грубоживотную жизнь, эти униженные существа, этих людей без верований, без Бога, живущия лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, как животные... когда я увидел все это, я погиб! Я видел себя обреченным на то, чтобы провести с этими людьми всю мою жизнь... Тогда моим сердцем овладело глубокой отчаяние, неизлечимая тоска... Я покаялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему меня окружавшему!" (Замогильные записки, М., 1932, стр. 6—8).

Иисус призвал нас к Себе в России, через ту Поместную Церковь, которая здесь существует. История показала, что всякие попытки "привить" древо католичества на русской почве не только оказывались безуспешными, но и — в тех случаях, когда частично удавались — часто были насильственными и сопровождались разрушением русского национального типа (полонизация русин, мадьяризация карпатороссов). Быть принятым в российскую поместную общину Единой Вселенской Церкви и перейти затем в "юрисдикцию папы" — не означает ли отрицать за этой поместной общиной ее причастность к единой Церкви? Если так, то эта позиция несет в себе свое собственное опровержение, поскольку дает печальную возможность любым другим людям отрицать причастность к Единой Церкви всей римской юрисдикции или хотя бы тех же самых ренегатов из православия.

Такая позиция непоследовательна еще и потому, что как раз наносит жесточайший удар делу единения Церквей: ведь если все православные, ощущающие свое единство с Западной Церковью, будут решать проблему путем формального перехода, формальной смены юрисдикций (и если так же будут поступать все католики), то вместо единения будет осуществляться вечное "переливание из православного в католическое" и обратно.

Конечно, бывает, что человек вследствие тех или иных причин может испытывать "острую боль" оттого, что за литургией не поминают "Иоанна-Павла, папу Римского", он может принципиально желать читать открыто Символ веры с филиокве и признавать причастие действительным только на пресном хлебе. Наконец, человек может иметь сколь угодно много психологических или идеологических причин для перехода в католицизм. И вообще в конечном счете это его право. Но точно такие же идеологические, догматические и психологические предпосылки мы можем найти и у представителей первой крайности. Наконец, я прямо считаю, что сведение всего многообразия Церкви к одному типу благочестия, богомыслия и организации есть обеднение и в этом смысле искажение замысла Иисуса Христа о нас.

Владимир Вейдле писал: "Россия станет вновь Россией, только сделавшись снова европейской страной". (Безымянная страна, Париж, 1968, стр. 21). Перефразируя это высказывание, можно было бы продолжить: российские христиане вновь станут детьми Единой Церкви, только сделавшись снова по-настоящему православными. И наоборот: сделаются по-настоящему православными, лишь став внутренне детьми Единой Церкви.

Наша цель — воссоединение Православной и Католической Церквей, а не присоединение пусть даже большинства православных к

римской юрисдикции. Во всяком случае, я понимаю эту проблему так. И считаю, что это самое воссоединение должно прежде всего осуществиться в сердцах каждого православного и католика. Признавая за нашими православными право и на ту, и на другую крайность, я не могу в то же время не считать эти крайности крайностями, и лично для себя склонен твердо проводить в жизнь средний путь, намеченный в ответной речи вселенского патриарха Димитрия I папе Иоанну-Павлу II:

”Началась новая эра в развитии братского общения между двумя Церквями. Мы вступаем в новую эпоху, эпоху официального богословского диалога между Римско-Католической и Православной Церквями. Является ли этот диалог между Римско-Католической и Православной Церквями, начало которого мы сегодня благословили, нашей конечной целью? Отвечая на этот вопрос, мы оба можем сказать — нет. Более того, мы можем сказать, что нашей главной и конечной целью является не только единство наших двух Церквей, но и единство всех христиан в одном Господе и в одной Чаше”. (Символ, № 3, стр. 145).

6. Какова на сегодня роль мирян в Церкви? Священников? Епископов?

МИРЯНЕ. По всей видимости, традиционному разделению церковного народа на активных пастырей и пассивную паству пришел конец. Изживает себя и традиционная система приходов. Сейчас в РПЦ вернулось и возвращается очень большое число ее детей. В основном это люди, принадлежащие к образованному слою, в возрасте от двадцати до сорока лет. Они не могут официально поставить в известность общественность о своей религиозной принадлежности, так как это лишило их возможности учиться и работать на прежних местах. Поэтому эти люди не имеют возможности сочетать официальную работу на службе с официальной церковно-приходской работой. С другой стороны, руководство любого прихода состоит в основном из пожилых женщин, далеко не всегда единомышленников с пришедшими и даже доброжелательных к ним (хотя бы в силу возрастного и образовательного “ценза”). Со временем это положение, конечно, изменится, но сейчас оно таково. Мы безусловно должны стремиться “наполнять собою” существующие приходы, но в нынешних условиях этого не достаточно — таков смысл слов, что традиционная, прежняя система приходов себя изживает: на ее основе требуется некое активное обновление, действенная внутренняя перестройка (а ни в коем случае не разрушение).

Можно обратиться за историческим примером опять же к истории Западной Руси. Когда часть мирян и священства, большинство архиереев и многие монахи приняли там Брестскую унию с Римом, значительный процент православных не захотел к ним присоединиться. В эту ситуацию были привнесены чисто политические, человеческие моменты, и православные Западной Украины и Белоруссии стали подвергаться гонениям. Именно тогда заботу о возрождении православия, о распространении и печатании книг, подготовке и содержании хороших проповедников и богословов, всю культурную работу, а также самозащиту — а она может осуществляться лишь в полной солидарности — взяли на себя западно-русские церковные братства. Вот что пишет о них известный историк Западной России М. В. Довнар-Запольский:

”Братства — явление очень старое, едва ли не коренящееся в обычаях древней Руси. На Руси существовало обыкновение, в силу которого союзы, корпорации соединялись в какие-нибудь праздники; в эти праздники такое братство собиралось в общее собрание, причем готовилась братчина, т. е. мед, распитием которого заканчивалось собрание, а воск отдавался на братскую церковь. По-видимому, под братчиной разумелись союзы для разнообразных целей, в том числе и религиозных; по-видимому, братский праздник был иногда просто праздником целой сельской или городской общины, или цеха. Но к концу XVI века западно-русские братства, по примеру старейшего из них Львовского, возродились. Братчики делали в братство известные взносы, собирали деньги, недвижимые имущества. Целями братства были поддержание веры и единение в среде братства. В них не было деления на сословия, и родовитый шляхтич за братской трапезой или на братском собрании ни в чем не имел преимуществ перед бедным сапожником. Братства заботились о распространении образования, заводили школы, устраивали типографии. Они поддерживали ученых проповедников и писателей. . . Желая иметь духовенство соответственно своему религиозно-нравственному настроению, братства стремились к устройению собственных церквей и даже монастырей, так как право патроната давало им возможность избирать священников по собственному желанию. Братства также стремились к получению от патриарха ставропигии, т. е. освобождения от епископской власти. Братства таким образом явились “яко щит некий в помощь самой Церкви”, как выражается грамота александрийского патриарха Мелетия. Это — очень верная характеристика. Но надо заметить, что стремление братств к самостоятельности часто вызывало отпор в среде духовных иерархов. . . При всех этих братствах были школы, а при некоторых —

и типографии". (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В.П. Семенова, т. IX, стр. 99–100).

Подобные братства вновь стали возрождаться у нас в XIX и особенно в XX веках — свидетельство, что уже тогда миряне начали осознавать свою активную и ответственную роль в Церкви (об этом подробнее смотри в "Вестнике Русского Христианского Движения", № 131).

Приводя эти примеры, я вовсе не имею в виду буквальный перенос былых исторических реалий в наши времена. Я лишь хочу сказать, что активные организации мирян вполне присущи российской православной традиции. И более того. Даже если бы они и не были ей присущи, сейчас настали времена, когда они необходимы.

Несколько выше уже писалось о том, что понимается под подобными братствами в наши дни — малые общины деятельных мирян, пребывающих в постоянном контакте с приходским духовенством и через постоянное участие в таинствах — со всей Церковью. Выше подчеркивалось и то, что эти активность и деятельность должны сочетаться с созерцательностью, молитвой — с внутренним деланием. Да иначе и никакая внешняя деятельность не будет получаться, или заведет совсем в другую сторону, так что "вызовет отпор в среде духовных иерархов".

Мы, миряне — не просто "прихожане". Через таинство миропомазания мы получаем сан мирянина; св. апостол Петр ко всем нам обращает свои огненные слова: "Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет" (1 Петр. 2. 9). И в соответствии со всем этим у мирян есть особая миссия в Церкви.

Прежде всего — именно на нас возложена непосредственная задача по христианизации мира. Настало время совершенно прямо говорить об *апостольстве мирян* Русской Православной Церкви: мы члены Апостольской Церкви не только в смысле того, что она сохраняет апостольскую преемственность, но и в том, что наше прямое предназначение — быть апостолами.

"Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного" (Мф. 5. 16) — сказал наш Господь. "Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам" (Мф. 28. 19–20) — эти слова давно уже относятся не только к священству и епископату, нет, всех нас Иисус послал и посылает "проповедовать Царствие Божие и исцелять больных" (Лк. 9. 2), хотя понятно, что

в евангельском контексте применительно к св. апостолам все эти выражения имеют совершенно особый, уникальный смысл.

Что же понимается под апостольством мирян? Миряне должны: а) свидетельствовать о Христе в миру; б) быть орудием Церкви в миру. Постоянный и действенный контакт с пастырями необходим как раз для последнего.

Под внутренним деланием каждого мирянина понимается необходимость: а) исследовать Писание (Ин. 5. 39) и Предание, постоянно и планомерно самообразовываться в церковных и богословских дисциплинах под водительством опытных наставников (в том числе и воспитанных в своей среде) и высококачественных пособий, каких немало было издано у нас до революции, и немало издается сейчас обеими Церквами за рубежом; б) постоянно бодрствовать и молиться (Лк. 21. 36), трезвиться (1 Петр. 5. 8), приносить плоды духа (Гал. 5:22–23) в терпении (Лк. 8. 15), вообще неустанно и сознательно *употреблять усилие* в своей религиозной жизни (Лк. 16. 16; Мф 11. 12).

Мы можем также говорить и о своего рода *пастырстве мирян*: все мы должны стремиться стать хорошими проповедниками в прямом смысле этого слова и просить у Бога дар мудрости (Мф. 10. 16), чтобы быть достойными свидетелями о Христе и иметь возможность на высоком духовном уровне помогать другим приходить в Церковь и решать свои внутренние проблемы. А для этого прежде всего требуется сострадание и жертвенная любовь.

Под внешним деланием каждого мирянина понимается необходимость: а) строить внутрицерковную общинную жизнь вместе с духовенством, помогать в этом священнослужителям, быть их деятельными "агентами" в миру; б) участвовать в самостоятельной внутриобщинной работе, сознательно и направленно отдавать себя и свои душевные силы братьям и сестрам во Христе; в) используя свои знания, трудиться и для Церкви и в миру (в целях его конечного преобразования в духе Христа) там, где призваны и поставлены (1 Кор. 7. 20), и при этом всегда быть не от мира. Лично мне не близка позиция иных братьев, которые после принятия христианства сознательно бегут от мира в сторожа, лифтеры и т. д., хотя ничье право на подобные поступки оспаривать я, естественно, не берусь; г) вообще евангелизировать мир через наши повседневные занятия и заботы, наполнять светом Иисуса Христа и Его Духом быт, социум, культуру...

На первый взгляд это педантичное изобилие пунктов может вызвать протест. Но я убежден как в том, что мы *обязаны* ставить перед собой как можно более высокие и разнообразные цели, так и в

безусловной выполнимости всех пунктов. Естественно, что все это при условии активной христианской позиции. Если для человека христианство — просто мода, или если он ходит в храм и участвует в таинствах раз в полгода, если не знает вообще, что такое правильная индивидуальная молитва, то о какой его "деятельности" может идти речь? Да и христианин ли он вообще? Ведь первейшая наша деятельность — участие в литургии (что, кстати, и означает по-гречески "общее дело", "общественное служение").

Важно сказать и еще об одном аспекте. В наши дни мало кто приходит к Богу через традицию и авторитет. Приходя ко Христу, человек обычно сталкивается с Ним в глубинах своего сердца, а потом уже закрепляет свою веру через авторитет Церкви и укореняет ее в существующей традиции. Вот почему мы, как мне кажется, на первое место ни в коем случае не должны ставить обрядность или национальную традицию — хотя я ни в коей мере не выступаю ни против того, ни против другого. Не буква, а дух, не внешние формы благочестия, а личный контакт с Божественной Личностью, постоянно выверяемый с помощью духовника — вот что должно быть основой внутренней жизни всякого деятельного мирянина. А вся его внешняя жизнь, именно *вся* — должна быть ответом на Божий призыв. Могут возразить, что это требовалось от наших мирян во все времена существования РПЦ в истории. Это безусловно так. Но сейчас времена особые (они всегда особые!) — послеконстантиновская эпоха! — и требования должны быть повышенные. "Лучше больше, да лучше"!

СВЯЩЕННИКИ. Какова сегодня роль священников в Церкви? Чрезвычайно важная и высокая. Священники — не просто "требоисполнители" и даже не просто совершители таинств; это в полном смысле слова *духовные наставники*. Совершенно очевидно, что для такой ответственной роли не достаточно только иметь веру и знать требуемые чинопоследования. Конечно, в каком-то смысле священник — слуга мирян по образу Христа, Который "не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить" (Мф. 20. 28). Но это лишь одна сторона его служения. Прежде всего он предстатель перед Богом за мир, возносящий Ему приношения "от всех и за вся". Это та сторона, которой он обращен к Богу. Но священник — посредник между Богом и человеком, свидетель перед Богом духовного становления и духовной работы человека. Он неизбежно обращен также и к человеку, и в этом смысле обязан быть подлинным пастырем душ. Никакая безбожная власть, никакие беззакония и ограничения не могут ему служить в этом препятствием.

Являются ли сейчас наши священники в своем целом духовными пастырями общества? Многие бы ответили, что нет, не являются. Лично я с этим не совсем согласен. Какое бы ни было в настоящее время общее состояние приходского духовенства, оно, видимо, соответствует тем требованиям и запросам, которые предъявляются ему церковным обществом и обществом вообще. Повысятся запросы — повысится уровень духовенства в стране. Дело всегда не в "них", а в каждом из нас. Не в пастырях, а в народе.

Есть здесь и обратная связь. Вот почему отношение между мирянами и священниками я бы определил таким образом: они должны формировать нас, а мы — их.

Само собой разумеется, что священники всегда должны быть открыты мирянам и миру, они должны *хотеть иметь вокруг себя людей*, а не ждать пассивно, когда человек "приползет" в церковь. Если бы каждый священник сформировал вокруг себя группу близких ему активных мирян пусть даже числом в три-пять человек — какая это была бы сила! Разумеется, это лишь первый шаг, но ни в коем случае не конечная цель. Для вышеупомянутого же требуется постоянно повышать свой уровень в апологетике, догматике и пастырском богословии и стараться, наверное, пребывать в регулярном общении с другими священниками.

Каждый священник *обязан* проповедовать; в наших же условиях, когда число и открытых храмов и служащего духовенства насильственно удерживается небольшим, проповедовать должны были бы и дьяконы, и церковнослужители, и (по благословию) некоторые из активных мирян, что ни в коем случае не нарушает нашу традицию. Говорят, что в Римской Церкви каждый священник обязан ежедневно совершать евхаристию, даже если он и в одиночестве. Думается, что это замечательный и высокодуховный обычай, и нам, русским православным, следовало бы подумать о нем. Во всяком случае то, что он безусловно ведет к постоянному внутреннему росту священника, — очевидный факт.

Несколько выше писалось, что едва ли следует ставить на первое место обрядность или национальную традицию. Это не значит, что они не должны трезво и твердо стоять у нас на втором. И в этом священники остаются нашими учителями и водителями с одной стороны и слугами, помощниками — с другой. Малые общины активных мирян, о которых писалось, вообще всякие миряне необходимо пребывают в постоянной связи с духовенством, с послушанием принимая его советы и решения. Со своей стороны и священники должны поощрять активную и самостоятельную деятельность мирян, направ-

лять и развивать ее, формируя в нас чувство ответственности и перед собой, и перед Богом, и перед миром, и перед Богом в миру — Церковью.

ЕПИСКОПЫ. Роль епископов в сегодняшней РПЦ самая тяжелая. Епископы сегодня — это те князья Церкви, которые стоят между нею и безбожной властью, постоянно стремящейся Церковь подавить, поработить, в чем-то ущемить. Епископы — увьи! — должны уметь лавировать, идти на компромиссы и уступки, руководствоваться соображениями стратегии и тактики. А ведь их противники и гонители — партия профессиональных политиканов и заговорщиков, основным принципом своим изначально провозгласившая беспринципность путей и средств. Понятно, что в таких условиях иным епископам бывает не до небесной премудрости — столь озабочены они овладением премудростью земной. Епископы — внешняя сторона Церкви. Они и принимают на себя первый удар, именно их и пытается первым делом уязвить, разложить светская власть. И не всегда безуспешно. Уже говорилось о том, что власти за семь десятилетий удалось отчасти сформировать путем физического уничтожения, отбора, подкупа и постоянного давления требующийся ей "советский" тип епископа, о чем, в частности, писал еще в 1966 г. о. Всеволод Шпиллер. (Письмо митрополиту Никодиму, март 1966; опубликовано в журнале "Россия и Вселенская Церковь", Брюссель, 1966—67, № 4/70/ и 1/71/, стр. 57—84). Но не все наши епископы относятся к подобному типу. И явления такого рода в истории бывали не раз; Церковь их с успехом переживала: вспомним хотя бы Авиньонское пленение пап.

Мы можем только молиться за наших епископов, памятуя, что они рискуют потерять душу свою за нас.

Конечно, епископ остается и строителем церковной жизни в своей епархии; конечно, он должен стремиться всеми средствами обвести "вокруг пальца" уполномоченного по делам религии данной области и рукополагать все новых и новых священнослужителей; конечно, он должен стремиться быть блистательным и высокодуховным проповедником, а не просто сверкающим позолотой и источающим благоухание утонченным "князем", время от времени снисходящим до посещения приходов.

Но главное — епископ должен твердо знать, до каких пределов он отступает. Он обязан четко ощущать, где кончается кесарево и начинается Божие, и в случае, если кесарь требует себе последнее — быть готовым на мученичество. Однако сам я "в саккосе" епископа никогда не был и не считаю себя вправе говорить еще что-либо сверх того, что уже сказано. Единственное, что можно добавить — это повторить: мы

не имеем никакого права судить наш внешне пассивный и плененный епископат, поскольку не знаем, как бы сами вели себя на его месте; мы можем лишь ежечасно молиться о тяжелейшей миссии и судьбе наших архиереев. И помнить: христианство — религия Богочеловечества. Отдавая себя, епископы надеются не только на Христа. Они надеются и на нас. Оправдываем ли мы их надежды? Укрытые за их стеной, не просто ли отсиживаемся в уюте церковного полумрака и ароматах фимиама, фарисейски уверенные в собственной праведности и спасенности?

Что касается самого факта пассивности и плененности нынешнего епископата РПЦ, я склонен объяснять его как раз теми самыми причинами, которые изложены в ранее упомянутом целом ряде факторов российского прошлого.

7. Ваш взгляд на будущее Русской Православной Церкви?

Безусловно оптимистический. Как и всякую иную поместную Церковь, "врата ада не одолеют ее" (Мф. 16. 18). Христос с нами до конца времен. Даже если погибнет Россия — во что я, впрочем, тоже не верю, — РПЦ выстоит и будет существовать.

Но в то же время: если Россия, русский народ, российские народы не вернуться к Церкви, никакого возрождения, обновления и освобождения России не произойдет. Все останется так как есть и даже еще хуже. Общество будет продолжать деградировать и нравственно и физически. Ведь дело всегда в нас, а не в дурных властителях, даже если эти последние действительно дурны. А мы-то сами?

И хотя я верю в возрождение и воцерковление России в целом, можно сказать так: если что и останется из обломков России (в случае краха), то это будет Русская Православная Церковь.

Если говорить о непосредственном будущем, то уже сейчас видны симптомы преодоления кризиса. Это и массовый приток в Церковь свежих сил, людей, разочаровавшихся в ценностях, которыми жило в своем большинстве наше обманутое общество последние шесть десятилетий. Этот приток по-настоящему лишь начинается, и хотя многие идут в Церковь на гребне моды, даже если волна отхлынет, жемчуг останется. Если этот приток в Церковь будет столь же широк и глубок еще хотя бы десять лет — а остановить его может либо массовое гонение на верующих типа "ежовского", с физическим уничтожением и переполненными лагерями, либо резкое повышение материального уровня жизни в стране по типу США или Западной Европы, — то к концу столетия РПЦ будет, логически должна быть

одной из ведущих сил в нашем обществе. А сферам тайной деятельности христиан нет числа. Это и больницы, и детские сады, и школы, и суды. Наука и сфера обслуживания, искусство и литература. . . Наша цель, цель российских православных — христианизировать незаметно и постепенно общество "изнутри"; в тех же слоях, контакт с которыми у РПЦ на данный момент утерян, аналогичную работу ведут баптисты и адвентисты. И это тоже благо, ибо, во-первых, мы сами виноваты, что потеряли доверие определенных социальных слоев, а во-вторых, лучше собираться и петь псалмы, чем собираться и пить "на троих".

Следует также отметить, что новопришедшие в РПЦ не только вступили в контакт с активными силами духовенства, не только активизируют (хотя пока и медленно) прочее духовенство, но и начали поставлять кадры священников из своей среды, в чем им помогают некоторые епископы. Возразят, что число таких епископов мизерно. Это верно. Верна будет и гораздо более острая критика. Но ответ здесь один: все в будущем.

Мне представляется, что каждый народ в Церкви — Новом Израиле — переживает свою священную историю по типу истории Ветхого Израиля. РПЦ прошла через "египетское рабство" татарского ига и ныне переживает период "вавилонского пленения". Это гораздо более соблазнительное время, и не все захотят покинуть Вавилон. Но и Исход будет гораздо более велик и победоносен.

"Православие не только еще не выразило, но лишь начинает себя выражать на языке современности и для современного сознания", — писал о. Сергей Булгаков. Эти слова целиком и полностью можно отнести к РПЦ, которой, как институту, еще придется какое-то время приходить в себя после всероссийской смуты. Но которой, как и России, предстоит большое и долгое будущее. И творить это будущее во имя Христа — всем нам.

АРЕСТ ЗОИ КРАХМАЛЬНИКОВОЙ

ХРИСТИАНАМ МИРА

В ночь с третьего на четвертое августа после продолжавшегося несколько часов обыска на даче под Москвой была арестована и отправлена в Лефортовскую тюрьму Зоя Александровна Крахмальникова. Одновременно были произведены обыски на ее квартире и на квартире ее сына в Москве.

Зоя Крахмальникова — составитель религиозного сборника "Надежда", получившего благословение православных иерархов. В вышедших до ареста Крахмальниковой выпусках сборника публиковались творения Отцов Церкви, проповеди знаменитых православных пастырей, рассказывалось о жизни христианских подвижников нашего времени. Сборник, как не раз говорилось составителем, не преследовал политических целей, задачи его были чисто религиозными. До революции выходил журнал "Душеполезное чтение". И вот тем же чтением, полезным для души и удовлетворяющим неискоренимой человеческой потребности в духовной пище в условиях небывалой религиозной безграмотности, был сборник Зои Александровны Крахмальниковой. Что в этих стремлениях такого, что грозило бы подорвать государственный строй? Если человек, прочитав сборник, пойдет вместо пивной в церковь, если он будет работать не просто для заработка, а как бы для Бога, как призывали Святые Отцы, что в этом страшного для государства? А как стало известно, Крахмальникову обвиняют в хранении и распространении материалов, порочащих советский государственный строй. Чем же она его порочила? Неужели тем, что на страницах сборника помещались наставления пастырей о смирении, кротости, миротворчестве, духовной свободе, которую никто не может отнять?

Крахмальниковой нечего было скрывать, она и не скрывала, не пыталась выпускать сборники анонимно, пользоваться псевдонимами. Зачем скрывать нужное, доброе дело?

Может быть, ее арестовали не за христианские сборники, а за хранение клеветнических материалов? Но при обыске у нее нашли и изъяли религиозную литературу. Евангелие, например. Возможно, для людей, которые пришли ночью за Крахмальниковой, эта Книга

и является лживой, но составитель "Надежды" вправе не разделять это мнение, и за такое неразделение неужели она заслужила тюрьму?

Масса людей самого различного уровня и возраста просила Бога "дать здоровья и сил" составителю сборника, для них встреча с "Надеждой" была радостным событием, праздником. Многим сборник помог обрести веру.

Польза от сборника очевидна, вреда же он не принес никому. Но Зоя Александровна Крахмальникова арестована. Арест ее — потеря для сегодняшней религиозной России.

Но Крахмальникова не только религиозный писатель. Она мать и жена. У нее осталась дочь с маленьким ребенком, для которой помощь матери была весьма ощутимой, сын, который нуждается в материнских советах, муж.

"Блаженнее давать, нежели принимать".

До сих пор Крахмальникова давала, а мы брали. Теперь пришло время, когда дать должны мы. А что мы можем дать? Только одно. Молиться за нее. Мы просим ваших молитв. Давайте вместе молиться за рабу Божию Зою.

В. Левятов, В. Тарасенко, милостью Божией иерей Владимир Шibaев, М. Пробатов, С. Пробатова, И. Чердынцев, И. Фридлянд и др.

Зоя Крахмальникова с внуком Филиппом под Москвой, лето 1982

Несколько лет назад в московском Самиздате возник периодический сборник "Надежда". Его замысел — вернуться к традициям "Христианского чтения", того церковного журнала, который до революции много лет издавался в нашей стране. "Надежда" открывалась словами 50-го Псалма: "Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою!" — и вся была ими пронизана. Дух ее — радость о Господе. Здесь и прославление Пресвятой Богородицы, столь почитаемой в Русской Церкви, и поучения Святых Отцов, органично соединенные со свидетельствами современных верующих. Вот размышления о православном пастырстве, вот богословский очерк "Славянофилы и Церковь", документы, дневники, письма. Некоторые из них удивительны. Отправленные из ссылки двадцатых-тридцатых годов, никому не известные ранее, письма обреченных иерархов. Здесь, как издревле во всех мученических актах, нигде никакой "политики", но — свет и неколебимая глубина веры. Они — как живая весть о Христе, как исполнение Церкви — должны быть дороги всем христианам. Или вот целая книга на столь близкую нам тему: воспитание детей в Боге в нынешнем обществе. Или вот стихи и проза авторов, как правило, неизвестных, выдержанные неизменно в тоне "возвещенной хвалы". И многое в том же духе — собранное по крупицам, найденное в частных архивах, извлеченное из редких книг, отобранное у забвения. Каждый сборник подписан: составитель Зоя Крахмальникова.

Зоя Крахмальникова, работая в одиночку, создала небольшую, но по сути единственную библиотеку для чтения, предназначенную для сегодняшних читателей православной России. Их круг — по причинам внешним — не мог быть слишком широким, однако "Надежда", обращенная к рядовым членам Церкви, несла им тот хлеб, что духовно мог бы напитать миллионы. Она становилась и средством христианского общения, и воскрешением памяти церковной, в чем мы так реально нуждаемся. На пути "Надежды" Зоя Крахмальникова стремилась к возрождению подлинной, строгой и доступной православной культуры, и этот свой замысел она выражала не только в составлении сборников, но и в серии собственных статей, названной ею "Возвращение блудного сына". "Жатвы много, а делателей мало, — стояло в эпиграфе к этим статьям, — итак молитесь Господина жатвы, чтоб выслал делателей на жатву Свою". (Мф. 9, 37—38).

Вера Зои Крахмальниковой была обращена и к молитве, и к деланию "для Евангелия, чтобы быть соучастником его" (1 Кор. 9, 23).

В той среде, где у Церкви нет иного языка для благовестия, кроме языка богослужения и нечастой проповеди в стенах храма, она саму культуру, какой она ее видела, стремилась сделать церковной, благовествующей. Отсюда же и наставления культуре сегодняшней, и обличения ее — за отрыв от культа, уход из Церкви, забвение корней своих. Согласны мы или несогласны с таким истолкованием, несомненно одно: Зоя Крахмальникова явила нам делом подлинную причастность Церкви, она показала, что значит любить ее и служить ей. Ее "Надежда" была сегодняшней проповедью Евангелия, живым преданием Церкви, устами духовного опыта этого Предания, сложившегося уже в наши дни. На это дело она получила благословение православных иерархов и, как верим мы, самого апостола Павла. "Проповедуй слово, — писал он своему ученику, — настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием". (2 Тим. 4, 2). Зоя взяла на себя крест апостольского служения и всегда встречала благодарность тех, ради кого и несла его. И если ее дело получило издательскую поддержку за рубежом, то тем слышнее стало ее служение и тяжелее крест.

Зоя Александровна Крахмальникова в ночь с 3 на 4 августа была увезена в Лефортовскую тюрьму по обвинению в "изготовлении, хранении и распространении заведомо ложных и клеветнических материалов, порочащих советский общественный и государственный строй". За годы издания "Надежды" — никаких предупреждений, ни слова о клевете, — забрали, и все. На обыске были взяты большей частью религиозные книги, в том числе Евангелие, Библия, Часослов. Ее оторвали от всего, что было ей дорого — мужа, детей, четырехмесячного внука, книг, икон, родного дома, но не от веры и упования. Да не постыжает ее надежда и в нашей молитвенной помощи. Для Зои, умом и сердцем укорененной в Православной церкви, особенно важна теперь молитва ее епископов и пастырей. Для нее должна быть ценна молитва и память всех нас, верующих в Слово Божие и желающих его умножения. Ибо в молитве о пострадавших за Христа как раз и падают наши "перегородки, не доходящие до неба". Так помолимся все — в день святых мучениц ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ, ЛЮБОВИ и матери их СОФИИ, отмечаемый Православной церковью 30 сентября, — за Зою Крахмальникову.

Милостью Божией иерей Владимир Шибаев, Владимир Зелинский, Наталья Костомарова, Ляля Островская, Анна Островская, Димитрий Ханов, Наталья Колакова, Вадим Борисов, Надежда В. Бухарина, Вера Лашкова, Елена Мурина, Петр Старчик и др.

Когда огромная машина ГБ с лязгом и грохотом проводила продуманную, тщательно разработанную ночную операцию против нашей семьи — мне было стыдно: стыдно, когда дочь рассказала, как группа в пять человек во главе со старшим лейтенантом ГБ проникла в полной темноте (ни один фонарь на улице странным образом не горел) через никогда не запиравшиеся двери на нашу дачу, где, кроме жены и молоденькой дочери, только что успел уснуть наш четырехмесячный внук Филипп, а наш пудель Март и ухом не повел (у меня нет претензий к нему — ему пятнадцатый год, он привык, что в дом приходят только друзья, он всем рад). Мне было стыдно, когда шесть человек (майор, три капитана и два понятых с красными повязками на рукавах) остановили меня на нашей московской, тоже почему-то темной лестнице в 10 вечера, в руках у меня была сумка с продуктами, я торопился к 85-летней матери моего покойного друга Марка Щеглова (он умер четверть века назад), Неонила Васильевна осталась в этот вечер по нашей общей нерасторопности без продуктов. Мне было стыдно, когда в 4 ночи, в самый разгар обыска в нашу квартиру позвонили и вошла моя сестра Ида и наш сын Сергей, у которого только что закончился обыск (в его комнате без него взломали дверь, а когда в половине двенадцатого ночи его привезли, на столе уже лежали обнаруженные Евангелие, Библия и томики "Надежды" — наши подарки). Мне было стыдно, когда капитаны безопасности рылись в моем и моей жены письменных столах, перетряхивали белье, копались в письмах моей дочери и тряпочках Филиппа, когда забирали черновики, рукописи наших романов, повестей, рассказов, статей, складывали в холщевый мешок Библию, Евангелие, Часослов, Библейский словарь, книги Флоровского, Шестова, Н. Лосского, переписку Ходасевича и Берберовой с Гиппиус, "Защиту Лужина". Мне стало нестерпимо стыдно, когда в 8 утра, после закончившегося обыска я приехал на дачу, увидел за воротами следы разворачивавшейся машины, а за калиткой меня ждала моя дочь Зоя с Филиппом на руках. Зоя рассказала, что когда в 4 часа ночи маме предложили уйти с ними, она заявила, что никуда не пойдет, не может оставить в пустом поселке дочь и внука. "Мы знаем, что вы ничего не боитесь, — сказал старший лейтенант ГБ, — но мы вас возьмем силой". — "Вы наденете на меня наручники?" — спросила моя жена. "Мы вызовем милицию", — ответил старший лейтенант. "Ладно, мама, иди", — сказала моя дочь. И мою жену увели.

Мне было стыдно, как гражданину страны, в которой это сегодня возможно, и я несу полную ответственность за все, что у нас происходит. Несу ответственность, и никто не может снять ее с меня. Никто не сможет и я сам не смогу. Как гражданин, как русский писатель, как православный христианин.

Мой внук не запомнит этой ночи, он слишком мал, но может ли у меня быть уверенность в том, что он не увидит подобного через несколько лет, когда будет смотреть на мир разумно? В моей жизни все это началось в раннем детстве, и я крепко помню, как это было в доме моего отца. Мне было восемь лет, когда увели его — сорока лет, ученого в расцвете творчества, декана истфака МГУ, автора десятка книг — по истории Франции (его звали Григорий Самойлович Фридлянд) и забрали последнюю его работу, итог всей его жизни — огромный труд в сорок печатных листов, готовую рукопись. Больше мы не видели отца, но маме каким-то непостижимым чудом удалось вырвать книгу, наивная женщина, она увезла ее с собой в Архангельск, куда они пришли через полтора года, 10 декабря 37 года, в канун первых выборов в Верховный Совет. Я помню и этот ночной обыск, мне было уже десять лет: узкая комната-щель, которую мы снимали, как купе в поезде, с круглой дырой вместо форточки, затыкавшейся длинной деревянной пробкой. Рукопись лежала в плетеной корзине для белья, на самом дне, и мама долго, терпеливо, как не очень понятливому ученику, объясняла проводившему обыск следователю, что это за рукопись, как она важна и ценна, что ее нужно сохранить. "У нас ничего не пропадает", — вежливо ответил следователь. Они увели маму, а спустя двадцать лет, когда отец был посмертно реабилитирован, мне ответили из Архангельска, что за давностью лет рукопись не сохранилась.

Вот и сегодня они взяли с моего и моей жены Зои стола рукописи наших неопубликованных и начатых новых книг — первые, еще живые листы.

Мне действительно стыдно, но это наша судьба, наша жизнь, в которой нет и не может быть ничего случайного, я никогда не стал бы писать об этом, если бы это была моя личная судьба, несчастье моей семьи, факт моей биографии. Я пишу об этом, тем не менее, потому что за минувшие две недели — с тех пор, как моя жена Зоя Александровна Крахмальникова заключена в Лефортовскую тюрьму, за это время случившееся сложилось в более глубокое понимание, хотя мне всегда казалось, что я все это давно знаю и понимаю. Это не личная история и не факт моей биографии, мне хотелось бы, чтобы тот, кто будет читать эти строки, понял нечто более существенное,

природу того, что произошло, суть этого *бытового явления*, говоря словами Короленко. Но чтобы читатель понял меня, я должен кратко сказать о том, чем мы с женой занимались последние 10–12 лет. Думаю, это важно и представляет интерес никак не личный.

Профессиональные литераторы, много проработавшие (со середины пятидесятых годов) в нашей текущей литературе (в советских изданиях были напечатаны сотни наших статей, семь книг), прошедшие обычный путь современного русского интеллигента, литератора в 50–60-е годы, связанные самым тесным образом с нашей новой литературой в пору ее "оттепелей", "зажимов", в пору расцвета либеральной "Литгазеты" и радикального "Нового мира", мы пришли в Церковь, к Богу, ко Христу. Это обычный путь, если не думать о том, что тем не менее произошло чудо и Христос открылся нам. Может быть, нам помогла любовь к родной стране, сердечная боль за нее, любовь к родной земле, история которой никогда не была для нас учебником, но живой жизнью; может быть, нам посчастливилось встретиться с людьми, которые помогли увидеть то, что до поры было закрыто, может, у нас на столах появлялись книги, которые открывали то, что самим бы нам не открыть; может быть, мы очень любили нашу русскую литературу, мечтали жить и работать в ней, а она неотделима от коренных проблем нашей русской жизни. Как бы то ни было, но Христос открылся нам никак не умозрительно, мы встретились с Ним, увидели Его идущим и идущим по нашей земле. Встреча состоялась и переломила нашу жизнь.

Мы были полны сил, энергии, мы любили и хотели поделиться со всеми, кто нас окружал, тем, что у нас есть, чем нас одарили неведомо за что. Мы профессиональные литераторы и мы работали много. Может быть, можно было успеть больше, наверное можно было бы, и сегодня мне горько за каждый потерянный впустую день или час. Но мы много успели, за эти годы в нашем доме было написано, создано, составлено не мене 20 книг — романы, повести, рассказы, статьи, в которых рождалась новая литература.

Это самый трудный момент моего письма, а у меня все еще нет времени и места, где бы я мог должным образом сформулировать то, что и невозможно сказать о себе и о человеке столь мне близком. Но я тем не менее должен это сделать, потому что, повторяю, это не факт моей биографии, не личная история, а все вокруг молчат.

Принципиально новая литература, потому что *литературы религиозной* даже в нашей словесности никогда не было. Мы ничего не придумывали, ничего *не сочиняли*, мы жили своей новой православной

жизнью, существовали в традиции русской прозы, ближе других нам был Достоевский, а вся трудность была в том, что традиция обрушена, связи порваны, вокруг зияла пустота, а потому раньше всего следовало эти связи найти, пустоту заполнить — войти в традицию. Да, мы были неопитами, со всеми промахами и ошибками, причина которых в безоглядном горении сердца, но и со смелостью, которую дает сердечная вера во Христа. Мы были уже не одни, мы уже жили, пытались жить в Церкви, и делали все, что было в наших силах, чтобы наша работа стала церковной, чтобы преодолеть такой мучительный для нашей культуры соблазн творчества, чтобы вернуть нашу культуру в лоно Церкви.

Моей жене было мало такой чисто художественной работы, она знала, видела, ощущала, слышала, понимала жажду Христа, Христианского чтения в ситуации нищеты, голода и отсутствия Слова Божия — "Хоть какую-нибудь книгу о Боге, ради Христа!" Она не могла не ответить на эту жажду, на этот крик, на духовную потребность тысяч и тысяч наших соотечественников, задыхающихся без духовной пищи. Так родилась идея "Надежды. Христианского чтения", серии книг — хлеба насущного, который она за эти годы с благословения иерархов Русской Православной Церкви отдала в жаждущие и ждущие руки.

Это традиционные книги, они издавались в России с начала прошлого века, это были хорошие *душеполезные книги*, и они делали свою Христову работу. Но они выходили в православной стране, которую покрывали десятки тысяч храмов, сотни монастырей, духовных школ. "Надежда" была одна, в пустоте, в море атеизма, ничего не способного дать человеку. Но она впитала в себя наш трагический опыт, трагедию нашей Церкви — и это сразу подняло уровень этих новых книг. Они составлялись универсально, для самого разного уровня духовной жизни — от тех, кто впервые пришел в Церковь, до тех, кто давно укоренен в Православии. Они составлялись сдержанно, традиционно, чуть ли не консервативно, принципиально вне всякой политики, они принципиально не могли быть коммерческим изданием: слово о Божией Матери, уникальные для нас тексты Св. Отцов, пастырские послания и поучения наших подвижников благочестия, современное православное богословие, свидетельства наших мучеников, письма епископов, священников из ссылки, поразительные документы, авторы которых никогда не говорили о себе, но только наставляли в вере, укрепляли в благочестии и в духовной крепости — и так до последнего смертного часа, — свидетельства живой жизни нашей Русской Церкви, о которой что только не говорилось за последние сто лет, ответившей на ложь о себе невиданной в истории христианства

красотой духовного подвига, с которым могут быть сравнимы только первые века христианства. В "Надежде" были помещены и статьи составителя, З. А. Крахмальниковой, о православной культуре, статьи о трагедии культуры, ушедшей из Церкви, статьи о надежде для культуры, возвращающейся в Церковь.

Составитель работал один, и обычные трудности такой работы, особенно в наших условиях, усугублялись поразительным непониманием существа нашей работы. Слишком далеко ушло наше сознание из Церкви, слишком привыкло ко внешнему, сенсации, шумихе, всякого рода политике, модернизму. Эти книги сделаны на годы вперед, но и сегодня, в самое последнее время, "Надежда" нашла своего читателя, вышла на читателя. "Надежда" действительно читалась и читается нарасхват, переписывается от руки, я знаю множество случаев, когда именно "Надежда" привела людей в Церковь, к Богу, ко Христу. Силами верующих и на средства верующих христиан на Западе была предпринята попытка издания "Надежды", шесть выпусков "Христианского чтения" вернулись к нам, отпечатанные типографским способом. За все годы жизни "Надежды" (6–7 лет) власти *ни одного раза* не предупреждали составителя о незаконности ее работы — "Надежда" не нарушала закон, ее составитель жил и работал по христианской совести. "Надежда" и сегодня дает духовное утешение, укрепляет в вере, приводит в Церковь. Дело сделано, остальное в руках Господа.

И еще одно — не о моей жене и даже не о судьбе нашей работы. Если мы будем живы, мы будем делать то, что делать должны, к чему призваны, что способны делать. О другом, о моих коллегах — русских писателях. Так сложилась наша жизнь, что мы были в центре нашей литературной жизни, ситуации, литпроцесса, как у нас говорят. Мы работали, печатались в Литгазете в пору ее либерализма, у Твардовского в "Новом мире", мы совершенно естественно ушли в Самиздат (подписывая все своим именем), когда поняли, что невозможен никакой компромисс, ложь или так называемый "подтекст", все это невозможно, если пишешь о Христе. Мы жили в нашей литературе и, конечно, были не одни, наша новая литература много сделала за последние четверть века, чтобы вернуть высокую честь русской литературы, она существует сегодня, у нее миллионный, благодарный читатель, которому так дорога даже крупинка правды, в нашей литературе работают писатели одаренные, страдающие, трудно и мучительно думающие и пишущие о нашей стране, о ее беде, о нашей земле, русской деревне, русской истории, русской культуре; пишущие о совести, о всегда стоящем перед человеком выборе между добром

и злом. Я не прошу помощи, судьба моей жены — Зои Крахмальниковой в руках Бога, я знаю это, я в это верую, а у каждого своя жизнь, своя судьба и свой собственный суд. Но я говорю это тем не менее, обращаясь к русской литературе, русским писателям, тем, кто знает ее или узнает о ней и о том, что с ней произошло. К тем, кто верует во Христа, и к тем, кто живет нравственным законом, записанным в сердце, кто не может не слышать голоса собственной совести.

За бескорыстное творчество, за любовь к своей стране, к ее Церкви, за мужество, за любовь Христа ради — Лефортовская тюрьма, религиозные книги, рукописи — в холщевый мешок. Как можно оставаться *русским писателем* и молчать о том, что происходит рядом, за стеной, с книгой, с писателем, с женщиной?..

Выбор всегда труден, я знаю это по себе. Но это и всегда радость и полнота жизни. Полнота творчества.

У книги в России всегда была высокая судьба, она высока и сегодня: судьба моей жены Зои Крахмальниковой — это судьба русского писателя, православного христианина — свидетельство высокой судьбы русской книги.

Феликс СВЕТОВ

Преображение Господне, 82

Замечания З.А. Крахмальниковой на протокол обыска, которые она оставила перед тем, как ее увезли в Лефортово.

По поводу обыска, проведенного у меня ночью с 3-го на 4-е августа.

1. В постановлении о производстве обыска было указано, что на даче З.А. Крахмальниковой могут находиться материалы и документы, имеющие отношение к делу (руководствуясь требованиями ст. 168 УПК РСФСР).

Однако ст. 168 была нарушена производившим обыск следователем (см. протокол обыска). Обыск начался в 22. 30 (в ночное время) и продолжался до 3. 30 ночи. Изъяты рукописи и черновики мои и рукописи моего мужа Феликса Светова, хотя у следователя не было объяснения на изъятие его работ. Он — писатель, и у него на столе, в его кабинете без него был произведен обыск. Естественно в его работе не могли искать "материалы и документы", имеющие отношение к "делу", как сказано в постановлении об обыске.

Поскольку дело не квалифицируется, в постановлении не указано ничего, мне не могли ответить. Они самочинно увезли работы моего мужа.

Все книги, изъятые у меня, не имеют отношения к клеветническим и порочащим государственный строй, в основном это книги религиозного содержания, что видно из протокола обыска.

Замечания З.А. Крахмальниковой на самом протоколе обыска.

Я не подписываю постановления об обыске и протокол обыска в связи с тем, что была нарушена статья 168 УПК РСФСР. Обыск был начат в **ночное** время (22. 30) и длился до 3 час. 35 мин. ночи.

1. Мне не предъявили никаких причин, позволяющих нарушить статью 168 УПК.

2. Мне не сообщили, по какому делу производится обыск.

3. Изъята машинка (пишущая), мне не принадлежащая.

4. Изъята в основном религиозная литература и мои рукописи в черновиках.

5. Без всякого постановления был проведен **самочинно** обыск в кабинете моего мужа и изъяты его рукописные работы, которые никоим образом не могут быть причастны ко мне.

ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ "ВЕСТНИКУ РХД"
2 ФЕВРАЛЯ 1982 ГОДА

Какие чувства вызывает у Вас Ваше 80-летие?

80-летие мое, прежде всего, меня удивляет, — как это так — промелькнули эти восемьдесят лет? Хочется сказать: "Я этого как-то не заметил"; однако, нельзя не видеть, что годы мои земные все-таки прошли. Это "факт упрямый" ("свидетели ему имеются").

Годы наши — мистерия и метаистория... В них дается уже перспектива будущей жизни, после окончания земного пути. И лишь можно сказать: "Благодарение Богу за все"... Но, только благодарить Бога недостаточно. Благодарность должна переходить и во все большую близость к Богу. По мере того, как мы чего-то нового достигаем, жизнь отдалается от нас. Пройдешь ее вершок, а впереди пред тобой какие-то световые годы пространства. И нам, людям, нужна протяженность благословения, бездонность благодарности. И радуешься ей, что она высечена из тебя, хотя и понимаешь ее малость пред лицом Вечного.

Но дар жизни дан и остается, несмотря на всю эфемерность земных наших дней.

Конечно, вся "штука" (прошу прощения за прозаизм!) в том, что человек (сколько бы лет он ни жил) не может отвертеться от того, забыть то, что он отзвук Любви. Хочешь ты того или не хочешь, но ты явление Божьей к тебе и к миру Любви. Даже гангстеры, живущие в своем убийственном духе, отдают иногда свою жизнь за других гангстеров. Любовь, конечно, разная бывает! Бывает она совсем темная, эгоизм адской любви. Только Бог — Любовь истинная. "Бог любовь есть" (1 Ин. IV, 8). И людям надо непрестанно спасать себя и других от ложной любви, спасать свою любовь. Да, все мы носим образ и подобие Любви, но все мы разны по характеру и духу любви. Венчает нашу жизнь и оправдывает нашу человечность — только любовь Логоса... И надо войти в эту Любовь, которая "Бог есть". Надо научиться питаться этой любовью во времени и выше времени. На это нам даются земные сроки.

В старости вещи все более становятся на свои места; старость — это самое удобное время для любви, как высшей жизни. Здесь начинается свобода человека от зла, молодость наша вторая и последняя.

Но любовь не надо обоготворять. Без Бога она — ничто и способна даже вносить дух инферральности. Человек не может выйти из своей любви никуда, даже в ад. И, мистически, АД есть тоже "место любви", но уже не светлой, а темной любви человека (лишь к самому себе). Представьте себе залу, где собрались 100 тысяч абсолютных эгоистов. Они вряд ли сами понимают это, но ничего другого не умеют и не желают. Только хотят обижать друг друга и обижаться на всех, на Бога даже. Уже в этом мире земном надо постараться быть подальше от такой любви! Но эта тьма ложного единства цепка и норовит скрепить, слить нас воедино не добром, а злом. И "коммунизм", единство людей без любви, — метафизически есть ад.

Преодолеть до конца программу зла, — вот настоящая программа, особенно 9-го десятка тающей нашей человеческой жизни. Нам надо (молодым, конечно, — тоже!) менять свою любовь, неверную на верную, перетаскивать, переправлять, сплавлять свою верную любовь в вечность. Это очень важное дело. На него и дается время земное.

В сущности, этими попытками сгущения жизни и высветления ее верующие и занимаются... И я этим занимался, сперва бессознательно (в младенчестве и в юности), а потом давая себе какой-то (все больший) отчет в этом. Может быть, я вправе считать себя учеником (точнее — "приготовишкой") в Школе Сплошного Чуда, которое называется человеческой жизнью, а расширенно люди называют ее — историей. В ней человек бьется, трепещет, страдает, терпит, летит и радуется. И все разгадывает жизнь свою и других людей (как Достоевский — Пушкина). И наше служение Слову в слове все лучше понимается.

Ни поэзия, ни другое искусство в этом мире не могут быть абсолютно духовными. Мы живем еще под сильным давлением спасительного, но тяжелого воздуха этого мира. Без этих глотков воздуха сейчас вселенная для нас недостижима; а мы все хотим, норовим понимать (или не понимать) жизнь лишь со своего пяточка.

Среди своей ограниченности и недостаточности мы скучаем, и для нас естественно желать великого чудесного мира. Малое чуждо нам.

Мое иночество на Афоне (в 24 года) не было моим уходом куда-то. Это был мой явный для меня приход в нужное мне

место и состояние, которое меня с тех пор не покидает. Я в нем все живу и иду куда-то, в тайну Божию, проходя все мои маленькие дела и юбилеи. . . Мне стыдно за них. В сущности, все дни и часы людей юбилейны. Ведь милость Божия не покидает нас. Она всегда с нами.

"Бог Любовь есть" (1 Ин. IV, 8). Но, человеку, конечно, надо знать, что "любовь" не — Бог. Бог безмерно выше наших слов, понятий, чисел и имен. "Ничего я так не боюсь, как любви", сказала одна душа, любовь Божию нашедшая. А другая, такая же, свидетельствовала о своей любви: "Я умираю от невозможности умереть". Такова верная любовь к верной Любви. . . Не знаю, ясно ли это будет всем? Может быть — не сразу.

Пожалуйста, сочтите, что я почти уже ответил на вопрос: как и куда в старости вызывает во мне мой юбилей. Старость — явление бедности, но и очень большого богатства. Старость — нечто очень хорошее, может быть, лучшее, что может случиться с человеком на земле. Приближение к Нескончаемому. Оно уже у многих есть, но пока еще в "разведенном виде".

**Кого вы считаете самым крупным богословом наших дней?
Кто на Вас имел наибольшее влияние?**

"Самых крупных богословов" у нас нет. К счастью, скорее, чем к сожалению. У нас есть лишь хорошие и растущие "голоса из хора". Такое же положение во всем христианстве. Пытаются громкую в мире роль играть некоторые из академических богословов Запада, как Кюнг (у нас, к счастью, таких нет, которые увлекались бы публицистикой религии).

Слово "богослов", вообще, за столетия потерпело ущерб; стало даже словом почти "пежоративным" (позвольте не переводить этого слова на русский язык). Понятие "богослов" стало сбиваться к понятиям "книжников и фарисеев". . . Но, конечно, ничего зазорного нет в слове "богослов" (хотя оно кажется немножко смешным, претенциозным). Евангельская аннотация нанесла в истории этому роду людей ущерб. Как можно быть специалистом по религии? Вряд ли кто из святых согласился бы называться таким именем. Можно сказать, что религиозное знание (как, впрочем, и неведение) присмирели, даже и в Советском Союзе. К счастью для человечества, центр религиозного знания передвинулся из области рациональных, легких, удобных идейных абстракций, — к духоведению. Процесс именно этот, очень нужный и важный в перспективе человечности. Мне он близок; я о нем старался сказать в своих книгах и радио-вещаниях к России.

С благой своей вестью христиане вводят в ведение духовное и различие духов (о чем говорит апостол: 1 Кор. 12, 10). "Душевное" знание (психологизм, историзм) переходит к пневматологии. Тут начинается религия, как опыт вхождения в истину и чистоту духа. Это верное продолжение чуда евангельского духовного опыта. Преодолеваются "каталогизации" Священного Писания. По лестнице Иакова движутся (заторопились даже!) небесные силы, еще утаенные от многих. Святые анонимы посылаются все более в земную историю, готовя людей к новому рождению — во Христе. Старикам в этой области легче ориентироваться (такова привилегия старости).

Не следует, конечно, преувеличивать и значения юбилеев на нашем земном "пятакке". Мы мало юбилейны, но хотим быть юбилейными. Юбилеи относятся скорее к до-христианству, когда эти праздники еще были нужны людям. Сейчас время другое. Земное время быстро несет нас по всем нашим срокам в мире. Личные торжества сейчас не к месту. Все юбилейно в нашей вере, и все годы наши и даже мгновения позваны на пир веры. Юбиляры наши имеют право на покаяние. Но им надо следить и за упразднением, преодолением времени. Старость и хороша для этого. Блаженный Суд Христов, Его Царство уже — внутри нас, "при дверях".

Огромное богословское, пастырское обще-церковное и русское общественное дело в 20-е и 30-е годы нашего века совершала в мире Свято-Сергиевская Академия в Париже. К счастью, она не покинула мир сей, хотя, как пророк Илья Елисею, и сбросила свою "милоть" Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Эта последняя начала новый цикл православного богословия в Америке и во всем мире. Академия Свято-Владимирская тем замечательна, что академический, на высоком уровне, ее дух соединен с неким реальным эклезиологическим богословием и строительством церковным. Она стоит у нас в "самой гуще жизни"; Русская Церковь, пересаженная в Америку, на живом своем опыте возрождает вселенскую соборность, исполняя церковный завет патриарха Тихона.

Старшая сестра ее, Свято-Сергиевская Академия, поделилась со Свято-Владимирской и своими молодыми профессорами (отцом Александром Шмеманом, отцом Иоанном Мейендорфом и другими). Уже набралось новое поколение профессорское. Из Свято-Владимирской Академии тоже выходят в мир силы, нужные Церкви в Америке и повсюду. Без помощи наших профессоров нам, епископам, было бы трудно своевременно начать благодатный — (и нужный для всего Православия) — путь поместности.

Главным сейчас богословским делом в православной Америке стало благовествование верной эклезиологии... Надо в мире преодолевать национальный шовинизм. Он не подходит к Церкви апостольской. В мире все проясняется древний и вечно-новый Лик Святой Церкви.

Кого из светских писателей больше всего Вы любите? Кто Вам еще "нужен"? Или уже "литература" Вам органически не нужна?

Самый вопрос этот раздвигает занавес, за которым скрыто общее отношение верующих к литературе — духовной и светской (художественной, научной). Покаюсь вам, — я лишь условно и "инструментально" делю литературу на "религиозную" и "светскую". Все, что мы, люди, в этом мире пишем, все это (хотим мы того или не хотим) имеет отношение к богословию нашей веры. Даже антирелигиозники — тоже собрание "богословов". Ведь сказать, что "Бога нет", это, конечно, тоже форма богословия и — слова о Боге. Мир *богословствует*, даже когда молчит о Боге и изгоняет Божию святую из человечества. Я склонен считать и светскую литературу (в которую я с детским "вдохновением" входил в 20-е годы, как читатель и писатель) родом богословия жизни и культуры. Сейчас, в дни моей старости, я понимаю лучше, что так можно думать. Суд Последний Божий, это, в сущности, Суд именно над богословием каждого человека в отдельности, и над нашей общей поэзией и прозой жизни. Нельзя никому от этого уйти! Человек несет себя чрез всякое слово свое. И чрез свое молчание. Человек (по самой природе своей и человечности), от рождения своего и, может быть, — с зачатия своего — "пойман богословием", и ему дан лишь выбор между богословием верным, благодатным, и — ложным, изгоняющим его от Лица Божия.

"Нужен ли" мне "лично" сейчас какой-либо писатель? Трудно ставить в одну линию "нужности" для нас Слова Божия с какой-либо другой "нужностью" словесной. Но, как хорош человек, пытающийся что-то доброе и верное сказать, пролепетать в мире. Всякое творчество, отзывающееся на таинственный Божий зов, во много раз драгоценнее и радостнее другого. Дар слышания и слова сходит на нас во всех областях жизни. И конечно, утешительно видеть, как человек, пусть даже гугниво (как Моисей), но раздувает в себе искру вечной Жизни в чем бы то ни было. И хорошо человеку собирать искорки неба, сошедшие в его сердце. В этом свете уже начало вечности. Скрываясь, он и открывается в некоторых авторах; и быть хорошим читателем — это уже большой дар литературный.

Кого из писателей я в юности своей больше любил? Конечно, не Горького, не Салтыкова-Щедрина!.. Наступает время, когда человеку скучной делается такая литература. Человеку, прежде слов, нужна тишина. Это первые шаги литературы. Ей этому нужно помогать в мире ограничением чувств. Но, среди чисто-религиозных работ, иной раз потянет, например, почитать Гоголя (веселием своим он Богу хорошо послужил и душе человека. И — сам смиренно этого не понял).

Любил я с детства и люблю Алексея К. Толстого, и как писателя-поэта, и очень интегрально человека. Он совсем не оценен русской критикой. От А.К. Толстого, от его глобальной общественной независимости отгалкивались критики-общественники XIX века. И ведь до сих пор ему не прощают этой свободы от всего "правого" и "левого"... И ассонансы лирические именно им открыты в русской литературе.

Писатели знают, что существует особая форма удовольствия. Оно относится ко всякому искусству. Я не чужд такому удовольствию, как всякий читатель. Черты гениальной человечности А. К. Толстого я вижу и в его шуточных стихах. У него умная веселость, смягчающая сердца, не ожесточающая их. Он захватывает большой диапазон. А. К. Толстой более — классик сейчас, чем был в прошлом веке.

Возвращаюсь к вопросу, на который я еще не ответил. Я прошел через полный отход от "светской литературы". Но она потом сама встретилась со мной на путях служения Церкви. Сперва она целиком уступила свое место Исааку Сирину и Симеону Новому Богослову, и, конечно, источнику вдохновения всех свв. отцов — Слову Христову. Западная мистика любви к Богу близка тоже мне, я вижу и в ней святое православие. Светская литература — продолжение самой светской жизни, к которой обращено Слово Христово. Она часть "мира сего". Мне же она послужила и инструментально. У меня есть ряд религиозных очерков светского стиля. А о Л. Толстом даже есть целая книга (ответ Ивану Бунину на его книгу "Освобождение Толстого"). Еще в юности я написал для пражского студенческого журнала "Открытое письмо Ивану Карамазову".

Мне не было нужды подтягивать светскую литературу к свв. отцам. Она сама туда входит органически и окрашивается в религиозный смысл. Искусство есть продолжение жизни, часть ее. И есть ответственность у светских литераторов за всякое праздное слово. И у подлинных писателей оно не может быть праздным. И стихи "вернулись" ко мне, как созерцания жизни. Такова лирика — "Странника".

Легко ли сочетать мирскую культуру с церковной, иметь на той же полке Исаака Сирина и Ахматову?

Исаака Сирина "примирять" с Анной Ахматовой не надо, но надо все вещи, нас волнующие, сопрягать... Вы помните, в "Войне и Мире" Пьер проснулся, и последние слова его сна были: "надо сопрягать". В действительности, это были слова, около него произнесенные кем-то, но сон изменил одну букву. И Пьер почувствовал, что надо в мире все вещи сопрягать, то есть, понял взаимозависимость вещей и всех творений. Он дошел до понимания всеединства мирового. Всякий несет данный ему Богом образ. Не нужно смесительства: оно есть слепота и грех (против него был, вы помните, К. Леонтьев). Я не вижу, почему томик классиков не может стоять на полке рядом с "Лестницей", Исааком Сириным, или книгой "Столп и Утверждение Истины"? Может стоять. Но, нельзя не видеть разных кругов бытия, в которых живут люди и их творчество.

Чудесность нашей жизни именно в единстве разнообразного творения. Надо лишь иметь мудрость понимания и сопряжения вещей, идей и духов. Тут личность человека во Христе побеждает мир, или терпит поражение от мира, вкручивается в воронку зла, о котором ясно сказано: "Не любите мира, ни того, что в мире". (1 Ин. 2, 15)... Рай — состояние высшего единства и различия. Это очищение, воскресение и сопряжение, в Духе, всему творению в ценностях разных глубин.

И можно сказать еще, что человек, в разные периоды своей жизни и ее разумения, по-разному читает и Ахматову, и Исаака Сирина. Даже одинаковые слова понимает различно.

Еще пример: Тютчев к золотому веку русской поэзии всецело принадлежит. Но, как политико-патетически звучат его "патриотические" стихи. Кто их сейчас заучивает? Он и без них — Тютчев. Надо быть Пушкиным, чтобы писать рассудочные "патриотические" стихи. Поэт, конечно, имеет право на служение и своему государству, но — не поэзией.

Какой будет Ваш общий совет-завет русской молодежи в России?

Весной 1918 года, 15-летним мальчиком, я прибыл из Тулы в Москву для хлопот о моей матери, сидевшей в Бутырской тюрьме. В эти дни Москву облетел слух о некоем событии, случившемся у Никольских Ворот. Я тоже пошел к этим Воротам. Я увидел там

толпы людей. Большая икона святителя Николая Чудотворца висела над Воротами. Она была занавешена красной материей. Материя была прибита гвоздями к краям иконы и закрывала ее всю. И вот, в этот тихий солнечный день москвичи увидели, что эта красная материя, закрывавшая икону, во-первых, разорвалась сверху донизу; и далее, полоски материи стали, как ленточки, отрываться от иконы сверху вниз, и падать на землю... Я стоял среди благоговеющей и сосредоточенной толпы. Икона, на глазах у всех, очистилась совершенно от красной материи, ее закрывавшей. И вдруг, я услышал позади себя выстрелы, один, другой, третий. Я оглянулся и увидел парня в солдатской одежде. Он стрелял из ружья, метя в икону. Лицо его было типично русское, крестьянское, круглое, с напряжением, но без всякого выражения. Очевидно, он, исполняя чье-то распоряжение, стрелял в икону Святителя. Метки от пуль его оставались на иконе, уже ничем не закрытой. Оставались только маленькие кусочки красной материи по краям иконы, где были гвозди.

Я видел, как в своей одержимости грешная Русь расстреливала свои святыни, а Русь святая молитвенно созерцала чудесное знамение Божией силы над миром.

Дело не в подробностях этого и других явлений, а в том, что все, что мы видим в мире, есть откровение двух сторон жизни. И, я думаю, все люди, старые и молодые, призваны выбрать ту или иную сторону пред Небом, где начинается вечность. Третьего пути нет.

Вопросы общественности

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ТРИ УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ ЯПОНСКОЙ НОВОЙ ИСТОРИИ

(Речь в Токио, 9 октября 1982)

В истории некоторых народов бывают моменты, драматически приковывающие внимание столетий и законно входящие в мировые хрестоматии. В них содержится долгий урок для многих других народов.

В жизни Японии за последние 130 лет я различаю три таких момента. Первый — в самом начале периода. А третий — как раз сейчас, он еще не созрел до конца, не отлился и может быть даже в Японии не всеми понят.

Два с половиной столетия длилась эпоха Токугава, ревностно охранявшая национальное развитие от разрушительных внешних влияний. Девизом той эпохи были: скромность и умеренность образа жизни. В те века Япония никуда не шагала вовне, ни на что не претендовала вовне — только желала, чтоб ее оставили в покое для мирного внутреннего развития. (Не уклонюсь сказать, что я с большим сочувствием и пониманием отношусь к тогдашнему настроению в Японии.) Но внешний мир со всех сторон жадно наступал и требовал. 130 лет назад наведенные пушки иностранных военных кораблей заставили правительство Эдо уступить всемирному принципу свободы торговли.

И японцы совершили тогда изумительный поворот, достойный хрестоматий для всех поколений. Они приняли горький урок не только с мужеством, — но с невиданной находчивостью и настойчивостью. Все усилия, прежде направленные на сохранение внутренней жизни, они перенесли на то, чтобы перенять достижения и умения прочих стран — и в этих умениях (да при скудости своих недр! при стесненности своей земли!) оказаться умелее самих учителей. И сегодня — мы поражаемся результату: японцы настолько переняли и усвоили

А. Солженицын прибыл в Японию 16-го сентября по приглашению Японской сети телевидения. Первые две недели он путешествовал по стране инкогнито. В Токио выступал по телевидению, напечатал большую статью в газете "Иомиури" и произнес речь перед представителями японской общественности. Это первое путешествие А. Солженицына за пределы Северной Америки с момента его поселения в Вермонте в 1976 г. — *Прим. Ред.*

принцип свободы торговли, что страны, продиктовавшие его когда-то, теперь не знают, чем и как загородиться от японского экспорта, куда деться от свободы торговли с вами. Не вы придумали эту безграничную торговлю — но вы показали, что такое есть она!

Однако принятый путь бурного экономического развития вел к усилению всякой мощи и в том числе военной мощи. А военная мощь — соблазн всех преуспевающих государств. Этому пути соблазна не миновала и Япония — уже с конца минувшего века, а в XX веке прошла сквозь яркое могущество.

В начале века несчастно пересеклись пути Японии и России. Я с горечью вспоминаю это — не потому, что Россия потерпела тогда военное поражение, но потому что осуждаю тогдашнее русское правительство за всякое продвижение в Манчжурию и к Желтому морю, с амбициозной железной дорогой по чужой земле. Все эти захваты представляли инерцию крупного государства, не контролируемую высоким смыслом.

По моему убеждению люди духовной деятельности никогда не смеют оправдывать ничьей агрессии и захватов, но особенно неприемлемо — когда захваты оказывает их родная страна. Как русский писатель я уже высказывался неоднократно, что цели истинной России не могут содержаться ни в военных захватах, ни во вмешательстве в дела других стран. А сегодня Россия, лишенная даже своего имени, лица и характера, обращенная в уродливый СССР, имеет перед собой безмерные внутренние задачи — самолечения, физического и духовного, от смертоносных последствий коммунизма — и на это может уйти 150–200 лет.

Но не могу отнести свои убеждения только к одной своей стране: я равно отношу их и к другим странам и народам. Величие всякого народа — не в завоеваниях, не в широте границ, а в широте души и стойкости перед бедами. Национальный дух должен строиться на моральной чистоте, а не на военной грозности. Единый подход ко всем странам: не должно быть захватов чужого, и военное продвижение в чужие пределы не является доблестью.

Мне уже пришлось разрабатывать публично принцип, который я считаю несомненным: что народы и государства в своей политике не освобождаются от тех нравственных требований, которые мы ожидаем от каждого отдельного человека: порядочности, честности признаний, умения ограничивать самого себя и не делать другому такого, чего не хочешь, чтобы сделали тебе. Самоограничение я считаю высшим принципом каждого человека и каждой нации. Наблюдаемое сегодня повсюду в мире направление экспансии всех видов, включая

экономическую, напряжение схватить, приобрести побольше, я считаю ложным и губительным для всего человечества. Если даже животный мир — и тот знает меры самоограничения, то насколько обязанней знать их мы — и в материальной области, и в социальной. Когда внешняя среда не ставит нам пределов — мы должны опомниться и поставить себе пределы сами.

Универсальность этих критериев разрешает мне сегодня как бы переступить законы гостеприимства и даже требует сказать, что в названный период расширения военного могущества Япония, повторяя ошибку многих до себя, нарушила эти правила: увлеченная своим могуществом, она бросила силы в военные завоевания далеко за своими естественными пределами. И это было нравственным искривлением славного пути, начатого реставрацией Мейдзи — а сегодня приведшего Японию на технические вершины современного мира.

Однако мое суждение не ново для вас — и в самой Японии многие пошли в выводах гораздо далее, после японского поражения 1945 года и особенно после Хиросимы и Нагасаки. В том, как ваш народ пережил атомную катастрофу, есть большая душевная глубина. Такая катастрофа не могла не сотрясти национального сознания, не отпахнуть истинных вопросов бытия, в которых одновременно и бездны, и вершины. Так Япония, вероятно первая в мировой истории, включила в конституцию запрет войны как средства решения международных споров и провозгласила отказ от развертывания когда-либо в будущем любых военных сил. И этот момент я имел в виду как второй, когда назвал три эпизода вашей истории, достойных войти в мировые хрестоматии.

Я только удивляюсь, что после таких невиданно кардинальных решений в вашей же стране сегодня проявляется попытка уклониться от ответственности за свое недавнее прошлое и приукрасить его для молодых поколений. Я уверен, что никакой моральный рост и путь будущего самоограничения невозможны без признания и раскаяния в своих прежних грехах и ошибках. Ваше грандиозное наступление в 30-е годы и во Второй мировой войне было прорывом гордыни — и не следует этого замазывать, но так и признать. Это была тяжелая ошибка, ослепление — и можно понять теперь возмущение всей юго-восточной Азии. Но не из-за чьих-то государственных протестов, а ради собственной чистоты — говорить правду об истории жестоко необходимо.

Сейчас я две недели непрерывно ездил по разным местам Японии, всматривался в жизнь, сколько мог. По столь малому опыту, я, конеч-

но, не осмеливаюсь высказывать весомых суждений. Но я радостно поражен некоторыми чертами вашего общества и общественного мирозерцания. Например тем, что в Японии нет уродливой юридической суеты, изнуряющей некоторые страны Запада, того юридического разврата, когда чуть не по каждому случаю бросаются к адвокату и в суд. Японцы определенно предпочитают улаживать дела по-человечески, путем взаимного понимания смысла. И радуюсь тому, что в вашей стране — невысок уровень преступности, и улицы ваши безопасны в любое время суток. И тому, что Японию не сотрясают эгоистические частые забастовки, которые на Западе тоже уже доходят до разврата, когда бастуют даже те, от кого зависит жизнь человека и всеобщая жизнь — врачи, авиадиспетчеры, почтари, учителя, пожарные! — да не только сами бастуют, но еще и отгоняют тех, кто пытается тушить пожар! Или когда городские рабочие сами повредили водопроводные и газовые трубы для лучшего успеха своей забастовки: чтобы город попал в катастрофу и прибег бы к ним! Это уже — безумный мир. Я думаю, что выдающиеся экономические успехи Японии произошли во многом и от того, что спорящие производственные стороны чаще проявляли самоограничение и взаимопонимание.

Я всегда представлял и теперь вижу, что способность самоограничения является коренным, глубоким свойством японского характера, оно проявлено много раз в вашей истории — и можно только поздравить вас с этим и учиться у вас. Я думаю, что национальное качество облегчит вам принятие еще многих решений — вот например поддержать милосердное мировое соглашение ограничить промысел китов — из любви к нашей планете. Когда-то — и в не очень дальнем будущем — когда передо всем миром вырастет необходимость перейти от экономики захлебно-интенсивной к экономике стабильного уровня, и всем людям на Земле самоограничивать себя в потреблении — вам, японцам, удастся это наверно естественнее всех.

Я думаю, эта же способность к самоограничению поможет вам гармонически восстановить уже сильно нарушенное равновесие между переемом западной культуры и сохранением национального своеобразия. Ваши национальные корни никак не менее важны для вас сегодня, чем ваше талантливое перенятие западной современности — тем более, когда она течет в глубоком духовном кризисе, теряет моральное наполнение. Японскому духу всегда была свойственна оригинальность мироощущения и мироповедения. Я думаю, это свойство поможет вам сейчас: хотя с некоторым усилием, но вырваться со стандартной западной дороги. Тем легче вам это достанется, что японцы — одна

из немногих оставшихся на Земле гомогенных наций. Счастье таких стран — что не бывает слишком резкого внутреннего раскола.

XX век упростил и огрубил человеческое мышление. Стали называть явления плоско, грубыми ярлыками. Например такие пары ярлыков, чтобы судить о целых странах: "капитализм" и "социализм", "демократия" и "автократия". Но в этих поверхностных терминах совсем теряется глубокий смысл человеческой жизни. Вот мы видим две сверхдержавы, как будто противоположные по государственному строю, но это нам не объяснит, почему обе страны так схожи низким уровнем школьного образования, подорванностью семьи, а главное — потерянностью любви к труду. Схожи, хотя причины в обоих случаях и противоположны: крайняя скудость или крайний избыток. Интерес к труду потерян: в СССР — от полной безнадежности что-либо заработать, в Соединенных Штатах — от чрезмерно высоких достигнутых условий, можно многое получить, работая и кое-как, "хочу получать, а не работать". В этом последнем, кстати, я вижу главную причину, почему Япония обгоняет США в экономике. Из моего посещения провинциальной японской школы я вынес впечатление, что и японским детям не дают терять золотого времени и бездельничать, как в некоторых других странах.

Но даже при сохраняемом вашем национальном здоровье и при ваших блистательных экономических достижениях многие в Японии ощущают, а руководители страны тем более видят, что Япония находится в неустойчивом и угрожаемом положении. Увы, в современном мире невозможно возложить все национальные надежды на одно лишь экономическое процветание. В нынешнем мире ваша страна беззащитна перед опасностью внешнего порабощения — и не только с севера, как думают у вас. 30 лет ваша надежда была на американскую защиту, но в последние годы вы могли убедиться во многих случаях, что внутренняя, а особенно духовная сила Соединенных Штатов уже не соответствует взятым на себя мировым обязательствам. Вы видели, как она уступала и проигрывала малому Северному Вьетнаму, и должна была уйти. Как бессильна оказалась в Иране, или в Никарагуа, в Сальвадоре, и вот уже 20 лет беспомощно терпит приставленный к своему животу кубинский револьвер. Как обессиливает ее масса слепородных пацифистов, совсем не понимающих мировой обстановки и степени близкой опасности уже самим Соединенным Штатам. И опасно вам поддаться взамен каким другим иллюзиям, как проявили руководители вашей страны не один раз даже в нынешнем году: то утопическим предложением Советскому Союзу дать обещание не применять первым обычного оружия (совет-

ский режим легко и даст такое и любое другое обещание, только никогда не выполнит); то предложением прекратить продажу американского оружия Тайваню, чтобы якобы "создать стабильность" на Дальнем Востоке, — самая ложная идея! Надо совсем не понимать природы мирового коммунизма, чтобы надеяться достичь с ним стабильности через капитуляцию или предательство союзников. Не предавать надо союзника и соседа, как бы ни был он мал, но всеми силами поддерживать каждого, кто сопротивляется мировой коммунистической чуме. Каждая новая жертва, отданная в пасть коммунизму, только разжаривает его агрессивность. Любой компромисс с любым коммунизмом — гибель. Коммунисты — не нормальный политический собеседник, всякие переговоры с ними ведут только к их пользе. Ждать от коммунистов когда-либо какой-либо пощады — иллюзия: пощады никогда никому не было и не будет. Вообще нельзя анализировать сегодняшние события в мире в прежних понятиях национальных государств, где правительства служат интересам своих народов: одна треть государств в мире уже имеет коммунистические режимы, и это надо понимать. Против коммунизма есть только один способ: железное устояние.

Коммунизм — это сила, которой еще не знала мировая история. Это явление — противочеловеческое и даже метафизическое — даже ее пороки, абсурды и провалы идут ей на укрепление. И поверхностны суждения тех западных специалистов, что какой-нибудь Брежнев нуждается в том или ином внешнеполитическом успехе для укрепления своей внутренней власти: из истории ли Ленина, Сталина или Брежнева можно привести примеры, когда своими поражениями они только укреплялись.

Тщетно питаться надеждами, что коммунизм в СССР или в любой другой стране сам собою развалится или переродится к лучшему. Благодаря непрерывным капитуляциям всего окружающего мира и торговой и финансовой помощи от него (и Япония тоже участвует в этом процессе, вместе со всеми не видя, что миллиардные займы никогда не будут выплачены коммунистами) — коммунизм только наступает и одерживает повсюду победы. По отношению к коммунизму губительно питать иллюзии, что его можно умерить легким обращением или уступчивыми формулировками. Нет! — только вслух на весь мир называя его язвы, вы можете хоть как-то сдерживать его. Сами коммунисты нисколько не стесняются вести свою истребительную "идеологическую войну" при любой обманной "разрядке".

Чтобы понять коммунизм — не надо придавать серьезного значения его "национальным модификациям", но сосредоточиться на изучении

самой идеологии и истории ее за 135 лет, она чуть старше вашей эпохи Мейдзи. Все нынешние коммунисты происходят от "Коммунистического манифеста" Маркса—Энгельса 1848 года — и даже те из коммунистов, кто сегодня рядятся в европейские демократические одежды, в глубине своих замыслов твердо усвоили по марксизму, что насилие — основной способ захвата власти и удержания ее. Марксизм таков от самого начала: единственно на русском языке в собрании сочинений Маркса—Энгельса напечатаны такие детали из их переписки, которые от самого начала рисуют их как заговорщиков и беспринципных мошенников.

И не верьте тем, кто убаюкивает Запад, что коммунистическая идеология "умерла" в СССР или в какой другой коммунистической стране, что "в нее уже никто не верит". Да, народы не верят, но они бессильны влиять на события. А вожди верят или не верят — это не имеет значения: по железной коммунистической скованности они действуют строго, по формулам марксизма во всей внешней, внутренней, административной и финансовой политике. И эта идеология несет им победу за победой над остальным разьединенным миром с упавшим духом. Коммунисты могут варьировать гласные мотивы — но никогда не покидают конечных целей.

Здесь место оговориться и о всемирном модном мифе социализма. Этот термин без однозначного конкретного содержания употребляют повсюду в мире просто как мечту о "справедливом обществе". Идея социализма — это ложная идея, что все человеческие проблемы можно решить социальными преобразованиями. Но какие бы мягкие формы ни обещал социализм — он всегда есть насильственное установление издуманного недостижимого всеобщего уравнивания личностей. Один из лучших умов сегодняшней России, Юрий Орлов, ученый физик, ныне изводимый коммунистами в лагере уже 6-й год до болезней и смерти, показал, что *полный* социализм — это есть неизбежно тоталитаризм. Что какими бы постепенными и мягкими мерами ни двигался социализм, но если только они будут последовательны — конвейер социалистических преобразований сбросит ту страну (и весь мир) в пропасть коммунистического тоталитаризма. А тоталитаризм — это энергетическая яма: в нее легко скатиться, а чтобы выбраться из нее — нужны исключительные усилия и условия.

Это демонстрируется и реальным поведением социалистов всех стран: они никак не устаивают против коммунистов. Полвека социалисты всего мира старались скрыть убийства и мерзости, происходившие под коммунистическим красным флагом, утверждать, что ничего подобного нет. Так и сегодня Социалистический интернационал никогда

не упустит случая обругать Чили — а о несравненных преступлениях, творимых в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Камбодже, Лаосе — не произнесет звука. И социалисты у власти: шведские — укрепляли вьетнамских палачей, сегодня французские — никарагуанских, и не кто иной как Брандт загубил воссоединение Германии и развалил прочность Европы. И что-то ваши японские социалисты не идут на штурм поддержать польских рабочих — но расплываются за "мир вообще" — так, чтоб и саму Японию ослабить.

А именно-то ослабляться и нельзя Японии в сегодняшнем свинцовом мире. Именно от слабости многих правительств и обществ сгустились сегодняшние свинцовые тучи над угрожаемым миром. И уже так долго сгущается эта опасность над странами и людьми, что люди беспечно приучаются уже и не думать о ней. А тем и сложней становятся проблемы нашего мира: надо не просто остановить наступление коммунистического тоталитаризма, но прежде преодолеть свою слабость духа.

А такая слабость есть и у Японии: треть века назад из самого благородного порыва отказавшись когда-либо снова взять в руки оружие — вот вы стоите беспомощны перед смертельными опасностями. И ваши несравненные экономические достижения оказываются всего лишь карточным домиком и не могут вас спасти. В ложном поиске вы ищете какую-либо внешнюю силу, которая бы вас защитила вместо вас самих. Одна такая ложная надежда: положиться на защиту Соединенных Штатов. Другая — и уже роковая — попробовать защититься от коммунизма коммунистическим же Китаем, который умело притворяется "добродушным".

Чтобы понять коммунизм — не надо возлагать обманчивых надежд, что у него есть "худшие" и "лучшие" национальные формы, "более жестокие" и "более мягкие". По соседству и по традиционным культурным связям вам представляется таким "лучшим" и "более мягким", "менее опасным" — китайский коммунизм. Но это — жестокий просчет, который может стоить Японии конца всей ее исторической судьбы.

Как сегодня Китай, кротким притворился и Советский Союз, пока у него не было сил к агрессии. И как надеялся Запад на советские обещания, пока велась война с Гитлером! И как СССР тотчас озверился, захватывая Восточную Европу!

Насколько китайский коммунизм "добродушен", вы можете видеть по его действиям. Он пытался взорвать Индонезию, но, к счастью, в этом не успел. Он пригнал свои войска спасать агрессивный северокорейский коммунизм и пытался захватить Южную Корею, да не

удалось. И если понадобится — пригонит войска в Корею снова, посмотрите как горячо встречают они Ким-Ир Сена, а ведь были у них и тайные встречи. И сегодня, несмотря на "помягчение" с Соединенными Штатами, Китай требует убирать американские войска из Кореи. Китайские коммунисты провели безжалостный геноцид тибетского народа. Коммунистический Китай взрастил и по сегодня поддерживает красных кхмеров — может быть самых лютых из современных палачей. И сегодня помогает коммунистам Таиланда и Малайзии мутить свои страны. И даже так далеко, как в Перу, орудут сегодня маоисты-террористы. Именно китайские вожди (впрочем и советские) произносили чудовищные декларации, как они переживут ядерную войну: даже если половина человечества будет уничтожена (Мао Цзе-Дун), если в Третьей Мировой войне погибнет больше, чем во Второй — "только облегчится решение проблем" (Дэн Сяо-пин) и "после ядерной войны Китай соберет осколки разбитого мира" (Чжоу Энь-лай). А что творится внутри самого Китая, сколько людей уже уничтожено коммунизмом, сколько сегодня сидит в лагерях, сколько подвергается издевательскому "перевоспитанию" и как угнетается весь народ, не мягче, чем в СССР — это станет открыто известно только в XXI веке, с большим опозданием, как и об СССР. Кто видел по телевизору заседания последнего китайского партийного съезда — ведь это страшное зрелище! Нынешним Китаем управляют такие же жестокие аморальные существа, как и всеми коммунистическими государствами. (И когда они сегодня протестуют против исправления японских школьных учебников — не подумайте, что это волнует их как китайцев, что у них сколько-нибудь болит сердце за свой народ, — сами они погубили своего народа много больше, чем ваша оккупация.) Вполне понятно, что у Японии есть — и должно быть — чувство вины перед китайским народом — но от этого не должно возникать стесненности или долга перед разбойным коммунистическим правительством Китая. Напротив, поддерживая нынешнее правительство в Пекине, вы только помогаете угнетать китайский народ.

И шатки надежды тех на Земле, кто слишком уповает на нынешний советско-китайский конфликт. Да, два родственных режима поссорились — но могут в любой момент и помириться на общей идеологической основе. Если бы советско-китайские противоречия были бы государственными, были бы в самом деле непримиримыми — СССР давно бы поддерживал и вооружал Тайвань, — но он этого не делает! Заметьте, что и коммунистический Китай 20 лет — до 1964 года, поддерживал советское правительство в захвате северных японских островов. Обратите внимание и на последний поворот

их съезда: Ху Яо-бан уже не назвал СССР "главной угрозой международному миру", а взамен того — "соперничество между США и СССР" — попытка Китая сыграть в равновесие. А причем тут "соперничество"? Да Соединенные Штаты не знают, с какой стороны Советскому Союзу уступить, чтобы только не было соперничества.

Надежда стать бы "союзником" Коммунистического Китая означает для Японии начать путь капитуляций. "Договор о мире и дружбе", который специально отпраздновать поехал в Пекин ваш премьер-министр, не дает Японии никакой гарантии — как и Сталин легко нарушил договор о нейтралитете с вами. Ни один соседний с вами коммунизм — ни северокорейский, ни вьетнамский, не будет нейтрален в тяжелый для Японии момент, но против вас. Вас привлекает получить близкие ресурсы сырья и рынок сбыта в Китае. Но на этом уже попались все страны Запада за последние 65 лет: вырастили себе превосходного смертельного врага. Да, заманчиво вам кажется: загородиться от советской угрозы Китаем. Но это есть самая верная гибель Японии, только немного отсроченная. Вы позже навлечете на себя бурю, которая сметет вас с ваших островов.

Да продажа оружия другим, чтоб убивали где-нибудь в стороне — вряд ли нравственней, чем открыто вооружиться самим. Ваше душевное движение 1945 года уж во всяком случае не включало: создавать оружие для продажи другим.

В Хиросиме, где и сегодня с ужасом испытываешь на себе это дьявольское обожжение, на памятнике написано: "Спите спокойно, мы не повторим этой ошибки". Да, *этой* ошибки, то есть ошибки обширных военных захватов, вы не повторите, надеюсь. Но жизнь устроена так, что возможности новых ошибок всегда подкрадываются к нам в новом виде — и мы их не узнаем — и совершаем вновь! Сейчас такая ошибка подкрадывается к вам в одежде — в надежде: довериться тоталитарному правительству коммунистического Китая, загородиться им от опасности. Но это и есть та ошибка Запада 1941—45 годов, которая привела его в нынешнюю беспомощность.

Ваш отказ от армии и вооружения в 1946 году был исключительно благороден — но опережал современную безжалостную действительность. В своем отказе вы исходили из того, что вы были наступающей стороной и, стало быть, если вы не начнете войны, то войны и не будет. А она — все эти 40 лет взрывает и сжигает мир, и вот-вот хлынет на вас.

Но если Япония могла проявить такую силу натиска для захвата Азии — неужели она, еще невиданно возросшая экономически, не может проявить эту силу для спасения самой себя? В таком новом

ответственном решении, в таком новом переходе — я и вижу смысл современной, назревшей третьей узловой точки новой японской истории.

Да, твердо помнить свое возникшее отвращение к агрессии, не забывать своего раскаяния о прошлом и не маскировать его в историческом изложении, — но стать сильной для обороны своей жизни, чтобы не рассчитывали найти в вас легкую добычу.

Чтобы стране укрепить оборону быстро и эффективно — придется всем приносить экономические жертвы, — но спасение своего народа дороже.

И не только спасение самих себя, но на Японии как самой развитой азиатской стране лежит большая ответственность и за страдающих соседей — китайцев, вьетнамцев, лаосцев, камбоджийцев, — и за другие соседние народы, сегодня еще свободные, но сильно угрожаемые — и Южную Корею, и Таиланд, и Малайзию, и Сингапур. Если вы находили в себе силы завоевать эти народы — ваш нравственный долг найти в себе силы и защитить их.

По поверхности западного мира у вас нет слишком надежных союзников. Но это не значит, что их и вовсе нет на Земле. Напротив: их — многолюдное множество, их-то — больше всего на планете. Это — народы, угнетенные коммунизмом на четырех континентах. Постарайтесь приобрести зрение — увидеть это, ощутить реально, — тогда-то и может приблизиться истинно великий момент японской истории.

Тем, кто не жил под коммунизмом, трудно вообразить, насколько там народ — русский, или китайский, или кубинский — обморочен, как во сне, сам не свой, себе не принадлежит, скован, не отвечает за то, что вытворяют его правители. Коммунизм действительно — энергетическая яма, и непомерно трудно выкатиться из нее, нужно счастливое совпадение усилий. Но свои усилия приложат эти народы, как вы могли видеть иногда — в Будапеште, Новочеркасске, Праге, Гданьске, или по русскому военному летчику, перелетевшему сюда к вам, в Японию. Я особенно хочу вас предостеречь от роковой ошибки: считать советское или пекинское правительство национальными, а советскую агрессию понимать как "русскую". Научитесь понимать русский народ как вашего союзника.

Может быть из-за памяти русско-японской войны 1904 года или из-за сталинского вероломства в 1945 — сегодняшней Японии не так легко увидеть, что с истинной Россией, что с русским народом у нее — разногласий нет.

Мое горячее желание, которое и привело меня в поездку к вам: чтобы на Дальнем Востоке больше не вспыхивала война. Чтоб из трех

великих стран, которые здесь граничат, никакая пара никогда бы больше не воевала. Я мечтаю дожить до трехсторонней дружбы здесь — японско-русско-китайской. Но сегодня этому мешают два — и не только два — коммунистических правительства, — и перед ними Японии неизбежно надо стать сильной, на своих сильных ногах.

Не надейтесь на обманчивую дружбу ни с пекинским, ни с советским правительствами — вы не достигнете ее никаким торговым сотрудничеством, никакими миллиардными займами, никакими политическими маневрами.

Но я смею заверить вас, что японо-русская дружба — и обоснована, и возможна, и — наступит!

А. СОЛЖЕНИЦЫН

СВОБОДНОМУ КИТАЮ

Тайбей, 23 октября 1982

(Речь произнесена перед 2 000 приглашенных, транслировалась по всем телевизионным каналам.)

Уже 33 года остров Тайвань приковывает к себе, я думаю, внимание многих в мире — своею особенной судьбой. Сам я испытываю это чувство давно и устойчиво. Уже три десятка стран в мире пало, подпало под власть коммунизма — и почти ни одной из них не удалось сохранить клочка независимой национальной территории, где могло бы продолжиться сломленное государственное развитие и соревновательно показать себя миру по сравнению с коммунистическим развалом. У нас в России таким кусочком может быть мог бы сколько-то подержаться врангелевский Крым, но не получил ничьей внешней поддержки и, покинутый неверными европейскими союзниками, был вскоре раздавлен коммунистами. А в Китае, благодаря широкому морскому проливу, таким обломком прежнего государства остался Тайвань, и вот уже треть века показывает миру, на каком высоком уровне развития мог бы быть и весь Китай, если б он не подпал под коммунизм. Сегодняшняя Республика Китай на Тайване отличается своими строительными и индустриальными успехами, благосостоянием населения и показывает, как разумно могут быть направлены силы нации, когда они не во враждебных руках.

И казалось бы — население нашей планеты могло бы ясно видеть это поучительное сравнение, могло бы иметь глаза открытыми: как процветает народ, избежавший коммунизма, и как миллионами погибает он под коммунизмом. История коммунистических уничтожений в Советском Союзе, Польше, Камбодже теперь уже открыта всем; история миллионов уничтожений в Китае, Вьетнаме или в Северной Корее еще откроется когда-то в подробностях, а по многим признакам можно судить о ней и сегодня.

Но нет! Именно Свободному Китаю довелось испытать наибольшую несправедливость и неблагородство от других стран. Организация Объединенных Наций, давно превратившаяся в безответственный балаган, покрыла себя позором, исключая из себя 17-миллионный Свободный Китай. Большинство государств нашей планеты предательски вытолк-

нуло вашу страну из состава ООН, и еще при этом делегаты свистели, шикали и кричали. Большинство государств Третьего Мира поступили тут как в безумии, показывая, что не знают цены свободе, но ждут и на себя сапога.

А Западный мир уже много столетий прекрасно знает цену свободе, но с годами, от благополучия, он все менее расположен платить за нее. Западные люди ценят свой государственный строй, но все менее склонны защищать его собственными телами. От десятилетия к десятилетию Запад дряхлеет и теряет способность защищать сам себя. Это предательство страны за страной, лишь бы самим уцелеть, началось еще до Второй мировой войны, а после нее не пожалели отдать всю Восточную Европу, только бы продлить свое благополучие. Как легко предали правительство Миколойчика, так легко отказались и от поддержки своего союзника Чан Кай-ши. И скоро мы еще будем свидетелями, как одна западная страна будет предавать другую, чтобы только самой уцелеть чуть подольше. Удивляться ли, что большинство запуганных западных стран боится даже продавать вам оружие, чтобы не разгневать Пекин, — столько стоит их стремление и сочувствие к свободе. Между тем угрожаемая Европа могла бы лучше понимать ваше положение. Да так же трусят признать Китайскую республику и страны Азии, сами угрожаемые. А недавний японский премьер-министр заявил, что вооружение Свободного Китая вносит дестабилизацию на Дальний Восток! Дальше не скажешь.

Всеми ими владеет поиск: как бы защититься от опасности, кого бы подставить вместо себя. И так появился соблазнительный миф, что есть коммунизмы плохие, а есть "хорошие". И по такому настроению утвердилось мнимое изображение коммунистического Китая как добродушного миротворца! И что удивляться, если в Южной Корее, которая сама пережила коммунистическое нашествие, тоже есть миф, что Советский Союз не прямо враждебен им, не "такой" враг, не то, что Северная Корея. А сейчас они колеблются, как подслужиться к Пекину, отдавать ли Китайской республике угнанный китайский самолет.

Нет, не по близорукости, не по глупости поддаются этим мифам, а по отчаянию, от потери духа.

В особенном отношении к вам находятся Соединенные Штаты Америки. До сегодняшнего дня Соединенные Штаты — единственная внешняя гарантия, удерживающая коммунистов от нападения на ваш остров. Но сегодня с каким трудом дается Соединенным Штатам верность Тайваню! — сколько уже потеряно на этом пути! Так же и Соединенные Штаты поддались общему в мире течению покинуть

республику Свободного Китая в беде, оставить ее на произвол судьбы. Америка пошла на разрыв дипломатических отношений с Китайской республикой — за что? в чем она провинилась? — следуя общей западной тщетной мечте найти союзника в коммунистическом Китае. Америка ограничила связи с вами, снизила военную поддержку, уже не дает вам всего необходимого.

Какие давления оказываются на американских президентов в сторону сдачи Тайваня! — и не все они выдерживали. Вот один из бывших президентов только что приезжал в Китай и льстил, что "сильный (коммунистический) Китай — гарантия мира", что Америка будто бы заинтересована в сильном красном Китае. И такие люди в иные годы управляли Соединенными Штатами! — и нет гарантии, что подобный человек не наследует президенту Рёгану. Соединенные Штаты сильно разнородны, в них много течений, и очень сильные течения капитулянтские. Мощные влиятельные круги клонят к тому, чтобы предать свободную страну и дружить с тоталитарной. Они так и подхватили лицемерное предложение коммунистического Китая о "мирном объединении". Многие американские журналисты трубят, что теперь Пекин "связан обещанием" произвести воссоединение мирно. Они хотят забыть и потому успешно забыли, сколько раз коммунисты уже обманывали. Опыт правительств, "совместных с коммунистами", в послевоенной Восточной Европе никого ничему не научил. (И сейчас в Камбодже повторяют этот безнадежный опыт.) Да так же и по киссинджеровскому договору Северный Вьетнам был "связан перемирием" — пока сам назначил день захвата Южного Вьетнама. . . И даже до такой глупости доходят видные американские газетчики, пишут, что никакой ошибки Соединенные Штаты не делают: если де красный Китай "нарушит слово" и захватит Тайвань силой — вот тогда — тогда и Америка будет "свободна от обязательств" и может снова посылать оружие... — кому тогда?..

Так влиятельные круги в Соединенных Штатах хотят принудить Тайвань к капитулянтским переговорам, добровольно отдать свою свободу и силу.

Чего же хочет от вас коммунистический Китай? Конечно, он жаден захватить вашу цветущую экономику, ограбить и сожрать — и после всех событий XX века только близорукие простаки могут верить обещанию Пекина, что он сохранит в целости вашу экономическую и социальную систему и даже вооруженные силы, оставит вам хоть какие-то элементы свободы.

Но главное для них даже — не только отнять ваше достояние, не только присвоить плоды вашего тяжелого труда. Главное то, что

коммунистическая система не терпит ни малейших отклонений нигде ни в чем. Даже не столько нужен им богатый остров, сколько подавить отклонение от их системы. Коммунистический Китай не терпит вас за ваше экономическое и социальное превосходство: нельзя, чтобы остальные китайцы знали, что можно лучше жить без коммунизма. Коммунистическая идеология не терпит никаких островков свободы. И вот они всеми силами добиваются пресечь продажу вам даже оборонительного оружия, ослабить вашу боеспособность, нарушить баланс сил в проливе — и так приблизить дату вторжения на остров.

И чтобы добиться безучастности Соединенных Штатов — красный Китай будет спекулировать перед ними на начавшемся советско-китайском сближении. А сближение это — совсем не показное, оно очень перспективное: у обоих правительств общие корни с давних пор, о чем теперь все уже забыли: еще в 1923 году советский агент Грузенберг под кличкой "Бородин" готовил в Китае коммунистический переворот, и это именно он выдвинул на первые высокие посты в партии Мао Цзе-дуна и Чжоу Энь-лай.

Все то, что я здесь говорю, всю силу смертельной угрозы, нависшей над вами, — на вашем острове понимают лучше всего, и многие, хотя еще не все. У вас эту угрозу понимают, очевидно, лучше, чем в Южной Корее, где молодое поколение, студенты, совсем не помнят короткого коммунистического нашествия, не ощущают этого ужаса — и им все кажется мало свободы. Но они еще вспомнят и оценят сегодняшнюю "несвободу", когда им скамандуют "руки назад" и под конвоем погонят в коммунистические концентрационные лагеря.

Это — любимая западная мода, поветрие: ото всех, кто стоит на переднем крае обороны, под пулеметным огнем, — требовать широкой демократии, да даже не просто демократии, а вплоть до распушенности, до государственной измены, до права свободно разрушать свое государство, как западные страны допускают у себя. Такой цены требует Запад от каждой угрожаемой страны, в том числе и от вас. Но, кажется, на вашем острове знают разумные пределы — так, чтобы устоять в борьбе.

Однако, еще другая опасность подстерегает вас. Ваши экономические успехи, ваше жизненное благополучие имеет двойственный характер. Оно — и светлая надежда всего китайского народа. Оно может проявиться и вашей слабостью: все благополучные люди склонны терять сознание опасности, слишком любить сегодняшнюю жизнь — и от этого терять волю к сопротивлению. Я надеюсь и я призываю вас: избежать этого расслабления. В ваших материальных успехах

не дайте расслабиться своей молодежи так, чтобы она предпочитала борьбе — плен и рабство. Из того, что вы 33 года живете нетронутыми, — не вытекает, что на вас не нападут в следующие три. Вы — не беззаботный остров, вы — армия, и постоянно под угрозой.

Вас — 18 миллионов, примерно столько же, сколько на Земле евреев. Еврейская проблема привлекает к себе внимание всех государств, стала одной из центральных проблем современности. Уникальность вашего положения, на мой взгляд, должна привлечь к судьбе Тайваня не меньшее мировое внимание.

Но в нынешнем мире царит предательство слабости, и по-настоящему вы можете рассчитывать только на свои собственные силы. Однако есть еще одна — большая и больша́я надежда: на народы поработанных стран, которые не будут терпеть бесконечно, но грозно выступят в час, грозный для своих коммунистических властителей.

В ваших книгах пишут, что ваш остров — "бастион национального восстановления". Так будьте им! Не одна оборона, не одно самосохранение должны быть вашей целью — но помощь, но освобождение своего измученного на континенте народа, — а прежде всего свободными и смелыми радиопередачами. У вас как будто нет, сразу не назовешь, твердых государственных союзников (они будут становиться союзниками лишь тогда, когда гибель будет подходить к самому их горлу) — но у вас самый многочисленный в мире союзник: миллиардный китайский народ. Сочувствие сотен миллионов из континентального Китая — ваша душевная опора. Перелетевший на днях китайский военный летчик подает вам ободряющий сигнал, проявляет истинные чувства китайцев. Я часто с болью думаю об анонимных узниках китайского ГУЛАГА, которые сумеют рассказать о себе может быть только в XXI веке.

Все угнетенные народы, в том числе народы Советского Союза, не могут рассчитывать ни на какую внешнюю помощь, а только на собственные силы. Весь мир смотрел бы в лучшем случае равнодушно, а то и с большим облегчением, если бы безумные правители Китая и СССР развязали бы между нашими народами войну. Я надеюсь — этого не случится. Но на всякий случай давайте засвидетельствуем здесь взаимное дружелюбие и доверие китайского и русского народов, между которыми нет противоречий. И даже — союз наших истрадавшихся народов против обоих коммунистических правительств! Что бы ни произошло между этими корыстными, противонародными правительствами — сохраним взаимное понимание, взаимное сочувствие и дружбу, не дадим залепить нам глаза и уши бесплодной национальной ненавистью.

Неизвестно, как долго еще продержится на Земле коммунистическая зараза. Кто бы сказал 135 лет назад ведущим деятелям тогдашних великих держав, что появившаяся в Европе кучка утопистов-коммунистов завоюет их всех железом и кровью, поставит на колени их могущество и гордость? Они бы даже улыбкой не удостоили такое пророчество, таких не видно было сил. А сила коммунистов оказалась в их напоре и жестокости, а слабость Запада — в отсутствии воли к борьбе.

Мы не знаем, какими причудливыми зигзагами еще пойдет человеческая история. Я высказывал уже предположение, что может быть мировой коммунизм переживет и советский, и китайский коммунистические режимы, сползет на другие страны, где много желающих испытать коммунизм, — а в наших двух странах возьмет верх национальное благоразумие.

Во всяком случае оба наших народа уже так много перестрадали, так много потеряли — что продвинулись же по пути к освобождению и излечению!

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРИ ОТЪЕЗДЕ С ТАЙВАНЯ

25 октября 1982

Я приношу теплую благодарность за гостеприимство, оказанное мне всеми, кого я встречал в республике Свободного Китая, — вашим властям, администраторам разных ступеней, пригласившему меня Фонду поощрения искусств, многим встреченным простым людям в разных местах страны — и даже! — даже многолюдю журналистов, так настойчиво сопровождавших меня, что нередко мешали мне наблюдать непосредственную жизнь. Я благодарю и их за дружественное отношение и за желание распространить мои слова пошире.

За эти короткие дни я полюбил ваш остров. Я хочу надеяться, что мир очнется, не будет так презрительно равнодушен, но поймет, что Тайвань — одно из решающих мест, где проверяется стойкость всего свободного мира, и послан ему как еще одно испытание. Я надеюсь: и в Соединенных Штатах, и в Юго-Восточной Азии и даже в Европе научатся слышать, что происходит, как думают и чувствуют в Свободном Китае. А если не научатся — тем хуже будет для всех.

World copyright Alexander Solzhenitsyn

ПЕЧАТНИК ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ ЛИФАРЬ 1906—1982

Памяти сотрудника-друга

“Леонид Михайлович Лифарь. . .” — “Ах, значит, Вы брат танцора?” Так часто начиналось знакомство с Леонидом Михайловичем. Но Леонид Михайлович далеко не был только братом знаменитого балетмейстера, которого он нежно любил и которому помогал в литературных предприятиях. Инженер по образованию, выехавший из Советской России в начале 30-х годов, Леонид Михайлович в эмиграции стал печатником-предпринимателем и много десятков лет проработал во главе одной из крупнейших русских типографий. Как печатник на русском языке он занял в русской общественной и литературной жизни видное место. Авторы и издатели жаловались на жесткие цены его типографии, но тем не менее чаще всего обращались именно к нему, зная его высокий профессионализм и преданность русской литературе.

С издательством ИМКА-ПРЕСС и с “Вестником РХД” Леонид Михайлович был связан особо тесно, так как в течение четверти века все номера “Вестника” (вплоть до № 133) и многие имковские книги печатались его стараниями. В частности ему поручались наиболее ответственные издания. Так, в 1971 г. я принес ему рукопись “Августа 14-го” без заглавия и под вымышленной фамилией. Условия были: кратчайший срок исполнения (три месяца) и полное молчание, так как “молодому” “неизвестному” автору из России грозят большие неприятности. Леонид Михайлович условия принял, но как только прочел рукопись не удержался и спросил: “А ведь автор не простой,

чувствуется определенно школа Солженицына". Уговор молчания был соблюден и выход книги на Троицу 1971 г. явился для всех неожиданностью. Испытав таким образом конспиративные способности Леонида Михайловича, я решил ему же поручить в октябре 1973 г. еще более ответственное задание: печатание в ускоренном порядке первого тома "Архипелага ГУЛага", причем, первым заводом на тонкой бумаге, для более удобной доставки в Россию. На этот раз скрывать имя автора я не считал целесообразным: предприятие было слишком ответственным, слишком политически-значительным, чтобы оставлять свободное поле догадкам. Не знаю, какие меры предосторожности принял Леонид Михайлович, но работу он исполнил даже раньше срока, в восемь недель, и в строжайшей тайне, так что эффект сюрприза был полный: бомба разорвалась неожиданно для всех, а главное, для советских властей, которые тем временем пытались получить от Солженицына обещание не печатать на Западе "ГУЛаг" в обмен на официальное издание в России "Ракового корпуса". Как и все, Леонид Михайлович был ошеломлен содержанием книги. Советскую действительность он знал по опыту, так как пережил в Киеве, откуда был родом, ужасы коллективизации, изничтожения крестьян и Церкви (а в молодости был он певчим в церковном хоре). Появление "Архипелага ГУЛага" звучало для него как некое "Ныне отпускаеши": "Теперь, — говорил он, — что правда сказана вся, да еще с такой силой, можно и умереть. Одно прошу, чтобы в мою могилу положили том "Архипелага..." Участием в печатании исторической книги Леонид Михайлович несколько не кичился, он был удивительно скромным и не самолюбивым. И "Ныне отпускаеши" отнюдь не значило для него ухода на покой, на который по возрасту, ему было тогда 68 лет, он имел полное право. Напротив, он продолжал работать так же рьяно, как прежде, как всегда, вставая в пять утра, возвращаясь домой поздно вечером, всегда в бегах, пешком, по метро...

Когда печатался очередной номер "Вестника", он почти ежедневно забегал в издательство за статьями или с корректурой (журнал не заготавливался целиком заранее, а строился на ходу, по мере печатания), обсуждал не только расположение или оформление материала, но и его содержание. С вниманием прочитывал статьи, как бы первым читателем журнала, высказывал свое мнение, предлагал те или иные изменения, смягчения, объяснительные примечания, замечал опечатки или упущения, становился почти что соредактором и уж во всяком случае сопереживальщиком.

"Вестник", как отголосок новых чаяний в России, как знак ее постепенного выздоровления, он воспринимал как свое, родное, и вкладывал в эту работу не только профессиональные знания, но и частицу своей души. Россию он любил нежной любовью, пожалуй на глубине жил только ею. Может быть эта верность России и объясняет его неутомимость в работе. Не работать — он не мог. Еще год назад, вплоть до роковой болезни, он работал от зари до зари. Он не только зарабатывал хлеб семье, но по-своему "служил", боролся со злом, искалечившим родину, неустанной работой заглушая свою боль о России.

Никита Струве

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции. Бессмертная надежда — Никита Струве	3
БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ	
Молебный акафист Святому Духу — М. Скабалланович	5
Две беседы Феодота епископа Анкирского (предисловие и перевод архим. Амвросия Погодина) (США)	19
Как читать Библию — о. Матта Эль-Мескин (Египет)	56
Беседа о современном коптском монашестве в пустыне Скит (Египет) — Е. Демина (Дания)	74
Богословие Евангелия Иоанна Богослова — Прот. Сергей Булгаков	92
Мифы о происхождении бытия — К. Гершельман	108
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — А. Семенов (Москва)	117
Отрывки из второго тома "Очерков литературной жизни" — А. Солженицын	120
Письма Баламута — К. Льюис	131
■ Вокруг Шаламова	
Один вечер с Шаламовым — Г. Айги (Москва)	157
В круге последнем — В. Якубов (Москва)	162
Геологическая тайна — Л. Корнев (Москва)	168
Лицо пейзажа — человека — А. Jakobson	179
Памяти Анны Ахматовой — В. Шаламов	189
Четыре неизданных рассказа — В. Шаламов	192

■ Вокруг Цветаевой

SOMMAIRE

	Pages
<i>A nos lecteurs. Immortelle espérance</i> — N. Struve	3
THEOLOGIE ET PHILOSOPHIE	
<i>Hymne acathiste au Saint Esprit</i> — M. Skaballanovitch	5
<i>Deux entretiens de Théodose évêque d'Ancyre</i> (traduction et introduction du P. Ambroise Pogodine)	19
<i>Comment lire la Bible</i> — P. Matta-el-Meskin	56
<i>Le monachisme copte contemporain</i> — E. Demina	74
<i>La théologie du quatrième Evangile</i> — P. Serge Boulgakov	92
<i>Les Mythes sur les origines de la vie</i> — K. Gerschelman	108
LITTERATURE ET VIE	
<i>Poèmes</i> — A. Semenov	117
<i>Appenzel (extraits du second tome des «Esquisses de la vie littéraire») — A. Soljénitsyne</i>	120
<i>Lettres à Balamut</i> — C. S. Lewis	131
■ A la mémoire de V. Chalamov	
<i>Une soirée avec V. Chalamov</i> — G. Aïgui	157
<i>Le dernier Cercle</i> — V. Iakoubov	162
<i>Le mystère géologique</i> — L. Kornev	168
<i>Le paysage</i> — A. Jakobson	179
<i>En souvenir d'Anna Akhmatova</i> — V. Chalamov	189
<i>Quatre récits inédits</i> — V. Chalamov	192

■ Rencontre «Marina Tsvétaéva»

Международный симпозиум в Лозанне, посвященный творчеству Марины Цветаевой	208
О творческом кризисе М. Цветаевой – Н. Струве	212
Неизданное стихотворение – М. Цветаева	218

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Судьбы русской церкви

На заре русского христианства – Н. Первушин (США)	219

■ Русская церковь сегодня

Семь вопросов и ответов о русской православной церкви (Москва)	233
Арест Зои Крахмальниковой	261
Интервью, данное "Вестнику РХД" архиеп. Иоанном Шаховским (США)	273

■ Вопросы общественности

Три узловые точки японской новой истории – А. Солженицын	281
Свободному Китаю – А. Солженицын	293

■ Печатник Леонид Михайлович Лифарь Памяти сотрудника-друга – Н. Струве	299

<i>Conférence internationale de Lausanne consacrée à Marina Tsvétaéva</i>	208
<i>La crise poétique chez Marina Tsvétaéva – N. Struve</i>	212
<i>Poésie inédite – M. Tsvétaéva</i>	218

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Destinées de l'Eglise russe

<i>A l'aube du christianisme russe – N. Pervouchine</i>	219

■ L'Eglise russe aujourd'hui

<i>Sept questions et réponses à propos de l'Eglise russe (Samizdat)</i>	233
<i>L'arrestation de Z. Krakhmalnikova</i>	261
<i>Pour le 80-e anniversaire de l'archevêque Jean Schakovskoy</i>	273

■ Problème politiques et sociaux

<i>Trois points nodaux de l'histoire japonaise contemporaine – A. Soljénitsyne</i>	281
<i>A la Chine libre – A. Soljénitsyne</i>	293

■ In memoriam L. Lifar – N. Struve	299

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

Н О В И Н К А !!!

А. ЭФРОН

Б. ПАСТЕРНАКУ

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ (1948—1957)

Включает 12 ответных писем Бориса Пастернака

Старшая дочь Цветаевой, Ариадна Эфрон (1912—1975), вернувшись в СССР, провела 8 лет в лагерях и 9 в ссылке. Ее письма к Пастернаку, главным образом из Туруханска, своего рода поэма о Сибири, о вечных снегах, о жестоком одиночестве приговоренного к пожизненной ссылке.

”Ты опять поразительно описала и свою жизнь, — пишет ей Пастернак, — и северную глушь, и морозы. Человек, который так видит, так думает и так говорит, может совершенно положиться на себя во всех обстоятельствах... Радуйся, Аля, что ты такая. Что твои злоключения перед этим богатством!”

140 стр.

60 фр.

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS —

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

Н О В И Н К А !!!

Михаил ГЕЛЛЕР

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Революционной утопии А. Платонов придал космический характер в духе идей Федорова. Утопия разбилась о страшную действительность. Платонов стал одним из самых трагичных писателей советской эпохи. Соединяя четкий анализ историка и тонкий вкус литературного критика, М. Геллер предлагает нам увлекательный, незаменимый ”бедкер” по сложному и противоречивому творчеству автора ”Котлована” и ”Чевенгура”.

”Главная особенность поэтики Платонова состоит в сочетании натурализма и метафизики: предельная физиологичность описаний смерти и любви резко контрастирует с трансцендентными мечтами героев, — пишет М. Геллер. — За 30 лет творчества, Платонов создал книгу, где художественно изображен мир, в котором осуществлена утопия. Борьба писателя с эпохой и самим собой привела к тому, что Книга Платонова оказалась больше составляющих ее частей”.

404 стр.

150 фр.

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

Книжный Магазин LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris
Téléphone : 354-74-46 et 354-43-81

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА YMCA-PRESS

Фр.

ВОЛОШИН М. — Полное собрание сочинений и поэм, в двух томах, под общей редакцией Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова.
Том 1. Годы странствий — Selva Oscura — Неопалимая Купина 160,—

НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОММУНИЗМУ В РОССИИ.
Урал и Прикамье. (Ноябрь 1917 — Январь 1919) 150,—

ГЕЛЛЕР М. — Андрей Платонов в поисках счастья 150,—

ПИСЬМА БУНИНЫХ К Т. МУРАВЬЕВОЙ-ЛОГИНОВОЙ
(с фотографиями) 80,—

ВАРШАВСКИЙ В. — Родословная большевизма
(Сборник статей) 70,—

ФЛОРОВСКИЙ Г., прот. — Пути русского богословия 100,—

ШАЛАМОВ В. — Колымские рассказы 150,—

МАНДЕЛЬШТАМ Н. — Воспоминания. Первая книга.
3-е изд. 90,—

ЧАСОСЛОВ — Славянский шрифт, 2-е изд. 72,—

ЭФРОН А. — Письма из ссылки 60,—

НА НАШЕМ СКЛАДЕ. . .

Фр.

ВИНАВЕР М. — Наше правительство 60,—
ВИНАВЕР М. — Недавнее 60,—
ГИПШИУС Э. — Небесные слова
(Сост. сред.) 50,—
И.-В. ГЕТЕ — Диван (пер. И. Тхоржевского) 50,—
ИВАНОВ Г. — Петербургские зимы (изд. 1-ое) 150,—
МИЛЮКОВ П. — Живой Пушкин 50,—
НИКИТИН Н. — Роковые годы 60,—
РЕМИЗОВ А. — Подстриженными глазами 150,—
САВИЧ О., ЭРЕНБУРГ И. — Мы и они 75,—
СОЛОМОН Г. — Среди красных вождей (т.1,2) 150,—
СОЛОМОН Г. — Ленин и его семья 75,—

ПОДАРОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Фр.

ЯКОБСОН А.Н. — Георгиновый букет. Новгородские частушки и десять литографий.
Оформ. М.И. Кукса, литогр. отпечатаны В.М. Ивановым, 1975 170,—

ПЕТРОДВОРЕЦ (ПЕТЕРГОФ) — Авт. и сост. А. Раскин,
текст на англ. яз. 170,—

РОССИЯ В ОРИГИНАЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЯХ
1860—1920 гг. — Фотогр. черно-белые, текст на англ. яз. 195,—

ХРАМЫ И ДВОРЦЫ НА РУСИ — Изд. Комитетом Русской молодежи за границей, 1974 170,—

ВАСИЛИЙ СУРИКОВ — В. С. Кеменов, 1978 200,—

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
— Сост. А. Насибова, текст на англ. яз., 1978 225,—

YMCA - PRESS 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 PARIS

ПОДПИСКА

на Собрание Сочинений Александра СОЛЖЕНИЦЫНА

НОВАЯ СЕРИЯ В 9 ТОМОВ

- ТОМ 10 ПУБЛИЦИСТИКА
(Интервью и общественные
заявления 1966—1980) 600 стр.

КРАСНОЕ КОЛЕСО

- ТОМ 11, 12 УЗЕЛ 1. АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО
второй том публикуется впервые
460 стр. + 540 стр.
- ТОМ 13, 14 УЗЕЛ 2. ОКТЯБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО
публикуется впервые
590 стр. + 600 стр.
- ТОМ 15, 16 УЗЕЛ 3. МАРТ СЕМНАДЦАТОГО
17, 18 публикуется впервые

ВЫЙДУТ В СВЕТ :

- ⊕ ВЕСНОЙ 1983 г. тома 10, 11, 12
- ⊕ ВЕСНОЙ 1984 г. тома 13, 14
- ⊕ В 1985—1986 гг. тома 15, 16, 17 и 18

Условия подписки:
на первые пять томов 590,00 фр.
пересылка + 60,00 фр.
650,00 фр.

НАПОМИНАНИЕ: Еще остается несколько комплектов первой серии

т. 1—9 В Круге Первом, Раковый Корпус, Повести и рассказы, Архипелаг ГУЛАг, Пьесы и кино-сценарии, Публицистика (статьи и речи)
Цена комплекта: 1015,00 фр.

Направлять заказы на адрес: Les Editeurs Réunis
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève - 75005 Paris
Деньги просим высылать вместе с заказом.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" «LA PENSEE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	45	85	150
ЗАГРАНИЦА	54	95	170

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 5 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

72-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 90 амер. долларов
6 месяцев — 50 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год — 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

57-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

New York :

Mrs Catherine Lvoff, 53 East 96 Str., New York, N. Y. 10028, USA

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7, Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.
